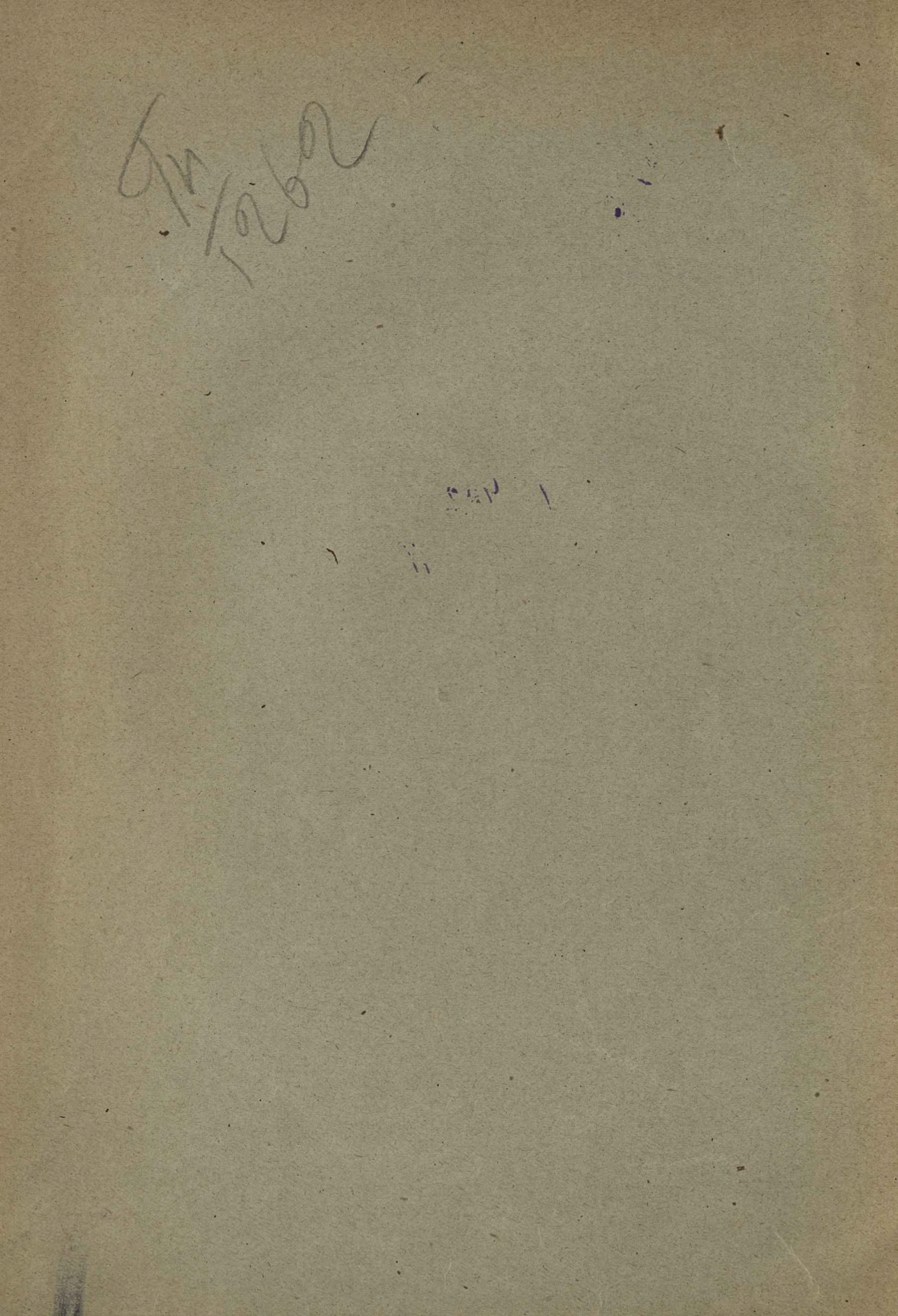

И 66/463
300
КНИГА ЦАРЕЙ
ЦАРИ РОМАНОВЫ
ВЪ
РУССКОЙ ПОЭЗІИ.
ИЗД. Т-ВА И. Д. СЫТИНА.

КНИГА ЦАРЕЙ.

ЦАРИ РОМАНОВЫ ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗІИ.

(1613–1913)

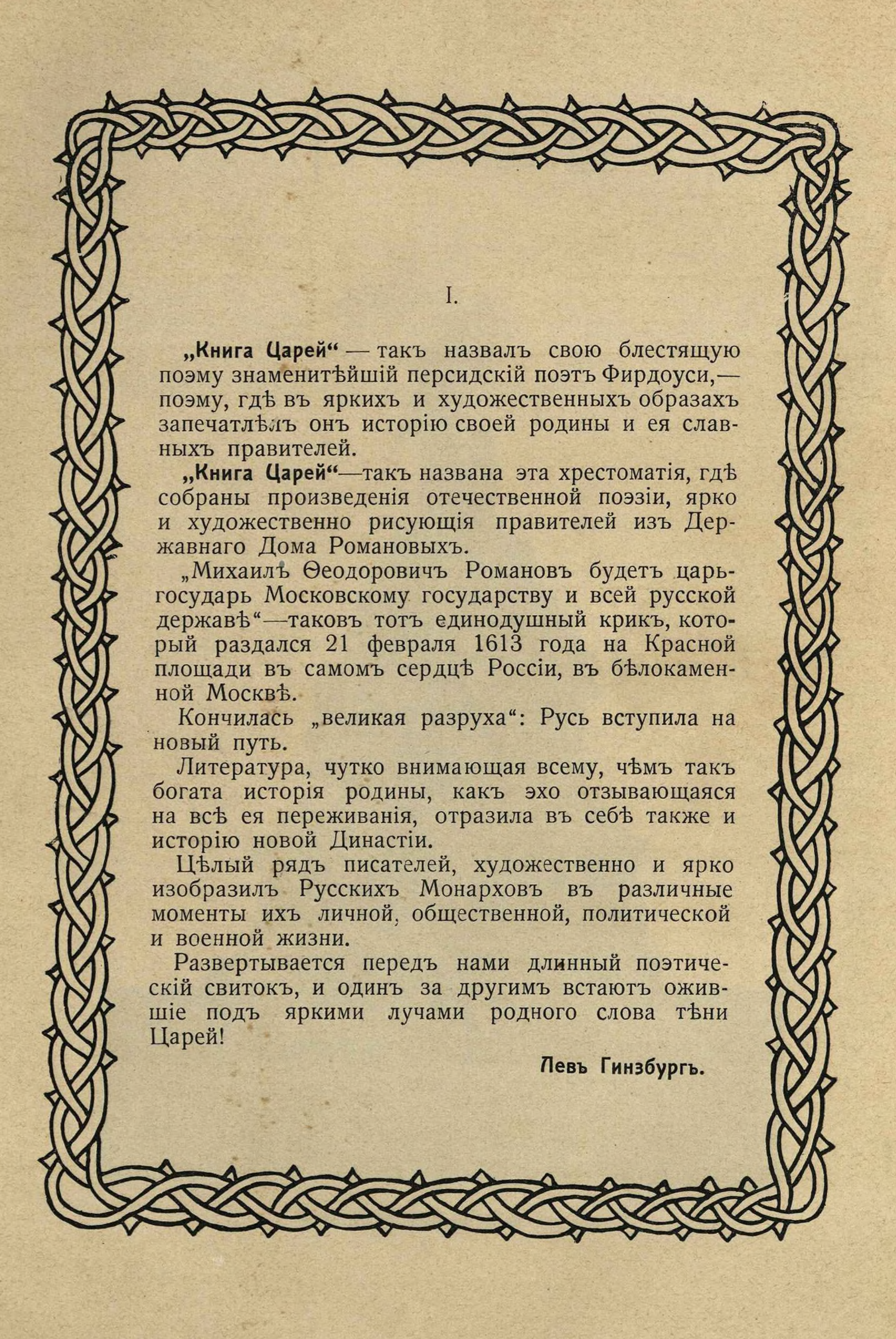
ХРЕСТОМАТІЯ
КЪ ЮБИЛЕЮ ДЕРЖАВНАГО ДОМА
РОМАНОВЫХЪ.

Левъ Гинзбургъ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., собств. домъ.
Москва. — 1913.

I.

„Книга Царей“ — такъ назвалъ свою блестящую поэму знаменитѣйшій персидскій поэтъ Фирдоуси,— поэму, гдѣ въ яркихъ и художественныхъ образахъ запечатлѣлъ онъ исторію своей родины и ея славныхъ правителей.

„Книга Царей“—такъ названа эта хрестоматія, гдѣ собраны произведенія отечественной поэзіи, ярко и художественно рисующія правителей изъ Державнаго Дома Романовыхъ.

„Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ будетъ царь-государь Московскому государству и всей русской державѣ“—таковъ тотъ единодушный крикъ, который раздался 21 февраля 1613 года на Красной площади въ самомъ сердцѣ Россіи, въ бѣлокаменной Москвѣ.

Кончилась „великая разруха“: Русь вступила на новый путь.

Литература, чутко внимающая всему, чѣмъ такъ богата исторія родины, какъ эхо отзывающаяся на всѣ ея переживанія, отразила въ себѣ также и исторію новой Династіи.

Цѣлый рядъ писателей, художественно и ярко изобразилъ Русскихъ Монарховъ въ различные моменты ихъ личной, общественной, политической и военной жизни.

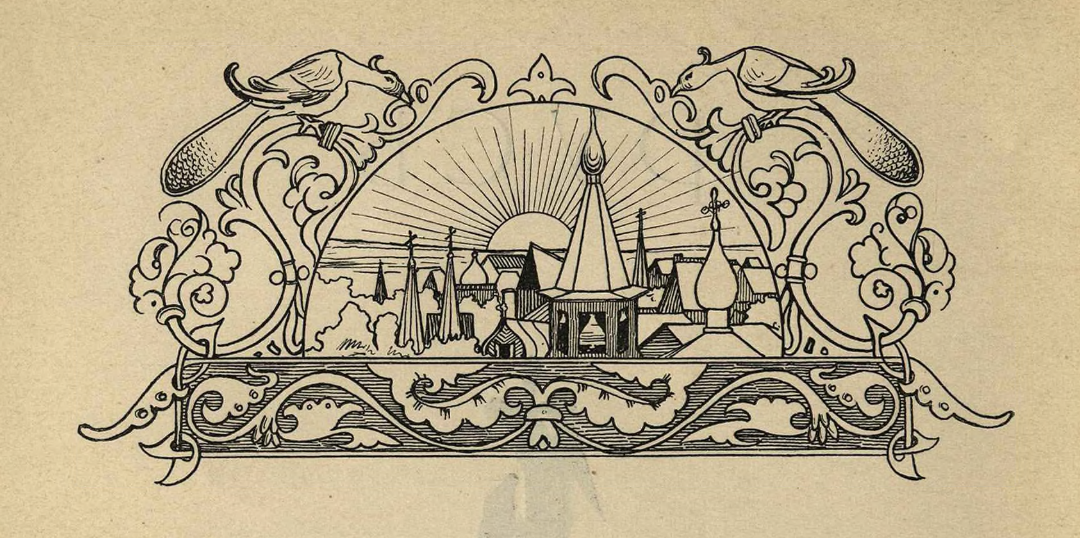
Развертывается передъ нами длинный поэтическій свитокъ, и одинъ за другимъ встаютъ ожившіе подъ яркими лучами родного слова тѣни Царей!

Левъ Гинзбургъ.

РУСЬ.

Памятникъ тысячелѣтія Россіи.

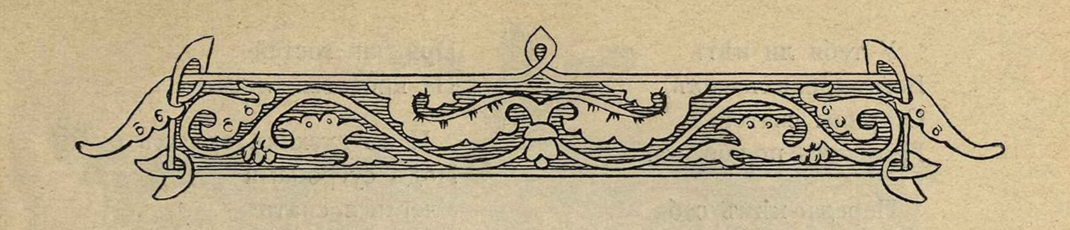

РУСЬ.

Ѳ. Тютчевъ.

Умомъ Россію не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная стать—
Въ Россію можно только вѣрить.

Русь.

И. Никитинъ.

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ, —
Вижу,—даль степей
Зеленѣется.

И на граняхъ ихъ,
Выше темныхъ тучъ,
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.

По степямъ въ моря
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.

Посмотрю на югъ,—
Нивы зрѣлыя,
Что камышъ густой,
Тихо движутся;

Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается.

Гляну къ сѣверу,—
Тамъ, въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится;

Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходитъ по морю;

И пожаръ небесъ
Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли
Въ красѣ царственной
Развернулася!

У тебя ли нѣтъ
Поля чистаго,
Гдѣ бъ разгулъ нашла
Воля смѣлая?

У тебя ли нѣтъ
Про запасъ казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ,
Старины святой,
Громкихъ подвиговъ?

Передъ кѣмъ себя
Ты унизила?
Кому въ черный день
Низко кланялась?

На поляхъ своихъ
Подъ курганами
Положила ты
Татаръ полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела споръ съ Литвой
И дала урокъ
Ляху гордому.

И давно ль было,
Когда съ Запада
Облегла тебя
Туча темная?

Подъ грозой ея
Лѣса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася,

И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ
Высоко вставалъ
Чернымъ облакомъ!

Но лишь кликнулъ Царь
Свой народъ на брань,—
Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь:

Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ.

И въ глухихъ степяхъ
Подъ сугробами
Улеглися спать
Гости на-вѣки.

Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали...

И теперь среди
Городовъ твоихъ
Муравьемъ кипитъ
Православный людъ.

По сѣдымъ морямъ
Изъ далекихъ странъ
На поклонъ тебѣ
Корабли идутъ.

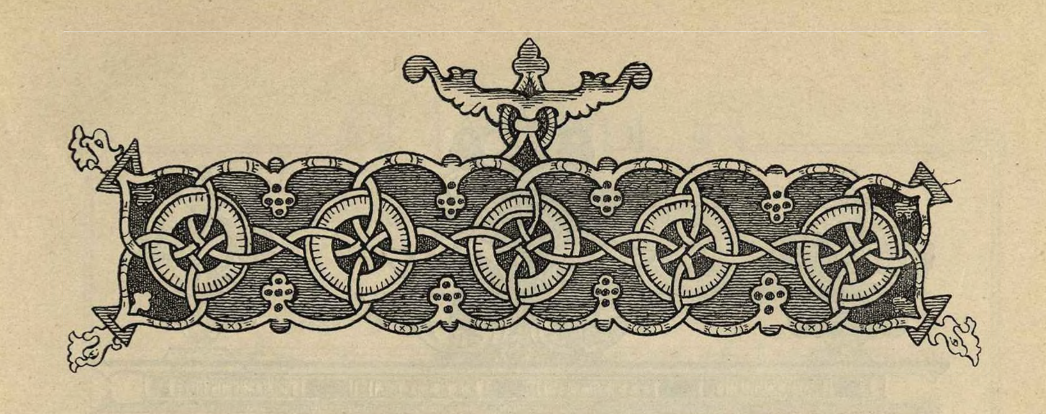
И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумятъ,
И лежатъ въ землѣ
Груды золота;

И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго
Про тебя идетъ
Слава громкая.

Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову.

Р у с ь.

Н. Некрасовъ.

Битву кровавую
Съ сильной державою
Царь замышлялъ.
— Хватитъ ли силушки?
Хватитъ ли золота?—
Думалъ - гадалъ.

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и безсильная,
Матушка Русь!

Въ рабствѣ спасенное
Сердце свободное—
Золото, золото
Сердце народное.

Сила народная,
Сила могучая—
Совѣсть спокойная,
Правда живучая.

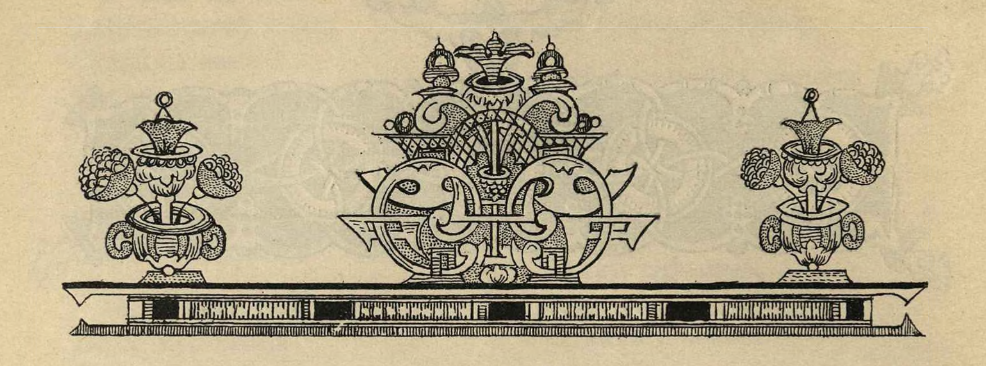
Сила съ неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается.

Русь не шелохнется,
Русь—какъ убитая...
А загорѣлась въ ней
Искра сокрытая:

Встали—не бужены,
Вышли—не прошены.
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать подымается
Неисчислимая,
Сила въ ней скажется
Несокрушимая!

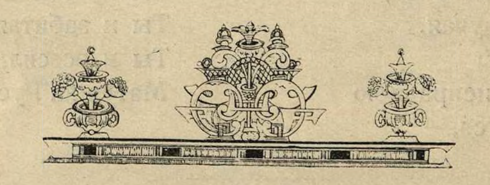
Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь!..

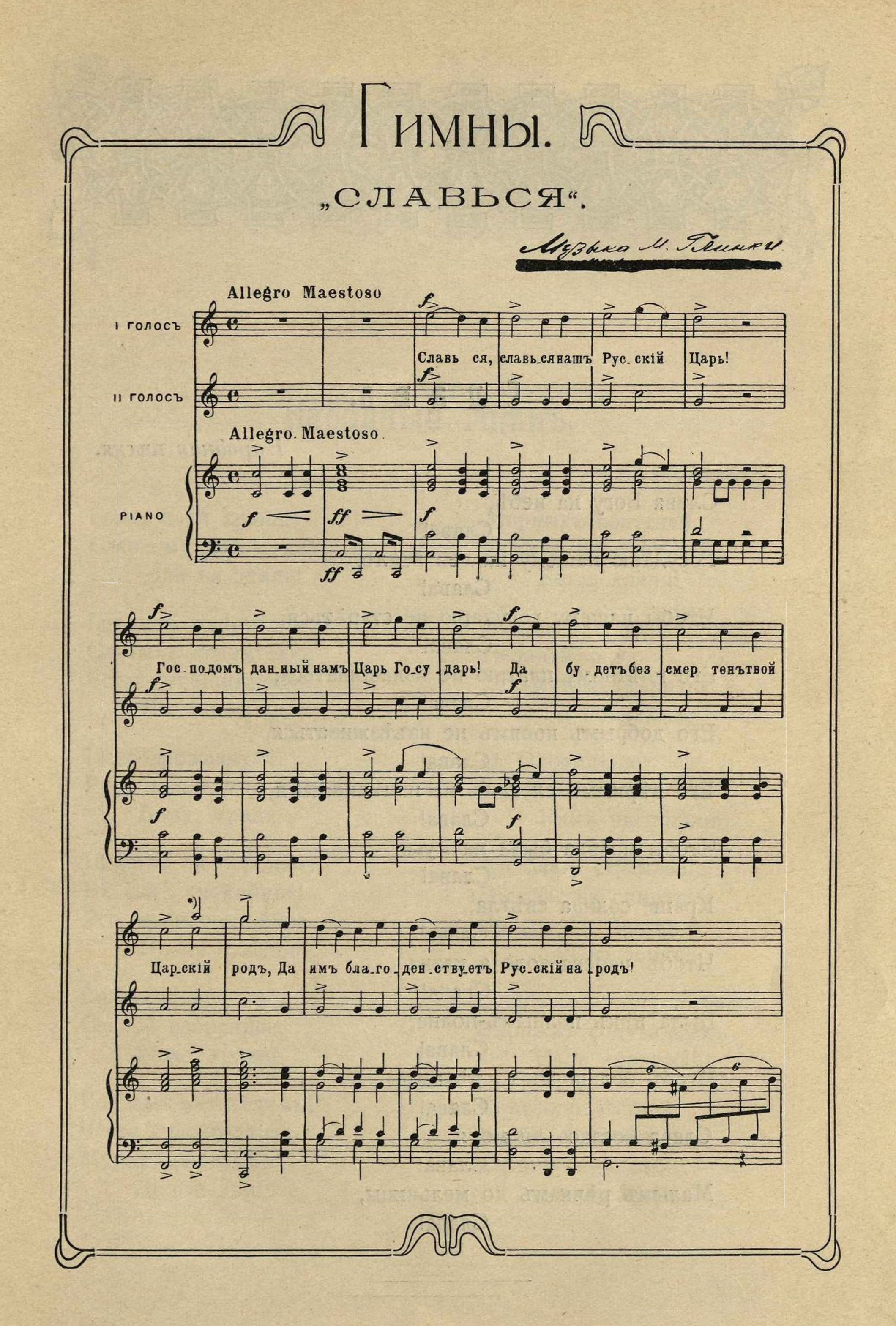

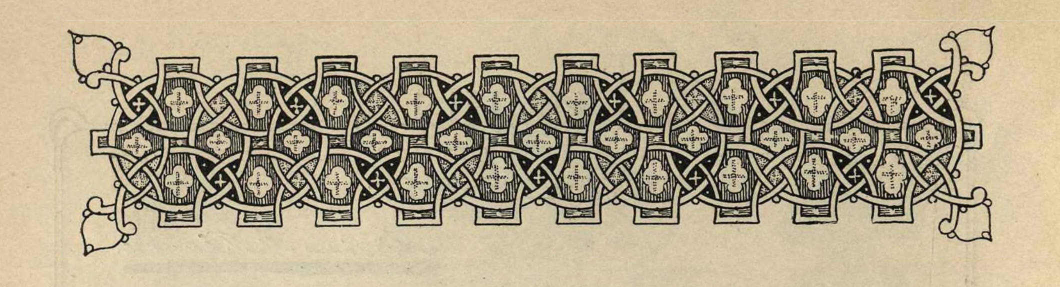
Русь.

Н. Гоголь.

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади! Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони,—что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню—дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богомъ!.. Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и, косясь, постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства

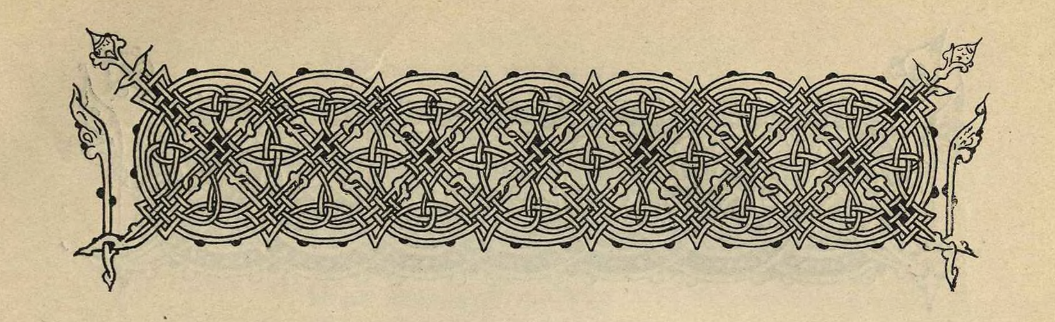

Гимны.
„Славься“.
Музыка М. Глинки
Allegro Maestoso
I голосъ
II голосъ
Allegro. Maestoso.
PIANO
Славь ся, славь_ся нашъ Рус_скій Царь!
Гос_по_домъ дан_ный намъ Царь Го_су_дарь! Да бу_детъ без_смер тенъ твой
Цар_скій родъ, Да имъ бла_го_ден_ству_етъ Рус_скій на_родъ!

Слава.

Народная пѣсня.

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ,
Слава!
Чтобы нашему государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
Слава!
Чтобы правда была на Руси
Слава!
Краше солнца свѣтла,
Слава!
Чтобъ царева золота казна
Слава!
Была вѣкъ полнымъ-полна,
Слава!
Чтобъ большимъ-то рѣкамъ
Слава!
Слава неслась до моря,
Слава!
Малымъ рѣчкамъ до мельницы,
Слава!

Народный гимнъ.

В. Жуковскій.

Боже, царя храни!
Славному долгіе дни
Дай на земли!

Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю—
Все ниспошли!

Перводержавную,
Русь православную,
Боже, храни!

Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное!
Все жъ недостойное
Прочь отжени!

Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!

Воинамъ-мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ—
Долгіе дни!

Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!

Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемѣрную,
Доблестямъ вѣрную
Ты помяни!

О, Провидѣніе!
Благословеніе
Намъ ниспошли!

Къ благу стремленіе,
Въ счастьи смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
Дай на земли!

Будь намъ заступникомъ;
Вѣрнымъ сопутникомъ
Насъ провожай!

Свѣтлопрелестная
Жизнь поднебесная,
Сердцу извѣстная,
Сердцу сіяй!

Боже, царя храни!

А. Пушкинъ.

Боже, царя храни!
Славному долгіе дни
Дай на земли;
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли!

Тамъ—громкой славою,
Сильной державою
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь—безмятежною
Сѣнью надежною,
Благостью нѣжною
Насъ осѣнилъ.

Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань;
Гласъ умиленія,
Благодаренія,
Сердца стремленія—
Вотъ наша дань!

Многолѣтіе.

В. Жуковскій.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный русскій царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами встарь.

Дружно, громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердитъ;
Съ ней по цѣлому полсвѣту
Имя царское гремитъ.

Ей повсюду отвѣчая,
Мчится русское „ура“
Отъ Кавказа до Алтая,
Отъ Амура до Днѣпра.

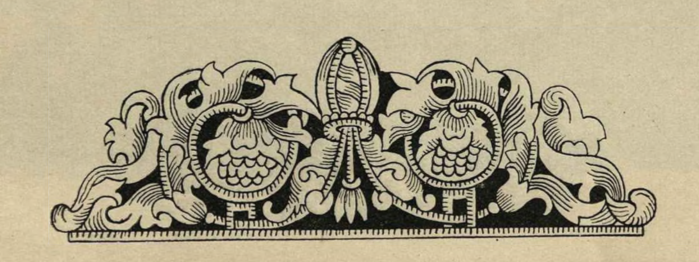
Съ ней во дни Петровы шведу
Русскій путь загородилъ
И за нарвскую побѣду
Днемъ Полтавы отплатилъ.

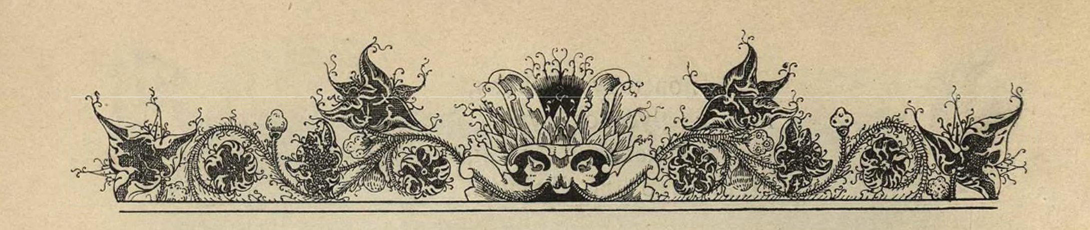
Съ ней во дни Екатерины
Славенъ сталъ нашъ русскій штыкъ,
И кагульскія дружины,
И Суворовскій Рымникъ.

Съ нею грозно запылала
Вѣнценосная Москва,
И небесной карой пала
На враговъ ея глава.

Въ наши дни перешагнула
Съ нею рать Балкановъ грань,
Потрясла врата Стамбула,
Повалила Эривань.

Прогреми жъ до граней свѣта
И по всѣмъ сердцамъ ударь,
Наша пѣсня: „многи лѣта,
Православный русскій царь!“

„Ура“.

А. Кольцовъ.

Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ:
Ѣдетъ бѣлый русскій царь,
Православный государь
Вдоль по царству-государству...
Русь шумитъ ему: „ура!“

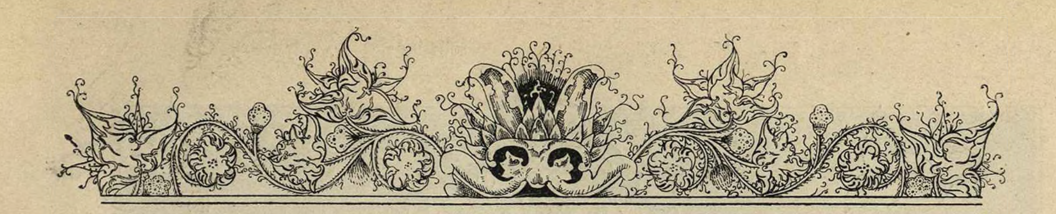
Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ:
Свѣтъ-царица въ путь идетъ—
Лаской жаловать народъ...
Ей навстрѣчу, на дорогу
Русь валитъ, шумитъ: „ура!“

Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ:
Князь наслѣдный, сынъ царя,
Дня румяная заря,
Ѣдетъ Русь святую видѣть...
Русь кипитъ, шумитъ: „ура!“

Мысль народа, звукъ души,
Всероссійское „ура!“
Ты—во всемъ царю отвѣтъ;
Лучшей пѣсни въ мірѣ нѣтъ.
Исполинъ, царю послушный,
Все сомкнулъ въ своемъ „ура“.

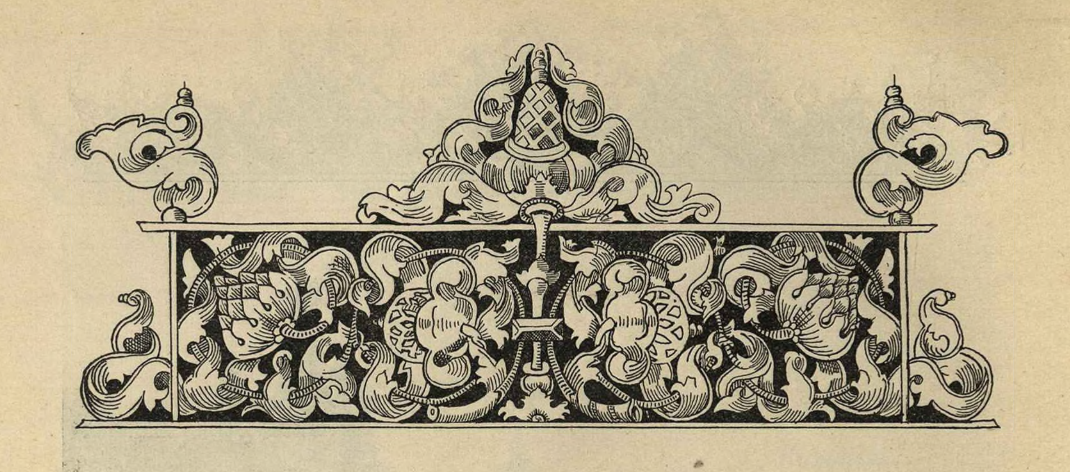
Это—пылъ любви живой,
Сильной, вѣчной и святой
Къ коронованнымъ главамъ;
Это—страхъ, гроза врагамъ;
Это—посвистъ богатырскій,
Вотъ что русское „ура“!

Воззваніе Минина.

Козьма Мининъ и князь Пожарскій.

Историческая пѣсня.

Какъ въ старомъ-то было городѣ
Въ славномъ и богатомъ Нижніемъ,
Какъ ужъ жилъ тутъ поживалъ богатый мѣщанинъ,
Богатый мѣщанинъ Кузьма Сухорукій сынъ.
Онъ собралъ-то себѣ войско изъ удалыхъ молодцовъ,
Изъ удалыхъ молодцовъ, нижегородскихъ купцовъ;
Собравши ихъ, онъ рѣчь имъ взговорилъ:
„Охъ, вы гой еси, товарищи, нижегородскіе купцы!
Оставляйте вы свои домы,
Покидайте вашихъ женъ, дѣтей,
Вы продайте все ваше злато-серебро,
Накупите себѣ вострыихъ копіевъ,
Вострыхъ копіевъ, булатныхъ ножей,
Выбирайте себѣ изъ князей и бояръ удалого молодца,
Удалого молодца, воеводушку;
Пойдемъ-ко мы сражатися
За матушку за родную землю,
За родную землю, за матушку Москву“.
Ужъ какъ выбрали себѣ солдатушки, молодые ратнички,
Молодые ратнички, нижегородскіе купцы,
Выбрали себѣ удалого молодца,
Удалого молодца воеводушку,

Мининъ рѣшаетъ битву у Крымскаго брода.

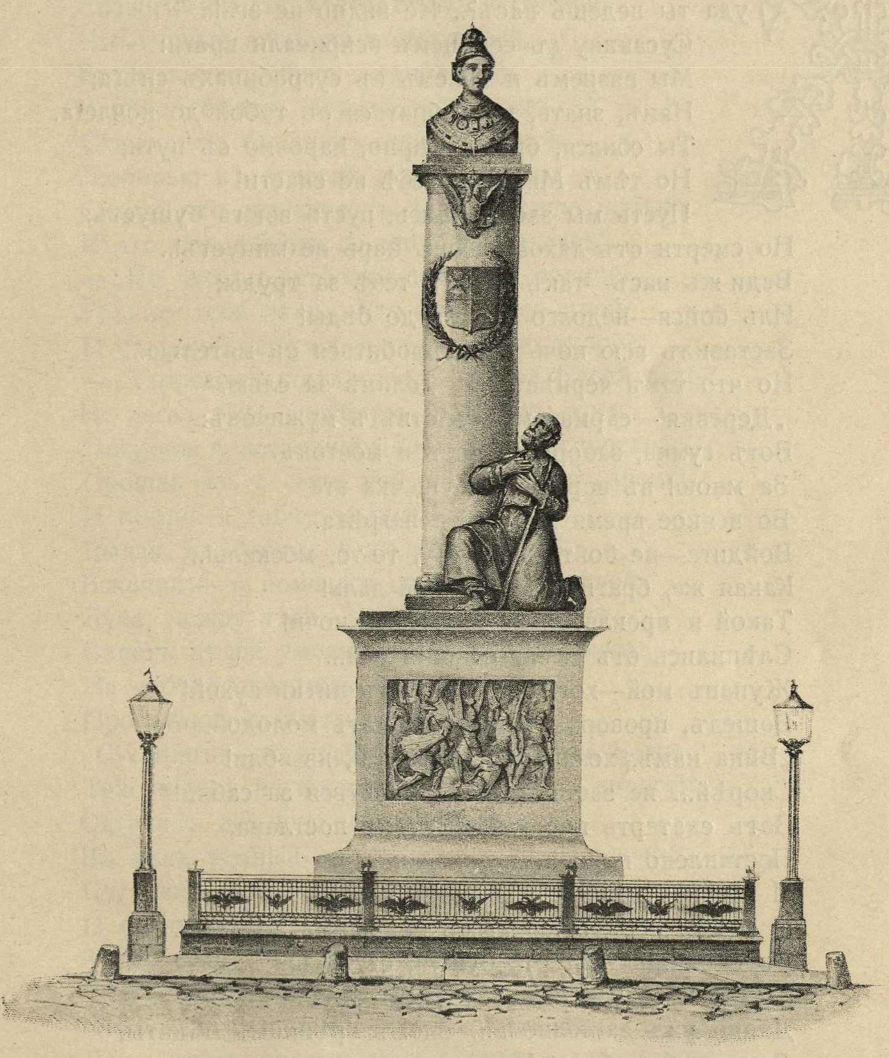
Изъ славнаго княжескаго роду—
Князя Дмитрія, по прозванію Пожарскаго,
За славный Москву-городъ сражатися.
Ужъ привелъ-то славный князь Пожарскій своихъ храбрыхъ воиновъ,
Привелъ ко московскимъ стѣнамъ;
Становилъ-то славный князь Пожарскій своихъ добрыхъ воиновъ,
У московскихъ у крѣпкихъ стѣнъ;
Выходилъ-то славный князь Пожарскій передъ войско свое,
Какъ ужъ взговорилъ онъ своимъ храбрымъ воинамъ:
„Охъ, вы гой еси, храбрые солдатушки,
Храбрые солдатушки, нижегородскіе купцы!
Помолимся мы на святыя на врата, на Спасскія,
На пречистый образъ Спасителя!“
Помолившись, дѣло начали.
Какъ разбили-проломили святыя врата,
Ужъ взошли-то храбрые солдатушки въ бѣлокаменный Кремль,
Какъ и начали солдатушки поляковъ колоть, рубить,

Колоть, рубить, въ большія кучи валить;
Самого-то Сузмунда въ полонъ взяли,
Въ полонъ взяли, руки-ноги ему вязали,
Руки-ноги вязали, буйну голову рубили.
Собиралися всѣ князья, бояре московскіе,
Собирались думу думати.
Какъ и взговорютъ старшіе бояре, воеводы московскіе:
„Вы скажите, вы, бояре, кому царемъ у насъ быть?"
Какъ и взговорютъ бояре, воеводы московскіе:
„Выбираемъ мы себѣ въ цари
Изъ бояръ, боярина славнаго—
Князя Дмитрія Пожарскаго сына".
Какъ и взговоритъ боярамъ Пожарскій князь:
„Охъ, вы гой еси, бояре, воеводы московскіе!
Не достоинъ я такой почести отъ васъ,
Не могу принять я отъ васъ царства Московскаго.
Ужъ скажу же вамъ, бояре, воеводы московскіе:
Ужъ мы выберемъ себѣ въ православные цари
Изъ славнаго, изъ богатаго дому Романова—
Михаила сына Θеодоровича".
И выбирали себѣ бояре въ цари Михаила сына Θеодоровича.

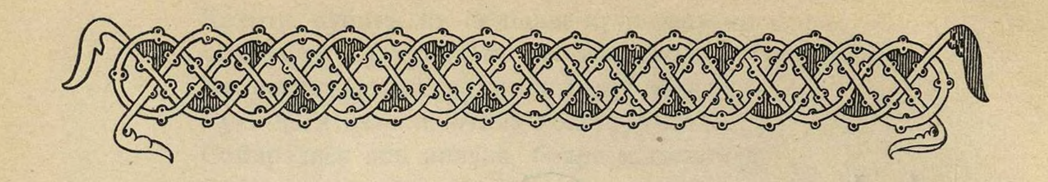

Спасскія ворота въ Кремлѣ.

Иванъ Сусанинъ.

Памятникъ Ивану Сусанину
въ Костромѣ.

Иванъ Сусанинъ.

К. Рылѣевъ.

„Куда ты ведешь насъ?.. Не видно не зги!.. —
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги: —
Мы вязнемъ и тонемъ въ сугробинахъ снѣга;
Намъ, знать, не добраться съ тобой до ночлега.
Ты сбился, братъ, вѣрно, нарочно съ пути;
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти!
Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ:
Но смерти отъ ляховъ вашъ царь не минуетъ!..
Веди жъ насъ—такъ будетъ тебѣ за труды;
Иль бойся—недолго у насъ до бѣды!
Заставилъ всю ночь насъ пробиться съ мятелью...
Но что тамъ чернѣетъ въ долинѣ за елью?“
„Деревня!—сарматамъ въ отвѣтъ мужичокъ: —
Вотъ гумна, заборы, а вотъ и мостокъ.
За мною! въ ворота! Избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрѣта.
Войдите—не бойтесь!“—„Ну, то-то, москаль!..
Какая же, братцы, чертовская даль!
Такой я проклятой не видывалъ ночи!
Слѣпились отъ снѣгу соколіи очи...
Жупанъ мой—хоть выжми, нѣтъ нитки сухой!“
Вошедъ, проворчалъ такъ сарматъ молодой.
„Вина намъ, хозяинъ! мы смокли, иззябли!
Скорѣй... не заставь насъ приняться за сабли!“
Вотъ скатерть простая на столъ постлана,
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи предъ гостями,
И хлѣбъ передъ каждымъ большими ломтями.
Въ окончины вѣтеръ, бушуя, стучитъ;
Уныло и съ трескомъ лучина горитъ.
Давно ужъ за-полночь... Сномъ крѣпкимъ объяты,
Лежатъ беззаботно по лавкамъ сарматы.
Всѣ въ дымной избушкѣ вкушаютъ покой;
Одинъ, на-сторожѣ, Сусанинъ сѣдой

Вполголоса молитъ въ углу у иконы
Царю молодому святой обороны.
Вдругъ кто-то къ воротамъ подъѣхалъ верхомъ.
Сусанинъ поднялся и въ двери тайкомъ...
„Ты ль это, родимый?.. А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За-полночь... а вѣтеръ еще не затихъ...
Наводишь тоску лишь на сердце родныхъ!“
— „Приводитъ самъ Богъ тебя къ этому дому!
Мой сынъ, поспѣшай же къ царю молодому:
Скажи Михаилу, чтобъ скрылся скорѣй;
Что гордые ляхи, по злобѣ своей,
Его потаенно убить замышляютъ
И новой бѣдою Москвѣ угрожаютъ.
Скажи, что Сусанинъ спасаетъ царя,
Любовью къ отчизнѣ и вѣрѣ горя.
Скажи, что спасенье въ одномъ лишь побѣгѣ
И что ужъ убійцы со мной на ночлегѣ“.
— „Но что ты затѣялъ? подумай, родной!
Убьютъ тебя ляхи... Что будетъ со мной?
И съ юной сестрою и съ матерью хилой?“
— „Творецъ защититъ васъ святой Своей силой.
Не дастъ Онъ погибнуть, родимые, вамъ:
Покровъ и помощникъ Онъ всѣмъ сиротамъ.
Прощай же, о сынъ мой, намъ дорого время!
И помни: я гибну за русское племя!“
Рыдая, на лошадь Сусанинъ младой
Вскочилъ—и помчался свистящей стрѣлой.
Луна, между тѣмъ, совершила полкруга;
Свистъ вѣтра умолкнулъ, утихнула вьюга;
На небѣ восточномъ зардѣлась заря:
Проснулись сарматы—злодѣи царя.
„Сусанинъ!—вскричали,—что молишься Богу?
Теперь ужъ не время—пора намъ въ дорогу!“
Оставивъ деревню шумящей толпой,
Въ лѣсъ темный вступаютъ окольной тропой.
Сусанинъ ведетъ ихъ... Вотъ утро настало,
И солнце сквозь вѣтви въ лѣсу засіяло:
То скроется быстро, то ярко блеснетъ,
То тускло засвѣтитъ, то вновь пропадетъ.
Стоятъ не шелохнясь и дубъ и береза;
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ мороза,
Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, прошумитъ,
И дятелъ дуплистую иву долбитъ.

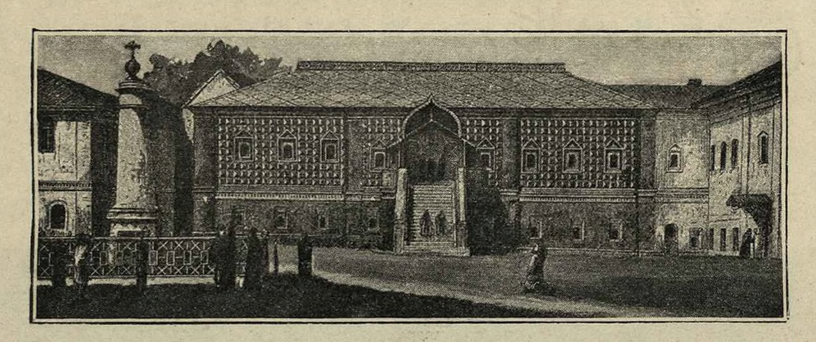
Другъ за другомъ идутъ въ молчаньи сарматы;
Все далѣ и далѣ сѣдой ихъ вожатый.
Ужъ солнце высоко сіяетъ съ небесъ;
Все глуше и диче становится лѣсъ,—
И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ ними;
И сосны и ели, вѣтвями густыми
Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стѣну изъ сучьевъ сплели.
Вотще на-сторожѣ тревожное ухо:
Все въ томъ захолустьи и мертво и глухо...
„Куда ты завелъ насъ?“ ляхъ старый вскричалъ.
„Туда, куда нужно!—Сусанинъ сказалъ:—
Убейте! замучьте!—моя здѣсь могила!
Но знайте и рвитесь—я спасъ Михаила!
Предателя, мнили, во мнѣ вы нашли:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ
И душу измѣной свою не погубитъ“.
—„Злодѣй!—закричали враги, закипѣвъ:—
Умрешь подъ мечами!“—„Не страшенъ вашъ гнѣвъ!
Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ, умру за царя и за Русь!“
—„Умри же!“ сарматы герою вскричали—
И сабли надъ старцемъ, свистя, засверкали.
„Погибни, предатель! конецъ твой насталъ!“
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упалъ.
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила:
Она для Россіи спасла Михаила!

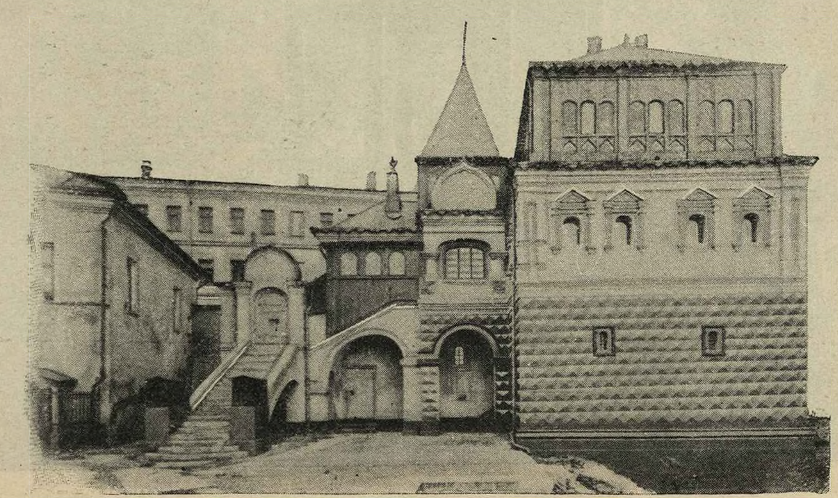
Сусанинъ съ поляками въ лѣсу.

Ипатьевскій монастырь въ Костромѣ.

Домъ бояръ Романовыхъ въ Костромѣ.

Домъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ.

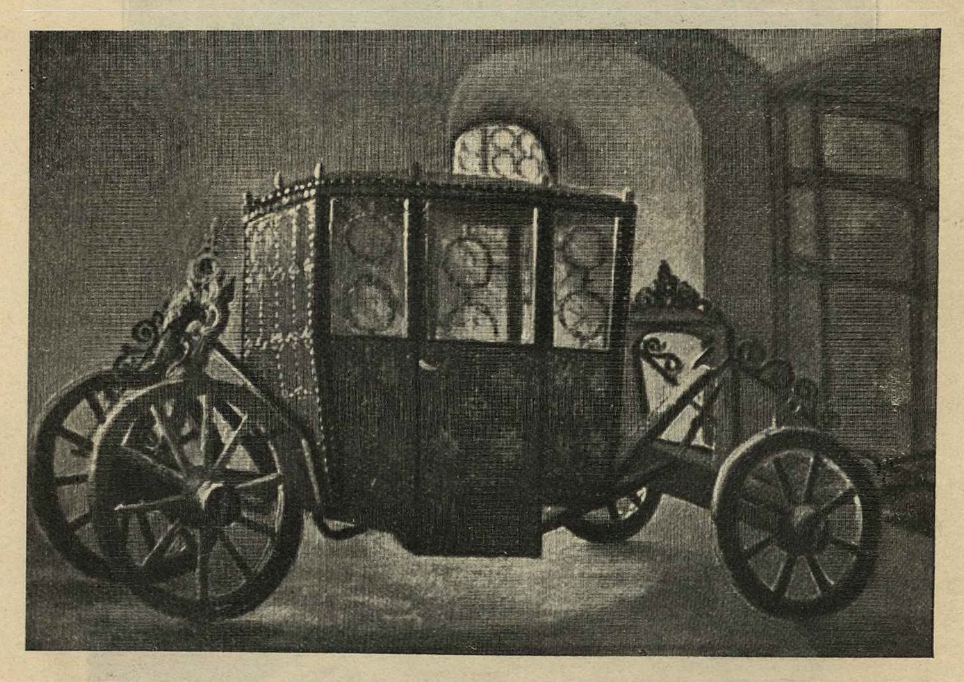
Патріархъ Филаретъ.

Инокиня Марѳа.

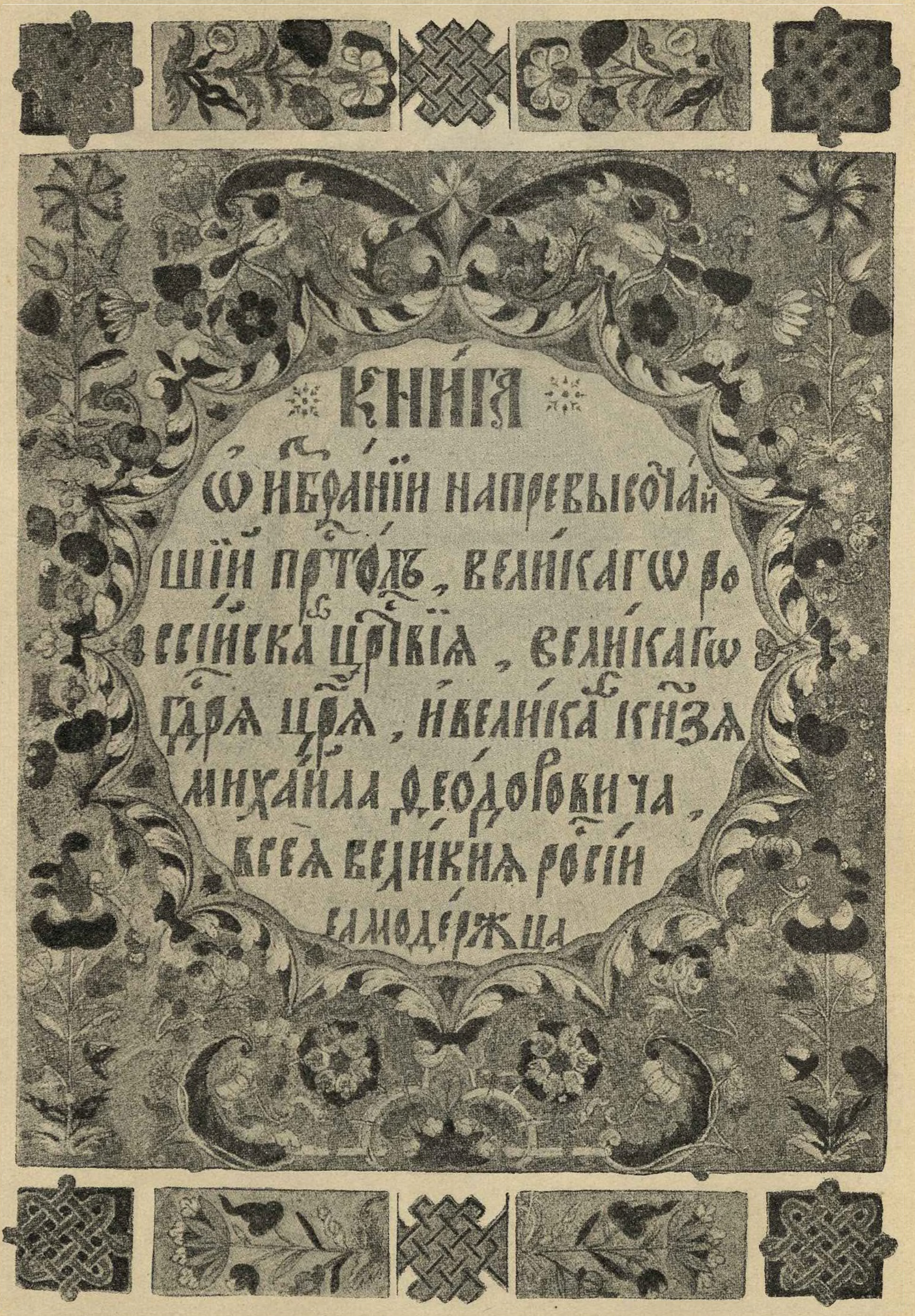
Родители царя Михаила.

Смиреныи Филаретъ Божиею милостию
Патриархъ Московскии и всеа Русии

Подпись патріарха Филарета.

Возокъ патріарха Филарета Никитича Романова.

Заглавный листъ „Книги о избранiи на престолъ Михаила Θеодоровича“.

1596—1613—1645.

Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Призванiе на царство Михаила Θеодоровича Романова.

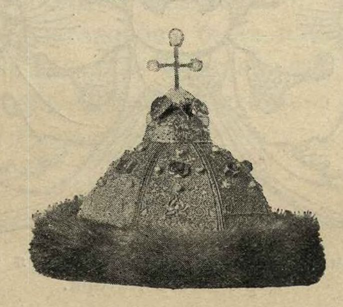
Избранiе Михаила Θеодоровича на царство.

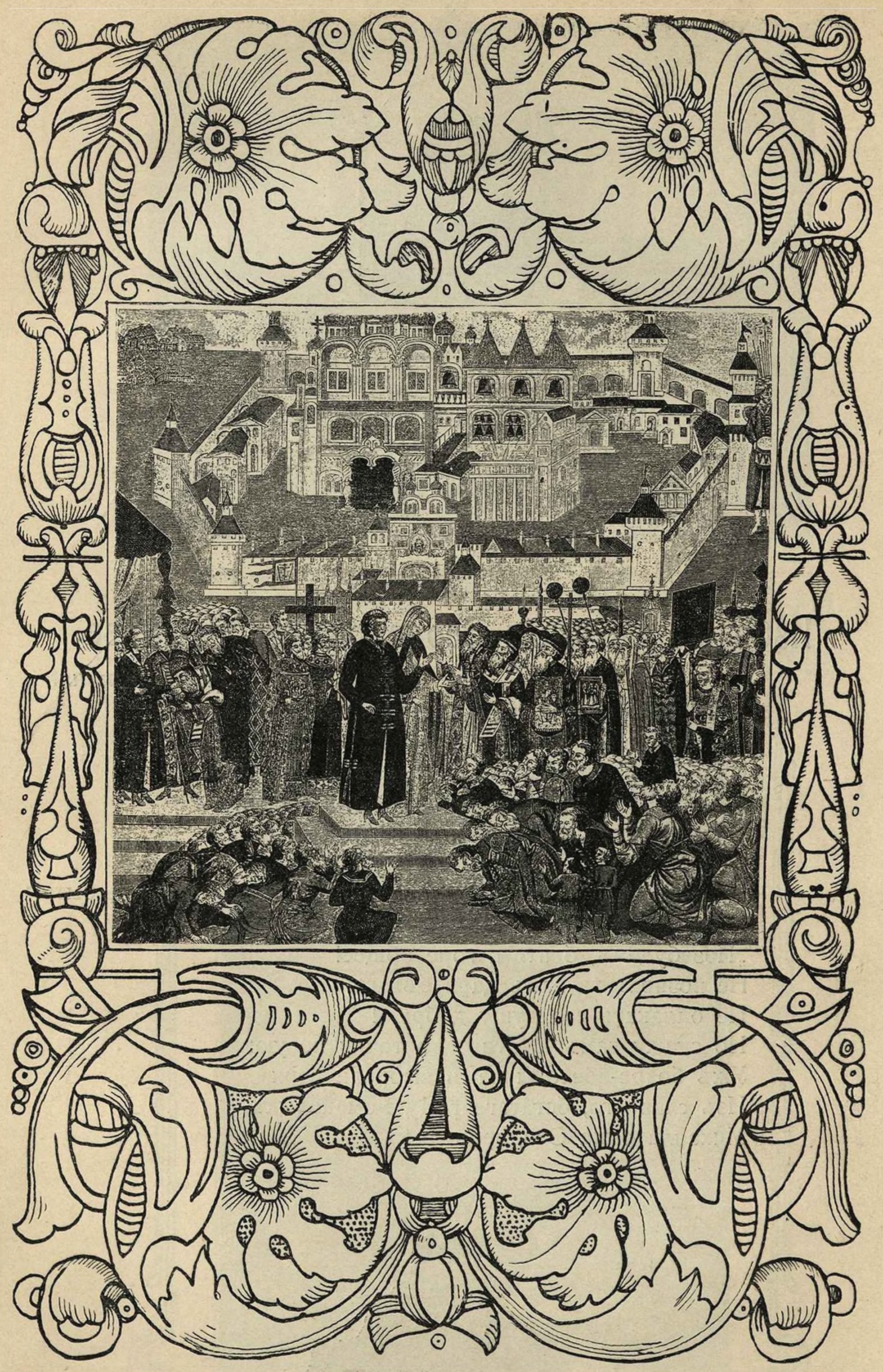

Избраніе Михаила Θеодоровича Романова.

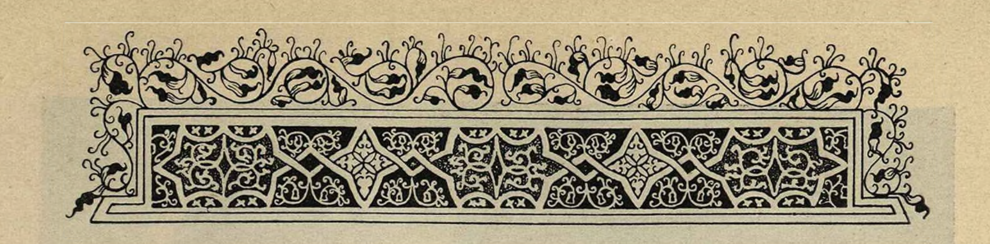
Народная пѣсня.

„Что же вы, ребятушки, призадумалися,
Призадумалися, прикручинилися?
Или вы, ребятушки, каку слышали печаль?"
Какъ и взговоритъ дѣтина, добрый молодецъ:
„Иль не знаешь ты, дѣтина, горя нашего?
Переставился во полуночи Василій-царь,
И не знаемъ теперь и не вѣдаемъ—кому царемъ у насъ быть!"
Какъ взговорилъ дѣтина, добрый молодецъ:
„Позабудемъ, братцы, горе общее!
Не возвратить вамъ царя бѣлаго,
Не оплакать его душу добрую!
Но скажу вамъ, братцы, вѣсточку новую:
Ужъ бояре-воеводы намъ выбрали царя
Изъ славнаго, богатаго роду Романовыхъ,
Михаила сына Θеодоровича".

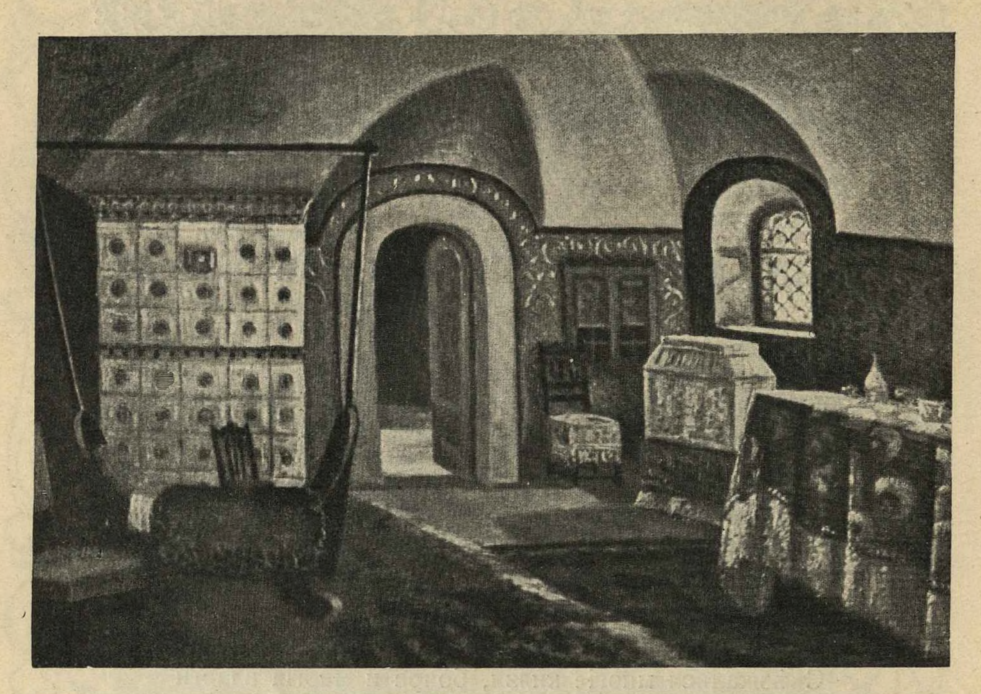
Посольство передъ стѣнами Ипатьевскаго монастыря бьетъ челомъ избранному царю и его матери.

Въѣздъ патріарха Филарета въ Москву.

Возрадовалося царство Московское
И вся земля свято-русская:
Умолилъ государь, православный царь,
Князь великій Михайло Ѳедоровичъ:
А что скажутъ, въѣхалъ батюшка,
Государь Филаретъ Никитичъ,
Изъ невѣрной земли, изъ Литовской.
Съ собою онъ вывезъ много князей, бояръ,
Еще онъ вывезъ государева боярина,
Князя Михаила Борисовича Шеина.
Съѣзжалися многіе князи, бояре и многія власти
Къ сильному царству Московскому:
Хотятъ встрѣчать Филарета Никитича.
Изъ славнаго града, каменной Москвы
Не красное солнце катилося:
Пошелъ государь православный царь
Встрѣчати своего батюшка,
Государя Филарета Никитича.
Съ государемъ пошелъ его дядюшка,
Иванъ Никитичъ бояринъ.—
„Дай—споди, здоровъ былъ государь мой батюшко,
А батюшко государь Филаретъ Никитичъ!“—
А какъ будутъ онѣ въ каменной Москвѣ,
Не пошли онѣ въ хоромы въ царскіе,
А пошли онѣ къ Пречистой Соборной,
А пѣти честныхъ молебновъ.
Благословлялъ своего чада милаго:
„И дай, Господи, здоровъ былъ православный царь,
Князь великій Михайло Ѳедоровичъ!
И ему сдержати царство Московское
И вся земля свято-русская!“

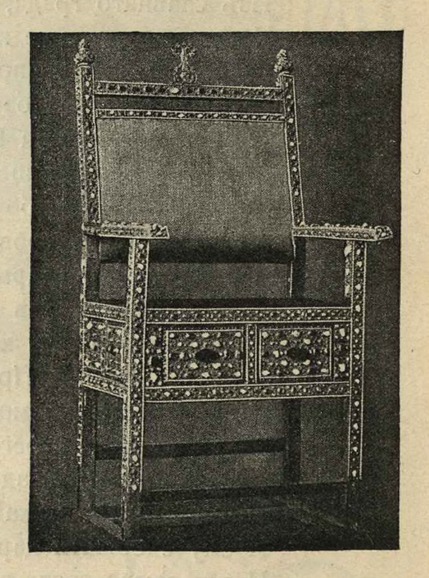

Колыбель Михаила Θеодоровича.

Корона, держава и скипетръ Михаила Θеодоровича.

Престолъ Михаила Θеодоровича.

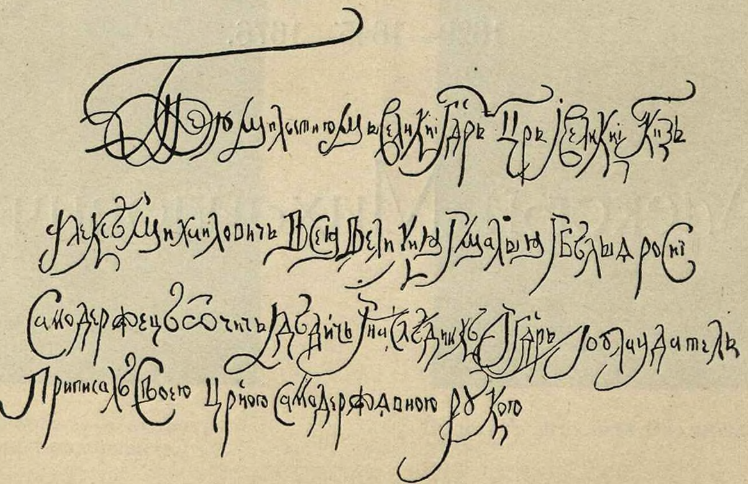

1629—1645—1676.

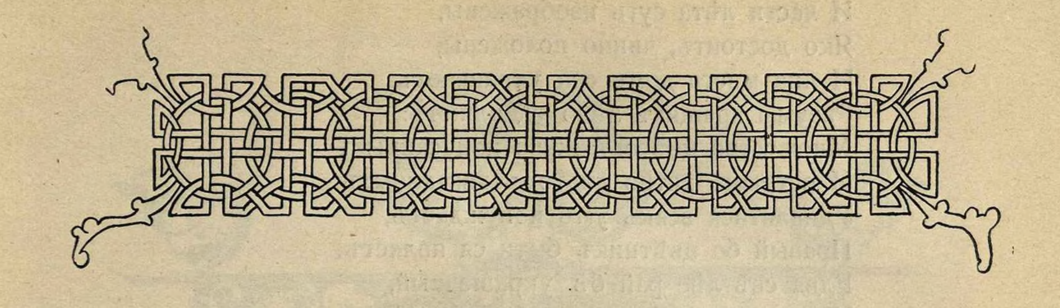
Алексѣй Михайловичъ.

Царь Алексѣй въ полномъ царскомъ облаченіи.

Подпись царя Алексѣя Михайловича. (Факсимиле).

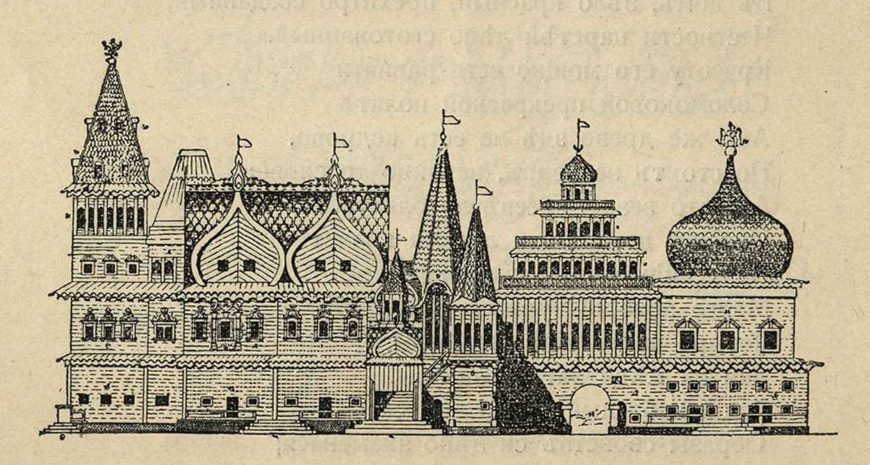

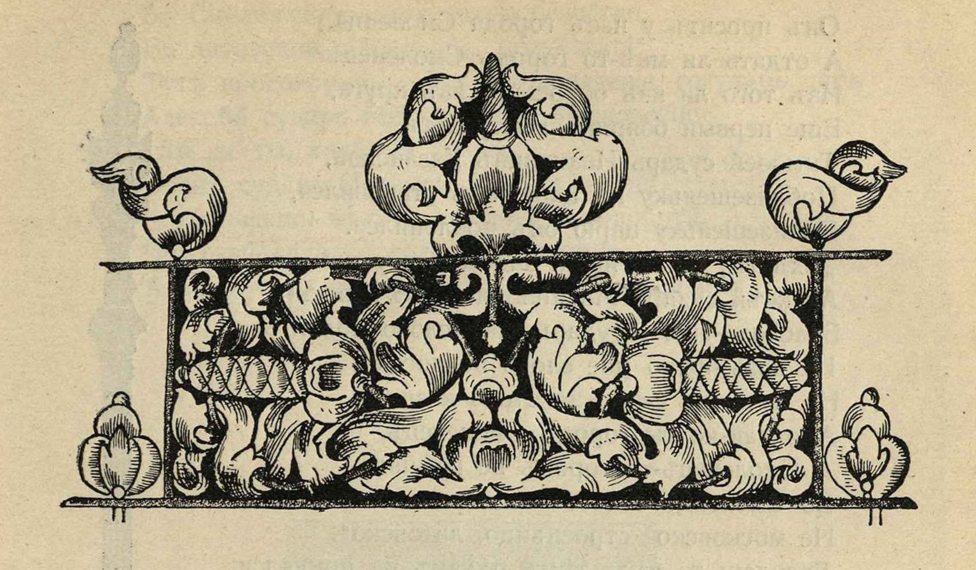
Привѣтство царю Алексію Михайловичу.

Симеонъ Полоцкій.

Добрый обычай въ мірѣ содержи́тся,
Въ домъ новозданный аще кто вселится,
Вси друзи его ему привѣтствуютъ,
Благополучно жити усердствуютъ
И дары носятъ отъ сребра и злата,
И хлѣбъ, да будетъ богата полата.
Нищъ ли кто въ злато, руцѣ воздѣваетъ
Къ Богу и мольбы теплы возсылаетъ,
Да подастъ здраво и счастливо жити,
Имъ же даде въ домъ новый ся вселити.
Азъ сей обычай честный похваляю
И самъ усердно ему подражаю,
Видя въ домъ новый ваше вселеніе,
Въ домъ, иже міру есть удивленіе,
Въ домъ, зѣло красный, прехитро созданный,
Честности царстѣй лѣпо сготованный.
Красоту его мощно есть равнати
Соломоновой прекрасной полатѣ.
Аще же древо здѣ не есть кедрово,
Но стоитъ за кедръ, истинно то слово;
А злато вездѣ пресвѣтло блистаетъ,
Царскій домъ быти лѣпота являетъ.
Написаніе егда возглядаю,
Много исторій чудныхъ познаваю:
Четыре части міра написаны,
Яки на мѣди хитро изваяны.
Зодій небесный чудно написася,
Образы свойствъ си лѣпо знаменася;

И части лѣта суть изображены,
Яко достоитъ, чинно положены;
И ина многа домъ сей украшаютъ,
Разумы зрящихъ зѣло удивляютъ.
Множество цвѣтовъ живо написанныхъ
И острымъ хитро длатомъ изваанныхъ
Удивлятися всякъ умъ понуждаетъ,
Правый бо цвѣтникъ быти ся являетъ.
Едва свѣтлѣе рай бѣ украшенный,
Иже вначалѣ Богомъ насажденный.
Домъ Соломоновъ тѣмъ славенъ безъ мѣры,
Яко ваанны имѣ въ себѣ звѣры.
И здѣ суть мнози, къ тому и рикаютъ,
Яко живіи, льви гласъ испущаютъ,
Очеса движутъ, зіяютъ устами,
Видится, хощугъ ходити ногами;
Страхъ приступити, тако устроенни,
Яко живіи, льви суть насажденни.
Окна, яко звѣздъ ликъ въ небѣ сіяетъ,
Драгая слюдва, что сребро, блистаетъ.
Множество жилищъ градови равнится,
Вся же прекрасна, кто не удивится;
А инѣхъ красотъ не лѣть ми вѣщати;
Умъ бо мой худый не можетъ объяти.
Единѣмъ словомъ, домъ есть совершенный;
Царю велику достойнѣ строенный:
По царстѣй чести и домъ зѣло честный,
Нѣсть лучше его, развѣ домъ небесный.
Седмь дивныхъ вещей древній міръ читаше:
Осмый дивъ сей домъ время имать наше.

Земскій соборъ.

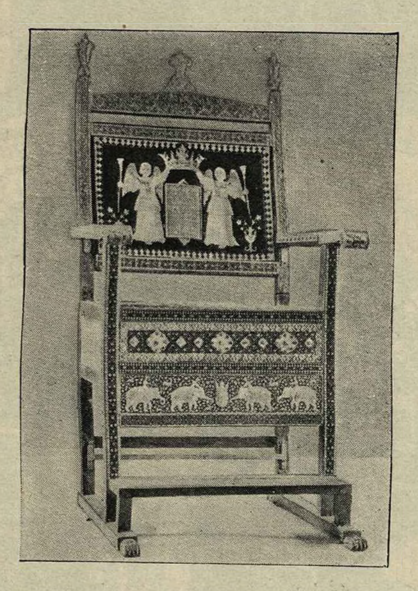
Историческая пѣсня.

Посредѣ ль было Московскаго царства,
Середи было Россійска государства,
Какъ у свѣта у архангела Михайлы,
У Ивана у Великаго въ соборѣ,
Зазвонили во большой во колоколъ,
Всѣхъ князей, бояръ къ обѣднѣ созывали.
Тамъ служили святыи молебенъ.
Выходилъ наша надежа, государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій,
Становился государь на ровно мѣсто,
На всѣ стороны онъ поклонился;
Что ни золота труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенѣла,
Зговорилъ наша надежа, государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій:
„Ай же вы, мои князья, бояра!
Пособите государю дума думать.
Дума думать государю не продумать:
(Мнѣ-ка пишетъ нынь король земли шведской:

Онъ проситъ у насъ города Смоленца.)
А отдать ли мнѣ-то городъ Смоленецъ?"
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга,
Еще первыи бояринъ выступаетъ
Тимоѳей сударь Ивановичъ Казанской,
Поблизешеньку къ царю онъ становился,
Понизешеньку царю онъ поклонился.
„Ахъ ты, свѣтъ наша надежа, государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій:
Баслови-тко, государь, мнѣ слово молвить,
Не возьми-тко мое слово во досаду,
Не вели-тко скоро за слово казнити.
А отдай-ко ты городъ Смоленецъ,
А Смоленецъ-то городъ не крѣпокъ,
Во Смоленцѣ золотой казны немножко,
Не московскоё строеньицо, литовско".
Государь-то вѣдь тѣмъ рѣчамъ не принялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій.
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга
Еще другіи бояринъ выступаетъ
А Илья сударь Ивановичъ Хованской,
Поблизешенько къ царю онъ становился,
Понизешенько царю онъ поклонился.
„Ахъ ты, свѣтъ наша надежа, государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій!
Баслови-тко, государь, мнѣ слово молвить,
Не возьми-тко мое слово во досаду,
Не вели-тко скоро за слово казнити.
Ты отдай-ко вѣдь городъ Смоленецъ.
А Смоленецъ-то городъ не крѣпокъ,
Во Смоленцѣ золотой казны немножко,
Не московскоё строеньицо, литовско".
Государь-то вѣдь тѣмъ рѣчамъ не принялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій.
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга
Еще третій бояринъ выступаетъ
А Иванъ сударь Иванычъ Милославской.
Поблизешенько къ царю онъ становился,
Понизешенько царю онъ поклонился.
„Ахъ ты, свѣтъ наша надежа, государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій!
Не отдай-ко ты вѣдь города Смоленца,
А Смоленецъ-то вѣдь городъ очень крѣпокъ,

Во Смоленцѣ золотой казны безчётно,
Не литовское строеньице, московско!"
Тутъ проговоритъ свѣтъ наша надежа, государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій:
„Ай же ты, храбрый воинъ
Иванъ сударь Иванычъ Милославской!
А ты знаешь вѣдь съ царемъ и говорити,
Поѣзжай туда во полки воеводой!"
А какъ тѣхъ бояръ велѣлъ да царь казнити.

Тронъ царя Алексѣя Михайловича.
(Оружейная палата).

Царь Алексѣй Михайловичъ и Никонъ.

Сокольничьи временъ царя Алексѣя Михайловича.

Царь Алексѣй съ соколомъ.

Г. Данилевскій.

ыло весеннее время.

Выѣхалъ восемнадцатилѣтній царь Алексѣй Михайловичъ изъ села Измайлова, вдоль береговъ Москва-рѣки, на любимую потѣху, на охоту съ соколами и кречетами.

Это былъ еще второй годъ его царствованія. Государствомъ правилъ царскій дядька, Борисъ Ивановичъ Морозовъ, и радъ былъ, что государь тѣшится. Охота выѣзжала, какъ слѣдуетъ: всѣ верхами, кто на буланомъ, кто на гнѣдомъ, съ соколами на правой рукавицѣ. На головкѣ каждой изъ ловчихъ птицъ былъ алый бархатный клобучокъ, съ золотою оторочкою; на ногахъ суконныя „ногавки", родъ чулочекъ, съ тесменными „опутинками"; а въ хвостѣ, чтобъ слышать, гдѣ соколъ сядетъ, серебряный колокольчикъ. Тутъ были всѣ любимые царскіе охотники, и за каждымъ его „поддатень". За всадниками ѣхалъ обозъ, со слугами, царскою кухнею и палатками. Стража изъ стрѣльцовъ за-

мыкала шествіе. Сокольники были въ цвѣтныхъ кафтанахъ, въ горностаевыхъ и лисьихъ шапкахъ и въ сафьянныхъ сапогахъ. У каждаго на боку висѣлъ серебряный рогъ. Птицы были также въ большихъ выѣздныхъ нарядахъ. Самъ царь ѣхалъ безъ сокола. Онъ ожидалъ къ сборному мѣсту изъ Москвы, отъ главнаго ловчаго, Аѳанасія Ивановича Матюшкина, гонца съ нововыношеннымъ соколомъ, птицей, какъ увѣдомлялъ Матюшкинъ, неслыханнаго лета и силы. Самъ же царскій любимецъ Матюшкинъ лежалъ въ Москвѣ въ лихорадкѣ и не могъ присутствовать на этой забавѣ. И каждый сокольникъ, помня урядъ по уставу, вздѣвалъ рукавицу „тихо и стройно", принималъ сокола и кречета, перекрестясь, „красновато, премудровато и молодцовато" и выносилъ его по уставу: „бережно, явно, смѣло, подправительно, подъявительно, къ вѣдѣнію человѣческому и къ красотѣ сокольей".

Было еще рано. Туманный, сѣроватый денекъ обѣщалъ птицѣ рѣзвую и нестомчивую гоньбу. Царь, ожидая посла отъ Матюшкина, то и дѣло оглядывался къ проселку, откуда долженъ былъ показаться гонецъ. Съ косогора, поросшаго мелкимъ ивнякомъ и березками, выѣхали на широкое, низменное поле, усѣянное озерками, кочками и кустарниками. Нигдѣ, въ свои разъѣзды по московскимъ окрестностямъ, ни близъ селъ Тайнинскаго, Сущева и Воробьева, ни близъ Преображенскаго и Напруднова, царь не находилъ столько дичи, какъ здѣсь, по болотнымъ „прыскамъ" Москва-рѣки. Здѣсь кишмя-кишѣли безчисленныя стаи утокъ, гусей, чаекъ, куликовъ, цаплей и всякой дикой птицы.

Спустившись мимо капустныхъ огородовъ чьей-то подгородной земли, царь остановилъ коня. Изъ-подъ его ногъ черезъ болото взлетѣлъ гусиный выводокъ. Царь указалъ рукою.

— Знать, гонецъ-то отъ Аѳанасія Ивановича не скоро выѣдетъ!— сказалъ онъ, вглядываясь, какъ гуси полетѣли и плавно спустились на ближнее озеро.

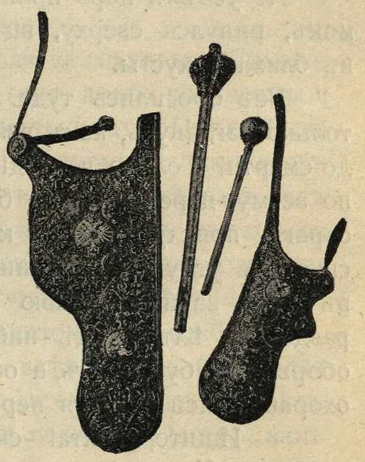
Всадники стали готовиться къ охотѣ.

Первый выпустилъ птицъ Парѳентій Табалинъ. Его кречеты, Анпрасъ и Арбасъ, были изъ породы „дербниковъ", то-есть брали, какъ сокола, падая съ высоты и, какъ ястребъ, ловя птицу въ угонъ. Взлетѣла чайка. Кречеты брошены съ рукъ и стали всходить кругами, одинъ выше, другой пониже, такъ что чайка вскорѣ очутилась между ними и кинулась къ землѣ. Нижній кречетъ помчался полемъ, плывя какъ ласточка и чуть не задѣвая земли крыломъ. Вмигъ онъ подбилъ чайку кверху. Она взвилась. Верхній кречетъ кинулся внизъ на нее. Чайка взмыла въ сторону и промахнулась. Оба кречета, почти разомъ, вцѣпились въ нее и вмѣстѣ съ нею, звеня бубенчиками, упали въ траву. Табалинъ поскакалъ принять добычу.

За нимъ пускали птицъ Комчатый, Хомяковъ и Лабутинъ. Кречетъ Комчатаго, Бумаръ, между двухъ лѣсковъ кинулся на молодого

гуся и, послѣ двухъ угоновъ, сшибъ его въ траву. Вѣжливая птица даже не сѣла на добычу, а опустилась возлѣ къ сторонкѣ и, поводя разгорѣвшимися отъ злости глазами, стала охорашиваться, чистя клювомъ перья и кивая алою шапочкою. Затравили еще двухъ куликовъ и утку. Царь все поджидалъ гонца и почти не принималъ участія въ охотѣ. Стоя на пригоркѣ, подъ деревомъ, онъ смотрѣлъ вдаль и изрѣдка переговаривался съ Хомяковымъ. Пестрые „вершники" то разсыпались по лугамъ, то скакали кучами вдогонку за соколами. Царскій стремянной затрубилъ въ рогъ сборъ къ мѣсту. Всѣ сокольники съѣхались къ царской палаткѣ. Пошли толки о добычѣ, о соколиныхъ ставкахъ. Какъ ни строгъ былъ дворцовый урядъ, между сокольниками, все почти сверстниками царя, то тамъ, то здѣсь слышались шутки или веселый смѣхъ.

— Ну, знать, доподлинно Аѳанасій-то Ивановичъ позамѣшкался. Сытый голоднаго не разумѣетъ! Давайте ѣсть! — сказалъ царь.

Слуги разостлали у палатки шелковый коврикъ. Все мѣсто отдыха обнесли подвижными рогатками и поставили у входовъ стражу. Царь велѣлъ, безъ чиновъ, сокольникамъ садиться по ковру, а самъ помѣстился у входа въ палатку.

Не успѣлъ царь съ охотниками закусить, на лугу послышался звукъ рога. Всѣ повели глазами съ косогора. Изъ-за кучки березъ показался гонецъ отъ Матюшкина и съ нимъ нѣсколько сокольниковъ. Посланный подъѣхалъ, спѣшился у рогатокъ и поднесъ царю вновь обученнаго сокола. Царь взглянулъ на птицу, и охотницкое сердце его запрыгало. Такой красоты онъ еще и не видывалъ...

Что за птица! Взятъ онъ былъ не съ гнѣзда отъ матери, а выношенъ уже „слеткомъ". Дикости и смѣлости онъ былъ удивительной. Весь бѣлый, какъ серебро, только ножки красныя. Сидѣлъ онъ степенно и гордо. Головка была маленькая, спина широкая, грудь крѣпкая, крылья и хвостъ перо къ перу, а глаза такъ и горѣли, яркожелтые, „наигранные" и сверкавшіе смѣлою, дикою ясностью...

— Хороша птица! Какъ-то ловитъ? — сказалъ царь, осмотрѣвъ сокола съ полнымъ вниманіемъ цѣнителя и знатока.

Палатку собрали; всадники сѣли на коней. Обозъ тронулся впередъ. Царь указалъ охотѣ ѣхать къ Коломенскому. Подвели царскаго коня. Царь ухватился за холку, прыгнулъ въ сѣдло и протянулъ за соколомъ руку. Рука его дрожала, грудь порывисто поднималась. Неровнымъ взоромъ онъ окинулъ сокольниковъ, повелъ поводомъ. Тяже-

лый, коренастый конь тронулся рысью по кочковатому полю. Бубенчикъ зазвенѣлъ въ хвостѣ сокола.

Молча ѣхали сокольники, минуя то озеро, то мелкій кустарникъ, то бѣгущій въ сторону узенькій проселокъ. Всадники забились въ лѣсистые луга, съ которыхъ еще не сошли весенніе водные застои. Сокольничій Лабутинъ первый завидѣлъ въ сторонѣ между длинныхъ прошлогоднихъ камышей выводокъ нырковъ. Онъ подалъ знакъ. Всѣ остановились и замерли въ ожиданіи царскаго приказа. Царь укоротилъ поводья, вглядѣлся, медленно поднялъ правую руку и бросилъ сокола съ рукавицы въ воздухъ. Шнурокъ развязался, соколъ взмылъ и кругами сталъ всходить вверхъ... все выше и выше, такъ что скоро чуть стало его видно, и когда показалось, что вотъ онъ исчезнетъ въ облакахъ, вдругъ, распластавши хвостъ, онъ сдѣлалъ ставку и, склоня голову, зорко посмотрѣлъ внизъ... Утокъ согнали.

Не успѣлъ царь пришпорить коня, какъ соколъ свернулся въ комокъ, ринулся сверху, вцѣпился въ добычу и вмѣстѣ съ нею упалъ въ ближніе кусты.

Всѣ бросились туда. Чины позабыты. Охотники толпятся, чтобъ только взглянуть, какъ взята птица: жива ли она, изранена, или убита до-смерти? Только не видно сокола въ кустахъ. Разсыпались охотники по всему перелѣску, по ближнимъ пригоркамъ, стали спускаться въ овраги, прислушиваться къ бубенчику; нѣтъ да и нѣтъ. Или соколъ спустилъ утку и, невиданный за кустами, съ другой стороны пошелъ въ угонъ за иною какою птицей, или не выпускалъ ея и, на полномъ раздольѣ, ѣлъ ее гдѣ-нибудь въ гущинѣ деревьевъ. Наконецъ могъ оборваться бубенчикъ, а онъ тутъ же, въ кустахъ, гдѣ-нибудь сидѣлъ, охорашиваясь и чистя перья. Что за диво!

— Ищите, ребята!—сказалъ царь, снуя на конѣ по травѣ и между кустовъ.—Кто изловитъ мнѣ сокола, дамъ тому пару соболей!

Пропажа сокола, особенно въ первый уловъ, была не рѣдкость. Часто соколовъ уносило вѣтромъ, а еще чаще они отбивались и дичали въ сосѣднихъ лѣсахъ.

Сокольники, для лучшихъ поисковъ, спѣшились; коней привязали къ кустамъ, а сами, съ новымъ рвеніемъ, кинулись по лугамъ и по сосѣднимъ оврагамъ. То тамъ затрубитъ рогъ, то здѣсь отзовется. Желтые, голубые и красные кафтаны мелькаютъ между деревьевъ. На сосѣдней пашнѣ мужикъ пахалъ сохою подъ озимь. Остановился, оперся на присошникъ и дивуется, что это за бояре охотятся: не Борисъ ли Ивановичъ Морозовъ выѣхалъ поразмяться, или дворскіе травятъ птицу на государеву кухню; а можетъ-быть, и самъ царь тутъ же, недалече, гдѣ-нибудь между ними?..

Затрубилъ опять государь. Собрались къ нему охотники уже въ другомъ мѣстѣ, на какой-то лѣсистой лощинкѣ, у берега небольшого ручья, впадавшаго въ Москва-рѣку.

— А что, ребята, не нашли сокола?

— Нѣтъ, государь, не нашли!

— Что за притча!

Государь очень досадовалъ, что пропалъ еще неиспытанный соколъ.

Охотники выѣхали въ другомъ мѣстѣ на крутой берегъ ручья и увидѣли сокола въ травѣ: утка билась у него въ когтяхъ. И въ то же время, на ясной поверхности воды, между склоненными съ берега камышами, показалась передъ охотниками рѣдкой величины, вся бѣлая, какъ лунь, цапля. Она бережно шла неглубокой водою, поглядывая издали на всадниковъ и вынимая изъ воды то одну ногу, то другую. Царь принялъ утку, снова сѣлъ на коня, спугнулъ цаплю и указалъ ее соколу. Цапля взмахнула крыльями, медленно поднялась надъ водой и полетѣла въ сторону. Соколъ кинулся за нею не прямо, а сталъ забирать вверхъ, забрался въ недосягаемую высоту и оттуда полетѣлъ вровень надъ цаплею...

Царь далъ коню шпоры и поскакалъ, слѣдя за соколомъ. Сокольники не отставали отъ царя. Такъ мчались они долго по лугамъ и просохнувшимъ полямъ, черезъ рвы и кочки, мосты и гати. Цапля была сильная, и — ноги назадъ, а грудь впередъ — на огромныхъ крыльяхъ плыла, какъ бѣлопарусная ладья, по вѣтру. Соколъ не отставалъ отъ нея и забирался выше и выше. Цапля его видѣла. Всадники выскочили на возвышенную, гладкую поляну. Вдали мелькали крылья мельницы и огородъ какого-то селенія; вправо шелъ проселокъ въ лѣсъ, глядѣвшій изъ-за косогора. Вдругъ цапля, отъ усталости или съ особою хитростью, замедлила полетъ и стала забирать влѣво, какъ бы желая опуститься въ лѣсъ. Въ тотъ же мигъ соколъ всею силою полетѣлъ внизъ на нее. Онъ былъ уже близко; оставался послѣдній ударъ, какъ цапля обернулась хвостомъ къ землѣ и отбила его толчкомъ длинныхъ ногъ и огромнаго носа. Соколъ сдался, пошелъ книзу, но, не долетая до земли, опять собрался съ силами и еще быстрѣе сталъ забирать надъ цаплей. Царь оглянулся: за нимъ скакалъ одинъ Хомяковъ. Другіе охотники чуть виднѣлись въ разсыпку, далеко назади, гдѣ одинъ, а гдѣ два и три вмѣстѣ. „Ну, Семенычъ, не отставай!“ крикнулъ разгорѣвшійся царь и, стегнувъ коня, еще быстрѣе поскакалъ за соколомъ.

Незамѣтно миновали опять какую-то пашню, со свѣжими зеленѣющими всходами. Съ грохотомъ пронеслись кони чрезъ старый расшатанный мостъ, надъ узенькимъ ручьемъ какой-то усадьбишки. Путь начиналъ итти въ гору, къ лѣсу. Замелькали березы. Показался песокъ. Овраги зачернѣли чаще. „Не отставай, Семенычъ, не отставай! Еще пробѣжимъ, и возьметъ соколъ!“ кричалъ царь, то и дѣло устраняясь отъ вѣтвей. Конь подъ Хомяковымъ задѣлъ копытомъ за пень и грохнулся съ ѣздокомъ оземь. Чуть успѣлъ оглянуться царь, какъ соколъ, надъ опушкою лѣса, сдѣлалъ полукругъ, ударилъ грудью въ цаплю и,

вмѣстѣ съ нею переваливши́сь за деревья, пошелъ оврагомъ далѣе. Царскій конь взобрался на гору и съ послѣднимъ усиліемъ, вмѣстѣ съ нимъ, влетѣлъ въ просѣку лѣса вдоль оврага. Не проскакалъ онъ и ста шаговъ, какъ остановился на всемъ размахѣ. Царь глянулъ: конь, фыркая, уперся ногами въ обрывъ...

За обрывомъ шла рѣка. За рѣкою, по зеленому откосу берега, разсыпавшись бревенчатыми избами, клѣтями, журавлями колодезей и овинами, располагалась у рѣки деревня. Деревянная, почернѣлая церковь стояла въ сторонѣ, на крутомъ пригоркѣ. А прямо за рѣкой въ гору шелъ обширный садъ. Надъ нимъ чернѣли вышки боярскаго терема, съ пристройками, крылечками и голубятней. Но не село, не садъ и не теремъ заняли царя. Остановившись на всемъ скаку и ухватясь рукою за гриву коня, онъ повелъ глаза вслѣдъ за цаплей и остолбенѣлъ. Прямо противъ обрыва, надъ которымъ онъ сталъ, между безлистныхъ еще деревьевъ сада, возносились рѣзныя, расцвѣченныя качели. А на качеляхъ, лицомъ къ рѣкѣ, сидѣла и качалась, въ зеленой душегрѣйкѣ, въ красномъ монистѣ, въ желтыхъ башмачкахъ и въ золотомъ съ травами сарафанѣ, боярышня, очевидно, дочка хозяина. Сѣнныя дѣвушки толпою, съ пѣснями и смѣхомъ, раскачивали качели. Долго не могъ опомниться царь. Дѣвушки увидѣли его, взлетѣвшаго на пригорокъ съ конемъ; передъ ними обрисовались его растегнутый на скаку опашень, высокая соболья шапка, цвѣтная перевязь на груди. Онѣ вскрикнули и побѣжали отъ качелей къ дому...

Хомяковъ, прихрамывая, привязалъ къ дереву коня и въ безпокойствѣ побѣжалъ къ обрыву, надъ которымъ, вырвавшись изъ-за деревъ, стоялъ и слѣдилъ за уходившими дѣвушками царь. Глаза Алексѣя Михайловича, казалось, все еще видѣли передъ собою высоко взлетавшія качели, красные башмачки, бѣлое лицо, черныя брови и прыгавшее на груди монисто боярышни. Царь уже не думалъ о соколѣ. Онъ самъ въ этотъ мигъ походилъ на сокола, вперяющаго взоръ въ красную и славную добычу.

— Что, Семенычъ, — сказалъ въ волненіи царь, завидѣвъ Хомякова:—а вѣдь соколъ-то нашъ съ цаплею, кажись, свалился вотъ въ этотъ садъ?

Хомяковъ, потирая ушибленную ногу, не показалъ виду, что замѣтилъ волненіе царя, и отвѣтилъ:

— Какъ знаешь, государь; тебѣ виднѣе. Ты сюда прежде подоспѣлъ!

И оба охотника, пока остальные всадники доскакали до лѣсу, спустились къ рѣкѣ, отыскали мостокъ и стали подниматься, мимо сада, къ боярскимъ воротамъ. Ворота были заперты. Хомяковъ затрубилъ. Конюхи выскочили изъ людской. Черезъ дворъ къ воротамъ, переваливаясь, спѣшила грузная боярская домоправительница, въ бархатной кичкѣ и въ мѣховой душегрѣйкѣ.

Ворота растворили. Домоправительница, пугливо разглядывая посѣтителей, отвѣсила низкій поклонъ.

— Мы охотились тутъ,—сказалъ царь:—нашъ соколъ съ добычею упалъ, должно-статься, въ вашъ огородъ или садъ. Не видали ли?

— Охъ, батюшки, охъ, кормильцы мои! Точно, упалъ вашъ соколъ: видѣли, какъ и опустился у самой той вонъ горенки. Тамъ и щиплетъ дичину! А вы кто такіе?

Царь молча переглянулся съ Хомяковымъ и отвѣтилъ:

— Дворскіе, царскіе охотники. А вашъ бояринъ дома?

— Нѣтути, бояринъ! Въ свою Касимовскую вотчину отлучился съ боярынею.

— Чье же это село и чьи хоромы?—спросилъ царь, радуясь, что его не узнали.

— Рафа Родіоновича Всеволожскаго.

— Ну, коли вамъ запрета нѣтъ,—сказалъ царь:—мы заѣдемъ, на отсутствіи боярина вашего, отдохнуть и коней напоить. Мы московскіе, далече отъ своихъ отбилися, а до вечера еще путь великъ.

— Милости просимъ, кормильцы! Чай, бояринъ-то васъ, али вы его знаете?—сказала старая домоправительница и, суетливо переваливаясь, пошла къ терему.

Теремъ былъ красиво отстроенъ. Бояринъ Всеволожскій не былъ близокъ ко двору. Онъ еще съ конца предыдущаго царствованія удалился изъ Москвы, безвыѣздно проводилъ время въ своихъ деревняхъ и только изрѣдка служилъ пищею для толковъ о своихъ затѣяхъ: всѣмъ была извѣстна его страсть къ садамъ и цвѣтоводству.

У крыльца всадники спѣшились. Боярскіе конюхи повели ихъ лошадей къ конюшнѣ.

— Вотъ вашъ соколъ, вотъ!—говорила домоправительница, вводя гостей въ особую загородку сада.

Хомяковъ принялъ цаплю, царь взялъ сокола. Дворня толпилась у калитки, желая поглядѣть и на нарядныхъ охотниковъ и на птицъ.

— Ну, спасибо же вамъ,—сказалъ царь, осмотрѣвъ сокола и отдавая его Хомякову;—только нѣтъ ли у васъ водички испить? Устали съ погони за птицей.

— Квасъ, кормилецъ, есть, хорошій, яблочный, съ инбиремъ и грушевый. Прикажешь подать?—Царь попросилъ.—Ну, Проня,—обратилась старуха къ одному изъ слугъ,—вотъ ключи; бѣги самъ да нацѣди стопу. А мы тѣмъ временемъ садъ покажемъ. Хотите ли, гости милостивые?

Царю понравилось это приглашеніе.

— Покажи, матушка, покажи. Мы дворскіе и очень хотѣли бы поглядѣть на ваше сельское домостройство. Вѣдь, чай, изъ семьи-то боярской... никого тутъ не осталось?

— Боярышня, родимый, осталась, боярышня, — отвѣтила, какъ-то съ разстановкой, старуха и медленно пошла по главной дорожкѣ сада.

Царь молча пошелъ за нею. Сердце его сильно билось.

Сперва вошли въ дикій садъ. Дорожки стали перекрещиваться и ввели въ хитро-извернутое между кустовъ „путище", родъ лабиринта. За путищемъ начался разсадникъ грушъ, вишенъ, сливъ и яблонь, а дальше вереница ягодныхъ кустовъ. Среди послѣднихъ возвышался подъ „шатрикомъ", или бесѣдкою, на четырехъ столбахъ колодезь съ колесомъ и бадьей на веревкѣ.

— А это виноградный садъ нашей боярышни, — замѣтила домоправительница, провожая гостей вправо. — Щеки царя вспыхнули.

Открылся прудъ, обнесенный кустами жимолости и березками. На одномъ его концѣ возносилась деревянная остроконечная „смотрѣльня", родъ башенки, съ воздушнымъ крыльцомъ. Противъ смотрѣльни, на другомъ берегу пруда, были три размалеванныхъ маленькихъ „чердачка", родъ павильоновъ, съ стекольчатыми стѣнами. Вокругъ чердачковъ хитро извивались „пути", дорожки. По бокамъ чердачковъ цѣплялись ползучія вѣтви дикаго винограда.

Царь подошелъ къ пруду, на которомъ была устроена рыбья сажалка. Въ сторонѣ отъ пруда, между деревъ, открывались „перспективы". Это были натянутыя на большія деревянныя рамы картины, писаныя красками. На одной изображались гора и рѣка, надъ горою замокъ и висячій мостъ, на мосту поѣздъ всадниковъ, въ шлемахъ и съ распущенными знаменами. На другой „перспективѣ" виднѣлись море, корабли съ парусами, птицы, а надъ моремъ огненное солнце. На третьей — какой-то чародѣй, а кругомъ его чуда, грифы, кентавры и змѣи. На четвертой — городъ, точно Москва: съ церквами, теремами и башнями.

Царь остановился и со вниманіемъ сталъ разсматривать „перспективы".

— Кто это все такъ хорошо и мудрено тутъ расписалъ? — спросилъ онъ.

— А вотъ кто — нашъ садовникъ, — отвѣтила домоправительница.

Царь оглянулся. Вправо, сначала незамѣченный за шпалерою кустовъ, показался, въ зеленой курткѣ и въ красной вязаной шапочкѣ, съ лейкой и ножницами, старичекъ - иностранецъ. Онъ снялъ шапочку, поклонился и продолжалъ поливать цвѣты.

— Откуда онъ? — спросилъ царь.

— Бояринъ нашъ его выписалъ изъ-за моря, какъ садъ строилъ. Никакъ нѣмецъ, али фряжанинъ. Вонъ и помощникъ его — толмаченокъ. Тоже у насъ состоитъ.

Царь ласково подозвалъ садовника и мальчика, его ученика. Между заморскимъ садовникомъ и царемъ начался такой разговоръ:

— Ты кто?

— Гарлемскій садовникъ и аптекарскій ученикъ Индерикъ Бартбусъ, — отвѣчалъ, переводя его слова, мальчикъ толмаченокъ.

— Давно ли ты тутъ?

— Девятый годъ.

— Много ли бояринъ тебѣ даетъ въ годъ оклада?

— За строеніе и урядъ сада пятьдесятъ рублевъ, да толмачу шесть, да одежда и кормъ.

— А ты еще что знаешь?

— Я, сударь, столяръ и огородный стройщикъ; перспективы я тоже ставилъ.

— А кромѣ Нѣметчины былъ ты еще гдѣ-нибудь?

— Былъ у флоренскаго князя, въ италійской землѣ, и много тамъ дивъ видѣлъ: а такимъ дивамъ, сударь, въ Московіи и не бывать!

— Отчего же?

— Больно здѣсь лѣто коротко и зимы студены: надо зимою кусты и деревья, какіе понѣжнѣе, обвертывать въ войлоки, а не то мерзнутъ.

— А какія же ты дива видѣлъ у флоренскаго князя? — спросилъ царь.

— Дива хорошія-то, пожалуй, есть и у насъ на родинѣ, въ Гарлемѣ. Только мѣсто у насъ ужъ больно плоское, а тамъ теплѣе и горы. Какъ тебѣ сказать? Видѣлъ я тамъ въ грунтѣ кедръ и кипарисъ, и лимоны, — плоды по дважды въ годъ зрѣютъ. Видѣлъ на княжемъ дворѣ — вода взведена сажени съ четыре — фонтанъ прозывается,—въ саду вверхъ бьетъ тоже высоко. А о Крещеніи жары тамъ великія! Яблоки и сливы въ тѣхъ краяхъ величествомъ по шапкѣ. А красоты въ садахъ не описать, нѣтъ-де тамъ ни зимы, ни снѣгу ни на одинъ мѣсяцъ. Да еще игръ, органовъ, кимваловъ и музыки много. Такіе люди-кумиры изъ мрамора подѣланы въ садахъ, и иные сами играютъ, и никто ими не движетъ. А иного и не описать. Кто не видѣлъ, тому и въ умъ не придетъ!

Костюмъ сокольничаго Алексѣя Михайловича.

Царь слушалъ со вниманіемъ.

— Лѣто здѣсь больно коротко и зимы студены, — продолжалъ Бартбусъ. — Ничто здѣсь хорошее не дозрѣваетъ: ни виноградъ, ни орѣхъ волосскій, ни яблонь, ни аркатъ, ничего въ прокъ не идетъ. Кабы еще не здѣшняя боярышня, — ужъ такая-то любительница сада и цвѣтовъ! — не дожилъ бы тутъ и уговоренныхъ годовъ. Такъ бы и ушелъ, не во гнѣвъ будь сказано боярской милости.

У царя чуть не сорвался при этомъ съ языка еще вопросъ, а именно о боярышнѣ. Онъ молча, со вздохомъ, окинулъ взоромъ пріютъ ея дѣвическихъ игръ и прогулокъ, дорожки, чердачки, смотрѣльню, и тамъ, и здѣсь размалеванныя перспективы.

— Благодарствуемъ тебѣ, Индерикъ Бартбусъ, и тебѣ, хозяйка! Мы люди близкіе къ царю, и скажемъ ему, какія дива тутъ видали. А боярину кланяйтесь! Дворскіе, молъ, кланяются.

Съ этими словами царь пошелъ обратно изъ сада.

— Какъ же, бояринъ, хоть въ боярскіе покои зайди посидѣть, — сказала старуха: — да вотъ и кваску испей, ишь ты, въ погребу-то позамѣшкались.

Царь подумалъ: „что же заходить? Вѣдь ее и мелькомъ и невзначай тамъ не увидишь. Забилась она по обычаю, куда-нибудь въ верхнюю горенку и не сойдетъ оттуда“.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ: — намъ пора ѣхать. Не осудите, что не заходили. Въ иное время заѣдемъ. А квасу дайте испить.

Отъ погреба показался съ ковшомъ слуга. Царь отпилъ, далъ напиться Хомякову, сѣлъ на коня, взялъ сокола и поѣхалъ.

— А коли бояринъ станетъ пытать, кто былъ, какъ отвѣчать? — спросила еще разъ вслѣдъ ему домоправительница.

— Скажи, матушка, что дворскіе, царевы были. А коли будетъ время, можетъ статься, и не впослѣднее заѣхали...

Старуха, облокотясь о перила крыльца, долго слѣдила всадниковъ, не всходя по лѣстницѣ. Наконецъ, медленно и охая, взобралась она по ступенькамъ на вышку, въ боярышнину горницу, выслала всѣхъ дѣвушекъ, заперла дверь на ключъ и, разставивъ руки, сказала боярышнѣ, чуть не задыхаясь отъ волненія:

— Ну, свѣтикъ ты мой! А вѣдь я его спознала, видѣмши на выходѣ о Казанской: вѣдь это царь!

Боярышня вскрикнула и кинулась глядѣть къ окну.

Царь между тѣмъ спустился околицей къ мосту, переѣхалъ рѣку и на полянѣ, подъ обрывомъ увидѣлъ остальныхъ охотниковъ. Они стояли кучкой, толкуя и недоумѣвая, куда могъ скрыться царь. Хомяковъ разсказалъ имъ, какъ соколъ окончательно взялъ цаплю и какъ его нашли въ саду. Всѣ поѣхали обратно къ Измайлову.

Царь былъ замѣтно не въ духѣ.

Начинало уже вечерѣть, когда поѣздъ подъѣхалъ къ первымъ березамъ заповѣдной измайловской рощи.

Никто не зналъ остальныхъ подробностей охоты. Догадывался одинъ Хомяковъ. Бояринъ Всеволожскій, воротясь изъ Касимовской вотчины, добился тоже только одного, а именно, что пріѣзжали де какіе-то дворскіе съ охоты, соколъ ихъ упалъ черезъ рѣку въ садъ, возлѣ огорода; ходили де они по саду, дивовались на прудъ, на чердачки и на перспективы дивовались, а заходить въ хоромы не заходили.

Лѣто прошло, и Измайлово опустѣло. Царь переѣхалъ въ Москву·

Началась обычная жизнь въ Кремлевскихъ теремахъ: выходы на службу, въ соборы, пріемы пословъ, слушаніе и рѣшеніе дѣлъ.

Какъ вдругъ, незадолго до Новаго года, въ трескучіе, безконечные холода, когда небо заволоклось тучами, а метели, кружась и сыпля ворохи снѣгу, застилали предъ окнами окрестные дома и храмы, Морозовъ получилъ такой приказъ отъ царя: собрать со всего царства на смотрины дѣвицъ. Царь задумалъ выбрать себѣ жену „красотою и честью великую, тихую и разумную, въ свое царево счастіе и въ наслѣдіе своего государскаго рода“. Гонцы полетѣли во всѣ стороны. Засуетились и взволновались отдаленныя и близкія семьи. Бояре и окольничьи, думные люди и стольники, стряпчіе и приказные, стрѣлецкіе старшины и неслужилые дворяне стали готовить своихъ дочерей на показъ и на выборъ царю. Патріархъ съ причтомъ служили молебны. Къ февралю съѣхались въ Москву двѣсти почетнѣйшихъ семействъ.

Назначенъ день смотра и выбора. Послѣ множества смутъ и всякаго рода происковъ со стороны родни, дѣвицъ свезли въ Кремль и посадили за царскій обѣдъ. Во время стола, въ числѣ немногихъ изъ приближенныхъ бояръ, царь, не узнанный и въ маломъ нарядѣ, вошелъ въ обѣденную палату и осмотрѣлъ дѣвицъ. Изъ двухсотъ указаны сперва шесть. Наконецъ и послѣдній жеребій брошенъ. Царскій выборъ, изъ шести, палъ на Ефимью, дочь дворянина Рафа Родіоновича Всеволожскаго. Роковая вѣсть потрясла весь блестящій сонмъ невѣстъ, всѣ малые и великіе чины двора, Москвы и окрестности, и, тайкомъ передаваясь изъ устъ въ уста, пошла по всему Русскому царству. А выбранная невѣста обезпамятѣла отъ испуга и отъ неслыханной радости и счастія.

Царя поздравили. Всеволожскіе съ почетомъ пріѣхали въ Москву. Начали готовиться къ царской свадьбѣ. Хомяковъ сталъ явно близокъ къ царю. Царь его и ласкаетъ, и хвалитъ, и жалуетъ. Что ни день, подсокольничій либо съ вѣстью, либо съ привѣтомъ, либо съ государскимъ подаркомъ у царевой невѣсты. На языкѣ у всѣхъ Хомяковъ и Всеволожскій. Значеніе Морозова стало меркнуть, какъ ни хлопоталъ онъ, устраивая и уряжая все къ царскому браку. Запечалился Борисъ Ивановичъ и взялся за умъ крѣпкою опытною думою.

Наступилъ день свадьбы.

И вдругъ, какъ громомъ, всѣхъ поразила другая неожиданная вѣсть. Во время уборки волосъ къ вѣнцу, невѣста упала въ обморокъ. Ее обвинили въ скрытой падучей болѣзни. Иные, правда, тутъ же сказали, что она упала отъ страха и волненія; другіе, что, по непостижимой причинѣ, по недоумѣнію ли, или по какому злобному расчету, одна изъ приставленныхъ къ ней для одѣванія женщинъ сильно стянула ей косу; кровь бросилась въ голову, и боярышня упала безъ

чувствъ. Языки тотчасъ затрубили тревогу и осилили сердце царя: рѣшили, что выбранная невѣста испорчена. Свадьба отмѣнена, а Всеволожскаго съ семьей за чары, косный разводъ и за умыселъ противъ царя, сослали сперва въ Касимовскую вотчину, а потомъ въ Тюмень на воеводство. Тамъ онъ вскорѣ отъ горя и умеръ.

А черезъ годъ царь женился на дочери медынскаго стольника, Ильи Даниловича Милославскаго, на Марьѣ Ильиничнѣ. Морозовъ, черезъ десять дней послѣ царской свадьбы, обвѣнчался на сестрѣ новой царицы, на Аннѣ Ильиничнѣ.

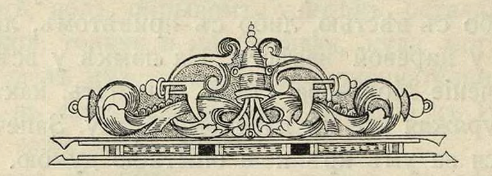
Москва пировала на царской свадьбѣ, и толкамъ о государевыхъ пиршествахъ не было конца.

На виду и на почетѣ у всѣхъ стали недосягаемо вознесенные: царскій тесть, Илья Даниловичъ Милославскій, и царскій своякъ, Борисъ Ивановичъ Морозовъ.

Свадьба была зимой.

Только не въ прокъ пошла близость къ царю его бывшаго дядьки. Весною Москва взволновалась. Граждане, покорствуя великому царю и безъ шапокъ стоя у Кремля, требовали выдачи головою измѣнника, грабителя и корыстолюбца, боярина Бориса Ивановича Морозова. Онъ былъ удаленъ.

Прошли года. Многое позабыто. Но часто вспоминала боярышня Всеволожская свое подмосковное село, садовыя качели, рѣку и всадника, взлетѣвшаго на обрывистый берегъ. До конца жизни она осталась безбрачною. Царь впослѣдствіи узналъ о ея невиновности, много сѣтовалъ о ея судьбѣ и богато одарилъ ее и ея семейство.

Тронная во дворцѣ Алексѣя Михайловича.

Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя.

Г. Данилевскій.

Прошло тридцать лѣтъ. Новыя времена были не за горами. Носились странные слухи.

Молва передавала вѣсти о потѣшныхъ теремахъ въ Кремлѣ и въ селѣ Коломенскомъ. Иноземцы отписывали на родину о присылкѣ къ московскому двору новыхъ заморскихъ игрушекъ: „клавикортовъ", „охтавокъ" и „часовъ съ курантами", и выхваляли щедрость и общедоступность царя. Гонцы боярина Матвѣева чаще сновали отъ государскихъ теремовъ къ посольскому приказу и обратно. Бояринъ, въ тишинѣ своихъ палатъ, изыскивалъ способы къ отпечатанію разумныхъ книжекъ: „Космографіи", „Риторики", „Фундаментовъ" или „Мàксимовъ фортификаціи". А въ теремномъ саду, гдѣ надъ деревьями, отъ птицъ были раскинуты мѣдныя сѣтки, и въ шелковыхъ клѣткахъ висѣли лю-

бимыя царскія птицы, перепелки, его же хлопотами были устроены размалеванныя деревянныя горы. Съ нихъ по праздникамъ на повозочкахъ катались царевны, сокровенныя еще отъ постороннихъ взоровъ. Въ другомъ углу сада устраивались веселая потѣшная площадка и прудъ для младшаго изъ царевичей, четырехлѣтняго младенца Петра, также стараніями боярина Матвѣева, и старшаго брата царевича, разслабленнаго Ѳеодора. На площадкѣ устанавливались деревянныя пушки на рѣзныхъ лафетахъ, а на прудъ спускались маленькіе катеръ и шлюпъ.

Что ни вечеръ, съ недавней поры, въ низенькой комнатѣ посольскаго приказа усаживался на залавокъ толстый дьякъ и съ посольскимъ толмачомъ считывалъ какія-то бумаги. Передъ дьякомъ, на столикѣ, лежали разбросанные свертки и листы вѣдомостей, гамбургскихъ, гарлемскихъ, венецейскихъ, кенигсбергскихъ и амстердамскихъ, получавшихся въ Москвѣ съ той поры, какъ голландецъ Фанъ-Сведенъ устроилъ сюда, отъ нѣмецкой границы, постоянную почту чрезъ Новгородъ и Псковъ. Понюхивая изъ-подъ полы запретное зелье, табачекъ, дьякъ занимался любопытнымъ дѣломъ: онъ повѣрялъ переводимыя ежедневно, на сонъ грядущій царю, зѣло предивныя выписки изъ курантовъ о заморскихъ дѣлахъ и слухахъ. Въ комнатѣ слышалось: „о Кесарской же землѣ изъ Амстердама паки пишутъ, что Кесарская земля тебѣ, Государь, и всему твоему царству самое невѣрное сосѣдство, и дружба вельми коварственная. А и гдѣ же то вѣрность, коли отъ франкскаго короля тайно и индѣ чужія войска затягаетъ и свои даетъ, и съ туркомъ водится, и бусурману, и султану кланяется, и всей Московіи искони невѣрность и гибель сулитъ. И, аки рыба, левіаѳанъ глаголемая, своихъ ближнихъ поѣдаетъ“...

Куранты занимали царя. Но, будучи вещью хорошею, почта въ то же время пускалась и на лихія продѣлки. Нѣмецъ Мерселисъ, содержатель ея и преемникъ Фанъ-Сведена, былъ торжественно уличенъ въ томъ, что прежде лицъ, къ кому писались письма, распечатывалъ ихъ и тайкомъ вычитывалъ изъ нихъ разныя новости. Вышло множество ссоръ и пересудовъ.

Но ничто такъ не волновало умовъ, какъ недавно возникшія забавы царя въ потѣшныхъ теремахъ. Иные, побывавшіе въ чужихъ краяхъ или въ сосѣдней Польшѣ, говорили, что это просто театръ, гдѣ играетъ музыка, и комедіанты пляшутъ. Другіе, посмѣлѣе, или изъ партіи недовольныхъ, утверждали, что царь, съ приближенными и съ бояриномъ Матвѣевымъ, переодѣвается тамъ въ заморскія платья, читаетъ нѣмецкія книжки и готовится поворотить Россію въ бусурманы.

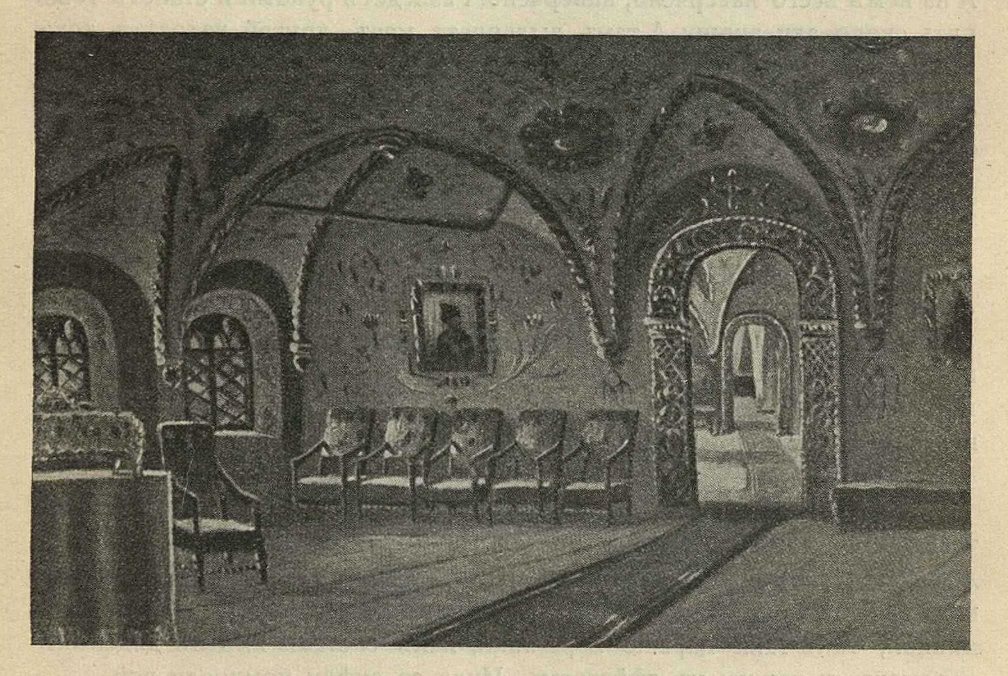
Вездѣ,—и за прилавками въ гостиномъ ряду, гдѣ, развѣсивъ бухарскіе ковры и мѣха и щелкая орѣхи, толковали и перебрасывались шутками молодые сидѣльцы, и въ боярскихъ палатахъ,—вездѣ шли

рѣчи о новыхъ царскихъ забавахъ. Въ хоромахъ боярина Мосальскаго, зазванный отъ ранней обѣдни набожною боярыней, сидѣлъ, въ обтертой скуфейкѣ и босикомъ, разстрига-дьяконъ и, поводя косыми глазами, поминутно вздыхалъ и крестился.

— Что тебѣ, Касьянычъ, — допрашивала заботливая боярыня, доставая гостю изъ стекольчатаго поставца графинчикъ и серебряную чарку.

— Міръ, матушка, къ концу клонится, міръ, — отвѣчалъ онъ.

А въ углу той же горенки молодой князь Пехтеревъ, изъ хозяйскихъ племянниковъ, уже обвѣянный новымъ духомъ, рвавшимся сюда сквозь запоры и стѣны, сидѣлъ у рѣшетчатаго окна и полушепотомъ,

Столовая во дворцѣ Алексѣя Михайловича.

наскоро пересказывалъ двоюроднымъ сестрамъ, какъ онъ былъ въ Коломенскомъ и какъ увидѣлъ въ щелку двери, что́ такое потѣшные терема, и что тамъ дѣлается.

— Мишенька, голубчикъ. Что же тамъ такое, говори, — допытывались двоюродныя сестры.

— Дѣйства, миленькія, дѣйства!

— Какія дѣйства?

— А вотъ какія!

И онъ разсказывалъ подъ набожную бесѣду тетушки съ Касьянычемъ:

— Намедни играли о томъ, какъ Алаферну голову отсѣкли; а тамъ другое: какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, по царицыну челобитью и по Мардохеину наученью! И такъ-то все это мудрено, сестрицы, такъ мудрено! Это выходитъ, сперва всѣ чинно усядутся, вотъ хоть бы какъ и мы; царь съ царевичами по одну сторону, а царевны съ няньками по другую. Дворскіе и гости сядутъ чинно сзади, подаль. Тутъ виситъ такая занавѣсочка шелковая и свѣчки разныхъ цвѣтовъ горятъ. Проиграютъ на гусляхъ да на трубахъ. А бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ выйдетъ, ударитъ въ ладоши, занавѣсъ и отдернется. Тутъ явится палата, и часовые стоятъ, и цвѣты, и звѣрь кентавръ, и городъ заморскій, а потомъ и выйдетъ человѣкъ. А на немъ всего наверчено, наверчено. Разведетъ руками и станетъ говорить скоро, али виршу. А тамъ выдернетъ мечъ, другой человѣкъ тоже выскочитъ. Вотъ, ходятъ они, ходятъ, говорятъ виршу. Занавѣсъ и задернется. Тутъ опять въ гусли да въ трубы заиграютъ. Дѣйство и кончено. Тогда уже бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ только подойдетъ къ царю, въ поясъ поклонится. А царь такъ милостиво говоритъ съ нимъ, али съ царевичами шутитъ, забавляется. А то еще было такое, говорятъ, дѣло, что, какъ отдернули разъ занавѣсъ, а тамъ стоятъ человѣкъ десять, одинъ на другомъ. Выходитъ, пирамидъ дѣлали. Балансёръ тоже, скоморохъ, изъ Марселіи града, съ имперскими послами пріѣзжалъ. Натянулъ это канатъ передъ царемъ, да и ходитъ по немъ, вотъ какъ по мосточку, да все качается, да царю красными платочками машетъ, и такой-то нарядно одѣтый. Эхъ, вѣдь какъ мило-то. Не вышелъ бы оттолѣ! А наши бояре еще ершатся, кобенятся.

— А что?

— Да то, сестрицы, что царю они непокорны. Нынче уже не охотою токмо, а всѣмъ и нарочито велятъ быть при дѣйствахъ, кто нейдетъ, за тѣмъ посылаютъ, силою берутъ и велятъ итти. Самъ намедни видѣлъ, какъ Горюшкина Илью да Лыкова Алексашку тащили по Басманной, такъ-таки царскіе вершники, какъ застали ихъ въ дядевыхъ хоромахъ, и тянули къ дѣйствамъ. Инда со смѣху помирали всѣ.

На святки царскія забавы увеличились. Къ нимъ, заботами главы посольскаго приказа, допускались и заморскіе послы. Царь не разумѣлъ чужеземныхъ языковъ, послы тоже не понимали по-русски. Но посредствомъ переводчиковъ дѣло улаживалось, и заморскіе гости возвращались домой, не нахвалясь царскими ласками и царскими угощеніями.

Однажды, незадолго передъ вечеромъ, постельничій Парамоновъ вошелъ въ покои посольскаго приказа и объявилъ, что царь на завтра приглашаетъ голландскаго чрезвычайнаго посла Фанъ-Кленка, имперскихъ пословъ, Франциска де-Баттони и Карла Тирлингера-де-Гусмана, на свои царскія забавы и на вечернее кушанье. Заморскихъ гостей повѣстили и въ раззолоченныхъ колымагахъ привезли въ Коломенское къ царскому терему. Они шли, предводимые переводчикомъ, рядомъ

невысокихъ жилыхъ царскихъ покоевъ, гдѣ носился легкій запахъ ладана отъ близости теремныхъ моленъ, въ которыхъ еще недавно было на молитвѣ царское семейство. Передъ дверью на половину царевичей и царевенъ послы увидѣли на часахъ стрѣльцовъ. Стоя на маленькомъ коврикѣ, стрѣльцы перешептывались между собою. Ихъ разноцвѣтные кафтаны, золоченыя винтовки и обтянутыя по древкамъ краснымъ бархатомъ алебарды ярко отсвѣчивались въ отблескѣ вечерней зари, проливавшей радужные огни сквозь разностекольныя, рѣшетчатыя окна терема. Послы вошли въ обширную комнату, съ изразцовою зеленою печью и съ желтыми, въ золотыхъ травахъ, кожаными обоями. Тутъ послы увидѣли самого царя...

Царь Алексѣй Михайловичъ играетъ въ шахматы.

Царь Алексѣй Михайловичъ, окруженный боярами, сидѣлъ за небольшимъ столикомъ. Онъ доигрывалъ съ княземъ Ромодановскимъ игру въ шахматы и, оспаривая у противника побѣду, едва замѣтилъ вошедшихъ иностранцевъ. Почти пятидесятилѣтній царь Алексѣй былъ дороденъ, съ просѣдью, но свѣжъ. Нарядъ его ослѣплялъ обиліемъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Смѣлые каріе глаза, смотрѣвшіе нѣсколько исподлобья, и важное, горделивое лицо оправдывали народное прозванье: царь-соколъ. Онъ сидѣлъ на рѣзной высокой скамеечкѣ, облокотясь бѣлой полной рукой о шахматную доску. На головѣ его была золотая шапочка съ лисьимъ мѣхомъ, утыканная жемчугомъ и изумрудами. На немъ былъ шелковый, зеленаго цвѣта, опашень; на

груди—наперсный, усыпанный алмазами, крестъ. А возлѣ, по бокамъ царя, неотлучно стояли два рында, съ нѣжными отроческими лицами, въ бѣлыхъ серебристыхъ одеждахъ до земли. Одинъ держалъ царскій посохъ изъ чернаго индійскаго дерева, а другой — царское полотенце.

Одна изъ дверей комнаты была занавѣшена легкимъ парчевымъ пологомъ. Онъ поминутно колыхался, точно нетерпѣливая и вмѣстѣ робкая рука его отдергивала. Пока царь доигрывалъ игру, пологъ отодвинулся. Изъ-за него вошли двѣ тучныя мамы, въ бархатныхъ кичкахъ и въ шелковыхъ душегрѣйкахъ. Съ одною объ руку вошла бѣлокурая дѣвочка, старшая царская дочка, царевна Софія Алексѣевна, въ алой, подбитой горностаемъ, шубкѣ и въ мѣховой шапочкѣ. Она усѣлась поодаль, съ неотлучною своей забавницей, съ маленькой сморщенной служкой-карлицей, столѣтней царицыной дуркой-шутихой. Вслѣдъ за нею явился и тотчасъ занялъ иностранцевъ черноглазый и чернокодрый мальчикъ, тотъ самый четырехлѣтній царевичъ Петръ Алексѣевичъ, для котораго стараніями старшаго брата устраивались стрѣльцовая площадка и потѣшный прудъ. Стоя возлѣ полной и статной мамы, онъ быстрыми глазками слѣдилъ за движеніями заѣзжаго рыжаго нѣмчина. Помѣстившись на скамеечкѣ у печи, нѣмчинъ заводилъ и устраивалъ заморскій органъ, только что привезенный изъ чужихъ краевъ и подаренный бояриномъ Матвѣевымъ больному царевичу Ѳеодору вмѣстѣ съ голландскими клавикордами и венецейскими охтавками. Полная мама, восклицая: „ахъ ты, соколъ мой, ахъ ты, батюшка-непосѣда!“ то и дѣло останавливала быстрые порывы царевича, который размахивалъ ручками и, потягиваясь къ нѣмчину, допрашивалъ у него едва внятными дѣтскими рѣчами: гдѣ дѣлаютъ такіе органы, и далеко ли живутъ нѣмцы, хорошо ли у нихъ и ѣздятъ ли тамъ на корабляхъ и стрѣляютъ ли изъ пушекъ?..

Никто не зналъ навѣрное, чѣмъ угоститъ теперь царь на своей вечеринкѣ: придетъ ли балансёръ и станетъ съ помощниками „пирамидъ“ дѣлать; будутъ ли только играть на органѣ да обносить сластями; „дѣйства“ ли покажутъ? Ничего не знали.

Царь кончилъ игру. „Ну, бояринъ, — сказалъ онъ, вставая, — ты враговъ лучше бьешь, чѣмъ берешь коней да ферязей!“ Царь выигралъ и былъ, очевидно, въ духѣ. Завидѣвъ пословъ, онъ тутъ же ласково кивнулъ имъ головою; поручилъ черезъ переводчика сказать имъ, что по случаю Новаго года позвалъ ихъ къ себѣ на веселье; спросилъ, довольны ли они содержаніемъ и обхожденіемъ окружающихъ и, обратившись къ голландцу Фанъ-Кленку, сказалъ ему: „Мингеръ, поди сюда!“ Мингеръ подошелъ и нѣсколькими словами съ царемъ возбудилъ зависть не очень-то довольныхъ недавнимъ объясненіемъ царя со смѣлыми моряками и торговцами-голландцами. А между тѣмъ нѣмчинъ, по данному знаку, завертѣлъ ручку органа,

Обрядъ омовенія рукъ царемъ послѣ пріема иноземныхъ посольствъ.

сначала невпопадъ, но потомъ оправился, и веселыя извивистыя варьяціи тирольской плясовой мелодіи наполнили комнату...

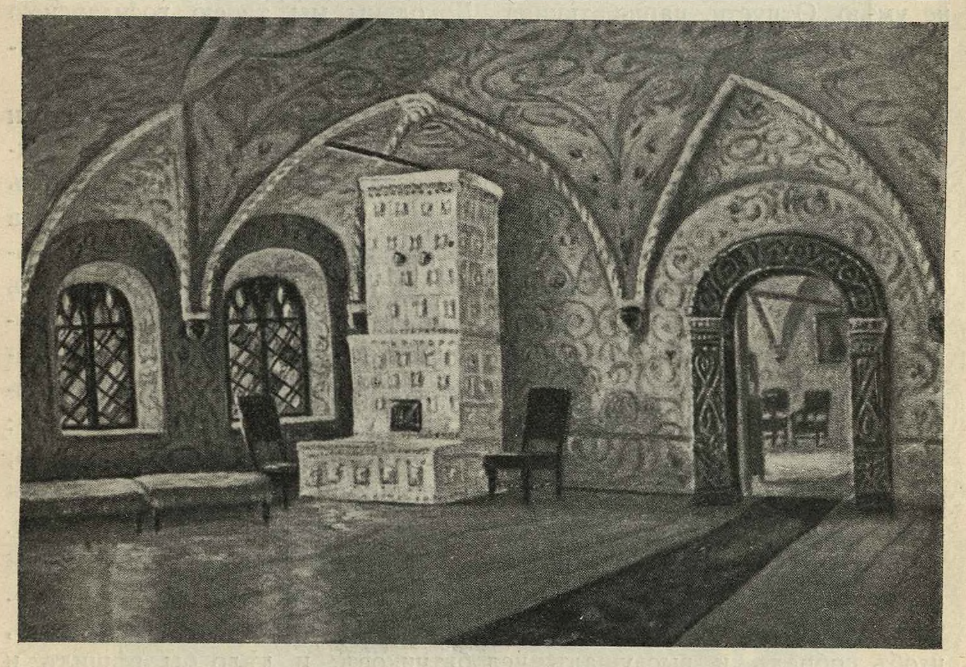
Царь уже не въ первый разъ говорилъ съ голландскимъ посломъ. Онъ говорилъ съ нимъ о торговлѣ и о чудныхъ странахъ, о наукѣ и о морскомъ дѣлѣ; разспрашивалъ его о дворѣ франкскаго короля, у котораго Фанъ-Кленкъ былъ незадолго передъ тѣмъ; перешелъ потомъ къ своей особѣ, говорилъ, что намѣренъ улучшить у себя воинское и судное дѣло; жаловался на то, что пропалъ его любимый соколъ, и что онъ самъ уже какъ-то старѣетъ и охладѣваетъ къ этой охотѣ; спрашивалъ у Фанъ-Кленка, какъ бы ему завести настоящій театръ, съ комедіантами, такой, какъ по слухамъ, заведенъ у польскаго короля.

Въ это время вошелъ бояринъ Матвѣевъ и что-то сказалъ царю, склонившись передъ нимъ. Царь отвѣтилъ ему легкимъ мановеніемъ головы и вслѣдъ за тѣмъ, обратившись къ Фанъ-Кленку, сказалъ: „Передай своимъ товарищамъ, что сегодня придется услышать вамъ у меня захожаго изъ вятскихъ лѣсовъ русскаго сказочника. Вамъ это, чай, въ диковинку?“ И дѣйствительно, царь Алекѣй Михайловичъ хоть и любилъ заморскія игры и забавы, но, по его собственнымъ словамъ, не было для него ничего слаще, какъ слушать въ часы отдыха разнообразныя и поучительныя повѣствованія странниковъ. „Въ ихъ рѣчахъ о старинѣ,—говорилъ онъ,—складные уроки для новаго времени; а въ разсказахъ о новомъ времени познаешь то, чего не увидѣть своими глазами!“ Еще не далѣе, какъ мѣсяцъ назадъ передъ тѣмъ, царь оплакивалъ и, какъ друга, проводилъ до могилы лучшаго изъ своихъ дворскихъ повѣствователей, Венедикта Тимоѳеева. Послѣдній поистинѣ былъ скрижалью лѣтъ давно минувшихъ и услаждалъ царскіе досуги разсказами о кіевскихъ и новгородскихъ князьяхъ и о татарщинѣ.

Бояринъ Матвѣевъ снова вошелъ въ комнату и, въ поясъ поклонившись царю, сказалъ: „По твоей по волѣ, государь, привели ко двору твоему вѣрнаго раба и слугу твоего, прохожаго бахаря-сказочника. А зовутъ его Устиномъ, а сказываетъ онъ сказки и пѣсни изъ дѣтства, и идетъ издалеча. Былъ въ Кіевѣ, на Волгѣ и за Ураломъ. Прикажешь его звать?“ Царь сказалъ: „Зови!“ Вошли два покоевыхъ стражника и стали у двери. За ними на порогѣ показался сказочникъ, мало чѣмъ выше средняго роста, лѣтъ подъ шестьдесятъ, невзрачный, въ старомъ потертомъ кафтанишкѣ, съ рѣдкою бородою клиномъ и стриженый въ скобку. Онъ низко поклонился и сперва было оробѣлъ и смѣшался. „Здравствуй!“ сказалъ звучнымъ голосомъ царь. Сказочникъ устремилъ несмѣлый взоръ на царя. „Не робѣй!“—продолжалъ царь. — Ты гость нашъ и нашихъ гостей. Откуда ты идешь и гдѣ жилъ?“ Устинъ, Иволга по прозванію, оправился, глянулъ на бояръ и на прочихъ гостей, стоявшихъ вкругъ царя, ступилъ отъ двери и отвѣтилъ: „Иду я нонѣ, царь-батюшка, изъ далекой Украины, изъ даур-

ской зауральской стороны, мѣховой да золотой твоей земли. Въ Сибири руду копалъ. Много тамъ у насъ, по заводамъ да раздольямъ, гудочниковъ да пѣсенниковъ. Холодно жить, и людишки все перехожіе. Ну, да весело жить, и милостью твоею сыты и вскормлены!"— „Ну, выпей же чарку вина да повѣдай намъ, Устинъ, сказку или притчу какую, повесели насъ, да и семью нашу. Вотъ и господа послы заморскіе, хоть не поймутъ тебя, да послушаютъ".

Царь сѣлъ. За нимъ сѣли всѣ присутствующіе. Сказочнику внесли его гусли, и онъ сѣлъ ихъ ладить. Дворскіе слуги тѣмъ временемъ пошли между скамьями съ кубками романеи, мальвазіи и ренскаго.

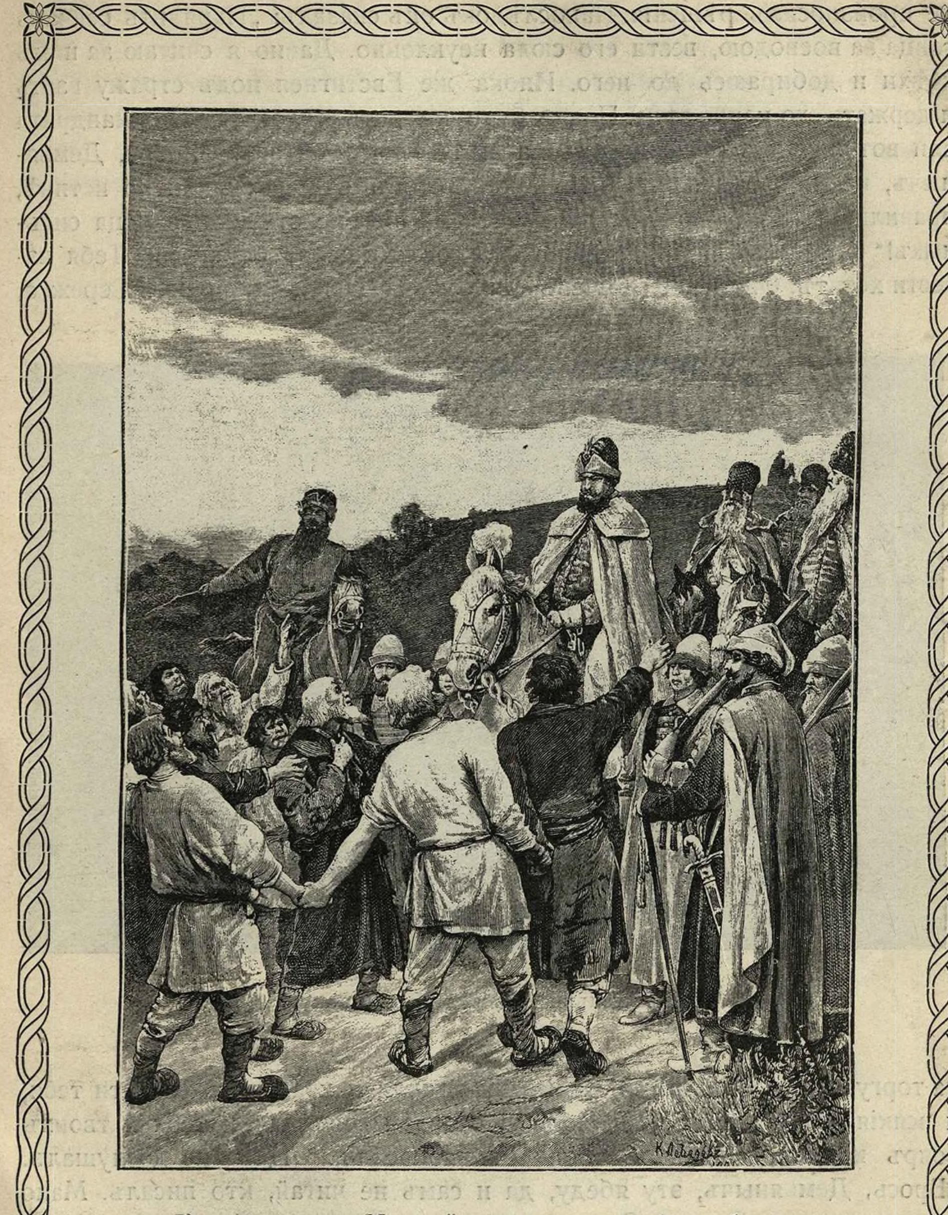
Пріемная во дворцѣ Алексѣя Михайловича.

Царскимъ дѣтямъ и кому хотѣлось подавались ледянцы, шаптала, обсахаренныя дынныя корки и индійскія сласти, мускатъ и инбирь въ меду. Царь спросилъ: „А гдѣ же князь Ѳеодоръ?" Дверь растворилась, и старшій сынъ царя, разслабленный царевичъ Ѳеодоръ, появился на носилкахъ изъ чернаго дерева. Взоры присутствующихъ съ жалостію обратились къ нему. Тутъ царскіе гусельники и скрипотчики проиграли родъ взводной музыки. Бояринъ Матвѣевъ вышелъ передъ царя и произнесъ: „Повѣсть по преподобному Нестору зѣло предивна о князѣ Владимірѣ и о томъ, какъ парень Янъ побѣдилъ Печенѣжина..."

Сказочнику поднесли романеи. Онъ выпилъ, утерся и сталъ, изрѣдка поигрывая на гусляхъ, нараспѣвъ сказывать.

Когда разсказчикъ замолкъ, одобрительный говоръ пошелъ между слушателями. Переводчики передавали иностранцамъ содержаніе сказки. „Ну, спасибо тебѣ, Устинъ. И тебѣ спасибо, Артамонъ Сергѣевичъ“, сказалъ царь. Матвѣевъ далъ знакъ. Царскій кравчій поднесъ Устину на серебряномъ блюдцѣ кубокъ ренскаго. И кубокъ, и блюдце царь пожаловалъ сказочнику. „Ну, Устинъ,—продолжалъ царь,—не полно ли тебѣ шататься по свѣту. Оставайся-ка у насъ на Москвѣ. Ты замѣнишь намъ Венедихта Тимоѳеева...“ — „Прости, государь, — возразилъ сказочникъ, — смилуйся и не прогнѣвайся! Канарейка-птица хорошо поетъ въ клѣткѣ, а супротивъ соловья въ лѣсу ей не справиться. Тѣсно мнѣ будетъ въ твоемъ теремѣ, да и платья-то золоченаго носить не умѣю. Отпусти, царь-батюшка. Довольны мы твоею государскою милостью. И внукамъ и правнукамъ о ней скажемъ“. Царь не настаивалъ и отпустилъ его съ миромъ.

Когда иностранцы разошлись, два стрѣльца внесли и поставили на столъ передъ царемъ невысокій желѣзный ящикъ, съ ликами святыхъ угодниковъ по сторонамъ и съ скважиною въ крышкѣ. Ящикъ былъ запертъ на замокъ, ключъ отъ котораго висѣлъ у царя за поясомъ. Его вносили такимъ же порядкомъ каждый вечеръ въ царскіе покои. Этотъ ящикъ прикрѣплялся къ столбу, у оконъ, для всѣхъ проходящихъ. „А, челобитныя. Это по твоей части, Фролъ Демьяновичъ“, сказалъ царь, обращаясь къ низенькому сѣдому старичку, правившему судными дѣлами, и подавая Демьянычу для прочтенія челобитныя, опущенныя въ ящикъ съ утра того дня. Старикъ читалъ: „Челобитная на Степанка, да на Иванка, да на Алексѣйку Карнаухова, да на Микитку Груздева; бьютъ тебѣ, великому царю и государю всея Русіи, сироты твои хресьяне, Ортемка да Лука, да Костя Суздальскіе. А намъ, господине, жалоба на нихъ, что взяли они у насъ и оттягали прудъ и меленку; а гуси ихъ огороды наши, и сады, и грядки портятъ. Смилуйся, батюшка, и защити“. — „Отпиши, Демьянычъ, къ воеводѣ, чтобъ собралъ и выслушалъ челобитчиковъ, и дѣло бы рѣшилъ, и намъ бы отписалъ“.— „Челобитная Федьки Чемеря,—продолжалъ старикъ,—на Аѳанасія Периннова. Доношу, государь отецъ, что онъ, лихой человѣкъ, Аѳонька Перинновъ изъ пограничной крѣпости, изъ Тора на Донцѣ бѣжалъ, и съ Туркомъ не дрался, и въ бой не шелъ. А у меня, Федьки Чемеря, укралъ шубу баранью, да пять алтынъ денегъ, да новую ширинку“. Царь улыбнулся. „Запиши, Демьянычъ: сдѣлать обыскъ и, коли вернется Аѳонька изъ побѣгу, за воровство бить батоги нещадно, и отдать Федькѣ Чемерю взятое, шубу, деньги и ширинку“. Старикъ продолжалъ: „Челобитная тебѣ, великому царю и многомилостивцу, сирыхъ защитнику и правды поборнику, на ярославскаго воеводу, на грабителя и губителя. Заграбилъ онъ у насъ, сиротъ, и у немощныхъ, и убогихъ, всякое состояніе и гонитъ всѣхъ, и губитъ. А у Андрея Шестипалова дочь отнялъ и держитъ... Донесеніе

Крестьяне подъ Москвой приносятъ жалобу на бояръ Алексѣю Михайловичу.

смиреннаго раба и богомольца твоего, инока Евстигнея". Долго царь не произносилъ рѣшенія. Напослѣдокъ онъ сказалъ: „Нарядить сейчасъ гонца за воеводою, везти его сюда неуклонно. Давно я считаю за нимъ грѣхи и добираюсь до него. Инока же Евстигнея подъ стражу взять и держать до конца дѣла. Правъ будетъ,—дать ему мѣсто архимандрита али вотчину изъ воеводскихъ, а нѣтъ—такъ батоги! Смотри, Демьянычъ, не покривить душою! Гляди, чтобъ судьи судили по истинѣ, правили бы дѣло по правдѣ и отнюдь бы не стыдились лица сильныхъ!" Старикъ читалъ далѣе: „Батюшка, царь, берегись! Тебя извести хотятъ! Ондрейко Лодіевъ, да Сухоня Василій, поповичъ Сережка,

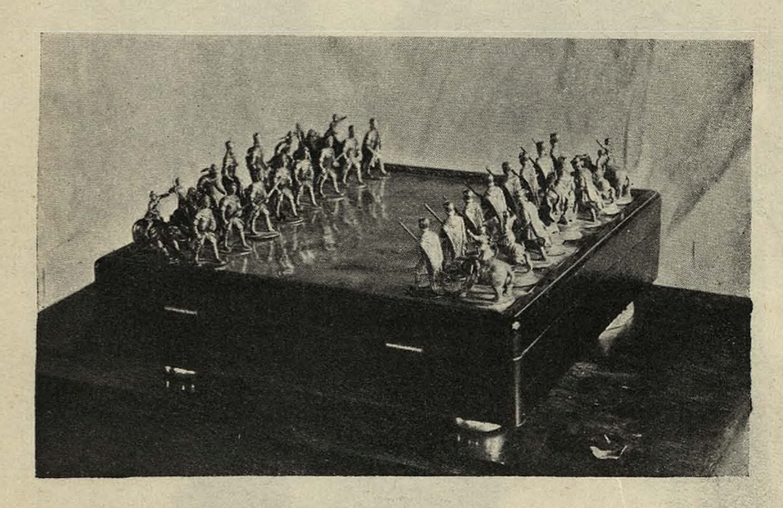

Опочивальня Алексѣя Михайловича.

на торгу, на Москвѣ-рѣкѣ, онамедни ходили и хвалились извести тебя, и всякія зелья собирали; и злобныя словесы говорили, и тебя и твоихъ бояръ корили, и царское твое имя поносили..." Царь не дослушалъ. „Брось, Демьянычъ, эту ябеду, да и самъ не читай, кто писалъ. Мало ли что языки мелютъ! Одни корятъ и хулятъ, другіе хвалятъ. Коли смотрѣть на собаку, что лаетъ, такъ еще подумаетъ, что и на льва похожа..." Демьянычъ прочелъ еще двѣ незначительныя челобитныя. Въ одной погорѣлые зарайскіе крестьяне просили помощи, а въ другой жена жаловалась на мужа. Царь велѣлъ произвести слѣдствіе, пожаловать погорѣлыхъ крестьянъ, а обвиняемаго мужа, коли окажется

виноватымъ, постращать хорошенько, чгобъ жилъ въ мирѣ и согласіи съ женою...

Царь снова заперъ челобитный ящикъ, отдалъ его Фролу Демьянычу и пошелъ въ опочивальню. Тамъ онъ зажегъ лампадку у образа Казанской Богородицы и долго молился. Царь заснулъ, когда занималась заря и въ Донскомъ монастырѣ раздался благовѣстъ къ заутренней.

Шахматная доска царя Алексѣя Михайловича.

Вешній выѣздъ царицы на богомолье при Алексѣѣ Михайловичѣ.

1666—1676—1682.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

Симеонъ Полоцкій читаетъ Ѳеодору Алексѣевичу одно изъ своихъ произведеній.

Благочестивѣйшему, тишайшему, самодержавнѣйшему, великому государю царю и великому князю Ѳеодору Алексіевичу, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержцу: здравія, долгоденствія, побѣды на враги, и во всѣхъ благоначинаніяхъ благословенія Божія, и добросовершенія смиренный риѳмотворецъ вседушно желаетъ.

Се бо Псалтиръ метрами ново преложѝся.
Нѣціи прежде мене негли начинаху,
Но за трудности многи отъ дѣла престàху,
Азъ Богомъ наставляемъ, потщахся начàти:
Богъ же даде и концемъ дѣло увѣнчàти.
Еже яко первое въ мѐтры преложѐнно,
Подобàше да будетъ первому вручѐнно
Въ православныхъ ти сущу, пресвѣтлѣйшій Цàрю
Ты даждь мѣсто у тебе сему нòву дàру.
Прежде царемъ Давидомъ отъ духа строѐнну;
Днесь, рабомъ ти въ словенскіи риѳмы преведѐнну.
Подъ трудами Давида мой азъ полагàю:
Мой Давидовыхъ ради трудъ пріими желàю.
Онъ, царь, о тебѣ Царѣ молитъ Бога въ нѐбѣ,
Азъ, рабъ царя Синаи и твой, здѣсь молю о тѐбѣ:
Да многая ти лѣта изволитъ подати,
Здравіе, мудрость, славу, враги побѣждàти.
Юнъ Давидъ Голіаѳа сильнаго премнòже,
Даждь ти юну силнаго турка збити Боже.

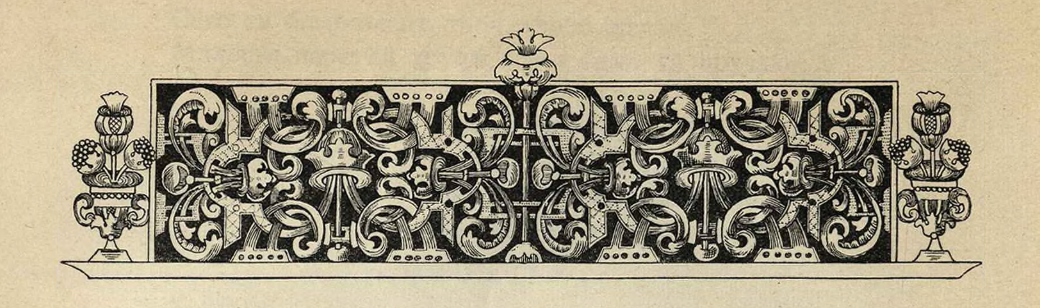
Сего ти богомолецъ твой вѣрно желаю,
Милости царстѣй трудъ сей и самъ ся вручаю.

Твоего пресвѣтлаго царскаго величества рабъ смиреннѣйшій и присный богомолецъ Симеонъ Полоцкій, іеромонахъ недостойный.

Кончина царя Ѳеодора Алексѣевича.

Царевна Софья.

Стрѣлецкое сказаніе о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ.

А. Майковъ.

Какъ за чаркой, за блинами
Потѣшались молодцы,
Надъ потѣшными полками
Похвалялися стрѣльцы!

„Гдѣ ужъ вамъ, преображенцы
Да семеновцы, гдѣ вамъ,
Мелочь, Божіи младенцы,
Намъ перечить, старикамъ!“—

„Съ слободой своей Нѣмецкой,
Да съ своимъ царемъ Петромъ,
Мы, молъ, весь приказъ стрѣлецкій,
Всѣхъ въ бараній рогъ согнемъ!—

Всѣхъ — и самую царевну...“—
„Нѣтъ, ужъ тутъ, голубчикъ, врешь!
Нашу Софью Алексѣвну
Обойдешь, да не возьмешь!

Даромъ, что родилась дѣвкой—
Да иной разъ такъ пройметъ
Молодецкою издѣвкой,
А какъ въ духѣ, да взмахнетъ

Черной бровью соболиной —
Пропадай богатыри!
Умеръ, право бъ, заедино,
Если бъ молвила: умри!..

Грѣхъ бывалъ и между нами,
Какъ о вѣрѣ вышелъ споръ,
И ходили съ чернецами,
Въ царскій Кремль мы на соборъ —

Бунтовское было дѣло!
Да вѣдь сладила! какъ разъ
Словомъ вышибить умѣла
Дурость всякую изъ насъ!

Будемъ помнить мы дни оны!..
Вышли наши молодцы;
Впереди несутъ иконы,
Со свѣчами чернецы...

Не сказали бъ, такъ узнала бъ
Вся Москва ихъ! старики!
Не на-отмашь, низко на лобъ
Надѣвали клобуки;

Не развалисты въ походкѣ,
А согбенные идутъ;
Не дерутъ, разиня глотки:
Тихимъ голосомъ поютъ;

Лица постныя, худыя,
Вѣры точно что столпы!..
Ужъ не толстые, хмельные
Никоньянскіе попы!

Никита Пустосвятъ.

Умилился людъ московскій,
Повалилъ за ними, претъ,
И на площади Кремлевской,
Что волна, забилъ народъ.

А ужъ тамъ, во Грановитой,
Всѣ насъ ждутъ: царевны, дворъ,
Патріархъ, митрополиты,
Освященный весь соборъ.

Старцы свѣчи возжигали,
И евангелье съ крестомъ
На амвоны полагали,
И царевнѣ бьютъ челомъ:

„Благовѣрная царевна!
Солнце Русскія земли!
Свѣтъ—Софія Алексѣвна,
Государыня! вели,

Чтобъ у насъ быть разсмотрѣнью
Съ патріархомъ о дѣлахъ
По церковному строенью
И о Никоновыхъ лжахъ!

Процвѣтала церковь наша,
Аки райскій кринъ, полна
Благодати, яко чаша
Пресладчайшаго вина!

Утверждалася на книгахъ,
Ихъ же имемъ отъ мужей,
Проводившихъ жизнь въ веригахъ
И въ умертвіи страстей;

Ихъ же чтеніемъ спасались
Благовѣрные цари,
И цвѣли и украшались
По Руси монастыри;

Но реченный Никонъ волкомъ
Вторгся въ оный вертоградъ,
И своимъ безумнымъ толкомъ
Ниспровергъ церковный ладъ!

Аки римская блудница
На драконѣ возсѣдя,
Рекъ: „нѣсть Бога! (кровопійца!)
Азъ есмь Богъ, и вся моя!"

И святыя книги рушилъ"...
Ну,—и началъ все мутить...
Патріархъ ихъ слушалъ, слушалъ,
Подымался говорить, —

Да куда!.. изъ-за владыки,
Ну, выскакивать попы...
Брань пошла, мятежъ и крики!
На дворѣ — ревутъ толпы,

Вкругъ царевенъ — натерпѣлись
Ужъ бѣдняжки — мужики,
Чернецы орутъ, зардѣлись,
Поскидали клобуки,

Всѣ-то съ взбитыми власами,
Очи кровью налиты,
И мелькаютъ надъ главами
Палки, книги и кресты!..

Ждетъ царевна, не дождется,
Чтобъ затихли; то впередъ,
Словно лебедь, къ нимъ рванется,
Образумливать учнетъ.

„Замутили царствомъ бабы,—
Голосятъ кругомъ, — ахти!
Государынямъ пора бы
Въ монастырь давно итти!"

Слыша то, и глянувъ гнѣвно,
И отдвинувъ тронъ златой,
Вся зардѣвшися, царевна
Удалилась въ свой покой.

Съ барабаннымъ вышли боемъ
Изъ Кремля мы: вдругъ приказъ,
Чтобъ къ царевнинымъ покоямъ
Выслать выборныхъ тотчасъ.

Ночью, съ фонарями, ровно,
Тихо вышла на крыльцо.
Такъ-то ласково — любовно
Обратила къ намъ лицо...

Видѣлъ тутъ ее я близко:
Бѣлый съ золотомъ покровъ,
А на лбу-то низко, низко,
Вязь изъ крупныхъ жемчуговъ...“

„Если мы вамъ не угодны,—
Говоритъ, — весь царскій домъ,
Мы объявимъ всенародно,
Что изъ царства вонъ уйдемъ!

У волоховъ иль цесарцевъ, —
Гдѣ-нибудь найдемъ пріютъ...
Вы смѣняли насъ на старцевъ,—
Давнихъ сѣятелей смутъ, —

Пусть на нихъ падетъ и царство!
Но въ вину не ставьте намъ,
Коль сосѣди государство
Все растащутъ по клочкамъ.

Коль поляки съ ханомъ крымскимъ
Русь подѣлятъ межъ собой:
Поклоняйтесь папамъ римскимъ,
Басурманьтесь съ татарвой!

Мы въ церквахъ положимъ вклады,
И поклонимся мощамъ,
Да и съ Богомъ!..“ — Всей громадой
Пали мы къ ея ногамъ:

„Что ты, матушка, какое
Слово молвишь?—говоримъ. —
Слово — самое пустое!
Нешто мы того хотимъ!

Знаемъ мы: безъ государей
Каковы дѣла пойдутъ!
Заѣдятъ народъ бояре
Да въ латинство поведутъ!..

Все тѣ старцы-лиходѣи!
Чтобы пусто было имъ!
Нешто мы архіереи?
Что мы въ книгахъ разглядимъ?

Ты ужъ смилуйся, пожалуй,
Хоть жалѣючи Земли!..
А за грубость — насъ до малу
Жестоко казнить вели!“

Ждемъ, что скажетъ?.. И сказала:
„Встаньте! вѣрныхъ Россіянъ
Вижу въ васъ! Я такъ и знала!..
Бойся жъ насъ ты, крымскій ханъ!..

Пиръ готовъ, а въ гости будемъ!..“
Мы — „ура!“ на весь народъ,
А она начальнымъ людямъ
„Выйти, — крикнула, — впередъ!“

И велитъ дьякамъ приказнымъ
Награждать кого казной,
А кого имѣньемъ разнымъ,
Соболями аль землей,

А кого боярскимъ саномъ, —
А для прочихъ молодцовъ
Говоритъ: „Три дня быть пьянымъ
Съ нашихъ царскихъ погребовъ!..“

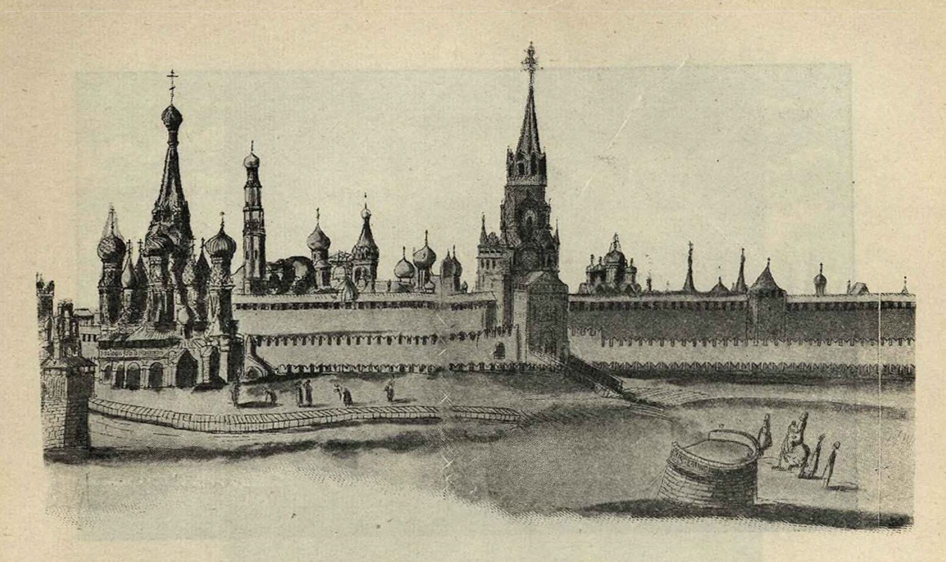
И была жъ гульба въ столицѣ!
Будетъ помнить царскій градъ!..
Чернецы жъ сидятъ въ темницѣ,
И сидятъ, стрѣльцовъ корятъ:

„Такъ-то вѣру отстояли,
Вы, стрѣлецкіе полки!
Прогуляли, промѣняли
На царевы кабаки!“

— „Ладно, братцы! щи вамъ съ кашей!
Что, братъ, скажешь? хороша?
Лучше нѣтъ царевны нашей!
Вотъ, какъ есть совсѣмъ душа!“

Царевна Софья.

Московскій Кремль въ XVII вѣкѣ.

Видъ государева дворца въ московскомъ Кремлѣ въ XVII вѣкѣ.

Московскій Кремль въ концѣ XVIII вѣка.

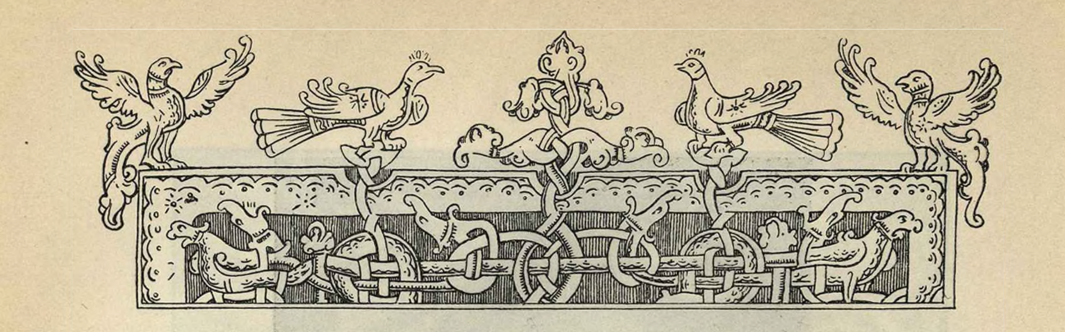

Московскій Кремль въ XX вѣкѣ.

1672—1682—1725.

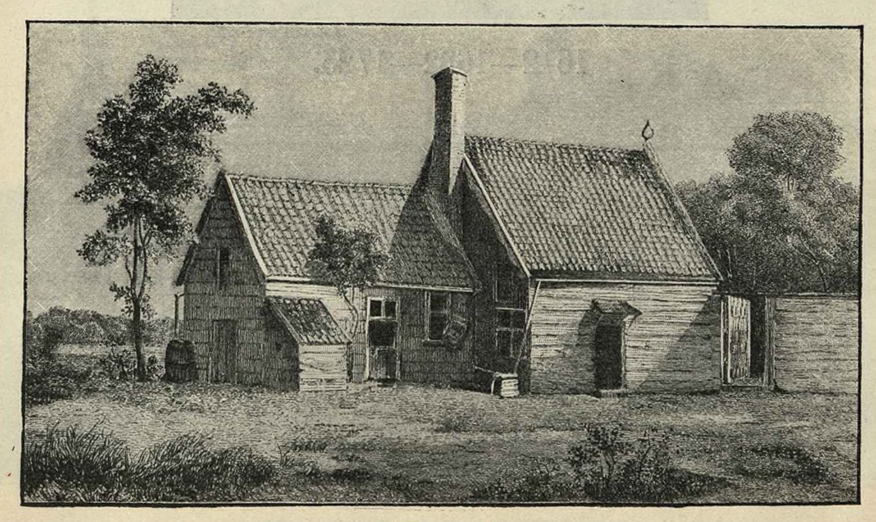
Петръ I Великій.

Въ Саардамскомъ домикѣ.

В. Жуковскій.

Надъ бѣдной хижиною сей
Витаютъ ангелы святые:
Великій князь, благоговѣй!
Здѣсь колыбель имперіи твоей,
Здѣсь родилась великая Россія!

Домикъ, гдѣ жилъ Петръ I въ Саардамѣ.

На рожденіе Петра Великаго.

Народная пѣсня.

А что свѣтелъ, радошенъ во Москвѣ
Благовѣрный царь Алексѣй, царь Михайловичъ?
Народилъ Богъ ему сына, царевича, Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ.
Всѣ-то русскіе какъ плотники-мастеры
Во всю ноченьку не спали, колыбель-люльку дѣлали
Они младому царевичу;
А и нянюшки-мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки,
Во всю ноченьку не спали, одѣялицо вышивали,
По бѣлу рыту бархату онѣ краснымъ золотомъ;
Бояре тюрьмы съ покаянными всѣ распущали;
А погребы царскіе они всѣ растворяли.
У царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости,
А князи сбиралися, бояре съѣзжалися, и дворяне сходилися,
А все народъ Божій: на пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются,—
Во весельи, въ радости не видали, какъ дни прошли
Для младого царевича, Петра Алексѣевича,
Перваго императора.

Сказаніе о Петрѣ Великомъ

въ преданіяхъ Сѣвернаго края.

А Майковъ.

Когда насъ еще на свѣтѣ не было,
Да и дѣды дѣдовъ нашихъ еще не жили,
И людей на свѣтѣ было малость мальская,
Цари въ ту пору земли себѣ дѣлили.
Въ ту ли пору было стародавнюю,
    Наше мѣсто было не завѣдомо
    Никакимъ царемъ, ни бояриномъ;
    Ни лихимъ человѣкомъ удалымъ;
    А въ лѣсу-то звѣря разводилося:
    Что ни кустъ—лисица со куницею,

Что ни пень—медвѣдь со во́лчищемъ;
А и рыбы въ рѣкахъ наплодилося,
Хоть рукой имай, аль корцомъ черпай.

Полюбилось наше мѣсто вольное,
Полюбилось оно царю свейскому;
Запримѣтилъ тоже Пётра, русскій царь,
Что ручьи у насъ глубокіе,
Рѣки долгія, широкія,
А морямъ—и нѣтъ конца!
Снарядился самъ на поиски
На своей ли лодкѣ изукрашенной,

Серебромъ ли порасkладенной
Золотымъ рулемъ приправленной
Самъ съ бояры и вельможами.
Царь же свейскій заспесивился,
Не поѣхалъ самъ, послалъ начальниковъ
Во полонъ забрать всю воду съ рыбою,
И лѣса со звѣремъ всякіимъ,
Чтобъ владѣти ему по вѣки.

Какъ по морю, морю Ладожску
Ѣдетъ-катитъ Пётра-царь на поиски;
Самъ сидитъ въ кормѣ на лодочкѣ,
Золотымъ рулемъ поворачиваетъ,—
Анъ навстрѣчу супостатъ ему,
Въ лодкахъ писанныхъ, узорчатыхъ,
Съ шелковой покрышкой алою.

Не ясенъ соколъ налеталъ на лебедь бѣлую,
И не лебедь смутилъ воду синюю:
То летятъ, воду рябятъ—лодки свейскія,
На цареву лодку крѣпкую;
Съ шумомъ, свистомъ прорываючись,
Въ мелкій черень искрошить хотятъ.

Не стерпѣлъ тутъ Пётра, понасупился,
Очи ясныя поразсвѣтились,
И румянецъ сталъ во всю щеку—
Да какъ крикнетъ онъ вельможамъ-боярамъ:
„Поубавимъ спеси царю свейскому!
Силой, что ль, сгубить его начальниковъ?
Аль пустить съ бѣлымъ валомъ пучинистымъ?“
И промолвили вельможи-бояры:

Петръ I и дьяконъ Зотовъ.

вселюбезнейшей и паче живота телесного дражайшей
матушке моей государыне царице и великой
княгине Наталии Кирилловне сынишка твой в рабо
те пребывающий Петрушка благословения прошу
а о твоем здравии слышать желаю а у нас молитвами
твоими здорово все а озеро все вскрылось сего 20 числа
и суды все кроме большого корабля в отделке только за ка
натами станет и о том милости прошу чтоб
те канаты по семисот сажен из Пушкарского
приказу не мешкав присланы были а за ними дело
станет и житье наше продлится
по сем паки благословения прошу из Переславля
апреля 20.
1689

Письмо Петра Великаго къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ съ Переяславскаго озера.

„Не по что намъ, царь, грѣха брать на душу,
Души грѣшныя ихъ, некрещеныя,
Все же души человѣческія —
Пусть умрутъ отъ вѣтра-сивера,
Отъ валовъ умрутъ разсыпчатыхъ!“
Какъ промолвили вельможи-бояры,
Отъ ремня, съ груди, отвязывалъ,
Царь взялъ въ руки золотой рожокъ,
Протрубилъ на всѣ четыре стороны...
Разносился голосъ по темнымъ водамъ—
Становилася вдругъ темень Божія,
Собирались вѣтры въ тучу густую,
Расходились воды ярыя:
Валъ вала встаетъ, подталкиваетъ,
Вѣтры гребни имъ подтягиваютъ;
Налетѣлъ вѣтеръ на лодки свейскія,
Посрывалъ покровы алые,
Побросалъ далеко по морю;
Нагнала тутъ ихъ вода ярая:
Валъ живой горой идетъ-тянется,
Бѣлымъ гребнемъ отливается;
Подошелъ тутъ первый валъ: онъ приподнялъ,
Стоймя приподнялъ онъ лодки свейскія;
Налетѣлъ второй валъ: принакренилъ ихъ;
А и третій: онъ ужъ тутъ какъ тутъ,
Захлестнулъ навѣкъ начальниковъ...
Разступилась вода надвое,
Ушли камнемъ въ топь глубокую
Души грѣшныя, некрещеныя...

Императоръ Петръ.

Историческая пѣсня.

А ходилъ-гулялъ добрый молодецъ по чисту полю,
Искалъ себѣ поединщичковъ,
И находилъ во чистомъ полѣ:
Сидятъ шестьдесятъ удалыхъ-добрыхъ молодцовъ
И подѣляютъ ёны золоту казну.
И приходитъ этотъ дороднiй-добрый молодецъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Ай же вы, удалы-дородни-добры молодцы!

Дайте мнѣ-ка-ва золотой казны
Хоть малый жеребеечекъ?“
И проговорятъ всѣ удалы-добры молодцы:
„Голячекъ ты, удаленькій молодецъ!
Не можешь нажить себѣ золотой казны!
А не дадимъ тебѣ малаго жеребеечка,
А не дадимъ тебѣ и трехъ рублей,
А не дадимъ тебѣ и трехъ алтынъ!“
Показалось ему это слово
За досаду—за обиду за великую.
Ухватилъ черленый вязъ
И ударилъ черленымъ вязомъ по сырой землѣ:
Отъ того удара богатырскаго
Мать сыра земля сколыбалася,
А добры молодцы испугалися,
По чисту полю разбѣгалися,
И оставили ёны золоту казну.
Взялъ удалый-добрый молодецъ золоту казну
И понесъ въ каменну Москву.
Приходитъ въ каменну Москву на царевъ кабакъ,
И купилъ-бралъ зелена вина.
Самъ говорилъ таковы слова:
„А пейте, братцы, зелена вина!
Не пропить моей золотой казны:
Есть у меня золотой казны сорокъ тысячей“.
И пригодилися служки монастырскія,
И доносили его царскому величеству.
И приводятъ этого удалого-добра молодца.
И сталъ царь его допрашивати:
„Скажи, скажи, удалый-дородній-добрый молодецъ:
Былъ ли ты красть монастыря Румянцева
И былъ ли ты нести золотой казны?“
Говоритъ удалый-добрый молодецъ:
„Ай же ты, царь, Петръ Алексиевичъ!
А не былъ я красть монастыря Румянцева
И не былъ я нести золотой казны.
А ходилъ-гулялъ по чисту полю
И находилъ во чистомъ полѣ
Шестьдесятъ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ,
И подѣляютъ ёны золоту казну,
И золотой казны сорокъ тысячей;
И просилъ я у нихъ золотой казны
Хотя малаго жеребеечка.
А ёны говорятъ, удалые молодцы:

„Голячекъ ты, удаленькій молодецъ!
Не можешь нажить себѣ золотой казны!
А не дадимъ тебѣ малаго жеребеечка,
А не дадимъ тебѣ и трехъ рублей,
А не дадимъ тебѣ и трехъ алтынъ!“
Показалось мнѣ это слово
За досаду, за обиду за великую;
Ухватилъ я черленый вязъ
И ударилъ черленымъ вязомъ по сырой землѣ:
Отъ того удара богатырскаго
Мать сыра земля сколыбалася,
А добры молодцы испугалися,
По чисту полю разбѣгалися,
И оставляли ёны золоту казну“.
Проговорилъ его царское величество:
„Ай же ты, удалый-дороднiй-добрый молодецъ!
Ходи-гуляй по чисту полю
И стой за вѣру христіанскую!“

Царь Петръ.

Народная сказка.

Наѣхалъ царь Петръ въ лѣсу на мужика: мужикъ дрова сѣкетъ. И говоритъ ему царь: „Божья ти помочь крестьянствовати!“—Мни-ка надо Бога на помочь! „А велико ли у тебя, старичокъ, семейство?“— А семейство у меня: двѣ дочери да два сына. „Не велико жъ твое семейство. Куда же ты деньги кладешь?“—Кладу я деньги на три статьи: во-первыхъ, долгъ плачу, а въ-другихъ, въ долгъ даю, а въ-третьихъ, въ воду мечу. Царь призадумался, что бы это значило, что старикъ и въ долгъ даетъ, и долгъ платитъ, и въ воду мечетъ. И говоритъ ему старикъ:—Въ долгъ даю,—двухъ сыновей кормлю; долгъ плачу,— стараго отца и мать кормлю; а въ воду мечу,—двухъ дочерей кручу. „Ну,—говоритъ ему царь,—умная ты голова, старичокъ. Будутъ со святой Руси бѣлые гуси, умѣй-ка щипать. А теперь сведи меня въ степи, я дороги не знаю“.—Почто я тебя поведу? Найдешь самъ дорогу: иди прямо, сверни вправо, тутъ повороти влѣво, а тамъ опять вправо. „Этой я грамоты,—говорить царь,—не знаю. Ты меня сведи“.—А мнѣ, сударь, въ крестьянствѣ день дорого стоитъ. „Дорого день стоитъ, да я тебѣ заплачу“.—А заплатишь, такъ поѣдемъ.

Сѣли они въ одноколку и поѣхали. Дорогой сталъ царь мужичка выспрашивать: „Далече ль, мужичокъ, бывалъ?“—Кое-куда бывалъ, су-

Петръ Великій.
(Скульптура М. М. Антокольскаго).

дарь. „А видалъ ли царя?“ — Царя не видалъ, а набъ посмотрѣть: согласился бы и помереть. „Такъ смотри: въ степяхъ царь будетъ“.—А какъ я царя узнаю? „Всѣ будутъ безъ шапокъ бѣгать: одинъ царь въ шапкѣ“. Какъ пріѣхали въ степь, увидали люди царя, всѣ шапки подъ пазухи, бѣгомъ бѣгаютъ. А мужикъ ширитъ глаза: двое стоятъ въ шапкахъ, и спрашиваетъ: — Кто же царь? Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: „Видно, кто-нибудь изъ насъ царь!“

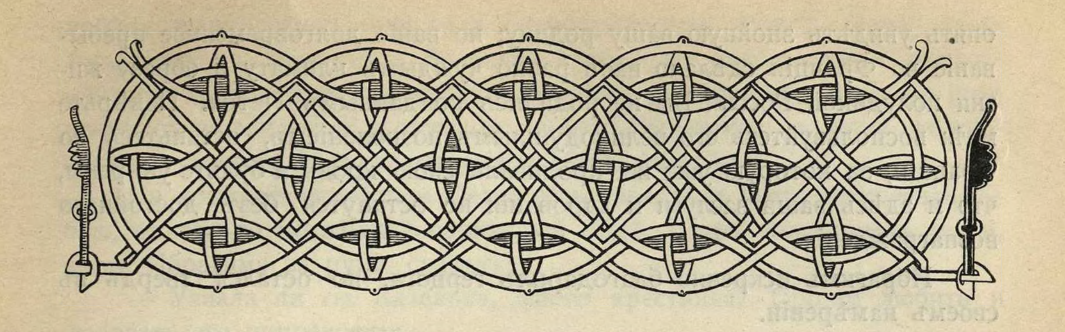

Кто онъ?

А. Майковъ.

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ.
Только вотъ—рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Челнъ осматривалъ дырявый
И бранился и вздыхалъ.
Всадникъ подлѣ—онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: „Здравствуй, дѣдъ!“
А старикъ всердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.
Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
„Поздоровится тутъ, жди!
Времена ужъ не такія...
Жди, да у моря сиди.
Вамъ вѣдь все ничто, боярамъ,
А челнокъ для рыбака
То жъ, что бабѣ веретена
Али конь безъ сѣдока.
Шведы ль, наши ль шли тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ—ото всѣхъ
Нынче пахнетъ табачищемъ...
Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ!
Чуть кого вдали завидишь—
Смотришь, въ лѣсъ бы...Вѣдь грѣшно!..
Лодка, вишь, имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно...
Да, ужъ стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!..
Изъ-подъ Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ“.
Всадникъ прочь съ коня, и молча
За работу принялся;
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.
Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото—
И челнокъ на славу вышелъ,
А вѣдь былъ, что рѣшето.
„Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сѣть на счастье
На Петрово попытай“.—
„На Петрово! эко слово
Молвилъ!—думаетъ рыбакъ.—
Съ топоромъ гляди какъ ловокъ...
А по рѣчи... Какъ же такъ?..“
И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,—
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

Арапъ Петра Великаго.

А. Пушкинъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ числѣ молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ Великимъ въ чужіе края для пріобрѣтенія свѣдѣній, необходимыхъ государству преобразованному, находился его крестникъ, арапъ Ибрагимъ. Онъ обучался въ парижскомъ военномъ училищѣ, выпущенъ былъ капитаномъ артиллеріи, отличился въ испанской войнѣ—и тяжело раненый возвратился въ Парижъ. Императоръ, посреди обширныхъ своихъ трудовъ, не переставалъ освѣдомляться о своемъ любимцѣ и всегда получалъ лестные отзывы насчетъ его успѣховъ и поведенія. Петръ былъ чрезвычайно имъ доволенъ и неоднократно звалъ его въ Россію; но Ибрагимъ не торопился. Онъ отговаривался подъ различными предлогами: то раною, то желаніемъ усовершенствовать свои познанія, то недостаткомъ въ деньгахъ; и Петръ снисходительствовалъ его просьбамъ просилъ заботиться о своемъ здоровьѣ, благодарилъ за ревность къ ученію и, крайне бережливый въ собственныхъ своихъ расходахъ, не жалѣлъ для него своей казны, присовокупляя къ червонцамъ отеческіе совѣты и предостерегательныя наставленія.

Однажды Ибрагимъ былъ у выхода герцога Орлеанскаго. Герцогъ, проходя мимо него, остановился и, вручивъ ему письмо, приказалъ прочесть на досугѣ. Это было письмо Петра I. Государь писалъ герцогу, что онъ ни въ чемъ неволить Ибрагима не намѣренъ, что представляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или нѣтъ; но что, во всякомъ случаѣ, онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Это письмо тронуло Ибрагима до глубины сердца. Съ этой минуты участь его была рѣшена. На другой день онъ объявилъ регенту свое намѣреніе немедленно отправиться въ Россію.

— Подумайте о томъ, что дѣлаете,—сказалъ ему герцогъ:—Россія не есть ваше отечество; не думаю, чтобы вамъ когда-нибудь удалось

опять увидѣть знойную вашу родину; но ваше долговременное пребываніе во Франціи сдѣлало васъ равно чуждымъ климату и образу жизни полудикой Россіи. Вы не родились подданнымъ Петра. Повѣрьте мнѣ: воспользуйтесь его великодушнымъ позволеніемъ, останьтесь во Франціи, за которую уже вы проливали свою кровь, и будьте увѣрены, что и здѣсь ваши заслуги и дарованія не останутся безъ достойнаго вознагражденія.

Ибрагимъ искренно благодарилъ герцога, но остался твердъ въ своемъ намѣреніи.

— Жалѣю,—сказалъ ему регентъ,—но, впрочемъ, вы правы.

Онъ обѣщалъ ему отставку и написалъ обо всемъ русскому царю.

Ибрагимъ скоро собрался въ дорогу.

Путешествіе не показалось ему столь ужасно, какъ онъ того ожидалъ. Воображеніе его восторжествовало надъ существенностью. Чѣмъ болѣе удалялся онъ отъ Парижа, тѣмъ живѣе, тѣмъ ближе представлялъ онъ себѣ предметы, имъ покидаемые навѣкъ.

Нечувствительнымъ образомъ очутился онъ на русской границѣ. Осень уже наступила; но ямщики, несмотря на дурную дорогу, везли его съ быстротою вѣтра, и въ 17 дней своего путешествія прибылъ онъ утромъ въ Красное Село, черезъ которое шла тогдашняя большая дорога.

Оставалось 28 верстъ до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ вошелъ въ ямскую избу. Въ углу человѣкъ высокаго роста, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою во рту, облокотясь на столъ, читалъ гамбургскія газеты. Услышавъ, что кто-то вошелъ, онъ поднялъ голову.

— Ба, Ибрагимъ!—закричалъ онъ, вставая съ лавки.—Здорово, крестникъ!

Ибрагимъ узналъ Петра, въ радости къ нему бросился, но почтительно остановился. Государь приблизился, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову.

— Я былъ предувѣдомленъ о твоемъ пріѣздѣ,—сказалъ Петръ,—и поѣхалъ тебѣ навстрѣчу. Жду тебя здѣсь со вчерашняго дня.

Ибрагимъ не находилъ словъ для изъясненія своей благодарности.

— Вели же,—продолжалъ государь,—твою повозку везти за нами, а самъ садись со мною—и поѣдемъ ко мнѣ.

Подали государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибрагимомъ, и они поскакали. Черезъ полтора часа они пріѣхали въ Петербургъ. Ибрагимъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болота по манію своего государя. Обнаженныя плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю

побѣду человѣческой воли надъ сопротивленіемъ стихій. Дома, казалось, наскоро построены. Во всемъ городѣ не было ничего великолѣпнаго, кромѣ Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась у дворца, такъ называемаго Царицына Сада.

На крыльцѣ встрѣтила Петра женщина лѣтъ 35-ти, прекрасная собою, одѣтая по послѣдней парижской модѣ. Петръ поцѣловалъ ее и, взявъ Ибрагима за руку, сказалъ:

— Узнала ли ты, Катенька, моего крестника? Прошу любить и жаловать его попрежнему.

Екатерина устремила на него черные, проницательные глаза и благосклонно протянула ему ручку. Двѣ юныя красавицы, высокія, стройныя, свѣжія, какъ розы, стояли за нею и почтительно приблизились къ Петру.

— Лиза,—сказалъ онъ одной изъ нихъ,—помнишь ли ты маленькаго арапа, который для тебя кралъ у меня яблоки въ Ораніенбаумѣ? Вотъ онъ; представляю тебѣ его.

Великая княжна засмѣялась и покраснѣла. Пошли въ столовую. Въ ожиданіи государя столъ былъ накрытъ. Петръ со всѣмъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ и Ибрагима. Во время обѣда государь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ, разспрашивалъ его объ испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о регентѣ, котораго онъ любилъ, хотя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ. Петръ былъ очень доволенъ его отвѣтами; онъ вспомнилъ нѣкоторыя черты Ибрагимова младенчества и разсказывалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселостью, что никто въ ласковомъ и гостепріимномъ хозяинѣ не могъ бы подозрѣвать героя полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

Послѣ обѣда государь, по русскому обыкновенію, пошелъ отдохнуть. Ибрагимъ остался съ императрицей и великими княжнами. Онъ старался удовлетворить ихъ любопытству, описывалъ образъ парижской жизни, тамошніе праздники и своенравныя моды. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ особъ, приближенныхъ къ государю, собрались во дворецъ. Ибрагимъ узналъ великолѣпнаго князя Меншикова, который, увидя арапа, разговаривающаго съ Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукаго, крутого совѣтника Петра; ученаго Брюса, прослывшаго въ народѣ русскимъ Фаустомъ; молодого Рагузинскаго, бывшаго своего товарища, и другихъ, пришедшихъ къ государю съ докладами и за приказаніями.

Государь вышелъ часа черезъ два.

— Посмотримъ, — сказалъ онъ Ибрагиму, — не забылъ ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску да ступай за мною.

Петръ заперся въ токарнѣ и занялся государственными дѣлами. Онъ по очереди работалъ съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорукимъ, съ генералъ-полицмейстеромъ Девіеромъ, и продиктовалъ Ибрагиму нѣсколько указовъ и рѣшеній.

Ибрагимъ не могъ надивиться быстрому и твердому его разуму, силѣ и гибкости вниманія и разнообразію дѣятельности. По окончаніи трудовъ Петръ вынулъ карманную книжку, чтобы справиться, все ли имъ предполагаемое на сей день исполнено. Потомъ, выходя изъ токарни, сказалъ Ибрагиму:

— Ужъ поздно: ты, я чай, усталъ; ночуй здѣсь, какъ бывало въ старину; завтра я тебя разбужу.

Ибрагимъ, оставшись наединѣ, едва могъ опомниться. Онъ находился въ Петербургѣ: онъ видѣлъ вновь великаго человѣка, близъ котораго, еще не зная ему цѣны, провелъ онъ свое младенчество. Онъ увидѣлъ, что новый образъ жизни, ожидающей его, дѣятельность и постоянныя занятія могутъ оживить его душу, утомленную страстями, праздностью и тайнымъ уныніемъ. Мысль быть сподвижникомъ великаго человѣка и совокупно съ нимъ дѣйствовать на судьбу великаго народа возбудила въ немъ въ первый разъ благородное чувство честолюбія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

На другой день Петръ, по своему обѣщанію, разбудилъ Ибрагима и поздравилъ его капитанъ-лейтенантомъ бомбардирской роты Преображенскаго полка, въ которомъ онъ самъ былъ капитаномъ. Придворные окружили Ибрагима, всякій по-своему стараясь обласкать новаго любимца. Надменный князь Меншиковъ дружески пожалъ ему руку; Шереметевъ освѣдомился о своихъ парижскихъ знакомыхъ, а Головинъ позвалъ обѣдать. Сему послѣднему примѣру послѣдовали и прочіе, такъ что Ибрагимъ получилъ приглашеній, по крайней мѣрѣ, на цѣлый мѣсяцъ.

Ибрагимъ проводилъ дни однообразные, но дѣятельные,—слѣдовательно, не зналъ скуки. Онъ день ото дня болѣе привязывался къ государю, лучше постигалъ его высокую душу. Слѣдовать за мыслями великаго человѣка есть наука самая занимательная. Ибрагимъ видалъ Петра въ Сенатѣ, оспариваемаго Бутурлинымъ и Долгорукимъ, разбирающаго важные вопросы законодательства; въ адмиралтейской коллегіи, утверждающаго морское величіе Россіи; видалъ его съ Ѳеофаномъ, Гавріиломъ Бужинскимъ и Копіевичемъ, въ часы отдохновенія разсматривающаго переводы иностранныхъ публицистовъ, или посѣщающаго фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинетъ ученаго. Россія представлялась Ибрагиму огромной мастерскою, гдѣ движутся однѣ машины, гдѣ каждый работникъ, подчиненный заведенному порядку, занятъ своимъ дѣломъ. Онъ почиталъ и себя обязаннымъ трудиться у соб-

ственнаго станка и старался какъ можно менѣе сожалѣть объ увеселеніяхъ парижской жизни.

Однажды утромъ сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный дѣловыми бумагами, какъ вдругъ услышалъ громкое привѣтствіе на французскомъ языкѣ. Ибрагимъ съ живостью оборотился,—и молодой Корсаковъ, котораго оставилъ онъ въ Парижѣ, въ вихрѣ большого свѣта, обнялъ его съ радостными восклицаніями.

— Я сейчасъ только пріѣхалъ, — сказалъ Корсаковъ,—и прямо прибѣжалъ къ тебѣ. Всѣ наши парижскіе знакомые тебѣ кланяются, жалѣютъ о твоемъ отсутствіи. Какъ я радъ, что ты еще не умеръ со скуки въ этомъ варварскомъ Петербургѣ! Что здѣсь дѣлаютъ? чѣмъ занимаются? кто твой портной? заведена ли у васъ хоть опера? Въ другое время наговоримся досыта; ѣду представляться государю.

Съ этимъ словомъ онъ перевернулся на одной ножкѣ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Ибрагимъ собрался ѣхать въ адмиралтейство, надѣясь тамъ застать еще Корсакова, но дверь отворилась, и самъ Корсаковъ явился опять. Онъ уже представлялся государю—и по своему обыкновенію казался очень собою доволенъ.

— Entre nous,—сказалъ онъ Ибрагиму: — государь—престранный человѣкъ: вообрази, что я засталъ его въ какой-то холстяной фуфайкѣ, на мачтѣ новаго корабля, куда принужденъ я былъ карабкаться съ моими депешами. Я стоялъ на веревочной лѣстницѣ и не имѣлъ довольно мѣста, чтобы сдѣлать приличный реверансъ, и совершенно замѣшался, чего отроду со мною не случалось. Однакожъ государь, прочитавъ бумаги, посмотрѣлъ на меня съ головы до ногъ и, вѣроятно, былъ пріятно пораженъ вкусомъ и щегольствомъ моего наряда; по крайней мѣрѣ, онъ улыбнулся и позвалъ меня на сегодняшнюю ассамблею. Но я въ Петербургѣ совершенно чужестранецъ: во время шестилѣтняго отсутствія я вовсе позабылъ здѣшнія обыкновенія; пожалуйста, будь сегодня моимъ менторомъ, заѣзжай за мной и представь меня. Я пойду отдохну съ дороги: не забудь же за мною заѣхать.

Ибрагимъ былъ бы очень радъ избавиться, но ассамблея была—дѣло должностное, и государь строго требовалъ присутствія своихъ приближенныхъ. Онъ одѣлся и поѣхалъ за Корсаковымъ.

Корсаковъ сидѣлъ въ шлафрокѣ, читая французскую книгу.

— Такъ рано?—сказалъ онъ Ибрагиму, увидя его.

— Помилуй! — отвѣчалъ тотъ.—Ужъ половина шестого, мы опоздаемъ; скорѣй одѣвайся и поѣдемъ.

Корсаковъ засуетился, сталъ звонить изо всей мочи; люди сбѣжались; онъ сталъ поспѣшно одѣваться. Французъ-камердинеръ подалъ ему башмаки съ красными каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтанъ, шитый блестками; въ передней наскоро пудрили парикъ;

его принесли; Корсаковъ всунулъ въ него стриженую голову, потребовалъ шпагу и перчатки, разъ десять перевернулся передъ зеркаломъ и объявилъ Ибрагиму, что онъ готовъ. Гайдуки подали имъ медвѣжьи шубы,—и они поѣхали въ Зимній дворецъ.

Корсаковъ осыпалъ Ибрагима вопросами: кто въ Петербургѣ первая красавица? кто славится первымъ танцовщикомъ? какой танецъ нынче въ модѣ? Ибрагимъ весьма неохотно удовлетворялъ его любопытству. Между тѣмъ они подъѣхали ко дворцу. Множество длинныхъ саней, старыхъ колымагъ и раззолоченныхъ каретъ стояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера въ ливреяхъ и въ усахъ; скороходы, блистающіе мишурою, въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажи, неуклюжіе гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своихъ господъ,—свита, необходимая по понятіямъ бояръ того времени. При видѣ Ибрагима поднялся между ними общій шопотъ: арапъ, арапъ, царскій арапъ! Онъ поскорѣе провелъ Корсакова сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей отворилъ имъ двери настежь, и они вошли въ залу. Корсаковъ остолбенѣлъ... Въ большей комнатѣ, освѣщенной сальными свѣчами, которыя тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыма, вельможи съ голубыми лентами черезъ плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, корабельные мастера въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ, толпою двигались взадъ и впередъ при безпрерывномъ звукѣ духовой музыки. Дамы сидѣли около стѣнъ; молодыя убраны были со всею роскошью моды. Золото и серебро сіяло на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія; алмазы сверкали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повертывались направо и налѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя старались хитро сочетать новый образъ одежды съ гонимой стариною: чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Натальи Кирилловны, а робронды и мантильи какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, нежели съ удовольствіемъ, присутствовали на этихъ нововведенныхъ игрищахъ и съ досадою косились на женъ и дочерей голландскихъ шкиперовъ, которыя, въ канифасныхъ юбкахъ и въ красныхъ кофточкахъ, вязали свой чулокъ, между собой смѣялись и разговаривали, какъ будто дома.

Замѣтя новыхъ гостей, слуга подошелъ къ нимъ съ пивомъ и стаканами на подносѣ. Корсаковъ не могъ опомниться.

— Que diable est ce que tout cela?—спрашивалъ Корсаковъ вполголоса у Ибрагима.

Ибрагимъ не могъ не улыбнуться. Императрица и великія княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. Корсаковъ, желая ему показаться, насилу могъ туда пробраться сквозь безпрестанно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли, большею частію, ино-

странцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ широкоплечимъ англійскимъ шкиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга залпами табачнаго дыма, и государь такъ былъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего противника, что не замѣтилъ Корсакова, какъ онъ около нихъ ни вертѣлся. Въ это время толстый господинъ, съ толстымъ букетомъ на груди, суетливо вошелъ, объявилъ громогласно, что танцы начались, и тотчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей, въ томъ числѣ и Корсаковъ.

Ассамблея при Петрѣ.

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцевальной залы, при звукахъ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга; кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь направо, потомъ налѣво, потомъ опять прямо, опять направо и такъ далѣе. Корсаковъ, смотря на сіе затѣйливое препровожденіе времени, таращилъ глаза и кусалъ себѣ губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ, они прекратились, и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились, и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ.

Корсаковъ обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостьями одна въ особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лѣтъ: она была одѣта богато, но со вкусомъ, и сидѣла подлѣ мужчины пожилыхъ лѣтъ, вида важнаго и суроваго. Корсаковъ къ ней разлетѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ танцевать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣшательствомъ и, казалось, не знала, что ему сказать. Мужчина, сидѣвшій подлѣ нея, нахмурился еще

болѣе. Корсаковъ ждалъ ея рѣшенія; но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему, отвелъ на середину залы и важно сказалъ:

— Государь мой, ты провинился: во-первыхъ, подошелъ къ сей молодой персонѣ, не отдавъ ей три должные реверанса, а во-вторыхъ, взявъ на себя самому ее выбрать, тогда какъ въ менуэтахъ право сіе подобаетъ дамѣ, а не кавалеру; сего ради имѣешь ты быть весьма наказанъ, именно: долженъ выпить кубокъ большого орла.

Корсаковъ часъ отъ часу болѣе дивился. Въ одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленнаго исполненія закона. Петръ, услыша хохотъ и крики, вышелъ изъ другой комнаты, будучи большой охотникъ лично присутствовать при таковыхъ наказаніяхъ. Передъ нимъ толпа раздвинулась, и онъ вступилъ въ кругъ, гдѣ стоялъ осужденный и передъ нимъ маршалъ ассамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазіей. Онъ тщетно уговаривалъ преступника добровольно повиноваться закону.

— Ага!—сказалъ Петръ, увидя Корсакова:—попался, братъ. Изволь же, мосье, пить и не морщиться.

Дѣлать было нечего: бѣдный щеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и отдалъ его маршалу.

— Послушай, Корсаковъ,—сказалъ ему Петръ:—штаны-то на тебѣ бархатные, какихъ и я не ношу, а я тебя гораздо богаче. Это — мотовство: смотри, чтобъ я съ тобой не побранился.

Выслушавъ сей выговоръ, Корсаковъ хотѣлъ выйти изъ круга, но зашатался и чуть не упалъ, къ неописанному удовольствію государя и всей веселой компаніи. Сей эпизодъ не только не повредилъ единству и занимательности главнаго дѣйствія, но еще оживилъ его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы присѣдать и постукивать каблучками съ большимъ усердіемъ и ужъ вовсе не наблюдая коданса. Корсаковъ не могъ участвовать въ общемъ весельѣ. Дама, имъ выбранная, по повелѣнію отца своего, Гаврилы Аѳанасьевича Ржевскаго, подошла къ Ибрагиму и, потупя голубые глаза, робко подала ему руку. Ибрагимъ протанцовалъ съ нею менуэтъ и отвелъ ее на прежнее мѣсто; потомъ, отыскавъ Корсакова, вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карету и отвезъ домой. Дорогою Корсаковъ сначала невнятно лепеталъ: „Проклятая ассамблея!.. проклятый кубокъ большого орла!..“ но вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ пріѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили, и проснулся на другой день съ головною болью, смутно помня шарканья, присѣданья, табачной дымъ, господина съ букетомъ и кубокъ большого орла.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Русланъ и Людмила.

Теперь долженъ я благосклоннаго читателя познакомить съ Гаврилою Аѳанасьевичемъ Ржевскимъ. Онъ происходилъ отъ древняго боярскаго рода, владѣлъ огромнымъ имѣнiемъ, былъ хлѣбосолъ, любилъ соколиную охоту, дворня его была многочисленна,—словомъ, онъ былъ коренной русскiй баринъ: по его выраженiю, не терпѣлъ нѣмецкаго духа и старался въ домашнемъ быту сохранить обычай любезной ему старины. Дочери его было семнадцать лѣтъ отроду. Еще ребенкомъ лишилась она матери. Она была воспитана по-старинному, т.-е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и сѣнными дѣвушками; шила золотомъ и не знала грамоты. Отецъ ея, несмотря на отвращенiе свое отъ всего заморскаго, не могъ противиться ея желанiю учиться пляскамъ нѣмецкимъ у плѣннаго шведскаго офицера, живущаго въ ихъ домѣ. Сей заслуженный танцмейстеръ имѣлъ лѣтъ пятьдесятъ отроду; правая нога была у него прострѣлена подъ Нарвой и потому была не весьма способна къ менуэтамъ и курантамъ, зато лѣвая съ удивительнымъ искусствомъ и легкостью выдѣлывала самыя трудныя па. Ученица дѣлала честь его старанiямъ: Наталья Гавриловна славилась на ассамблеяхъ лучшею танцовщицей, что и было отчасти причиною проступка Корсакова, который на другой день прiѣзжалъ извиняться передъ Гаврилою Аѳанасьевичемъ; но ловкость и щегольство молодого франта не понравились гордому боярину, который прозвалъ его остроумно—французской обезьяною.

День былъ праздничный. Гаврила Аѳанасьевичъ ожидалъ нѣсколько родныхъ и прiятелей. Въ старинной залѣ накрывали длинный столъ. Гости съѣзжались съ женами и дочерьми, наконецъ, освобожденными отъ затворничества домашняго указами государя и собственнымъ его примѣромъ. Наталья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный подносъ, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпилъ свою, жалѣя, что поцѣлуй, получаемый въ старину при такомъ случаѣ, вышелъ ужъ изъ обыкновенiя. Пошли за столъ. На первомъ мѣстѣ, подлѣ хозяина, сѣлъ тесть его князь Борисъ Алексѣевичъ Лыковъ, семидесятилѣтнiй бояринъ; прочiе гости, наблюдая старшинство рода и тѣмъ поминая счастливыя времена мѣстничества, сѣли—мужчины по одной сторонѣ, женщины по другой; на концѣ заняли свои привычныя мѣста—барская барыня, въ старинномъ шушунѣ и кичкѣ; карлица, тридцатилѣтняя малютка, чопорная и сморщенная, и плѣнный танцмейстеръ

въ синемъ поношенномъ мундирѣ. Столъ, уставленный множествомъ блюдъ, былъ окруженъ суетливой и многочисленной челядью, между которою отличался дворецкій строгимъ взоромъ, толстымъ брюхомъ и величавой неподвижностью. Первыя минуты обѣда посвящены были единственно на вниманіе къ произведеніямъ старинной нашей кухни; звонъ тарелокъ и дѣятельныхъ ложекъ возмущалъ одинъ общее безмолвіе. Наконецъ хозяинъ, видя, что время занять гостей пріятною бесѣдою, обратился и спросилъ:

— А гдѣ же Екимовна? Позвать ее сюда!

Нѣсколько слугъ бросилось было въ разныя стороны, но въ ту же минуту старая женщина, набѣленная и нарумяненная, убранная цвѣтами и мишурою, въ штофномъ роброндѣ, съ открытой шеей и грудью, вошла, припѣвая и подплясывая. Ея появленіе произвело общее удовольствіе.

— Здравствуй, Екимовна,—сказалъ князь Лыковъ,—каково поживаешь?

— По-добру, по-здорову, кумъ: поючи да пляшучи, женишковъ поджидаючи

— Гдѣ ты была, дура?—спросилъ хозяинъ.

— Наряжалась, кумъ, для дорогихъ гостей, для Божія праздника, по царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всему міру, по нѣмецкому маниру.

При сихъ словахъ поднялся громкій хохотъ, и дура стала на свое мѣсто, за стуломъ хозяина.

— А дура-то вретъ, вретъ, да и правду совретъ,—сказала Татьяна Аѳанасьевна, старшая сестра хозяина, сердечно имъ уважаемая.—Подлинно, нынѣшніе наряды—на смѣхъ всему міру. Коли ужъ и вы, батюшки, обрили себѣ бороду и надѣли кургузый кафтанъ, такъ про женское тряпье толковать, конечно, нечего; а, право, жаль сарафана, дѣвичьей ленты и повойника! Вѣдь посмотрѣть на нынѣшнихъ красавицъ—и смѣхъ и жалость: волоски-то взбиты, что войлокъ, насалены, засыпаны французскою мукою; животикъ перетянутъ такъ, что еле не перервется; исподницы напялены на обручи: въ калымагу садятся бочкомъ, въ двери входятъ—нагибаются, ни стать, ни сѣсть, ни духъ перевесть,—сущія мученицы, мои голубушки!

— Охъ, матушка Татьяна Аѳанасьевна!—сказалъ Кирила Петровичъ Т., бывшій въ Рязани воеводой, гдѣ нажилъ себѣ 3000 душъ и молодую жену, то и другое съ грѣхомъ пополамъ. — По мнѣ, жена какъ хочешь одѣвайся: хоть кутафьей, хоть болдыханомъ, только бъ не каждый мѣсяцъ заказывала себѣ новыя платья, а прежнія бросала новешенькія. Бывало, внучкѣ въ приданое доставался бабушкинъ сарафанъ; а нынѣшнія робронды—поглядишь, сегодня на барынѣ, а завтра на холопкѣ. Что дѣлать? Разореніе русскому дворянству! Бѣда, да и только.

При сихъ словахъ онъ со вздохомъ посмотрѣлъ на свою Марью Ильинишну, которой, казалось, вовсе не нравились ни похвалы старинѣ, ни порицаніе новѣйшихъ обычаевъ. Прочія красавицы раздѣляли ея неудовольствіе, но молчали, ибо скромность почиталась тогда необходимой принадлежностью молодой женщины.

— А кто виноватъ?—сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ, напѣня кружку кислыхъ щей.—Не мы ли сами? Молоденькія бабы дурачатся, а мы имъ потакаемъ.

— А что намъ дѣлать, коли не наша воля?—возразилъ Кирила Петровичъ.—Иной бы радъ былъ запереть жену въ теремѣ, а ее съ барабаннымъ боемъ требуютъ на ассамблею; мужъ за плетку, а жена за наряды. Охъ, ужъ эти ассамблеи! наказалъ насъ ими Господь за прегрѣшенія наши.

Марья Ильинишна сидѣла какъ на иголкахъ; языкъ у ней такъ и свербѣлъ; наконецъ, она не вытерпѣла и, обратясь къ мужу, спросила его съ кисленькой улыбкой, что находитъ онъ дурного въ ассамблеяхъ?

— А то въ нихъ дурно,—отвѣчалъ разгоряченный супругъ,—что съ тѣхъ поръ, какъ онѣ завелись, мужья не сладятъ съ женами; жены позабыли слово апостольское: жена да боится своего мужа; хлопочутъ не о хозяйствѣ, а объ обновахъ; не думаютъ, какъ бы мужу угодить, а какъ бы приглянуться офицерамъ-вертопрахамъ. Да и прилично ли, сударыня, русской боярынѣ или боярышнѣ находиться вмѣстѣ съ нѣмцами-табачниками, да съ ихъ работницами? слыхано ли дѣло, до ночи плясать и разговаривать съ молодыми мужчинами! и добро бы еще съ родственниками, а то съ чужими, съ незнакомыми!

— Сказалъ бы словечко, да волкъ недалечко,—сказалъ, нахмурясь, Гаврила Аѳанасьевичъ:—а признаюсь, ассамблеи и мнѣ не по праву,—того и гляди, что на пьянаго натолкнешься, аль и самого на смѣхъ пьянымъ напоятъ. Того и гляди, чтобъ какой-нибудь повѣса не напроказилъ чего съ дочерью, а нынче молодежь такъ избаловалась, что ни на что не похоже. Вотъ, напримѣръ, сынъ покойнаго Евграфа Сергѣевича Корсакова на прошедшей ассамблеѣ надѣлалъ такого шуму съ Наташей, что привелъ меня въ краску. На другой день, гляжу, катитъ ко мнѣ прямо на дворъ; я думалъ: кого-то Богъ несетъ, — ужъ не князя ли Александра Даниловича! Не тутъ-то было: Ивана Евграфовича! Небось, не могъ остановиться у воротъ да потрудиться пѣшкомъ дойти до крыльца—куды! влетѣлъ, расшаркался, разболтался, что и Боже упаси! Дура Екимовна уморительно его передразниваетъ, кстати: представь, дура, заморскую обезьяну.

Дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда, взяла подъ мышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во всѣ стороны, приговаривая: „мусье... мамзель... ассамблея... пардонъ“. Общій и продолжительный хохотъ снова изъявилъ удовольствіе гостей.

— Ни дать ни взять Корсаковъ,—сказалъ старый князь Лыковъ, отирая слезы отъ смѣха, когда спокойствіе мало-по-малу возстановилось.—А что грѣха таить? Не онъ первый, не онъ послѣдній воротился изъ Нѣметчины на святую Русь скоморохомъ. Чему тамъ научаются наши дѣти? Шаркать, болтать, Богъ вѣсть, на какомъ нарѣчіи, не почитать старшихъ да волочиться за чужими женами. Изъ всѣхъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ (прости Господи!), царскій арапъ всѣхъ болѣе на человѣка походитъ.

— Ахти, батюшка-князь,—сказала Татьяна Аѳанасьевна:—видѣла, видѣла его близехонько: какая ужъ у него страшная морда! перепугалъ онъ меня, грѣшную!

— Конечно,—замѣтилъ Гаврила Аѳанасьевичъ:—человѣкъ онъ степенный и порядочный, не чета вѣтрогону... Это кто еще въѣхалъ въ ворота на дворъ? Ужъ не опять ли обезьяна заморская! Вы что зѣваете, скоты?—продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ.—Бѣгите отказать ему; да чтобъ и впредь...

— Старая борода, не бредишь ли?—прервала дура Екимовна:—али ты слѣпъ: сани-то государевы, царь пріѣхалъ.

Гаврила Аѳанасьевичъ всталъ поспѣшно изъ-за стола; всѣ бросились къ окнамъ и, въ самомъ дѣлѣ, увидѣли государя, который всходилъ на крыльцо, опираясь на плечо своего денщика. Сдѣлалась суматоха. Хозяинъ бросился навстрѣчу Петра; слуги разбѣгались, какъ одурѣлые; гости перетрусились; иные даже думали, какъ бы убраться поскорѣе домой. Вдругъ въ передней раздался громозвучный голосъ Петра; все утихло, и царь вошелъ въ сопровожденіи хозяина, оторопѣлаго отъ радости.

— Здорово, господа!—сказалъ Петръ съ веселымъ лицомъ.

Всѣ низко поклонились. Быстрые взоры царя отыскали въ толпѣ молодую хозяйскую дочь; онъ подозвалъ ее. Наталья Гавриловна приблизилась довольно смѣло, но покраснѣвъ не только по уши, а даже по плеча.

— Ты часъ отъ часу хорошѣешь,—сказалъ ей государь и, по своему обыкновенію, поцѣловалъ ее въ голову; потомъ обратясь къ гостямъ:—что же? я вамъ помѣшалъ? вы обѣдали? прошу садиться опять, а мнѣ, Гаврила Аѳанасьевичъ, дай-ка анисовой водки.

Хозяинъ бросился къ величавому дворецкому, выхватилъ изъ рукъ у него подносъ, самъ налилъ золотую чарочку и подалъ ее съ поклономъ государю. Петръ, выпивъ, закусилъ кренделемъ и вторично пригласилъ гостей продолжать обѣдъ. Всѣ заняли свои прежнія мѣста, кромѣ карлицы и барской барыни, которыя не смѣли оставаться за столомъ, удостоеннымъ царскимъ присутствіемъ. Петръ сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себѣ щей. Государевъ денщикъ подалъ ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножикъ и вилку съ зелеными костяными черенками, ибо Петръ никогда не употреблялъ

другого прибора, кромѣ своего. Обѣдъ, за минуту передъ тѣмъ шумно оживленный весельемъ и говорливостью, продолжался въ тишинѣ и принужденности.

Хозяинъ, изъ почтенія и радости, ничего не ѣлъ; гости также чинились и съ благоговѣніемъ слушали, какъ государь по-нѣмецки разговаривалъ съ плѣннымъ шведомъ о походѣ 1701 года. Дура Екимовна, нѣсколько разъ вопрошаемая государемъ, отвѣчала съ какою-то робкой холодностью, что (замѣчу мимоходомъ) вовсе не доказывало природной ея глупости. Наконецъ обѣдъ кончился. Государь всталъ, за нимъ и всѣ гости.

— Гаврила Аѳанасьевичъ, — сказалъ онъ хозяину:—мнѣ нужно съ тобою поговорить наединѣ,—и, взявъ его подъ руку, увелъ въ гостиную и заперъ за собою дверь.

Гости остались въ столовой, шопотомъ толкуя объ этомъ неожиданномъ посѣщеніи, и, опасаясь быть нескромными, вскорѣ разъѣхались одинъ за другимъ, не поблагодаривъ хозяина за его хлѣбъ-соль. Тесть его, дочь и сестра провожали ихъ тихонько до порога и остались одни въ столовой, ожидая выхода государева.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Чрезъ полчаса дверь отворилась, и Петръ вышелъ. Важнымъ наклоненіемъ головы отвѣтствовалъ онъ на тройной поклонъ князя Лыкова Татьяны Аѳанасьевны и Наташи, и пошелъ прямо въ переднюю. Хозяинъ подалъ ему красный его тулупъ, проводилъ его до саней и на крыльцѣ еще благодарилъ за оказанную честь.

Петръ уѣхалъ.

Возвратясь въ столовую, Гаврила Аѳанасьевичъ казался очень озабоченъ; сердито приказалъ онъ слугамъ скорѣе сбирать со стола, отослалъ Наташу въ ея свѣтлицу и, объявивъ сестрѣ и тестю, что ему съ ними надобно поговорить, повелъ ихъ въ опочивальню, гдѣ обыкновенно отдыхалъ онъ послѣ обѣда. Старый князь легъ на дубовую кровать. Татьяна Аѳанасьевна сѣла на старинныя штофныя кресла, придвинувъ подъ ноги скамеечку; Гаврила Аѳанасьевичъ заперъ всѣ двери, сѣлъ на кровать въ ногахъ князя Лыкова и началъ вполголоса слѣдующій разговоръ.

— Не даромъ государь ко мнѣ пожаловалъ: угадайте, о чемъ онъ изволилъ со мною бесѣдовать?

— Какъ намъ знать, батюшка-братецъ,—сказала Татьяна Аѳанасьевна.

— Не приказалъ ли тебѣ царь вѣдать какое-либо воеводство?— сказалъ тесть:—давно пора, али предложилъ быть въ отвѣтѣ? что же вѣдь не однихъ дьяковъ—и знатныхъ людей посылаютъ къ чужимъ государямъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ зять, нахмурясь:—я—человѣкъ стараго покроя, а нынѣ служба наша не нужна, хоть, можетъ-быть, православный русскій дворянинъ стоитъ нынѣшнихъ новичковъ, блинниковъ да басурмановъ. Но это статья особая.

— Такъ о чемъ же, братецъ,—сказала Татьяна Аѳанасьевна,—изволилъ онъ такъ долго съ тобою толковать? Ужъ не бѣда ли какая съ тобою приключилась? Господи, упаси и помилуй!

— Бѣда не бѣда, а, признаюсь, я было призадумался.

— Что же такое, братецъ? О чемъ дѣло?

— Дѣло о Наташѣ: царь пріѣзжалъ ее сватать.

— Слава Богу!—сказала Татьяна Аѳанасьевна, перекрестясь.—Дѣвушка на-выданьи, а каковъ сватъ, таковъ и женихъ. Дай Богъ любовь да совѣтъ, а чести много. За кого же царь ее сватаетъ?

— Гмъ!—крякнулъ Гаврила Аѳанасьевичъ.—За кого, то-то, за кого!

— А за кого же?—повторилъ князь Лыковъ, начинавшій уже дремать.

— Отгадайте,—сказалъ Гаврилъ Аѳанасьевичъ.

— Батюшка-братецъ, — отвѣчала старушка,—какъ намъ угадать! Мало ли жениховъ при дворѣ: всякій радъ взять за себя твою Наташу. Долгорукій, что ли?

— Нѣтъ, не Долгорукій.

— Да и Богъ съ нимъ: больно спесивъ. Шеинъ? Троекуровъ?

— Нѣтъ, ни тотъ, ни другой.

— Да и мнѣ они не по сердцу: вѣтрогоны, слишкомъ понабрались нѣмецкаго духу. Ну, такъ Милославскій?

— Нѣтъ, не онъ.

— Богъ съ нимъ: богатъ и глупъ. Что же? Елецкій? Львовъ? Неужто Рагузинскій? Воля твоя: ума не приложу. Да за кого же царь сватаетъ Наташу?

— За арапа Ибрагима.

Старушка ахнула и всплеснула руками. Князь Лыковъ приподнялъ голову съ подушекъ и съ изумленіемъ повторилъ:

— За арапа Ибрагима!

— Батюшка-братецъ!—сказала старушка слезливымъ голосомъ:—не погуби ты своего родимаго дитяти, не дай ты Наташеньки въ когти черному дьяволу.

— Но какъ же, — возразилъ Гаврила Аѳанасьевичъ: — отказать государю, который за то обѣщаетъ намъ свою милость, мнѣ и всему нашему роду?

— Какъ!—воскликнулъ старый князь, у котораго сонъ совсѣмъ прошелъ.—Наташу, внучку мою, выдать за купленнаго арапа?

— Онъ роду не простого,—сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ:—онъ—сынъ арапскаго султана. Басурмане взяли его въ плѣнъ и продали въ Царьградѣ, а нашъ посланникъ выручилъ и подарилъ его царю.

Старшій братъ арапа пріѣзжалъ въ Россію съ знатнымъ выкупомъ и...

— Батюшка, Гаврила Аѳанасьевичъ,—прервала старушка:—слыхали мы сказку про Бову Королевича да Еруслана Лазаревича! Разскажи-тко намъ лучше, какъ отвѣчалъ государю на его сватанье.

— Я сказалъ, что власть его съ нами, а наше холопье дѣло повиноваться ему во всемъ.

Въ эту минуту раздался за дверью шумъ. Гаврила Аѳанасьевичъ пошелъ отворить ее, но почувствовалъ сопротивленіе. Онъ сильно ее толкнулъ,—дверь отворилась, и увидѣли Наташу въ обморокѣ, простертую на окровавленномъ полу.

Сердце въ ней замерло, когда государь заперся съ ея отцомъ: какое-то предчувствіе шепнуло ей, что дѣло касается до нея, и, когда Гаврила Аѳанасьевичъ отослалъ ее, объявивъ, что долженъ говорить ея теткѣ и дѣду, она не могла противиться влеченію женскаго любопытства, тихо черезъ внутренніе покои подкралась къ дверямъ опочивальни и не пропустила ни одного слова изъ всего ужаснаго разговора; когда же услышала послѣднія отцовскія слова, бѣдная дѣвушка лишилась чувствъ, и, падая, ударилась головою о кованый сундукъ, гдѣ хранилось ея приданое.

Люди сбѣжались. Наташу подняли, понесли въ ея свѣтлицу и положили на кровать. Черезъ нѣсколько времени она очнулась, открыла глаза, но не узнала ни отца ни тетки. Сильный жаръ обнаружился, она твердила въ бреду о царскомъ арапѣ, о свадьбѣ и вдругъ закричала жалобнымъ и пронзительнымъ голосомъ:

— Валерьянъ, милый Валерьянъ, жизнь моя! спаси меня: вотъ они, вотъ они!..

Татьяна Аѳанасьевна съ безпокойствомъ взглянула на брата, который поблѣднѣлъ, закусивъ губы, и молча вышелъ изъ свѣтлицы. Онъ возвратился къ старому князю, который, не могши взойти на лѣстницу, оставался внизу.

— Что Наташа?—спросилъ онъ.

— Худо,—отвѣчалъ огорченный отецъ:—хуже, нежели я думалъ: она въ безпамятствѣ бредитъ Валерьяномъ.

— Кто этотъ Валерьянъ?—спросилъ встревоженный старикъ.— Неужели тотъ сирота, стрѣлецкій сынъ, что воспитывался у тебя въ домѣ?

— Онъ самъ, на бѣду мою!—отвѣчалъ Гаврила Аѳанасьевичъ.— Отецъ его во время бунта спасъ мнѣ жизнь, и чортъ меня догадалъ принять въ свой домъ проклятаго волчонка. Когда, тому два года, по его просьбѣ, записали его въ полкъ, Наташа, прощаясь съ нимъ, расплакалась, а онъ стоялъ какъ окаменѣлый. Мнѣ показалось это подозрительнымъ, и я говориль о темъ сестрѣ. Но съ тѣхъ поръ Наташа о немъ не упоминала, а про него не было ни духу ни слуху. Я думалъ, она его забыла, анъ, видно, нѣтъ. Но рѣшено: она выйдетъ за арапа.

Князь Лыковъ не противорѣчилъ; это было бы напрасно; онъ поѣхалъ домой; Татьяна Аѳанасьевна осталась у Наташиной постели, Гаврила Аѳанасьевичъ, пославъ за лѣкаремъ, заперся въ своей комнатѣ; и въ его домѣ все стало тихо и печально.

Неожиданное сватовство удивило Ибрагима, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ и Гаврилу Аѳанасьевича. Вотъ какъ это случилось. Петръ, занимаясь дѣлами съ Ибрагимомъ, сказалъ ему:

— Я замѣчаю, братъ, что ты пріунылъ, говори прямо, чего тебѣ недостаетъ?

Ибрагимъ увѣрялъ государя, что онъ доволенъ своей участью и лучшей не желаетъ.

— Добро,—сказалъ государь,—если ты скучаешь безо всякой причины, такъ я знаю, чѣмъ тебя развеселить.

По окончаніи работы, Петръ спросилъ Ибрагима:

— Нравится ли тебѣ дѣвушка, съ которой ты танцовалъ менуэтъ на прошедшей ассамблеѣ?

— Она, государь, очень мила и, кажется, дѣвушка скромная и добрая.

— Такъ я жъ тебя съ нею познакомлю покороче. Хочешь ли ты на ней жениться?

— Я, государь?

— Послушай, Ибрагимъ, ты человѣкъ одинокій, безъ роду и племени, чужой для всѣхъ, кромѣ одного меня. Умри я сегодня, завтра что съ тобою будетъ, бѣдный мой арапъ? Надобно тебѣ пристроиться, пока есть еще время, найти опору въ новыхъ связяхъ, вступить въ союзъ съ русскимъ боярствомъ.

— Государь, я счастливъ покровительствомъ и милостями вашего величества. Дай Богъ мнѣ не пережить моего царя и благодѣтеля,— болѣе ничего не желаю: но если бъ я имѣлъ въ виду жениться, то согласится ли молодая дѣвушка и ея родственники? Моя наружность...

— Твоя наружность? какой вздоръ! чѣмъ ты не молодецъ? Молодая дѣвушка должна повиноваться волѣ родителей, а посмотримъ, что скажетъ старый Гаврила Ржевскій, когда я самъ буду твоимъ сватомъ.

При этихъ словахъ государь велѣлъ подавать сани и оставилъ Ибрагима, погруженнаго въ глубокія размышленія.

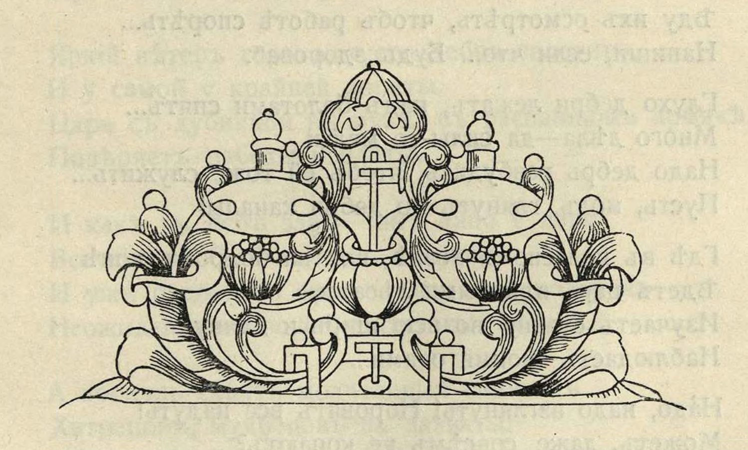
„Жениться!—думалъ африканецъ.—Зачѣмъ же нѣтъ? Ужели суждено мнѣ провести жизнь въ одиночествѣ и не знать лучшихъ наслажденій и священнѣйшихъ обязанностей человѣка потому только, что я родился подъ знойнымъ градусомъ? Мнѣ нельзя надѣяться быть любимымъ: дѣтское возраженіе? Развѣ можно вѣрить любви? развѣ существуетъ она въ женскомъ легкомысленномъ сердцѣ? Отказавшись навѣкъ отъ милыхъ заблужденій, я выбралъ иныя обольщенія, болѣе существенныя. Государь правъ: мнѣ должно обезпечить будущую судьбу мою. Свадьба

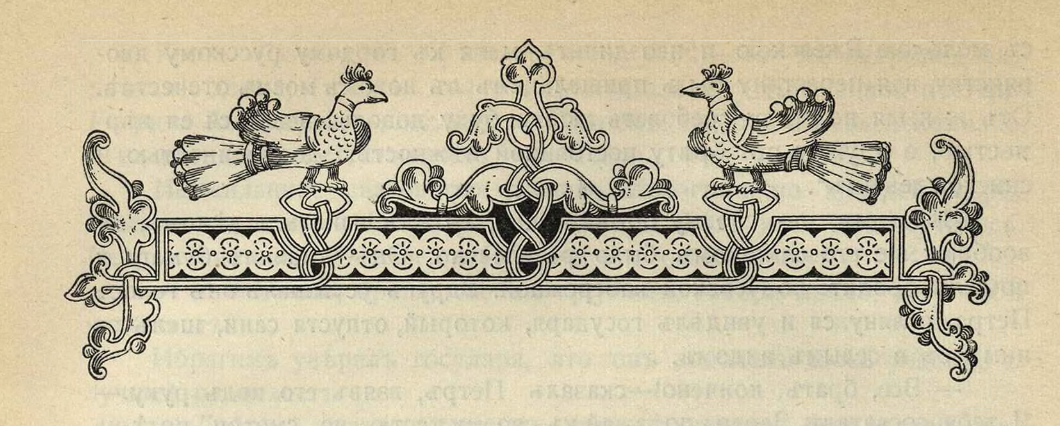
съ молодою Ржевскою присоединитъ меня къ гордому русскому дворянству, и я перестану быть пришельцемъ въ новомъ моемъ отечествѣ. Отъ жены я не стану требовать любви: буду довольствоваться ея вѣрностью, а дружбу пріобрѣту постоянной нѣжностью, довѣренностью и снисхожденіемъ".

Ибрагимъ, по своему обыкновенію, хотѣлъ заняться дѣломъ, но воображеніе его слишкомъ было развлечено. Онъ оставилъ бумаги и пошелъ бродить по Невской набережной. Вдругъ услышалъ онъ голосъ Петра, оглянулся и увидѣлъ государя, который, отпустя сани, шелъ за нимъ съ веселымъ видомъ.

— Все, братъ, кончено!—сказалъ Петръ, взявъ его подъ руку.— Я тебя сосваталъ. Завтра поѣзжай къ своему тестю, но, смотри, потѣшь его боярскую спесь: оставь сани у воротъ, пройди черезъ дворъ пѣшкомъ, поговори съ нимъ о его заслугахъ и знатности,—и онъ будетъ отъ тебя безъ памяти. Теперь,—продолжалъ онъ, потряхивая дубинкою:—заведи меня къ плуту-Данилычу, съ которымъ надо мнѣ переѣдаться за его новыя проказы.

Ибрагимъ, сердечно отблагодаривъ Петра за его отеческую заботливость о немъ, довелъ его до великолѣпныхъ палатъ князя Меншикова и возвратился домой.

Петръ въ каналахъ.

К. Случевскій.

Какъ по шпилямъ, верхамъ, шатровымъ куполамъ
Лѣтнимъ утромъ огонь разгорался!
Собирался самъ Петръ въ самый мирный походъ,
И съ женой Катериной прощался:

„Будь здорова, жена! Не грусти, что одна:
Много, видишь, каналовъ готово;
Ѣду ихъ осмотрѣть, чтобъ работѣ спорѣть...
Напиши, если что... Будь здорова“.

Глухо дебри лежатъ, надъ болотами спятъ...
Много дѣла—да силы-то малы!
Надо дебрь разбудить, чтобъ ей тоже служить...
Пусть, молъ, глянутъ по дебри каналы!

Гдѣ въ колесномъ возкѣ, гдѣ на бодромъ конѣ
Ѣдетъ царь вѣковыми лѣсами;
Изучаетъ страну во всю ширь и длину,
Наблюдаетъ своими очами...

Надо, надо взглянуть! Норовятъ все надуть!
Можетъ, даже совсѣмъ не копаютъ?
Поглядишь—простецы эти жмоты купцы!
А гдѣ страху имъ нѣтъ,—надуваютъ!“

День за ночью идетъ, потеряешь имъ счетъ,
Если ѣхать судьба безъ дороги!
Вотъ каналы пошли, и блестятъ вдоль земли,
А землянки людей, что берлоги.

И куда ни взгляни, только щепки да пни,
Да отвалы идутъ земляные!
Гонитъ царская мочь, гонитъ пролежни прочь
Со здороваго тѣла Россіи.

Близокъ царь. Вѣсть бѣжитъ! Привираетъ, мутитъ
И повсюду царя упреждаетъ...
Призадумался воръ! Царь-то больно востеръ!
Знаемъ какъ, если нужно, кончаетъ!

Ой ужъ какъ-то намъ быть? Какъ нуждѣ пособить?
Вѣдь не вырыто нами и трети
Изъ того, что должно!.. Умирать суждено...
Стукнетъ, гикнетъ: „А ну те-ка, дѣти!"

Нѣтъ, родные, шабашъ, чуть появится нашъ!
Развѣ, братцы, на хитрость пуститься?
Землю вырыть въ длину, подогнать въ ширину,
Остальное потомъ углубится".

Собирался весь скопъ. Повалилъ землекопъ—
Ужъ платили-то, знатно платили!
И канавы прошли, какъ имъ быть, вдоль земли
Провели и воды напустили...

Яркій вѣтеръ горитъ, густо дебрь золотитъ,
И у самой у крайней лопаты
Царь съ дубинкой въ рукѣ, въ распашномъ армякѣ,
Повѣряетъ работы и платы.

И какъ въ небѣ заря—такъ лицо у царя
Все сіяетъ! Онъ жалуетъ смѣхомъ!
И ужъ радостенъ онъ, и ужъ какъ подаренъ
Неожиданнымъ вовсе успѣхомъ!

А поодаль стоитъ молчаливый синклитъ
Хитрецовъ, мудрецовъ на захваты!
„Ужъ вотъ на! Удалось! У Петра сорвалось!
Не замай нашихъ! Мы ли не хваты!"

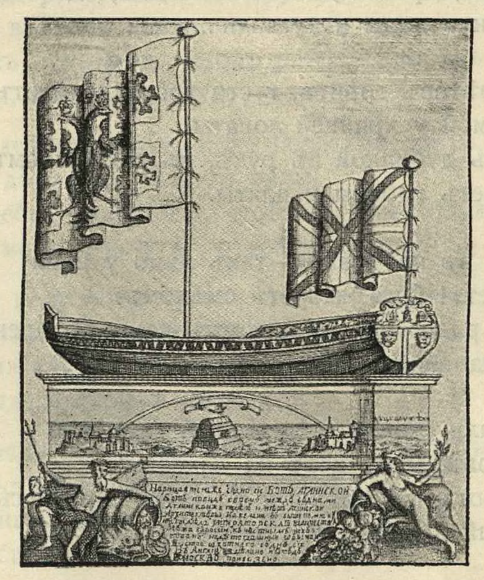
Не пылать бы зарѣ, не блестѣть бы водѣ,
Не валиться бы на воду мошкамъ!
Не казну бъ воровать, не Петра надувать,
Не подмѣнивать блюда лукошкомъ!

Головой царь поникъ... Потемнѣлъ его ликъ...
Дума черная радость хоронитъ...
„Отчего тутъ вода,—вздумалъ царь,—не туда,
Куда надо бы ей, мошку-то гонитъ?“

По откосу долой сходитъ тяжкой стопой
И, къ водѣ подошедши, нагнулся,
И дубинку воткнулъ... Чуть конецъ затонулъ...
Подождалъ это царь... Оглянулся.

Охъ! не небу горѣть! Не царю бы краснѣть!
Всѣ, блѣднѣя, молчанье хранили...
А изъ царскихъ очей, звѣздъ вечернихъ ярчѣй,
Двѣ слезы, двѣ слезы проступили...

Ну, а тамъ по пятамъ, въ поученье ворамъ,
Какъ должно, принялись за расправу...
Правъ былъ воръ, говоря про обычай царя:
Сокрушать, если что не по нраву.

Ботикъ Петра I.

Петръ на Лахтѣ.

Сборы донцовъ подъ Азовъ.

Народная пѣсня.

Не ясенъ соколъ леталъ по поднебесью:
Донской есаулъ бѣгалъ по Дону,
Казаковъ-то онъ рѣчью привѣтствовалъ:

„Вы вставайте, добры молодцы,
Господу Богу молимтеся,

Да не пусти, Господь, руки варвара
На Петра, царя бѣлаго, православнаго!

Вы вставайте, други, пробудитесь,

Борзыхъ коней, други, вы сѣдлайте,
Подъ Азовъ-городъ, други, поѣзжайте.

Ой, мы городъ разоримъ съ головы до ногъ,
Много казны возьмемъ, много золота,
Войсковую казну знатно поисправимъ.

Атамана своего семъ да послушаемъ,
Послушаемъ да пойдемъ во походъ!“
Самъ сизой орелъ пробуждается:
Самъ Петро-царь подымается
Съ своими князьями-боярами,
Съ своими донцами,
Съ своими запорожцами.

Медаль на взятіе Азова.

Петръ Великій въ Острогожскѣ.

К. Рылѣевъ.

Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ передъ Петромъ?
Съ бунчукомъ и булавою
Вкругъ монарха сердюки,
Судьи, сотники толпою
И толпами казаки.
„Виденъ Промысла святого
Надъ тобою дивный щитъ!—
Покорителю Азова
Старецъ бодрый говоритъ.—
Огласся побѣдой славной
Моря Чернаго брега,
Ты смирилъ, монархъ державной,
Непокорнаго врага.
Страшный въ брани, мудрый въ мирѣ
Превзошелъ ты всѣхъ владыкъ:
Ты не блещущей порфирой,—
Ты душой своей великъ.
Чту я славою и честью
Быть врагомъ твоимъ врагамъ,
И губительною местью
Пролетѣть по ихъ полкамъ.
Уснѣжился черный волосъ
И булатъ дрожитъ въ рукѣ,
Но зажжетъ еще мой голосъ
Пылъ отваги въ казакѣ.
Въ пылкомъ сердцѣ жажда славы
Не остыла въ зиму дней:
Празднество мнѣ—бой кровавый;
Мнѣ музыка—стукъ мечей!“

Кончилъ и къ стопамъ Петровымъ
Щитъ и саблю положилъ;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то въ сердцѣ затаилъ...
Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ передъ Петромъ?
Сей пришлецъ въ странѣ пустынной
Былъ Мазепа, вождь сѣдой;
Можетъ-быть, еще невинной,
Можетъ-быть, еще герой.
Гдѣ жъ свиданія съ Мазепой
Дивный свѣту царь имѣлъ?
Гдѣ герою вождь свирѣпый
Клясться въ искренности смѣлъ?
Тамъ, гдѣ волны Острогощи
Въ Сосну тихую влились;
Гдѣ дубовъ сѣнисты рощи
Надъ потокомъ разрослись;
Гдѣ съ отвагой молодецкой
Русскій крымцевъ поражалъ;
Гдѣ напрасно Брюховецкой
Добрыхъ гражданъ возмущалъ;
Гдѣ, плѣненный славы звукомъ,
Посѣдѣвшій въ битвахъ дѣдъ
Завѣщалъ кипящимъ внукамъ
Жажду воли и побѣдъ;
Тамъ, гдѣ съ щедростью обычной,
За ничтожный, легкій трудъ,
Плодъ оратаю сторичный
Нивы тучныя даютъ;
Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ
При журчаніи волны,
Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны;
Гдѣ въ странѣ благословенной
Потонулъ въ глуши садовъ
Городокъ уединенной
Острогожскихъ казаковъ.

Петръ Великій и основаніе Петербурга.

А. Пушкинъ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,—
Пріютъ убогаго чухонца,
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ Онъ:
„Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ“.
Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ

Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова—
И передъ младшею столицей
Померкла старая Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

Полтава.

А. Пушкинъ.

I.

Горитъ востокъ зарею новой;
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули;
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью,
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

II.

Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ.
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ,
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки;
Ровняясь, строятся полки;
Молчитъ музыка боевая;
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ;
И се—равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могучъ и радостенъ какъ бой.

Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земного,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Репнинъ,
И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

III.

Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура, мы ломимъ; гнутся шведы;
О славный часъ, о славный видъ,
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ:
При кликахъ войска своего
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Пиръ Петра Великаго.

А. Пушкинъ.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;
Въ царскомъ домѣ пиръ веселый;
Рѣчь гостей хмельна, шумна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пируетъ царь великій
Въ Петербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики,
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ иль русскій флагъ?
Побѣжденъ ли шведъ суровый?
Мира ль проситъ грозный врагъ?

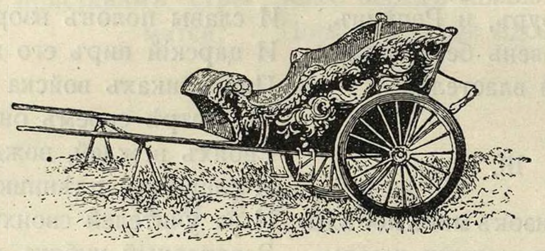
Иль въ отъятый край у шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ навстрѣчу дѣда
Всей семьей нашъ юный флотъ.
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ государь—
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла русскій царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нѣтъ, — онъ съ подданнымъ мирится.
Виноватому вину
Отпуская, веселится,
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуетъ,

Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ,
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
Въ Петербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Одноколка Петра Великаго.

Петръ Великій.

Н. Карамзинъ.

Жилъ-былъ въ свѣтѣ добрый царь,
Православной государь.
Всѣ сердца его любили,
Всѣ отцомъ и другомъ чтили.

Любитъ царь дѣтей своихъ:
Хочетъ онъ блаженства ихъ:
Санъ и пышность забываетъ—
Тронъ, порфиру оставляетъ.

Царь какъ странникъ въ путь идетъ,
И обходитъ цѣлый свѣтъ.
Посохъ есть ему—держава.
Всѣ опасности—забава.

Для чего жъ оставилъ онъ
Царскій санъ и свѣтлый тронъ?
Для чего ему скитаться,—
Хладу, зною подвергаться?

Чтобъ вездѣ добро сбирать,
Душу, сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами.

Для чего жъ ему желать
Душу, сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами?

Чтобы мудростью своей
Озарить умы людей,
Часъ и подданныхъ прославить
И въ искусствѣ жить наставить.

О, Великой государь!
Первый, первый въ свѣтѣ Царь!—
Всю вселенную пройдете,
Но другого не найдете.

Стансы.

А. Пушкинъ.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни,
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.
Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.
Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ,
Во всемъ будь пращуру подобенъ:
Какъ онъ, неутомимъ и твердъ
И памятью, какъ онъ, незлобенъ.

Петру Великому.

Г. Державинъ.

Россія, въ славу облеченна,
Куда свой взоръ ни обратитъ,
Вездѣ, весельемъ восхищенна,—
Вездѣ труды Петровы зритъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Онъ, древній мракъ нашъ побѣждая,
Науки въ полночь водворилъ;
Во тьмѣ свѣтильникъ возжигая,
И въ насъ благіе нравы влилъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Какъ Богъ, великимъ Провидѣньемъ
Онъ все собою озарялъ;
Какъ рабъ, неслыханнымъ раченьемъ
Онъ все собою наполнялъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Прошелъ землями и морями,
Учился самъ, чтобъ насъ учить;
Искалъ бесѣдовать съ царями,
Чтобъ послѣ всѣхъ ихъ удивить.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ:
Звучатъ до днесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Его младенчески забавы
Родили громы, наконецъ,
А посреди военной славы
Онъ былъ отечества отецъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Лучи величества скрывая,
Простымъ онъ воиномъ служилъ,
Вождей искусству научая,
Онъ самъ полки на брань водилъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Вселенну храбрость устрашала,
Какъ онъ противныхъ поражалъ;
Вселенну милость утѣшала,
Какъ онъ плѣненныхъ угощалъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Владыка будучи полсвѣта,
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не презиралъ давать отчета
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Вѣнцы, тріумфы, колесницы
Не для себя онъ учреждалъ:
Отличность, блески, багряницы
Заслугъ въ наградѣ полагалъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Былъ въ вѣрѣ твердъ и ей послушенъ,
Пѣвецъ онъ самъ былъ алтарей;
Средь золъ, средь благъ великодушенъ,
Нелестный другъ своихъ друзей.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Монархамъ возвращалъ короны,
Законы подданнымъ писалъ;
Что должны дѣлать милліоны,
Собой всѣмъ образъ подавалъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Чрезъ горы проточилъ онъ воды,
На блатахъ грады насадилъ:
Довольство ввелъ въ свои народы,
Съ Востокомъ Западъ съединилъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Онъ, истины любя уставы,
Хранилъ нелицемѣрный судъ;
Поднесь его полезны нравы
Ко благоденствію ведутъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Поднесь вселенну изумляетъ
Величіе его чудесъ;
Премудрыхъ умъ не постигаетъ,
Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

О, россы, славой лучезарны!
О, родъ героевъ и соборъ,
Петру вы будьте благодарны,
Да ввѣкъ Петру гремитъ вашъ хоръ.
Неси на небо гласы, вѣтръ,
Безсмертенъ ты, великій Петръ!..

Памятникъ Петру Великому въ Петербургѣ.

К. Р.

О, ты могучій тѣломъ и душой,
Богатырей старинныхъ воплощенье,
Всю жизнь и сердца каждое біенье
Ты посвятилъ своей землѣ родной.

Возрождена, просвѣщена тобой
Русь, твоего величья отраженье.
Къ наукамъ въ ней ты пробудилъ влеченье
И засвѣтилъ искусствъ огонь святой.

Тебя въ уныньи не видали бѣды,
И пиръ-горой знаменовалъ побѣды
Ты былъ солдатъ, матросъ, кузнецъ, токарь...

Тобой горда Россійская держава,
Вовѣкъ тебѣ хвала и честь, и слава,
Законодатель, кормчій, вождь и Царь!

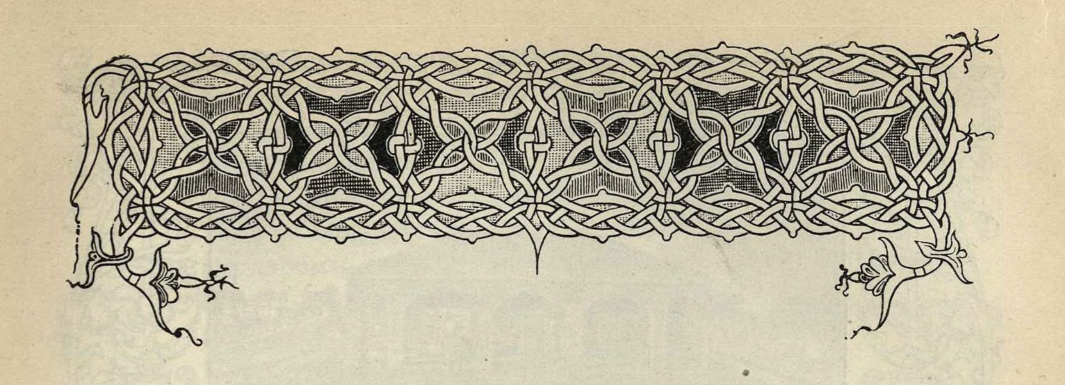
Петръ Первый кончается.

Историческая пѣсня.

Во славномъ городѣ, во Санъ-Питерѣ
Стояли палаты бѣлокаменныя,
Во тѣхъ во палатахъ бѣлокаменныхъ
Состроена тутъ кроватушка тесовая,
На кроватушкѣ изголовьице точеное,
Точеное, позолоченное,

На изголовьицѣ подушечки шелковыя,
Шелковыя и парчевыя,
На подушечкахъ одѣяло соболиное
Того соболя сибирскаго.
Подъ одѣяличкомъ лежитъ удалый-добрый молодецъ,
Удалъ-добрый молодецъ, нашъ православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ.
Передъ нимъ стоятъ всѣ князья-бояре,
Всѣ старшіе фельдмаршалы:
Возговорятъ всѣ князья-бояре,
Всѣ старшіе фельдмаршалы:
„Тебѣ, видно, худо можется,
Худо можется, конецъ ближится.
На кого ты свое царство приказываешь,
На кого ты свое государство отказываешь?
Кому у насъ будетъ Сенатъ судить,
Кому у насъ владать каменной Москвой,
Каменной Москвой, всей Россіею?“
Какъ не золотая трубочка вострубила,
Какъ не серебряная сиповочка возъиграла,
А возговорилъ нашъ батюшка православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ:
„Сенатъ судить вамъ, князьямъ-боярамъ,
Каменна Москва и Россія вся моей государынѣ“.
Услыхала государыня,
Изъ палатъ идетъ,—сама вопитъ:
„О ты гой еси, мой милъ-сердечный другъ,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ,
На кого ты свое царство приказываешь?
На кого ты свое государство отказываешь?“
Не золота трубонька вострубила,
Не серебряная сиповочка возъиграла,
Анъ возговоритъ нашъ православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ:
„Сенатъ судить князьямъ-боярамъ,
Всѣмъ старшимъ фельдмаршаламъ;
Каменная Москва тебѣ, моя государыня,
Каменная Москва и Россія вся“.

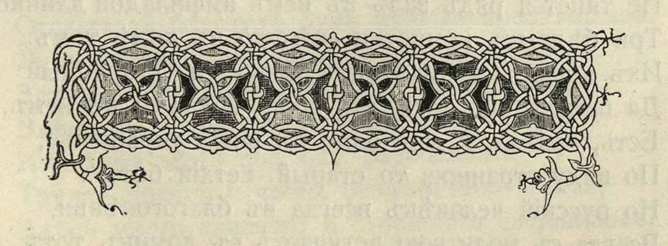

Плачъ войска.

Народная пѣсня.

Ахъ ты, батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по-старому,
Не по-старому и не по-прежнему,
Закрываешься тучей темною?
Что у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго у крылоса,
У гробницы государевой,
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ.
Стоючи, онъ призадумался,
Призадумавшись, онъ плакать сталъ,
И онъ плачетъ—что рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ручьи текутъ;
Возрыдаючи, онъ вымолвилъ:
„Ахъ ты, матушка, сыра-земля,
Разступись ты на всѣ стороны,
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
И ты встань-проснись, православный царь,
Посмотри на всю армію:
Что всѣ полки во строю стоятъ,
И всѣ полковнички при своихъ полкахъ,
Подполковнички на своихъ мѣстахъ,
Всѣ маіорушки на добрыихъ коняхъ,
Капитаны передъ ротами,
Офицеры передъ взводами,
А прапорщики подъ знаменами,—
Дожидаютъ они полковничка,
Что полковничка Преображенскаго,
Капитана бомбардирскаго“.

Домикъ Петра Великаго въ Петербургѣ.

Старый домъ.

Розенгеймъ.

Вотъ здѣсь-то, скажетъ, царь-надежа,
Не на боку лишь только лежа,
Трудился самъ и строилъ ботъ.
Вотъ здѣсь онъ имъ изволилъ править,
Умѣлъ-ста родину поставить,
Стоять гораздъ былъ за народъ.
Кн. Долгорукій.

Въ далекомъ уголкѣ, роскошномъ Петроградѣ,
Есть старый домъ одинъ. Не пышенъ съ виду онъ:
Ни фресокъ ни гербовъ на низенькомъ фасадѣ,
Внутри ни мраморовъ, ни бронзы, ни колоннъ;
Не тянется рядъ залъ въ немъ амфиладой длинной,—
Три бѣдныхъ комнатки всего-то въ домѣ томъ.
Ихъ красситъ только ликъ Спасителя старинный
Да память про того, кто жилъ когда-то въ немъ.
Есть, правда, и еще одно въ немъ украшенье,
По виду странное: то старый, ветхій ботъ...
Но русскій человѣкъ всегда въ благоговѣньи,
Всегда съ молитвою вступаетъ въ домикъ тотъ,
И чтитъ его вся Русь и свято и глубоко...

Дороже для нея онъ пышныхъ всѣхъ палатъ!
Его заботливо, какъ бы зеницу ока,
Гордясь имъ, бережетъ роскошный Петроградъ,
И не напрасны тѣ заботы и почтенье,
И не напрасно—нѣтъ—признательный народъ
Толпой сбирается сюда на поклоненье,
Не даромъ любитъ такъ онъ бѣдный домикъ тотъ.
Въ тѣ дни, когда еще весь край, гдѣ блещетъ
Роскошный градъ Петра надъ чудною Невой,
Покрытый дебрями, былъ мертвою пустыней,
Былъ чуждой, вражеской, не русскою землей,—
Въ тѣ дни пришелъ сюда великiй въ родъ и роды,
Всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ и царь и человѣкъ,
И мiру онъ изрекъ: „Да вѣдаютъ народы,
Отнынѣ это—Русь! И Русью будетъ ввѣкъ!“
И собственной своей державною десницей
Срубилъ онъ этотъ домъ, срубилъ онъ этотъ ботъ,—
И старый, бѣдный домъ сталъ гордою столицей,
И старый утлый ботъ разросся въ русскiй флотъ.
Въ тѣ дни, когда еще надъ русскою землею
Повсюду тяготѣлъ невѣжества покровъ,
И спалъ, окаменѣвъ, народъ, объятый тьмою,—
Изъ дома этого къ труду и свѣту зовъ
Гремѣлъ, какъ благовѣстъ, надъ Русью усыпленной,
Гремѣлъ безъ-умолку и поднималъ народъ.
И онъ воспрянулъ весь, внезапно пробужденный,
Какъ будто ожилъ вдругъ и двинулся впередъ,
Осиливая все: труды, бѣды, невзгоды,
Ломая тьму преградъ въ пути со всѣхъ сторонъ.
И раздались предъ нимъ смущенные народы,
И мѣсто въ ихъ средѣ съ почетомъ занялъ онъ.
Да, бѣденъ этотъ домъ, но чудно-величавы
Воспоминанiя витаютъ въ немъ толпой:
Здѣсь занялась заря могущества и славы
Надъ Русью нашею великою, святой!..
Отсюда ей блеснулъ лучъ первый просвѣщенья,
Лучъ свѣта Божьяго, лучъ правды и добра,
Здѣсь нашей родины алтарь преображенья,
Здѣсь было жилище безсмертнаго Петра.
Изъ дома этого повсюду разносились:
Труду—почетъ и честь, бездѣйствiю—гроза,
Здѣсь много славнаго и страшнаго свершилось,
Добра и ужаса творились чудеса.
Не думать о Петрѣ, а только о Россiи

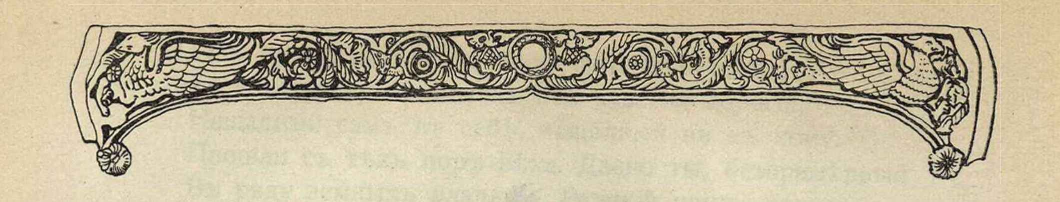
Онъ заповѣдывалъ, и самъ—примѣръ всему:
Ей въ жертву приносилъ всѣ чувства дорогія,
Нещадный самъ въ себѣ, нещадный ни къ кому.
Прошли съ тѣхъ поръ вѣка. Давно ты, безпримѣрный
Въ ряду земныхъ владыкъ, Великій нашъ, почилъ,
Усталый по трудахъ въ борьбѣ неимовѣрной,
Отчизнѣ прослуживъ до истощенья силъ.
Народъ простилъ тебѣ суровыя расправы,
Народъ забылъ уже твой страшный, грозный судъ!..
Но все, что ты свершилъ для счастія и славы
Земли его родной, но твой кровавый трудъ,
Подъятый для нея, твои о ней старанья,—
Онъ ихъ,—и только ихъ,—онъ въ памяти хранитъ.
О нихъ лишь въ немъ живутъ чудесныя преданья,
И только въ нихъ тебя и знаетъ онъ и чтитъ!
Любовь его къ тебѣ твой домикъ незатѣйный
Подъ крѣпкій вѣры щитъ укрыла навсегда,
И каждый Божій день толпой благоговѣйной
Молиться русскій людъ сбирается сюда.
Въ порывахъ чувствъ своихъ правдивый и свободный
Народъ признательность здѣсь съ вѣрой сочеталъ,—
И сталъ твой бѣдный домъ святынею народной,
Народу домъ царя молитвы домомъ сталъ.
Здѣсь память о тебѣ идетъ изъ рода въ роды,
Здѣсь ею вѣчно живъ въ своемъ народѣ ты,
Сюда приходитъ онъ во дни своей невзгоды,
Сюда несетъ свои онъ, бѣдный, тяготы,
Какъ будто вѣруя, что милосердье Бога
Доступнѣе ему изъ дома твоего,
Что, потрудившися здѣсь для него такъ много,
И тамъ стоишь ходатаемъ ты за него.

1693—1730—1740.

Анна Іоанновна.

I. На побѣду надъ турками и татарами и на взятіе Хотина, 1739 года.

М. Ломоносовъ.

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ;
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто, ключъ молчитъ,
Который завсегда журчитъ
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится.
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.

Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ музыку!
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды:
Испей и всѣ забудь труды;
Умой росой Кастильской очи,
Чрезъ степь и горы взоръ простри
И духъ свой къ тѣмъ странамъ впери,
Гдѣ всходитъ день по темной ночи.

Корабль какъ ярыхъ волнъ среди,
Которыя хотятъ покрыти,
Бѣжитъ, срывая съ нихъ верхи,
Претитъ съ пути себя склонити;
Сѣдая пѣна вкругъ шумитъ;
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Къ Россійской силѣ такъ стремятся,
Кругомъ объѣхавъ, тьмы татаръ;
Скрываетъ небо конскій паръ!
Что жъ въ томъ? стремглавъ безъ душъ валятся.

Крѣпитъ отечества любовь
Сыновъ россійскихъ духъ и руку;
Желаетъ всякъ пролить всю кровь,
Отъ грознаго бодрится звуку.
Какъ сильный левъ стада́ волковъ,
Что кажутъ острыхъ ядъ зубовъ,
Очей горящихъ гонитъ страхомъ,
Отъ реву лѣсъ и брегъ дрожитъ,
И хвостъ песокъ и пыль мутитъ,
Разитъ извившись сильнымъ махомъ.

Не мѣдь ли въ чревѣ Этны ржетъ,
И съ сѣрою кипя, клокочетъ?
Не адъ ли тяжки узы рветъ
И челюсти разинуть хочетъ?
То родъ отверженной рабы,
Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Металлъ и пламень въ долъ бросаетъ,
Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ
Среди враговъ, среди болотъ
Чрезъ быстрый токъ на огнь дерзаетъ.

За холмы, гдѣ паляща хлябь
Дымъ, пепелъ, пламень, смерть рыгаетъ,
За Тигръ, Стамбулъ, своихъ заграбь,
Что камни съ береговъ сдираетъ;

Шуты Анны Іоанновны.

Но чтобъ орловъ сдержать полетъ,
Такихъ препонъ на свѣтѣ нѣтъ.
Имъ воды, лѣсъ, бугры, стремнины,
Глухія степи равенъ путь.
Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Доступятъ тамъ полки орлины.

Пускай земля какъ Понтъ трясетъ;
Пускай вездѣ громады стонутъ,
Премрачный дымъ покроетъ свѣтъ,
Въ крови Молдавски горы тонутъ;
Но вамъ не можетъ то вредить,
О россы, васъ самъ рокъ покрыть
Желаетъ для счастливой Анны.
Уже вашъ къ ней усердный жаръ
Быстрò проходитъ сквозь татаръ,
И путь отворенъ вамъ пространный.

Скрываетъ лучъ свой въ волны день.
Оставивъ бой ночнымъ пожарамъ;
Мурза упалъ на долгу тѣнь;
Взятъ купно свѣтъ и духъ татарамъ.
Изъ лывъ густыхъ выходитъ волкъ
На блѣдный трупъ въ турецкій полкъ.
Иной въ послѣдни видя зòрю:
Закрой, кричитъ, багряный видъ
И купно съ нимъ Магметовъ стыдъ,
Спустись поспѣшно съ солнцемъ къ морю.

Что такъ тѣснитъ боязнь мой духъ?
Хладнѣютъ жилы, сердце ноетъ!
Что бьетъ за странный шумъ въ мой слухъ?
Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ!
Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь:
Небесная отверзлась дверь;
Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился;
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицомъ;
Умытымъ кровію мечемъ
Гоня враговъ, герой открылся.

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны россамъ стѣны?
И персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны?
Онъ такъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
Какъ къ готскимъ приплывалъ брегамъ,
Такъ сильную взносилъ десницу;
Такъ быстрой конь его скакалъ,
Когда онъ тѣ поля топталъ,
Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

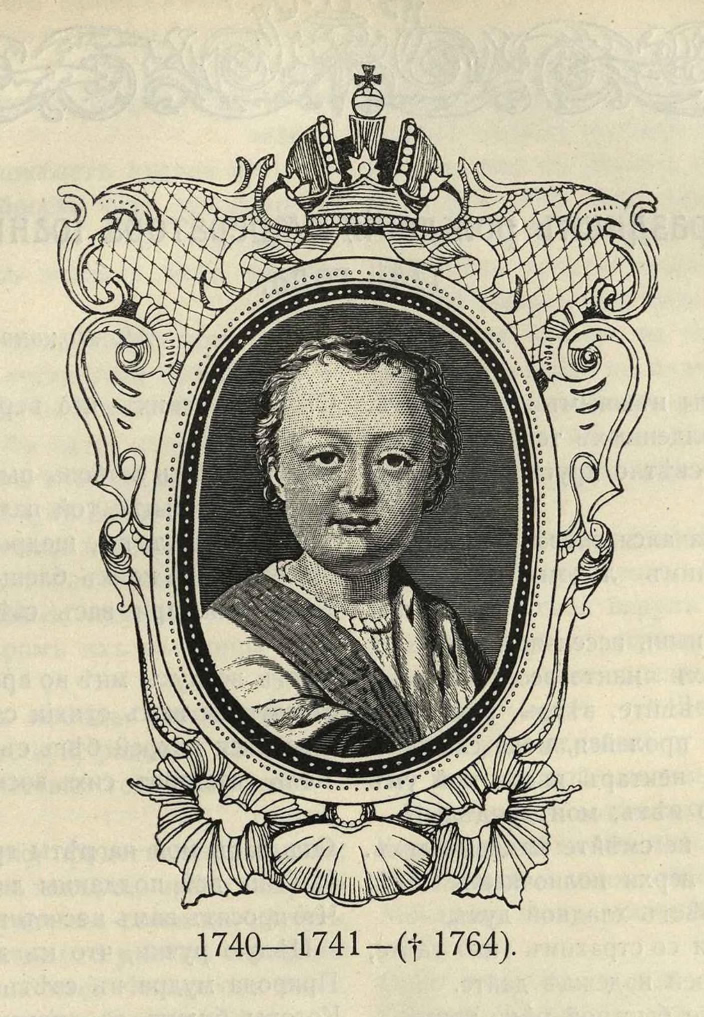
Кругомъ его изъ облаковъ
Гремящіе перуны блещутъ,
И, чувствуя приходъ Петровъ,
Дубравы и поля трепещутъ.
Кто съ нимъ толь грозно зритъ на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?
Никакъ смиритель странъ Казанскихъ?
Каспійски воды, сей при васъ
Селима гордаго потрясъ,
Наполнилъ степь головъ поганскихъ.

Герою молвилъ тутъ герой:
Нетщетно я съ тобой трудился,
Нетщетенъ подвигъ мой и твой,
Чтобъ россовъ цѣлой свѣтъ страшился.
Чрезъ насъ предѣлъ нашъ сталъ широкъ
На сѣверъ, западъ и востокъ.
На югѣ Анна торжествуетъ,
Покрывъ своихъ побѣдой сей.
Свилася мгла, герои въ ней;
Не зритъ ихъ око, слухъ не чуетъ.

Крутитъ рѣка татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смѣя въ бой пуститься вновь,
Мѣстами врагъ бѣжитъ пустыми,
Забывъ и мечъ, и станъ, и стыдъ

И представляетъ страшный видъ
Въ крови druговъ своихъ лежа-
щихъ.
Уже тряхнувшись легкій листъ
Страшитъ его, какъ ярый свистъ
Быстрѝ сквозь воздухъ ядръ летя-
щихъ.
Шумитъ съ ручьями боръ и долъ:
Побѣда, россская побѣда!
Но врагъ, чтѝ отъ меча ушолъ,
Боится собственнаго слѣда.
Тогда увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ
И въ мракъ лицо, зардѣвшись,
скрыла.
Летаетъ слава въ тьмѣ ночной,
Звучитъ во всѣхъ земляхъ трубой,
Коль россская ужасна сила.
Вливаясь въ Понтъ, Дунай реветъ
И россовъ плеску отвѣчаетъ;
Ярясь волнами турка льетъ,
Что стыдъ свой за него скрываетъ.
Онъ рыщетъ, какъ пронзенный
звѣрь,
И чаетъ, что уже́ теперь
Въ послѣдній разъ заноситъ ногу,
И что земля его носить
Не хочетъ, чтѝ не могъ покрыть.
Смущаетъ мракъ и страхъ дорогу.
Гдѣ нынѣ похвальба твоя?
Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою упор-
ство?
Гдѣ злость на сѣверны края?
Стамбулъ, гдѣ нашихъ войскъ пре-
зорство?
Ты лишь своимъ велѣлъ ступить,
Насъ тотчасъ чаялъ побѣдить;
Янычаръ твой свирѣпо злился,
Какъ тигръ на россскій полкъ ска-
калъ.
Но что? внезапно мертвъ упалъ,
Въ крови своей пронзенъ залился.
Цѣлуйте ногу ту въ слезахъ,
Что васъ, Агаряне, попрала,
Цѣлуйте руку, что вамъ страхъ
Мечемъ кровавымъ показала.
Великой Анны грозной взоръ
Отраду дать просящимъ скоръ;
По страшной тучи возсіяетъ,
Къ себѣ повинность вашу зря;
Къ своимъ любовію горя,
Вамъ казнь и милость обѣщаетъ.
Златой уже́ денницы перстъ
Завѣсу свѣта вскрылъ съ звѣздами;
Отъ встока скачетъ по сту верстъ,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицемъ сіяетъ Фебъ на томъ.
Онъ пламеннымъ потрясъ верхомъ
Преславно дѣло зря, дивится:
Я мало таковыхъ видалъ
Побѣдъ, коль долго я блисталъ,
Коль долго кругъ вѣковъ катится.
Какъ въ клубъ змѣя себя крутитъ,
Шипитъ, подъ камень жало кроетъ,
Орелъ когда шумя летитъ
И тамъ паритъ, гдѣ вѣтръ не воетъ;
Превыше молній, бурь, снѣговъ,
Звѣрей онъ видитъ, рыбъ, гадо́въ.
Предъ Россской такъ дрожитъ
Орлицей,
Стѣсняетъ внутрь Хотинъ своихъ.
Но что? въ стѣнахъ ли можетъ сихъ
Предъ сильной устоять царицей?
Кто скоро толь тебя, Калчакъ,
Учи́тъ Россійской вдаться власти,
Ключи вручить въ подданства знакъ
И большей избѣжать напасти?
Правдивой Аннинъ гнѣвъ велитъ,
Что падшихъ передъ ней щадитъ.
Ея взошли и тамъ оливы,
Гдѣ Вислы токъ, гдѣ славный Ренъ,
Мечемъ противникъ гдѣ смиренъ,
Извергли духъ сердца кичливы.
О какъ красуются мѣста,
Что иго лютое сброси́ли,
И что на туркахъ тягота,
Которую отъ нихъ носили;
И варварскія руки тѣ,

Что̀ ихъ держали въ тѣснотѣ,
Въ полонъ уже несутъ оковы;
Что ноги узами звучатъ,
Которы для отгнанья стадъ
Чужи поля топтать готовы.
Не вся твоя тутъ, Порта, казнь,
Не такъ тебя смирять достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить намъ не дала спокойно.
Еще высокихъ мыслей страсть
Претитъ тебѣ предъ Анной пасть?
Гдѣ можешь ты отъ ней укрыться?
Дамаскъ, Каиръ, Алеппъ сгоритъ;
Обставятъ росскимъ флотомъ Критъ;
Евфратъ въ твоей крови смутится.
Чинитъ премѣну что̀ во всемъ?
Что очи блескомъ проницаетъ?
Чистѣйшимъ съ неба что̀ лучемъ
И дневну ясность превышаетъ?
Героевъ слышу веселъ кликъ!
Одѣянъ въ славу Аннинъ ликъ
Надъ звѣздны вѣчность взноситъ круги;
И правда, взявъ перо злато̀,
Въ нетлѣнной книгѣ пишетъ то,
Велики коль ея заслуги.
Витійство, Пиндаръ, устъ твоихъ
Тяжчае бъ Ѳивы обвинили:
Затѣмъ, что о побѣдахъ сихъ
Они бъ громчѣе возгласили,
Какъ прежде о красѣ Аѳинъ:
Россія какъ прекрасный кринъ
Цвѣтетъ подъ Анниной державой.
Въ китайскихъ чтутъ ее стѣнахъ,
И свѣтъ во всѣхъ своихъ концахъ
Исполненъ храбрыхъ россовъ славой.
Россія, коль счастлива ты
Подъ сильнымъ Аннинымъ покровомъ!
Какія видишь красоты
При семъ торжествованьи новомъ!
Военныхъ не страшися бѣдъ:
Бѣжитъ оттуду бранный вредъ,
Народъ гдѣ Анну прославляетъ.
Пусть злобна зависть ядъ свой льетъ,
Пусть свой языкъ, ярясь, грызетъ
То наша радость презираетъ.
Казацкихъ поль заднѣстрскій тать,
Разбитъ, прогнанъ, какъ прахъ развѣянъ,
Не смѣетъ больше ужъ топтать,
Съ пшеницей гдѣ покой насѣянъ.
Безбѣдно ѣдетъ въ путь купецъ,
И видитъ край волнамъ пловецъ,
Нигдѣ не зналъ, плывя, препятства.
Красуется великъ и малъ;
Жить хочетъ вѣкъ, кто въ гробъ желалъ:
Влекутъ къ тому торжествъ изрядства.
Пастухъ стада̀ гоняетъ въ лугъ
И лѣсомъ безъ боязни ходитъ;
Пришедъ, овецъ пасетъ, гдѣ другъ
Съ нимъ пѣсню новую заводитъ.
Солдатску храбрость хвалитъ въ ней
И жизни часть блажитъ своей,
И вѣчно тишины желаетъ
Мѣстамъ, гдѣ толь спокойно спитъ;
И ту, что̀ отъ враговъ хранитъ,
Простымъ усердьемъ прославляетъ.
Любовь Россіи, страхъ враговъ,
Страны полночной героиня,
Седьми пространныхъ морь бреговъ
Надежда, радость и богиня,
Велика Анна, ты добротъ
Сіяешь свѣтомъ и щедротъ:
Прости, что рабъ твой къ громкой славѣ,
Звучитъ что̀ крѣпость силъ твоихъ,
Придать дерзнулъ не красной стихъ
Въ подданства знакъ твоей державѣ.

1740—1741—(† 1764).

Іоаннъ VI (III).

На праздникъ рожденія Императора Іоанна III, 1741 года.

М. Ломоносовъ.

Нагрѣты нѣжнымъ вȍды югомъ,
Струи полденныхъ теплы рѣкъ,
Ликуйте свѣтло другъ предъ другомъ:
Златой начался снова вѣкъ.
Всегдашнимъ льдомъ покрыты вȍлны,
Скачите нынь веселья полны,
Въ брегахъ чините веселъ шумъ.
Повсюду вѣйте, вѣтры, радость,
Въ Невѣ пролейся, меда сладость:
Іоанновъ нектаръ пьетъ мой умъ.

Однако нѣтъ, мои предѣлы,
Смущать не смѣйте младой слухъ.
Холмовъ верхи полночныхъ бѣлы,
Откуда вѣетъ хладной духъ,
Въ любви со страхомъ тихо тайте,
Покой моей надеждѣ дайте.
Вздержите быстрой рѣкѝ токъ,
Тихонько внизъ теча молчите,
Подъ мой лишь низкой стихъ журчите.
Умолкни западъ, сѣверъ, встокъ.

Породы царской вѣтвь прекрасна,
Моя надежда, радость, свѣтъ,
Счастливыхъ дней аврора ясна,
Монархъ, младенецъ, райской цвѣтъ,
Позволь твоей рабѣ нижайшей
Въ твой новый годъ пѣть стихъ тишайшій.
Чѣмъ больше я росой кроплюсь,
Съ Парнасскихъ чтȍ верховъ стекаетъ;
Жарчѣе тѣмъ любовь пылаетъ,
Къ тебѣ сильнѣе той палюсь.

Цѣлую васъ вы, щедры очи,
Небесный въ коихъ блещетъ лучъ.
Какъ дни при васъ свѣтлы́ мнѣ ночи,
Чистъ воздухъ мнѣ во время тучъ.
Послушны вамъ стихіи сами.
Пресѣкся вихрей бѣгъ съ громами.
Коль счастливъ сихъ восходъ планетъ.
Отъ васъ мои нагрѣты груди,
И ваши всѣ подданны люди,
Чтȍ просятъ вамъ несчетныхъ лѣтъ.

Цѣлую ручки, что къ державѣ
Природа мудра въ свѣтъ дала,
Которы будутъ въ громкой славѣ
Мечемъ страшитъ и гнать врага.
Отъ теплыхъ ужъ береговъ Азійскихъ
Вселенной часть до водъ Балтійскихъ
Въ объятьи вашемъ вся лежитъ.
Лишь только перстикъ вашъ погнется,
Народъ безчисленъ вдругъ сберется,
Готовъ итти куда велитъ.

Вы, ножки, чтȍ лобзать желаютъ
Давно уста высокихъ лицъ:

Подданства знаки вамъ являютъ
Языки многи павшихъ ницъ.
Въ Петровъ и Аннинъ слѣдъ вступите,
Противныхъ дерзость всѣхъ стопчите;
Прямой покажетъ правда путь;
Васъ храбрость надъ луной поставитъ
И въ тѣхъ земляхъ меня прославитъ,
О коихъ нынь нигдѣ нечуть.

Земля, пусти таки цвѣточки,
Сдивиться Флорѣ чтобъ самой;
Жемчуга бъ чище ихъ листочки,
И злато бъ ни́же тѣхъ цѣной.
Прiятный духъ дай имъ Цейлоновъ.
Натура, выше встань законовъ,
Роди́, что выше силъ твоихъ.
Съ весельемъ, нимфы, тѣ щиплите
И съ лавромъ ихъ въ вѣнцы сплетите,
Во знакъ побѣдъ, утѣхъ драгихъ.

Господствуй, радость, ты едина
Надъ властью толь широкихъ странъ.
Но мышлю, придетъ лишь година,
Познаешь, какъ, что врагъ попранъ
Твоихъ удачьми славныхъ дѣдовъ,
Что страшны тѣ у всѣхъ сосѣдовъ;
Заплачешь какъ Филипповъ сынъ,
Ревнивы сле́зы будутъ литься.
Но твой весельемъ плачъ скончится,
Монархъ: то было лишь починъ.

Что сердце такъ мое пронзаетъ?
Не дерзкъ ли то гигантъ шумитъ?
Не горы ль съ мѣстъ своихъ толкаетъ,
Холмы сорвавши въ твердь разитъ?
Края́ небесъ ужѐ трясутся!
Пути́ обычны звѣздъ мятутся!
Никакъ ярится Антей злой!
Не Пиндъ ли онъ на Оссу ставитъ?
А Этна верхъ Кавказской давитъ?
Не солнце ль хочетъ снять рукой?

Проклята гордость, злоба, дерзость
Въ чудовище одно срослись;
Высоко имя скрыло мерзость,
Слѣпой талантъ пустилъ взнестись!
Велитъ себя въ неволю славить,
Престолъ себѣ надъ звѣзды ставить,
Превысить хочетъ вышню власть,
На мой животъ ужъ зубы скалитъ;
Злодѣйства кто его не хвалитъ,
Погрязнетъ скоро въ мрачну пасть.

Но зрю съ весельемъ чудо славно,
Дивнѣе, нѣжъ Алпидъ чинилъ.
Какъ онъ лишь былъ рожденъ недавно,
Скрутивъ змiямъ главы́ сломилъ.
Мой императоръ громъ примаетъ,
На гордость свой перунъ бросаетъ;
Внезапно пала та стремглавъ,
Съ небесъ какъ древня въ адъ Денница;
За рай ужъ держитъ ту темница.
Ну, гдѣ же твой кичливый нравъ?

Исчезли всѣ затѣи лишны,
Ужасныхъ нѣтъ во мнѣ премѣнъ:
Вездѣ веселы клики слышны:
Монархъ нашъ сильныхъ двухъ колѣнъ.
Одно мое, чѣмъ я толь славна;
Россiянъ храбрость гдѣ не явна?
Друго германско, съ коимъ Римъ
Войну́ едва дерзалъ начати,
Весь свѣтъ побивъ, не могъ стоя́ти
Въ бою, Тейтонъ, съ полкомъ твоимъ.

Разумный Гостомыслъ при смерти
Крѣпилъ князей совѣтомъ сборъ:
Противныхъ чтобъ вамъ силу стерти,
Живите въ дружбѣ, бойтесь ссоръ.
Къ брегамъ Варяжскихъ водъ сходите,

Мужей премудрыхъ тамъ просите,
Могли бъ которы править васъ.
Послы мои туда сходили,
Откуда Рурикъ, Труворъ были
Съ Синавомъ три князья у насъ.
Не славны ль стали ихъ потомки?
Великъ былъ Игорь, хоть и младъ;
Дѣла́ его при Понтѣ звонки,
Дрожалъ предъ нимъ и самъ Царьградъ.
Устроилъ внукъ меня краснѣе,
Открылъ мнѣ полдня свѣтъ яснѣе,
Кумировъ мерзкихъ мракъ прогналъ.
Ревнивъ Донской что Дмитрій дѣетъ?
Татарска кровь въ Дону багрѣетъ;
Мамай куда бъ уйти не зналъ.
Молчу заслуги, что недавно
Чинила царска мнѣ любовь;
Твое коль, Рурикъ, племя славно!
Коль мнѣ твоя полезна кровь!
Оттуду жъ нынь взошло свѣтило,
Откуду прежне счастье было.
Спѣшите скоро тѣ лѣта̀,
Когда увижу, что̀ желаю.
О младомъ свѣтѣ больше чаю,
Нежъ предковъ слава мнѣ дала.
Съ желаньемъ радость чувства долитъ;
Пронзаетъ очи страненъ лучъ!
Незнаемъ шумъ мой слухъ неволитъ;
Вручаетъ вѣчность мнѣ свой ключъ.
Отмкнулась дверь, поля̀ открылись,
Предѣловъ нѣтъ, гдѣ бъ тѣ кончи̇лись.
Полковъ лишь нашихъ слышенъ плескъ.
Отъ устья быстрыхъ струй Дунайскихъ
До самыхъ узкихъ мѣстъ Ахайскихъ
Меча россійска виденъ блескъ.
Боязнь трясетъ Хинейски стѣны;
Геонъ и Тигръ теряютъ путь,
Подъ го́ры льются полны пѣны.
Всегдашній встокъ не смѣетъ дуть.
Индійскихъ трубятъ водъ тритоны
Предъ тѣмъ, что имъ даетъ законы.
Онъ скиптръ склонилъ среди валовъ,
Упавъ предъ младымъ ницъ героемъ,
Что̀ молвилъ, войскъ идя предъ строемъ:
Сколь много есть впреди свѣтовъ?
Что я пою воински звуки,
Которы быть хотятъ пото́мъ?
Пора воздѣть на небо ру̀ки,
Просить о здравьѣ то драгомъ,
Чего Іоанну я желаю.
Твои щедроты, Боже, знаю,
Что̀ пролилъ Ты во мнѣ предъ симъ.
Твоей главу покрой рукою,
Котору Ты мнѣ далъ къ покою,
Къ веселью людямъ всѣмъ Твоимъ.
Надежда, свѣтъ, покровъ, богиня
Надъ пятой частью всей земли̇,
Велика Сѣвера княгиня,
Языковъ больше двадцати
Премудрой правишь что рукою,
Монарха тѣхъ держишь другою,
Любовь моихъ, противныхъ странъ,
Воззри на то прещедрымъ окомъ,
Въ подданствѣ ревность что глубокомъ
Воспѣть дерзнула въ сихъ стопахъ.
Хотя бъ Гомеръ стихомъ парящій,
Что̀ древнихъ Эллинъ мочь хвалилъ,
Ахиллъ въ бою какъ огнь палящій
Искусствомъ чьимъ описанъ былъ,
Моихъ увидѣлъ дней изрядство,
На Пиндъ взойти бъ нашолъ препятство;

Безсловенъ былъ его бъ языкъ
Къ хвалѣ твоихъ добротъ прехвальныхъ
И къ славѣ, что въ предѣлахъ дальныхъ
Гремитъ, коль разумъ твой великъ.
Торжественъ шумъ мой гласъ скрываетъ,
Скончать некрасный стихъ пора.
Однако мысль тебѣ желаетъ
Несчетныхъ благъ отъ всѣхъ Творца
Съ твоимъ свѣтлѣйшимъ ввѣкъ супругомъ,
Всего которой свѣта кругомъ
Достоинъ толь, какъ ты, владѣть.
Дай Богъ! драго чтобъ ваше племя
Во мнѣ простерлось въ вѣчно время,
И вамъ сыновнихъ внуковъ зрѣть.

Первые трофеи Императора Іоанна III.

На побѣду надъ шведами августа 23 дня 1741 года.

М. Ломоносовъ.

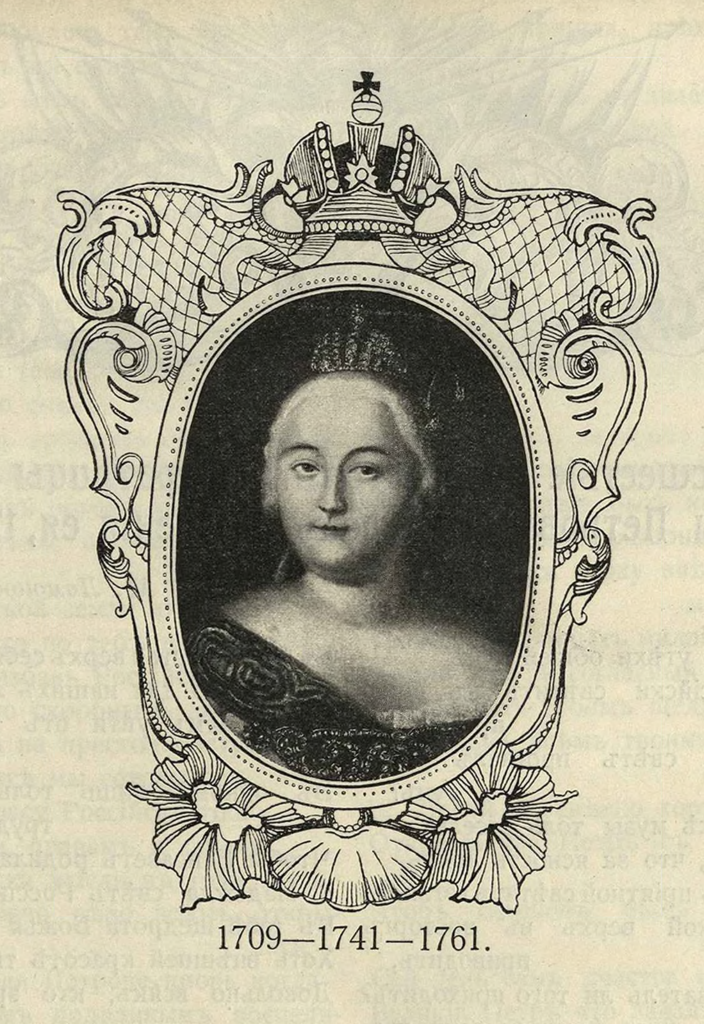
1. Россійскихъ войскъ хвала растетъ,
Сердца предерзки страхъ трясетъ,
Младой орелъ ужъ льва терзаетъ;
Прежъ нежель ждали, слышимъ вдругъ,
Побѣды знакъ, палящій звукъ.
Россія вновь трофей вздымаетъ;
Въ другой на Финскихъ разъ поляхъ.
Свой ядъ премерзку зависть травитъ,
Въ неволю тая храбрость славитъ,
Въ Россійскихъ зрила что полкахъ.
2. Оставивъ шумъ войны, Градивъ
Израненъ весь, избитъ, чуть живъ,
Къ полночнымъ съ южныхъ странъ склонился.
Искалъ къ покою горъ, пещеръ.
У Финскихъ спать залегъ озеръ,
Тростникъ подстлавъ, травой покрылся:
— Теперь ужъ, молвилъ, я вздохну:
Изойдутъ язвы толь глубоки.
Бѣжите, брани, прочь жестоки,
Ищите вамъ мою сестру.
3. Кровавы очи лишь сомкнулъ,
Внезапно тихъ въ себѣ почулъ
Приходъ Венеры и Діаны,
Лилеи стали въ раны класть,
Впустили въ нихъ врачебну масть,
Смѣшавши ту съ водой Секваны:
— Ахъ, встань, прехрабрый воинъ, встань,
О старой нашей вспомни дружбѣ,
Вступи къ твоей некосно службѣ,
Внеси въ Россію тяжку брань.
4. Вскочилъ какъ яръ изъ ложа левъ,
Колеблетъ странъ предѣлы ревъ.
Не такъ, на верхъ высокой Эты
Поднявшись, братъ его шумѣлъ,
Какъ ядъ внутри его кипѣлъ.
Ужъ дѣйства есть его примѣты,
Мутятся смежны намъ брега,
Стокгольмъ подобнымъ пьянствомъ шуменъ,
Уязвленъ злобой, сталъ безуменъ:
Отмкнуть велитъ войны врата.
5. Но что за вѣтръ съ вечернихъ странъ

Пронырства васъ закрылъ туманъ?
Не зрила чтобъ того Россія,
Что вашихъ войскъ приходъ значитъ.
Зачѣмъ вашъ сборъ у насъ стоитъ?
Въ закрытьѣ видны мысли злыя,
Въ шерсти овечьей знатенъ волкъ.
Хоть Аннинъ зракъ отъ насъ высоко:
Вторая есть, которой око
Зритъ, твой къ чему намѣренъ полкъ.
6. Къ предѣламъ нашимъ что жъ пришли?
Надежда кажетъ что впреди.
Надежда нынѣ вамъ не лжива.
Къ себѣ васъ та земля влечетъ,
Въ которой медъ съ млекомъ течетъ?
Ну жъ впредь; пройдите! нѣтъ и дива!
Вѣдь вы почти ужъ такъ въ раю.
Коль близко наша къ вамъ столица!
Но ближе тѣмъ паритъ орлица,
Что правитъ свой полетъ ко льву.
7. Не самъ ли съ вами есть Нимвродъ,
Собрался весь гдѣ вашъ народъ?
Что землю онъ прилежно роетъ?
Воздвигнуть хочетъ столпъ и градъ?
Рушить прямой натуры рядъ?
Ужасну въ свѣтѣ вещь откроетъ?
Всѣ ждутъ, чего не знаютъ ждать.
Да что жъ увидимъ мы за диво?
Колѣно хочетъ то кичливо
Другу Полтаву тутъ создать.
8. Смотри, тяжка коль шведовъ страсть,
Коль имъ страшна Россійска власть.
Куда хотятъ, того не знаютъ.
То тянутъ, то втыкаютъ мечъ,
То нашъ грозятся миръ пресѣчь,
То оный ввѣкъ хранить желаютъ.
Чинятъ то умыслъ намъ жестокъ,
Хотятъ намъ желчи быть горчѣе,
То воску сердце ихъ мягчѣе;
Однако васъ сыскалъ свой рокъ.
9. Противу вѣтровъ сильныхъ плыть,
Среди несносныхъ бурь вступить
Отважны ихъ сердца дерзнули.
Колючій тернъ, сухой тростникъ,
Таился въ коихъ зной великъ,
Теперь ужъ явно всѣмъ вспыхнули.
Войну открыли шведы намъ:
Горятъ сердца ихъ въ бою жарко;
Гремитъ Стокгольмъ трубами ярко,
Значитъ въ свѣту свой близкій срамъ.
10. Однако топчутъ, рѣжутъ, рвутъ,
Губятъ, терзаютъ, грабятъ, жгутъ,
Склоняютъ насъ враги подъ ноги;
Россійску силу взяли въ плѣнъ,
Шурмуютъ близко нашихъ стѣнъ,
Считаютъ вотъ добычи многи,
Да гдѣ жъ? въ спесивомъ ихъ мозгу.
А въ дѣлѣ ужасъ потомъ мочитъ,
И явно въ сердцѣ дрожь пророчитъ,
Что будетъ имъ лежать внизу.
11. Подобно быстрый какъ соколъ
Съ руки ловцовой вверхъ и въ долъ
Бодро взираетъ скорымъ окомъ,
На всякій часъ взлетѣть готовъ,
Похитить, гдѣ увидитъ ловъ
Въ воздушномъ царствѣ свой широкомъ:
Враговъ такъ смотритъ нашъ солдатъ,
Враговъ, что вѣчный миръ попрали,

Враговъ, что нашъ покой смущали,
Враговъ, что насъ пожрать хотятъ.
12. Уже ступаетъ въ свой походъ
Къ трудамъ избранный нашъ народъ,
Нагимъ мечомъ на западъ блещетъ,
Который скраситъ шведска кровь,
Что брань начать дерзнула вновь.
Противныхъ ближній край трепещетъ,
На Финскомъ небѣ черный дымъ,
Россійска ревность гдѣ кипѣла.
Сквозь слезы видитъ житель села,
Зажгла что месть огнемъ своимъ.
13. Вспятить не можетъ ихъ гора,
Металлъ и пламень, что съ верха
Жарчѣе Геклы къ нимъ рыгаетъ;
Хоть купно Вильманстрандъ на нихъ
Ретиво толь со стѣнъ своихъ
Подобный блескъ и громъ пускаетъ.
Но искрамъ и огню претятъ
Полки сильнѣйши горъ палящихъ
И ярко смертью имъ грозящихъ
Стрѣламъ подобно сквозь летятъ.
14. Въ моряхъ какъ южныхъ вѣчный встокъ
Отъ горъ Атлантскихъ валъ высокъ
Крутитъ къ брегамъ четвертой части,
Съ кореньемъ вырвавъ лѣсъ валитъ;
Пустыня, лугъ и брегъ дрожитъ,
Хотятъ подмыты горы пасти.
Россійскій воинъ такъ врагамъ
Спѣшитъ отмстить, свирѣпъ грозою,
Сбиваетъ сильной ихъ рукою,
Течетъ ручьями кровь къ ногамъ.
15. Вдается въ бѣгъ побитый шведъ,
Бѣжитъ россійскій конникъ вслѣдъ
Чрезъ шведскихъ труповъ кучи блѣдны
До самыхъ Вильманстрандскихъ рвовъ,
Безъ счету топчетъ тѣхъ головъ,
Что быть у насъ желали вредны.
Стигійскихъ водъ шумятъ брега,
Гребутъ по нимъ побитыхъ души,
Кричатъ тѣмъ, что стоятъ на суши,
Горька опять коль имъ бѣда.
16. За нами пушки, весь припасъ,
Прислалъ что самъ Стокгольмъ про насъ:
Даетъ подарокъ намъ въ неволю.
При Вильманстрандѣ слышенъ трескъ,
Мечей кровавыхъ виденъ блескъ.
Ты будешь скоро равенъ полю,
Дерзнешь въ упрямствѣ ежель стать.
Подумать было кратко время,
Въ моментъ Славенско храбро племя
Успѣло твой отпоръ попрать.
17. Послѣдній конникъ вспять бѣжитъ,
Оставшій трупъ и стыдъ смердитъ.
Къ себѣ скорѣе въ домъ спѣшите,
Скажите тамъ пріятну вѣсть,
Какую здѣсь достали честь,
Добычи часть друзьямъ дарите.
Не Карлъ ли тутъ же съ вами былъ?
Въ Москву опять желалъ пробиться?
Никакъ вамъ это вправду снится,
Скачите вслѣдъ; онъ кажетъ тылъ.
18. Не то ли вашъ воинской цвѣтъ,
Всходилъ который двадцать лѣтъ,
Что долго въ нѣгѣ жилъ спокойной.

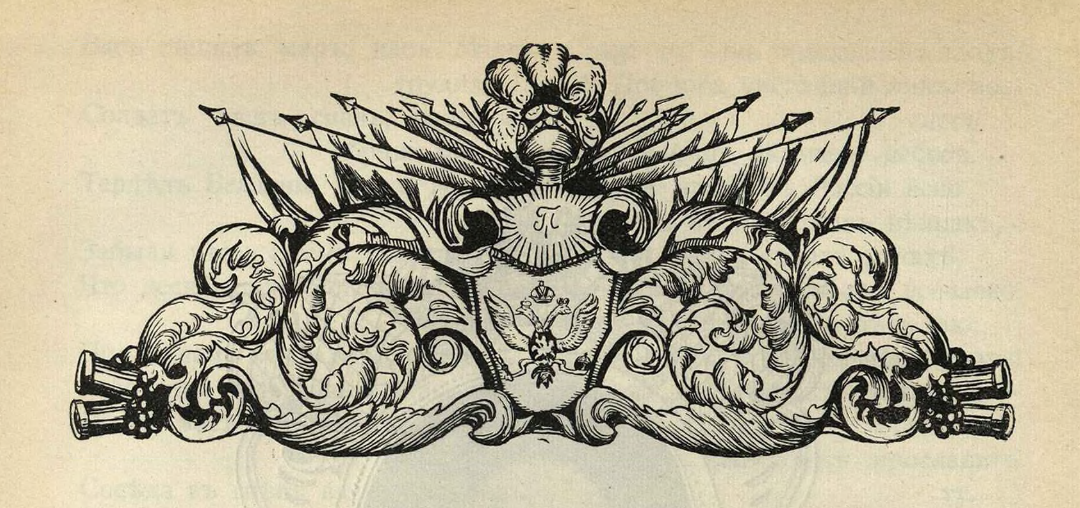
Васъ тѣшилъ миръ, насъ Марсъ трудилъ;
Солдатъ вашъ спалъ, нашъ въ брани былъ,
Терпѣлъ Беллоны шумъ нестройной.
Забыли что вы такъ считать?
Что десять русскихъ шведъ прогонитъ?
Предъ нами что колѣни клонитъ,
Хвастливъ толь нашей славы тать?
19. Но вотъ вамъ вашихъ бѣдъ починъ:
Сосѣда въ гнѣвъ ввели безъ винъ,
Давайте въ томъ другимъ примѣры.
Избранный воинъ вашъ попранъ.
Гдѣ вашъ снарядъ, запасы, станъ?
Никакъ тому не ймете вѣры.
Хотя и младъ монархъ у насъ,
Но славны онъ чинитъ побѣды,
Въ своихъ ступаетъ предковъ слѣды,
Недавно что карали васъ.
20. Высокой крови царской дщерь,
Сильнѣйшей что рукою дверь
Отверзла къ славнѣйшимъ побѣдамъ!
Тобою нашъ Россiйскiй свѣтъ
Во всѣхъ земляхъ какъ кринъ цвѣтетъ,
Наводитъ большiй страхъ сосѣдямъ.
Твоя десница въ первый годъ
Поля багритъ чрезъ кровь противныхъ,
Являетъ намъ въ признакахъ дивныхъ,
Созрѣетъ коль преславненъ плодъ.
21. Добротъ чистѣйшiй ликъ вознесъ
Велику Анну въ дверь небесъ.
Откуда зритъ въ Россiи ясно
Монарха въ лавровыхъ вѣнцахъ,
На матернихъ твоихъ рукахъ,
Низводитъ веселъ взоръ всечасно
Къ героямъ держитъ рѣчь сiю:
Вотъ всѣхъ моя громчайша слава!
Сильна во младыхъ дняхъ держава;
Взмужавъ, до звѣздъ прославитъ ту.
22. Отца отечества отецъ!
Вручилъ кому небесъ Творецъ
Храбрѣйшу въ свѣтѣ силу править.
Твоихъ премного сколь похвалъ,
Самъ нашъ завистливъ врагъ позналъ,
Не можетъ самъ тебя не славить.
Въ бою россiйскiй всякъ солдатъ,
Лишь только бъ для Iоанна было,
Твоей для славы лишь бы слыло,
Желаетъ смерть снести стократъ.
23. Прекрѣпкiй Боже, сильный Царь,
Что всю рукою держишь тварь,
Зришь, что враги встаютъ напрасно,
Жезломъ карай ихъ мести самъ,
Подай всегда побѣды намъ,
Твое что имя славимъ гласно.
Не хочутъ если брань пресѣчь,
Подай, чтобъ также въ нихъ вонзился
И новой кровью ихъ багрился
Нагрѣтый въ ней Iоанновъ мечъ.

1709—1741—1761.

Елисавета Петровна.

На восшествіе на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, въ день рожденія ея, 1741 г.

М. Ломоносовъ.

1. Какой утѣхи общей лучъ
Въ Россійски свѣтитъ къ намъ предѣлы!
Который свѣтъ прогналъ тьму тучъ?
По страхѣ музы толь веселы
Не знаю, что за ясность зрятъ.
Чей толь пріятной свѣтитъ взглядъ,
Парнасской верхъ въ восторгъ приводитъ,
Не основатель ли того приходитъ?
2. Но къ нимъ надежда такъ гласитъ:
Не дайте тѣмъ себя прельстити,
Мой видъ такой зарей покрытъ,
Чтобъ васъ съ Россіей взвеселити.
Здѣсь въ ясномъ я стою свѣту,
И вамъ тотъ свѣтлый день кажу,
Опасность къ счастью что сыскала,
Россія бъ въ коемъ процвѣла.
3. Опасность можетъ впредь прозрить
И тое все управить знаетъ,
Въ сей день старалась то чинить,
Въ чемъ счастья верхъ себя являетъ,
Готово что для нашихъ лѣтъ,
Чтобы намъ уйти отъ дальнихъ бѣдъ,
Въ одномъ лишь только томъ трудилась,
Чтобы Елисаветъ родилась.
4. Надежда, свѣтъ Россіи всей,
Въ тебѣ щедрота Божья зрится.
Хоть внѣшней красотѣ твоей
Довольно всякъ, кто зритъ, дивится;
Душевныхъ ликъ твоихъ добротъ
Краснѣе внѣшнихъ всѣхъ красотъ,
Гдѣ всяки совершенства явны,
Любезны всѣмъ, во всемъ преславны.
5. Величество являлось всѣмъ
Въ особѣ и во всякомъ дѣлѣ
На полномъ благъ лицѣ твоемъ
И велелѣпомъ купно тѣлѣ.
Желаетъ кто Петра смотрѣть
Или Екатерину чтить
И ихъ добротъ дивиться цвѣту,

Воззритъ пусть на Елисавету.
6. Изволь хоть гдѣ себя прикрыть,
Пріятство будетъ тамъ съ тобою,
И милость въ слѣдъ тебя ходить.
Откроютъ намъ тебя собою.
Тебя смотрѣть тѣснится всякъ,
Ты всѣмъ твой щедро кажешь зракъ;
Хоть имя бъ ты твое таила,
Но наша бъ то любовь открыла.
7. Надежда долго въ тишинѣ
Съ желаньемъ на тебя взирала,
Любезное твое лице
Какъ ясно солнце почитала,
Которо въ грозныхъ бѣдъ волнахъ
Несносный утоляло страхъ,
Хотѣло изъ погодъ ужасныхъ
Въ мѣстахъ поставить безопасныхъ.
8. Отеческой земли любовь
Коль долго по тебѣ вздыхала,
Избавь, избавь Россійску кровь
Отъ злого скорбныхъ дней начала,
Достойна на престолъ вступи,
Къ присягѣ мы готовы вси.
Отдай красу Россійску трону
По крови, правамъ и закону.
9. Геройска мысль въ тебѣ тогда
Чрезъ дивно дѣло всѣмъ открылась,
Въ любовь Петрова кровь когда
Къ твоимъ подданнымъ воспалилась.
Прежъ всѣхъ пошла съ крестомъ своимъ,
Чинилъ что прежде Константинъ,
Твоимъ всѣхъ духомъ ободрила,
Лишь чуть пришла, всѣхъ покорила.
10. Никто такихъ не знаетъ дѣлъ,
Твоихъ чтобъ славой превсходили,
Спасенъ чтобъ былъ какой предѣлъ,
Гдѣ бъ крови струй мечи не лили,
Кто равно какъ Елисаветъ
Отъ бѣдъ избавилъ цѣлой свѣтъ.
Въ единъ часъ сильныхъ побѣдила,
Къ себѣ взяла, на тронъ вступила.
11. Которой такъ веселый часъ
Пріятенъ людямъ быть казался,
Сердецъ тебѣ какъ вѣрныхъ гласъ
И „виватъ“ къ верху звѣздъ промчался.
Твоихъ подданныхъ милліонъ
Имѣли вдругъ согласный тонъ
Благодарить твоимъ щедротамъ
И дивнымъ всѣмъ твоимъ добротамъ.
12. Ликуй же свѣтло хоръ наукъ,
Открылъ что Петръ съ Екатериной,
Чтобъ слышенъ былъ веселый звукъ.
Сей день вамъ счастія причиной.
Великій Петръ что зачалъ самъ,
Елисаветъ возставитъ намъ.
Елисаветы долги лѣта
Прибавятъ отчей славѣ свѣта.

Въ день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, 1747 г.

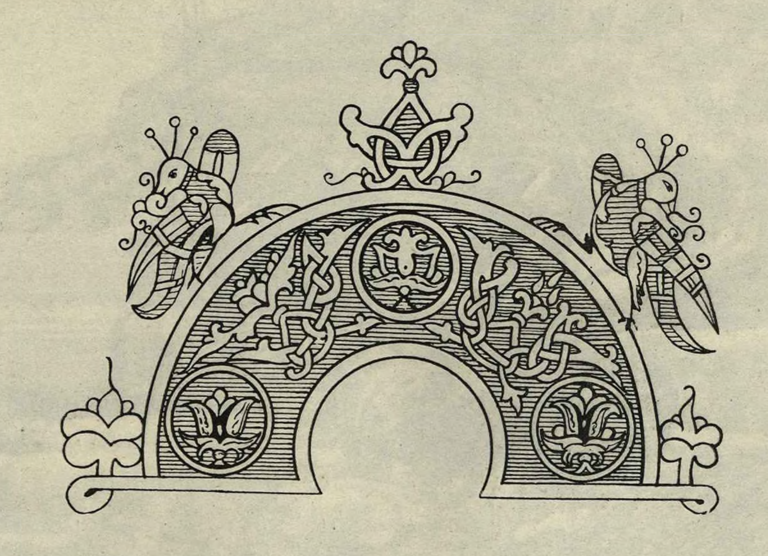
М. Ломоносовъ.

1. Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
2. Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ той всего превыше;
Душа ея зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.
3. Когда на тронъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ,
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя пріявъ облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ счастьемъ услаждаюсь
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый Западъ и Востокъ.
4. Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ:
О коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радости премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда ты Крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ собою
Добротъ твоихъ прекрасный ликъ!
5. Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія твоихъ похвалъ:
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ;
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ;
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.
6. Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ;

Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай, вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.
7. Ужасный чудными дѣлами
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію грубостью попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.
8. Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна,
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?
9. Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки,
Къ сему монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.
10. Но ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верхи Парнасски возстенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.
11. Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, если бъ жизнь ея продлилась;
Давно бъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!
12. Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнасъ?
О коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики;
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство музъ усугубляетъ
И къ счастью отверзаетъ дверь.
13. Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники ему подвластны.
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.
14. Сія тебѣ единой слава,

Монархиня, принадлежитъ,
Пространная твоя держава
О какъ тебѣ благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство въ оныхъ потаенно,
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтетъ.
15. Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія;
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.
16. Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крилами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ Своими чудесами;
Тамъ Лена чистой быстриной
Какъ Нилъ народы напояетъ
И бреги, наконецъ, теряетъ,
Сравнившись морю шириной.
17. Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.
18. Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ Манжуръ.
19. Се мрачной вѣчности запону
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажный флотовъ путь бѣлѣетъ,
И море тщится уступить:
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстить.
20. Тамъ тьмою островов посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ Океанъ;
Небесной синевой одѣянъ
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.
21. И се Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутосъ въ разсѣлинахъ метется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.
22. О вы, которыхъ ожидаетъ

Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.
23. Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.
24. Тебѣ, о милости источникъ,
О ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ тебя возстать войною;
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну
И жизнь твою благословенну
Съ числомъ щедротъ твоихъ сравнитъ.

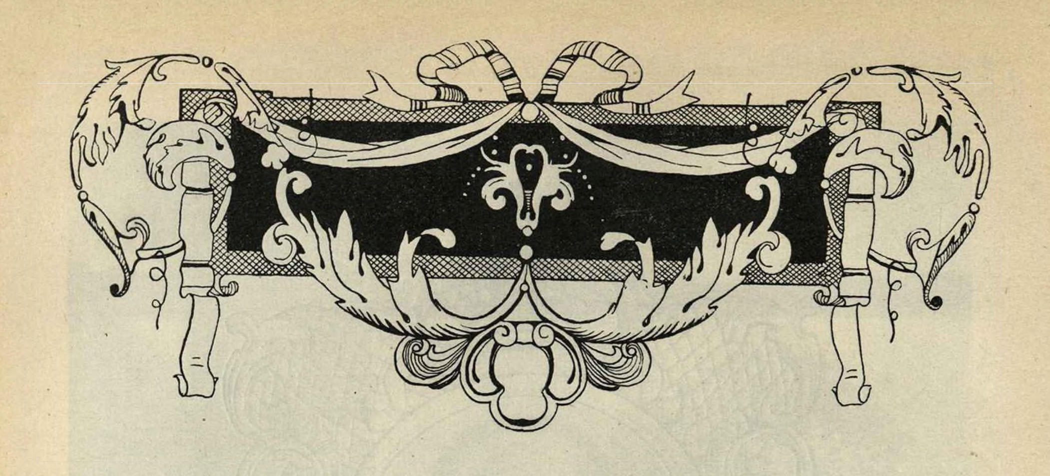

Императрица Елисавета Петровна въ Царскомъ Селѣ.

1728—1761—1762.

Петръ III.

Императору Петру Θеодоровичу на восшествіе на престолъ и на новый 1762 годъ.

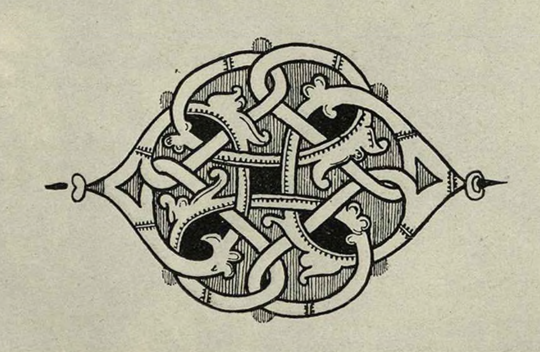
М. Ломоносовъ.

1. Сіяй, о новый годъ, прекрасно,
Сквозь густоту печальныхъ тучъ:
Прошло затменіе ужасно,
Умножь, умножь отрады лучъ.
Уже плачевная утрата
Дражайшая сокровищъ злата
Сугубо намъ возвращена.
Благополучны мы стократно:
Петра Великаго обратно
Встрѣчаетъ Росская страна.
2. Петра воздвигъ съ Екатериной
И съ Павломъ; о драгой залогъ!
Послалъ намъ радость за судьбиной
Въ щедротахъ неизмѣрный Богъ.
Орелъ великій обновился,
На высотѣ своей явился,
И надъ Европою паритъ.
Россіяне руками плещутъ,
Враги въ уныніи трепещутъ,
Познавъ, кто носитъ скиптръ, мечъ, щитъ.
3. Премудрая Елисавета
На отческій престолъ восшедъ,
Движеньемъ Вышняго совѣта
Блюла отечество отъ бѣдъ.
Достигнувъ мужескимъ геройствомъ,
Отвсюду облекла спокойствомъ
Свое наслѣдство утвердивъ,
Чтобъ былъ для Россовъ счастья, славы,
Безъ пресѣченія державы,
Великій Петръ вовѣки живъ.
4. Ея совѣты совершились:
На тронъ наслѣдный ты вступилъ,
Монархъ: мы ввѣкъ ея лишились,
Но ты восходомъ оживилъ.
Пріемлешь скиптръ, она вручаетъ
И, въ вѣчность отходя, вѣщаетъ:
„Владѣй, храни, возвысь народъ,
Моей опасностью спасенный,
Увѣрь всѣхъ, мной благословенный,
Что ты Петровъ и Аннинъ плодъ.
5. Когда я съ нею разлучалась

И въ ложеснахъ ея съ тобой,
Коль горестна тогда терзалась,
Отчаянна въ судьбинѣ злой.
Но больше ощущала радость,
Твою возлюбленную младость
Въ объятiи свои принявъ.
И нынѣ отхожу съ покоемъ,
Отечество тобой героемъ
Превыше будетъ всѣхъ державъ".
6. Уже ко предстоящимъ слезнымъ
Отъ облакъ обратила видъ
И умиленiемъ любезнымъ
Озрѣвшись къ высотѣ спѣшитъ.
Освободясь отъ части тлѣнной,
Восходитъ къ жизни непремѣнной.
Молчите, горы и лѣса,
Моря и вѣтры безпокойны,
Внимайте мнѣ и будьте стройны:
Мой умъ вперился въ небеса.
7. Отворенный Елисаветѣ
Ея преславныхъ предковъ храмъ
Сiяетъ въ безконечномъ свѣтѣ
По звѣзднымъ распростертъ полямъ.
Среди геройскаго собора
Лучемъ божественнаго взора
Яснѣйшiй прочихъ духъ Петровъ
При входѣ свѣтозарной двери,
Десницу простирая дщери,
Къ себѣ въ небесный вводитъ кровъ.
8. „Гряди къ блаженному покою,
Гряди къ намъ въ вѣчно торжество,
Гряди и царствуй здѣсь со мною,
Такъ хочетъ Вышне Божество.
Ты жить съ безсмертными достойна;
Россiя по тебѣ спокойна:
Ты возвратила въ ней уронъ:
Ты кровь мою возобновила,
Въ наслѣдствѣ внука утвердила;
Тобою онъ восшелъ на тронъ.
9. Великодушiя, щедроты
И мужества дала примѣръ:
Чтобъ руку онъ къ своимъ для льготы,
И мечъ противъ враговъ простеръ.
Тобой цвѣтетъ мой градъ любезный.
Петрополь славный и полезный.
Но будетъ выше древнихъ дивъ.
Предѣлы ты распространила;
Его благословенна сила
Поставитъ, вѣчно утвердивъ.
10. За истинную добродѣтель
Земля тебѣ давала плодъ;
Всегда преклоненъ былъ Содѣтель,
Въ довольствѣ множилъ твой народъ.
Наслѣдникъ тою же стезею
Ступая ревностью своею,
Преклонитъ вышнее добро.
Была, какъ ты, натура щедра,
Открыла горъ съ богатствомъ нѣдра;
Ему сторично дастъ сребро.
11. Ты награждала всѣмъ науки;
И онъ щедротой оживитъ,
Искусствомъ обученны руки
Снабдитъ, умножитъ, просвѣтитъ.
Онъ постыдитъ, какъ ты, злодѣевъ.
Оставленъ посреди трофеевъ,
До облакъ оны вознесетъ;
И на пространной свѣта части
Конецъ своей положитъ власти,
Гдѣ знакъ стоитъ твоихъ побѣдъ.
12. Но больше чту сiю заслугу,
Что ты, усердствуя къ нему,
Достойную дала супругу,
Любезну отчеству всему.
Уже изъ общей ихъ любови
Цвѣтетъ отъ нашей отрасль крови
Дражайшiй Павелъ, правнукъ мой.
Продлитъ Господь его потомки;
Дѣла ихъ возвеличитъ громки,

Прославитъ брани и покой".
13. Богиня новыми лучами
Красуется окружена,
И звѣзды видитъ подъ ногами
Свѣтлѣе оныхъ какъ луна.
Уже торжественные лики
И радостныхъ героевъ клики
И бреннымъ нестерпимый свѣтъ
Всю силу ока притупляютъ;
Вниманье слуха заглушаютъ:
Видѣнія закрылся слѣдъ.
14. Оставивъ высоту прекрасну,
Я небо вижу на земли:
Народовъ ревность всѣхъ согласну,
Какъ въ вѣки всѣ свѣтила шли.
Отъ юга, запада, востока
Полями, славою широка
Россія кажетъ вѣрный духъ.
И какъ Елисаветѣ твердо
Петру вдаетъ себя усердо,
Едва лишь гдѣ достигнулъ слухъ.
15. Хребты полей прекрасныхъ, тучныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ и Днѣпръ текутъ,
Дѣлъ послухи Петровыхъ звучныхъ
Съ весельемъ поминая трудъ,
Тебѣ обильны движутъ воды,
Тебѣ, монархъ, плодятъ народы,
Несутъ довольство всѣхъ потребъ,
Что воздухъ и вода рождаетъ,
Что мягкая земля питаетъ,
И жизни главну крѣпость—хлѣбъ.
16. Тамъ мерзлыми шумитъ крылами
Отецъ густыхъ снѣговъ Борей
И отворяетъ ходъ межъ льдами
Дать волѣ путь въ востокъ твоей:
Чтобы Хины, Инды и Японны
Подверглись подъ твои законы.
Тебѣ отъ вѣрной глубины
Руками плещутъ воды бѣлы;
Ликуютъ западны предѣлы,
Предвидя счастіе войны.
17. Европа нынѣ восхищенна
Внимая смотритъ на востокъ
И ожидаетъ изумленна,
Какой опредѣлитъ ей рокъ.
То видитъ зракъ твой предъ полками
Подобный Марсу межъ врагами;
То представляетъ общій пиръ,
Отрады ради утомленныхъ,
Избавы ради разоренныхъ,
Тобою обновленный миръ.
18. Когда по глубинѣ невѣрной
Къ невѣдомымъ брегамъ пловецъ
Спѣшитъ по дальности безмѣрной,
И не является конецъ—
Прилежно смотритъ птицъ полеты,
Въ водѣ и воздухѣ примѣты.
И какъ ужъ томную главу
На брегъ желанный полагаетъ,
Въ слезахъ отъ радости лобзаетъ
Песокъ и мягкую траву.
19. Германія сему подобно
По собственной крови плыветъ,
Во время смутно, неспособно,
Конца своихъ не видитъ бѣдъ;
На Фаросъ силъ своихъ взираетъ,
Къ тебѣ дорогу направляетъ
Тебѣ себя въ покровъ отдать.
Въ согласіи желаетъ стройномъ,
Въ твоемъ пристанищѣ спокойномъ,
Оливны вѣтви цѣловать.
20. Тогда по славнѣйшихъ побѣдахъ,
Какъ общій ускоришь покой,
Пребудешь знатнѣйшій въ сосѣдахъ,
Прехваленъ миромъ и войной.
Тогда въ трудахъ тебѣ любезныхъ,
Россійскимъ областямъ полезныхъ,
Все время будешь провождать;
И каждый день златого вѣку,
Коль долго можно человѣку,
Благодѣяньями вѣнчать.

21. Когда пучину не смущаетъ
Стремленіе насильныхъ бурь,
Въ зерцалѣ жидкомъ представляетъ
Небесной ясности лазурь,
И солнце съ высоты дивится,
Что само толь глубоко зрится.
Такъ ты, о нашихъ дней вѣнецъ,
Во внутреннихъ грудяхъ сіяешь
И свѣтлый ликъ изображаешь
Въ спокойной радости сердецъ.
22. Великолѣпно облекися,
Россійскій радостный Сіонъ,
Главой до облакъ вознесися:
Самсонъ, Давидъ и Соломонъ
Въ Петрѣ тобою обладаютъ
И Голіаѳовъ презираютъ.
Сильнѣе тигровъ онъ и львовъ,
Геройска бодрость въ немъ избранна.
Изсохнетъ на земли попранна
Свирѣпость зміевыхъ головъ.
23. Голштинія, возвеселися,
Что отъ тебя цвѣтетъ нашъ кринъ.
Ты къ морю въ празднествѣ стремися,
Цвѣтущій славою Цвейтинъ.
Хотя не силенъ ты водою;
Но радостью сравнись съ Невою,
До Зунда шумъ твой распростри.
Соединенныя Россійскимъ
Поставь по берегамъ Балтійскимъ
Желаній вѣрныхъ алтари.
24. Спѣши, спѣши, весна златая,
Умножь отраду теплотой
И, новы вѣки начиная,
Стихіи здравіемъ напой;
Вели благоухать зефиру;
Съ Петромъ поля одѣнь въ порфиру,
И всѣмъ пріятностямъ твоимъ
Подобную Екатерину,
Надежды нашея причину,
Снабди, снабди плодомъ драгимъ.
25. Небесъ и всѣхъ вѣковъ Зиждитель,
Источникъ всякаго добра,
Царей и царствъ земныхъ Правитель,
Ты оправдалъ владѣть Петра
Подсолнечной великой частью,
Утѣшь его народы властью,
Преславный вѣкъ ему подай,
Супругѣ вѣтви вожделѣнной
И больше какъ во всей вселенной
Въ Петровѣ домѣ обитай.

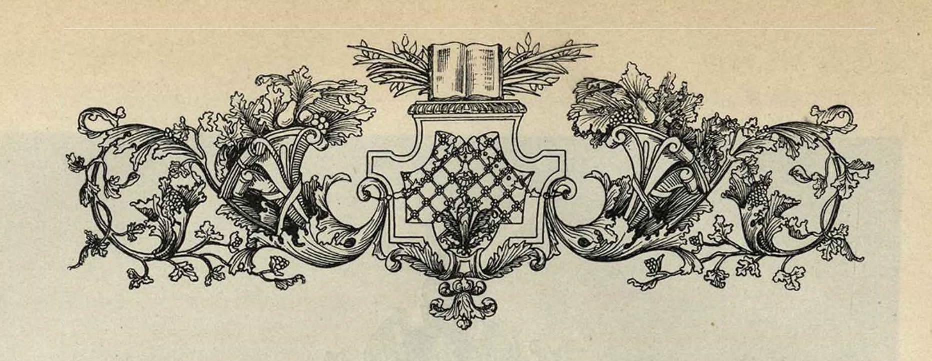

Петръ III.

1729—1762—1796.

Екатерина II Великая.

Фелица.

Г. Державинъ.

Богоподобная царевна
Киргизъ-Кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай найти ее совѣтъ.

Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ:
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.

Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клобъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкихотствуешь собой.
Коня Парнасска не сѣдлаешь,
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,
Не ходишь съ трона на востокъ:
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душею
Полезныхъ дней проводишь токъ.

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь,—
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть.
А что сія ума забава—
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будетъ завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить.
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить.
Тамъ свадебъ шутовскихъ не правятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ.

Ты вѣдаешь, Фелица, нравы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
„Не дѣлай ничего худого—
И самого сатира злого
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь“.

Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства

Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?
Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязываетъ умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки
И счастье дома находить;
Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего!
Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ—Смирнѣ—Кашемирѣ?
Послушай: гдѣ ты ни живешь,—
Хвалы мои тебя примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметя
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.
Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь.
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крылья,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ.

Недостроенный памятникъ.

А. Апухтинъ.

Однажды снилось мнѣ, что площадь русской сцены
Была полна людей. Гудѣли голоса,
Огнями пышными горѣли окна, стѣны,
И съ трескомъ падали ненужные лѣса.
И изъ-за тѣхъ лѣсовъ, въ сіяніи великомъ,
Явилась женщина. Съ высокаго чела

Улыбка свѣтлая на зрителей сошла,
И площадь дрогнула однимъ могучимъ крикомъ.
Волненье усмиривъ движеніемъ руки,
Промолвила она, склонивъ къ театру взоры:
„Учитесь у меня, россійскіе актеры,
Я роль свою сыграла мастерски.
Принцессою кочующей и бѣдной,
Какъ многіе, явилася я къ вамъ,
И также жизнь моя могла пройти безслѣдно,
Но было иначе угодно небесамъ!
На шаткія тогда ступени трона
Ступила я безтрепетной ногой—
И заблистала старая корона
Надъ новою, вамъ чуждой, головой.
Зато какъ высоко взлетѣлъ орелъ двуглавый!
Какъ низко передъ нимъ склонились племена!
Какой немеркнущею славой
Покрылись ваши знамена!
Съ дворянства моего оковы были сняты,
Безъ пытокъ загремѣлъ святой глаголъ суда,
Въ столицу Грознаго сзывались депутаты,
Изъ нѣдръ степей вставали города...
Я женщина была—и много я любила...
Но совѣсть шепчетъ мнѣ, что для любви своей
Ни разу я отчизны не забыла
И счастьемъ подданныхъ не жертвовала ей.
Когда Тавриды князь, наскучивъ пыломъ страсти,
Надменно отошелъ отъ сердца моего,
Не пошатнула я его могучей власти,
Гигантскихъ замысловъ его.
Мой пышный дворъ блисталъ на удивленье свѣту
Въ странѣ безлюдья и снѣговъ;
Но не былъ онъ похожъ на стертую монету,
На скопище безцвѣтное льстецовъ.
Отъ смѣлыхъ чудаковъ не отвращая взоровъ,
Умѣла я цѣнить, что мудро иль остро:
Зато въ дворецъ мой шли скитальцы, какъ Дидро,
И чудаки такіе, какъ Суворовъ.
Зато и я могла свободно говорить
Въ эпоху дикихъ войнъ и казней хладнокровныхъ,
Что лучше десять оправдать виновныхъ,
Чѣмъ одного невиннаго казнить,—
И не было то слово буквой праздной!
Однажды пасквиль мнѣ рѣшилися подать:

Въ немъ я была—какъ женщина, какъ мать—
Поругана со злобой безобразной...
Заныла грудь моя отъ гнѣва и тоски;
Ужъ мнѣ мерещились допросы, приговоры...
Учитесь у меня, россійскіе актеры!
Я роль свою сыграла мастерски:
Я пасквиль тотъ взяла—и написала съ краю:
Оставить автора, стыдомъ его казня,—
Что здѣсь—какъ женщины—касается меня,
Я—какъ царица—презираю!
Да, управлять подчасъ бывало не легко!
Но всюду—дома ли, въ Варшавѣ, въ Византіи—
Я помнила лишь выгоды Россіи—
И знамя то держала высоко.
Хоть не у васъ я свѣтъ увидѣла впервые,—
Вамъ громко за меня твердятъ мои дѣла:
Я больше русская была,
Чѣмъ многіе цари, по крови вамъ родные!
Но время шло, печальные слѣды
Вокругъ себя невольно оставляя..
Качалася на мнѣ корона золотая,
И ржавѣли въ рукахъ державныя бразды...
Когда случится вамъ, питомцы Мельпомены,
Творенье генія со славой разыграть,
И вами созданныя сцены
Заставятъ зрителя смѣяться иль рыдать,
Тогда—скажите ради Бога!—
Ужель вамъ не простятъ правдивыя сердца
Неловкость выхода, неровности конца
И даже скуку эпилога?"
Тутъ гулъ по площади пошелъ со всѣхъ сторонъ,
Гремѣли небеса, людскому хору вторя;
И былъ сначала я, какъ будто ревомъ моря,
Народнымъ воплемъ оглушенъ.
Потомъ всѣ голоса слилися воедино,
И ясно слышалъ я изъ говора того:
„Живи, живи, Екатерина,
Въ безсмертной памяти народа твоего!"

У Екатерины.

А. Пушкинъ.

На другой день, рано утромъ, Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное, солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ графа Петра Александровича Румянцева. Вдругъ бѣлая собачка англійской породы залаяла и побѣжала ей навстрѣчу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: „Не бойтесь, она не укуситъ". И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противу памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на нее смотрѣла, а Марья Ивановна, съ своей стороны, бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ, успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей казалось лѣтъ сорокъ. Лицо ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую. Дама первая перервала молчаніе.

— Вы, вѣрно, не здѣшнія?—сказала она.

— Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи.

— Вы пріѣхали съ вашими родными?

— Никакъ нѣтъ-съ, я пріѣхала одна.

— Одна! Но вы такъ еще молоды.

— У меня нѣтъ ни отца ни матери.

— Вы здѣсь, конечно, по какимъ-нибудь дѣламъ?

— Точно такъ-съ. Я пріѣхала подать просьбу государынѣ.

— Вы сирота: вѣроятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

— Позвольте спросить, кто вы таковы?

— Я дочь капитана Миронова.

— Капитана Миронова? того самаго, что былъ комендантомъ въ одной изъ оренбургскихъ крѣпостей?

— Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была тронута.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ.

Его Императорскому Величеству НИКОЛАЮ I. *Государю Императору*
и Самодержцу *Всероссийскому*

— Извините меня,—сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ,— если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла, но я бываю при дворѣ: изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и, можетъ-быть, мнѣ удастся вамъ помочь.

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекало сердце и внушало довѣренность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительницѣ, которая стала ее читать про себя.

Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ, но вдругъ лицо ея перемѣнилось, — и Марья Ивановна, слѣдовавшая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному.

— Вы просите за Гринева?—сказала дама съ холоднымъ видомъ.— Императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй.

— Ахъ, неправда!—вскрикнула Марья Ивановна.

— Какъ неправда?—возразила дама, вся вспыхнувъ.

— Неправда, ей Богу, неправда. Я знаю все, я все вамъ разскажу. Онъ для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если онъ не оправдался передъ судомъ, то развѣ потому только, что не хотѣлъ запутать меня.

Тутъ она съ жаромъ разсказала все, что уже извѣстно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманіемъ.

— Гдѣ вы остановились?—спросила она потомъ и, услыша, что у Анны Власьевны, промолвила съ улыбкою:—А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы недолго будете ждать отвѣта на ваше письмо.

Съ этимъ словомъ она встала и вышла въ крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ и за чашкою чая только было принялась за безконечные разсказы о дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца, и камеръ-лакей вошелъ съ объявленіемъ, что государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась.

— Ахти, Господи!—закричала она.—Государыня требуетъ васъ ко двору. Какъ же это она про васъ узнала? Да какъ же вы, матушка, представитесь къ императрицѣ. Вы, я чай, и ступить по-придворному не умѣете... Не проводить ли мнѣ васъ? Все-таки, я васъ хоть въ чемъ-нибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ? Не послать ли къ повивальной бабушкѣ за ея желтымъ роброномъ?

Камеръ-лакей объявилъ, что государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Чрезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери передъ нею отворились настежь. Она прошла длинный рядъ пустыхъ великолѣпныхъ комнатъ; камеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ объ ней доложитъ, и оставилъ ее одну.

Мысль увидѣть императрицу лицомъ къ лицу такъ устрашила ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Чрезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которой такъ откровенно изъяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкой:

— Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру.

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею.

— Знаю, что вы не богаты,—сказала она,—но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе.

Обласкавъ бѣдную сироту, государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той же придворной каретѣ. Анна Власьевна, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала оное провинціальной застѣнчивости и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню...

Дорожныя сани Екатерины Великой.

1754—1796—1801.

Павелъ I.

На рожденіе в. кн. Павла Петровича, 1754 г.

М. Ломоносовъ.

1. Надежда наша совершилась,
И слава въ путь свой устремилась:
Спѣши, спѣши, о муза, вслѣдъ,
И лиру согласивъ съ трубою,
Греми, что Вышняго рукою
Обрадованъ Россійскій свѣтъ!
На гласъ Себя Онъ нашъ склоняетъ,
На жаръ, что въ искреннихъ сердцахъ:
Петрова первенца лобзаетъ
Елисавета на рукахъ.
2. Се радость возвѣщаютъ звуки!
Воздвигъ Петрополь къ небу руки,
Веселыми устами рекъ:
„О Боже, буди препрославенъ:
Сугубо нынѣ я возставленъ,
Златой мнѣ усугубленъ вѣкъ!"
Безмѣрна радость прерывала
Его усерднѣйшую рѣчь,
И нѣжны слезы испускала,
Въ восторгѣ принуждая течь.
3. Когда на холмѣ кто высокомъ
Сидя, вокругъ объемлетъ окомъ
Поля въ прекрасный лѣтній день,
Сады, долины, рощи злачны,
Шумящихъ водъ ключи прозрачны
И древъ густыхъ прохладну тѣнь,
Стада ходящи межъ цвѣтами,
Обильность сельскаго труда
И желты класы межъ браздами, —
Что чувствуетъ въ себѣ тогда?
4. Такъ нынѣ градъ Петровъ священный,
Толикимъ счастьемъ восхищенный
Восшедъ отрадъ на высоту,
Вокругъ веселія считаетъ
И края имъ не обрѣтаетъ;
Какую зритъ онъ красоту!
Тамъ многіе народа лики
На стогнахъ ходятъ и брегахъ;
Шумятъ тамъ праздничные клики
И раздаются въ облакахъ.
5. Тамъ слышны разны разговоры.
Иной взводя на небо взоры:—
Великъ Господь мой!—говоритъ—
Мнѣ видѣть въ старости судилось,
И прежде смерти приключилось,
Что въ радости Россія зритъ!
Иной, я стану жить дотолѣ,
(Гласитъ, младой свой зная вѣкъ)
Чтобы служить подъ нимъ мнѣ въ полѣ,
Огонь пройти и быстрость рѣкъ!

6. Уже великими крылами
Парящаго надъ облаками
Въ предѣлы слава странъ звучитъ.
Труды народы оставляютъ
И гласу новому внимаютъ,
Что Промыслъ имъ чрезъ то велитъ?
Пучина преклонила волны,
И на брегахъ умолкнулъ шумъ;
Безмолвія всѣ земли полны;
Внимаетъ славѣ смертныхъ умъ.
7. Но грады Росскіе въ надеждѣ,
Котора ихъ питала прежде,
Подвиглись слухомъ паче тѣхъ,
Верхами къ высотѣ несутся
И тщатся облакамъ коснуться.
Москва стоя въ срединѣ всѣхъ,
Главу великими стѣнами
Вѣнчанну взводитъ къ высотѣ,
Какъ кедръ межъ низкими древами,
Пречудна въ древней красотѣ.
8. Едва желанную отраду
Великому внушилъ слухъ граду;
Отверстіемъ священныхъ устъ
Трясущи сѣдиной, вѣщаетъ:
„Теперь мнѣ небо утверждаетъ,
Что домъ Петровъ не будетъ пустъ!
Онъ въ немъ вовѣки водворится;
Премудрость, мужество, покой
И судъ и правда воцарится;
Онъ рогъ до звѣздъ возвыситъ мой“.
9. Сіе всѣ грады велегласно,
Что время при тебѣ прекрасно,
Монархиня, живутъ и чтятъ;
Сіе всѣ грады повторяютъ,
И рѣчи купно сообщаютъ,
И съ ними села всѣ гласятъ.
Какъ громъ отъ тучей удаленныхъ,
Въ горахъ раздавшись, множитъ слухъ;
Какъ брегъ шумитъ отъ волнъ надменныхъ
По бурѣ укротившей вдругъ.

10. Ты, слава, далѣ простираясь,
На западъ солнца устремляясь,
Гдѣ Висла, Ренъ, Секвана, Тагъ,
Гдѣ славны войскъ Россійскихъ слѣды,
Гдѣ ихъ еще гремятъ побѣды,
Гдѣ вѣрный другъ, гдѣ скрытый врагъ,
Вездѣ разсыплешь слухи громки,
Коль много насъ ущедрилъ Богъ!
Петра Великаго потомки
Даются въ милости залогъ.
11. Что Россовъ мужество крѣпится;
И нынѣ кто лишь возгордится,
Сугубу ревность ощутитъ!
Не будетъ никому измѣны:
Падутъ въ дыму противныхъ стѣны,
Погибнетъ въ прахѣ древній видъ.
Ты скажешь, слава справедлива,
Во весь сіе вострубишь свѣтъ;
Меня любовь нетерпѣлива
Обратно въ градъ Петровъ зоветъ.
12. Богиня власти несравненной,
Хвала и красота вселенной,
Отрада Россовъ и любовь!
Въ восторгѣ нынѣ мы безмѣрномъ,
Что въ сердцѣ ревностномъ и вѣрномъ
И въ жилахъ обновилась кровь.
Велика радость намъ родилась!
Но больше съ радостью твоей.
О, какъ ты симъ возвеселилась!
Коль ясенъ былъ твой свѣтъ очей!
13. Когда ты на престолъ достигла,
Петра Великаго воздвигла
И жизнь дала ему собой.
Онъ паки нынѣ воскресаетъ,
Что въ правнукѣ своемъ дыхаетъ
И родъ въ немъ возставляетъ свой.
Мы долго обоихъ желали!
Лишались долго обоихъ!
Но къ общей радости пріяли,
О небо, отъ щедротъ твоихъ!

14. А вамъ, дражайшіе супруги!
Вамъ плещутъ нынѣ лѣсъ и луги,
Вамъ плещутъ рѣки и моря.
Представьте радость внѣ и въ градѣ,
Взаимно на себя въ отрадѣ
И на младого Павла зря.
Зачни, дитя! зачни любезно
Усмѣшкой родшихъ познавать:
Боговъ породѣ безполезно
Не должно сроку ожидать.
15. Расти, расти, расти, крѣпися,
Съ великимъ прадѣдомъ сравнися,
Съ желаньемъ нашимъ восходи.
Велики суть дѣла Петровы,
Но многіе еще готовы
Тебѣ остались напреди.
Когда взираемъ мы къ востоку,
Когда посмотримъ мы на югъ,
О коль пространность зримъ широку,
Гдѣ можетъ загремѣть твой слухъ!
16. Тамъ въ кругъ облегъ Драконъ ужасный
Мѣста святы, мѣста прекрасны,
И къ облакамъ сто главъ вознесъ!
Весь свѣтъ чудовища страшится,
Единъ лишь смѣло устремиться
Россійскій можетъ Геркулесъ.
Единъ сто острыхъ жалъ притупитъ
И множествомъ низвержетъ ранъ,
Единъ на сто головъ наступитъ,
Возставитъ вольность многихъ странъ.
17. Пространными Китай стѣнами
Закрытъ быть мнится передъ нами,
И что пустой земли хребетъ,
Отъ странъ Россійскихъ отдѣляетъ
Онъ гордымъ окомъ къ намъ взираетъ:
Но въ нихъ ему надежды нѣтъ.
Внезапно ярость возгордится
И огнь и месть между стѣной.
Сіе все можетъ совершиться
Петрова племени рукой.

18. Въ своихъ увидишь предкахъ явны
Дѣла велики и преславны,
Что могутъ духъ природѣ дать.
Уже младого Михаила
Была къ тому довольна сила
Упадшую Москву поднять,
И послѣ страшной перемѣны
Въ предѣлахъ удержать враговъ,
Собрать разсыпанные члены
Такого множества градовъ.
19. Сарматъ съ свирѣпостью своею
Трофеи отдалъ Алексѣю.
Онъ судъ и правду положилъ,
Онъ войско правильное вскорѣ,
Онъ новый флотъ готовилъ въ море;
Но все то Богъ Петру судилъ.
Сего къ отечеству заслуги
У всей подсолнечной въ устахъ;
Его и кроткія супруги
Примѣръ зримъ въ нашихъ временахъ.
20. Примѣръ въ его великой дщери.
Широки та отверзла двери
Наукамъ, счастью, тишинѣ.
Склоняясь къ общему покою,
Щедротой больше какъ грозою
Въ Россійской царствуетъ странѣ.
Но ты, о гордость вознесенна!
Блюдися съ хитростью своей.
Она героями рожденна;
Геройскій духъ извѣстенъ въ ней.
21. Но нынѣ мы не зная брани,
Простремъ сердца и мысль и длани
Съ усерднымъ гласомъ къ Небесамъ.
О Боже, крѣпкій Вседержитель,
Предѣловъ Росскихъ расширитель,
Коль милостивъ бывалъ Ты намъ!
Чрезъ семьсотъ лѣтъ едино племя
Ты съ Росскимъ скиптромъ сохранилъ:

Продли сему по мѣрѣ время,
Какъ нынь Россію расширилъ.
22. Воззри къ намъ съ высоты святыя,
Воззри, коль широка Россія,
Которой далъ Ты власть и цвѣтъ.
Отъ всѣхъ полей и рѣкъ широкихъ,
Отъ всѣхъ морей и горъ высокихъ
Къ Тебѣ взывали девять лѣтъ.
Ты подалъ отрасль намъ едину;
Умножа благодать посли
И впредь съ Петромъ Екатерину
Рожденіемъ возвесели.
23. Предъ мужемъ нѣкогда избраннымъ
Ты свѣтомъ клялся несозданнымъ,
Хранить вовѣкъ престолъ и плодъ.
Исполни то надъ позднымъ свѣтомъ
И таковымъ святымъ обѣтомъ
Благослови Россійскій родъ.
Для толь великихъ странъ покою,
Для счастья множества вѣковъ,
Поставь какъ солнце предъ Тобою
И какъ луну престолъ Петровъ.

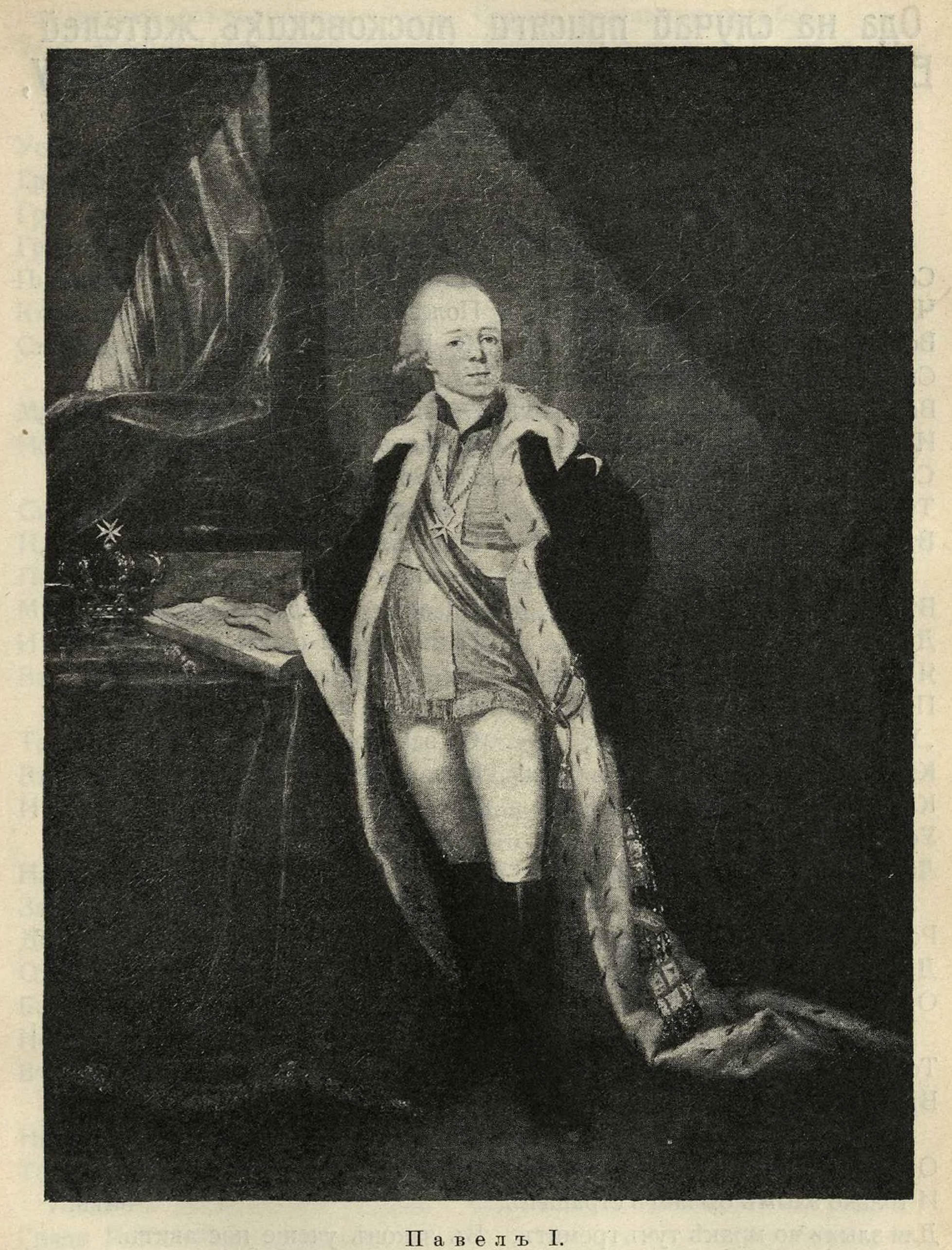
Ода, благоденствіе Россіи, устрояемое великимъ ея Самодержавцемъ Павломъ Первымъ.

В. Жуковскій.

Откуда тишина златая
Въ блаженной сѣверной странѣ?
Чьей мощною рукой покрыта,
Ликуетъ въ радости она?
Въ ней воздухъ свѣтелъ, небо ясно,
Не видно тучъ, не слышно бурь.
Какъ рѣки въ долахъ тихо льются,
Такъ счастья льются въ ней струи.
Умолкла брань, престали сѣчи;
Россъ на трофеяхъ опочилъ;
Тамъ щитъ и мечъ, и шлемъ пернатый,
И булава его лежитъ.
Съ улыбкой ангельской, прелестной,
Въ вѣнцѣ, сплетенномъ изъ оливъ,
Нисшелъ отъ горнихъ странъ эѳира
Сынъ неба, животворный миръ.
Нисшелъ — Россія восплескала,
Пресвѣтлый зря его приходъ;
И милліоны погрузились
Въ восторгъ, въ забвенье, въ тишину.
Спокоились моря пространны;
Съ весельемъ рѣки потекли;
Зіять престали жерла мѣдны;
Молчитъ все, тихо. Громъ заснулъ.
И кто же сей—вѣщай, Россія!
Кто сей, творящій чудеса?
Кто долу миръ съ небесъ низводитъ
И нову жизнь тебѣ даетъ?
„То Павелъ, ангелъ мой хранитель,
Примѣръ, краса вѣнчанныхъ главъ,
Покровъ мой, щитъ мой и отрада,
Владыка, пастырь, іерархъ“.
Рекла—и перстомъ указуетъ
Одѣянъ славой мирной тронъ.
О, коль видѣніе прекрасно
Открылось взору моему!..
Тамъ возсѣдитъ, въ сіяньи солнца,
Великій Павелъ, будто Богъ.
Престолъ его поставленъ твердо
На россихъ пламенныхъ сердцахъ.
Блестящимъ служитъ балдахиномъ
Ему святой его законъ;

Его скиптръ—кротость, а держава
Есть благо подданныхъ его.
Вѣнецъ — премудрость составляетъ,
Блистая ярко на главѣ;
Ея лучами освѣщаетъ
Полсвѣта Павелъ съ высоты.
Въ его десницѣ зрится чаша,
Изъ коей милости онъ льетъ,
Она вовѣкъ не истощится:
Источникъ то воды живой.
Какъ тихій дождь, шумя въ день знойный,
Собой тварь жаждущу свѣжитъ,
Такъ онъ струитъ токъ благотворный
Въ сердца приверженны къ нему.
Его чертогъ есть храмъ священный,
Храмъ правосудія, любви.
Вельможа въ золотой одеждѣ
И бѣдный въ рубищѣ простомъ,
Герой съ побѣдоноснымъ лавромъ,
Вдова съ горячею слезой,
Невинный, сильными гнетомый,
Всѣ, всѣ равно къ нему текутъ.
Его недремлющее око
Всегда на чадъ устремлено,
О ихъ блаженствѣ онъ печется
И славу возвышаетъ ихъ.
Онъ все содержитъ, устрояетъ,
Хранитъ все, движетъ и живитъ;
Онъ сердце, онъ душа Россіи;
Для ней онъ жертвуетъ собой.
И музы Павломъ не забыты —
Онъ имъ отрада и покровъ,
Его порфирой осѣненны,
Онѣ ликуютъ въ тишинѣ,
Ихъ гласы стройны раздаются,
Златыя лиры ихъ звучатъ,
Онѣ свой жребій ублажаютъ,
Въ восторгѣ сладостномъ поютъ:
„О Павелъ! о монархъ любезный!
Подъ сильною твоей рукой
Мы не страшимся бурь, ненастья,
Спокойны и блаженны мы.
Ты царствуй—мы дѣла прославимъ
Твои въ грядущи времена,
Изъ лучезарныхъ звѣздъ созиждемъ
Безсмертія тебѣ вѣнецъ".
И Павелъ кротко пѣсни внемлетъ,
Склоняя къ нимъ съ престола слухъ.
„Такъ, юны музы!—онъ вѣщаетъ—
Я буду царствовать, а вы
Скажите позднему потомству:
— Онъ подъ вѣнцомъ былъ человѣкъ;
О подданныхъ, какъ чадахъ, пекся;
Для нихъ, для нихъ лишь онъ и жилъ;
Гнушался лести и коварства,
На тронѣ истинѣ внималъ,
Для блага общаго покоемъ
Онъ собственнымъ не дорожилъ".
Вѣщалъ—и новыя щедроты
Рѣкою шумной полились,
Вѣщалъ—и новые законы
Сама премудрость изрекла.
О россы! о дрожайши россы!
Какихъ блаженныхъ, красныхъ дней,
Какихъ отрадъ, какихъ восторговъ
Не можете вы ожидать?
Не царь — отецъ, отецъ вамъ Павелъ,
Ко благу, къ славѣ вѣрный вождь.
Ступайте вслѣдъ за нимъ, спѣшите:
Онъ въ храмъ безсмертья васъ введетъ!
А вы, избранныхъ россовъ чада,
Отечества надежда, цвѣтъ!
Растите, въ силахъ укрѣпляйтесь,
Учитесь сердцемъ Павла чтить,
Питайте огнь къ нему любови,
Питайте съ самыхъ юныхъ лѣтъ,
Чтобъ послѣ быть его сынами
И жизнью жертвовать ему.

Павелъ I.

Ода на случай присяги московскихъ жителей Его Императорскому Величеству ПАВЛУ ПЕРВОМУ, Самодержцу Всероссійскому.

Н. Карамзинъ.

Что слышу?—громы восклицаній,
Сердечныхъ, радостныхъ взываній!..
Что вижу?—весь народъ спѣшитъ
Во храмъ, украшенный цвѣтами;
Спѣшитъ съ поднятыми руками—
Вступаетъ... новый громъ гремитъ,
И слезы щастія ліютcя!...
Се Россы добрые клянутся,
Тѣснясь къ святому алтарю,
Въ любви и вѣрности Царю.

И такъ на тронѣ Павелъ Первый.
Вѣнецъ Россійскія Минервы
Давно назначенъ былъ ему...
Я въ храмъ со всѣми поспѣшаю,
Подъемлю руку, восклицаю:
„Хвала Творцу! хвала тому,
Кто правитъ высшими судьбами!
Клянуся сердцемъ и устами,
Усердьемъ пламеннымъ горя,
Любить Россійскаго Царя!“

Мы всѣ другъ друга обнимаемъ,
Россію съ Павломъ поздравляемъ.
Друзья! Онъ будетъ нашъ отецъ:
Онъ добръ и любитъ Россовъ нѣжно!
То царство мирно, безмятежно,
Въ которомъ Царь есть Царь сердецъ,
Отъ Неба онъ вѣнцомъ украшенъ
И только злымъ бываетъ страшенъ;
Для злыхъ во мракѣ тучъ гремитъ,
Благимъ какъ Богъ благотворитъ.

Неправда, лесть! навѣкъ сокройся!
Святая искренность не бойся
Къ Царю приближиться теперь!
Онъ хочетъ щастья милліоновъ,
Полезныхъ обществу законовъ.
Къ Нему отверста мудрымъ дверь.
Кто Павлу истину покажетъ,
О тайномъ злѣ Монарху скажетъ,
Подастъ ему благой совѣтъ,
Того онъ другомъ назоветъ.

Въ рукахъ Его вѣсы Ѳемиды:
Отъ сильныхъ не страшусь обиды,
Не буду виненъ безъ вины.
На лица Павелъ не взираетъ
И въ сердце окомъ проникаетъ;
Ему всѣ дѣти, всѣ равны.
На тронѣ правда съ нимъ явилась;
Съ закономъ совѣсть примирилась:
Она въ Россіи судія;
Уставомъ будетъ гласъ ея.

А вы, подруги бога Феба,
Святыя Музы, дщери Неба,
Безъ коихъ сердцу свѣтъ не милъ!
Ликуйте! Павелъ вашъ любитель,
Наукъ, художествъ покровитель!
Онъ въ васъ отраду находилъ,
Отъ васъ быть мудрымъ научался,
Когда еще отъ насъ скрывался;
Въ спокойной, мирной тишинѣ
Вы, Музы, были съ Нимъ однѣ!

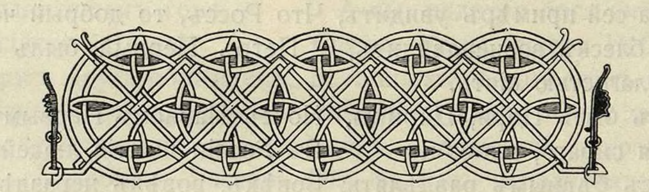
Ликуйте! Павелъ васъ прославитъ.
Въ законъ ученіе поставитъ.
Онъ любитъ подданныхъ своихъ,
Которыхъ разумъ просвѣщенный
Цѣнитъ заботу, трудъ священный
Монарховъ мудрыхъ и благихъ.

Любовь невѣждъ кому завидны?
Хвала ихъ ложь; она постыдна.
Гдѣ разумъ, свѣтъ наукъ любимъ,
Тамъ добрый Царь боготворимъ.
Кто, чувствомъ сердца вдохновенный,
Усердьемъ къ трону восхищенный,
Гремитъ народу „Царь отецъ!“
Гремитъ, и въ сердце проницаетъ;
Гремитъ, и слезы извлекаетъ?..
Питомецъ нѣжный Музъ—пѣвецъ.
Кто память добрыхъ сохраняетъ,
Съ потомствомъ дальнымъ заключаетъ
Монарховъ дружескій союзъ?
Историкъ: онъ питомецъ Музъ.
Ты знаешь, о Монархъ любезный!
Сколь ихъ дары душѣ полезны,
И чѣмъ обязанъ смертный имъ:
Подъ сѣнью мирныя оливы
Мы будемъ мудростью щастливы,
И храмы Музамъ посвятимъ,
Въ которыхъ образъ твой поставимъ;
Тебя на лирахъ мы прославимъ,
Въ концахъ вселенной возвѣстимъ —
И міръ захочетъ быть твоимъ.
Вельможа сей примѣръ увидитъ,
Наружный блескъ возненавидитъ,
Захочетъ благостью сіять,
Достойнымъ быть Царя, Царицы,
Отцемъ для сираго, вдовицы,
Богатство съ бѣднымъ раздѣлять;
Но скоро бѣдныхъ и нещастныхъ
Въ странахъ Тебѣ, Монархъ, подвластныхъ,
Нигдѣ не узримъ предъ собой.
Тогда настанетъ вѣкъ златой;
Тогда съ дражайшими сынами
Гряди Россійскими странами
Отъ Невскихъ красныхъ береговъ
До Кети, Оби отдаленной,
Гряди—и взоръ Твой восхищенной
Найдетъ среди Сибирскихъ льдовъ
Луга, покрытые цвѣтами,
Поля съ обильными плодами
Сердца довольныя судьбой,
Отцемъ Всевышнимъ и Тобой
Въ прозрачномъ тихихъ водъ кристаллѣ,
Какъ въ чистомъ, явственномъ зерцалѣ
Увидишь щастіе людей,
На златомъ брегѣ ихъ живущихъ,
Царя Россіи зрѣть текущихъ,
Творца ихъ мирныхъ, райскихъ дней;
И какъ бы рѣки ни шумѣли,
И какъ бы громы ни гремѣли,
Они возвысятъ голосъ свой:
„О Павелъ! Ты нашъ богъ земной!
Мы—царствуетъ Монархъ! — съ Тобою
Трудимся только для покою;
Не знаемъ нужды ни обидъ.
Умы наукой просвѣтились,
И нравы грубые смягчились,
Судья лишь правый судъ творитъ;
Вездѣ начальникъ уважаемъ.
Тобой онъ мудро избираемъ.
Для насъ течетъ Астреинъ вѣкъ;
Что Россъ, то добрый человѣкъ.
Петръ Первый былъ всему начало;
Но съ Павломъ Первымъ возсіяло
Въ Россіи щастіе людей.
Вовѣкъ, вовѣкъ нераздѣлимы,
Вовѣки будутъ свято чтимы.
Сіи два имени Царей!
Ихъ Церковь вмѣстѣ величаетъ,
Россія вмѣстѣ прославляетъ;
Но ты еще дороже намъ:
Петръ былъ великъ, Ты милъ сердцамъ.
Рекутъ—въ восторгѣ онѣмѣютъ,
Слезами рѣчь запечатлѣютъ;
Ты съ ними прослезишься самъ.
Восторгомъ Россовъ восхищенный,

Блаженствомъ подданныхъ блаженный,
Какой примѣръ Твоимъ Сынамъ!
Ихъ руки дружески сплетутся;
Они обнявшись поклянутся
Итти стезею дѣлъ Твоихъ—
И Богъ услышитъ клятву ихъ.

Монархъ, не льстецъ, душею хладный,
Къ чинамъ, къ корысти только жадный,
Тебѣ сію хвалу поетъ;
Но Россъ, Царя усердно чтущій.
Съ Природой, съ Музами живущій,
Любитель блага, не суетъ.
Надежда насъ не обольщаетъ:
Кто столь премудро начинаетъ,
Достигнетъ мудраго конца—
Началомъ Ты плѣнилъ сердца.

Увидя свѣтъ Авроры ясной,
Мы ждемъ, что будетъ день прекрасной,
И Фебъ въ сіянiи златомъ,
Въ вѣнцѣ блестящемъ, въ славѣ мирной,
Свершитъ на небѣ путь эѳирной;
На самомъ западѣ своемъ
Еще освѣтитъ міръ лучами,
Сольется яркими струями
Съ вечерней, тихою зарей
И алый блескъ оставитъ въ ней.

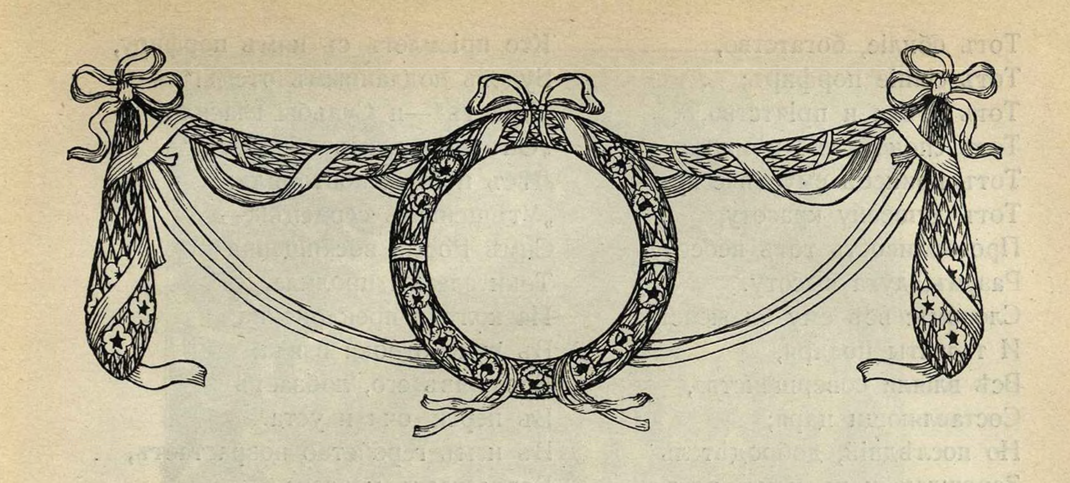

1777—1801—1825.

Александръ I.

Александръ I съ братьями и сестрами.

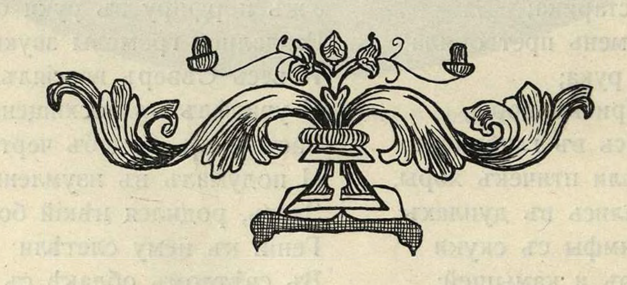

На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока.

Г. Державинъ.

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ инеи пушисты
И метели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихого старика;
Земли въ камень претворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,
Пчелы прятались въ дуплахъ;
Засыпали Нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей;
Согрѣвать Сатиры руки
Собирались вкругъ огней.
Въ это время столь холодно
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Отроча порфирородно
Въ царствѣ сѣверномъ рожденъ.
Родился—и въ ту минуту
Пересталъ ревѣть Борей;
Онъ дохнулъ—и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъ воззрѣлъ—и солнце красно
Обратилося къ веснѣ;
Онъ вскричалъ—и лиръ согласно
Звукъ разнесся въ сей странѣ;
Онъ простеръ лишь дѣтски руки—
Ужъ порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки—
И весь Сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньи:
Растворенъ Судебъ чертогъ;
И подумалъ въ изумленьи:
Знать, родился нѣкій богъ.
Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ;
Каждый Геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ художества, науки,
Украшающія свѣтъ;

Тотъ обиліе, богатство,
Тотъ сіяніе порфиръ;
Тотъ утѣхи и пріятство,
Тотъ спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ: всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляющи царя;
Но послѣдній, добродѣтель
Зарождаючи въ немъ, рекъ:
„Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!“
Всѣ крылами восплескали;
Каждый Геній восклицалъ:
„Се божественный,—вѣщали,—
Даръ младенцу онъ избралъ!
Даръ, всему полезный міру!
Даръ, добротамъ всѣмъ вѣнецъ.
Кто пріемлетъ съ нимъ порфиру,
Будетъ подданнымъ отецъ!“—
„Будетъ“—и Судьбы гласили:
„Онъ монархамъ образецъ!“
Лѣсъ и горы повторили:
„Утѣшеніемъ сердецъ!“—
Симъ Россія восхищенна
Токи слезны пролила,
На колѣни преклоненна
Въ руки отрока взяла;
Воспріявъ его, лобзаетъ
Въ перси, очи и уста.
Въ немъ геройство возрастаетъ,
Возрастаетъ красота.
Всѣ его умъ любятъ страстно,
Всѣхъ сердца ужъ онъ возжегъ:
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, нашъ полубогъ!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителямъ во всемъ;
Съ ихъ ты матерью равняясь,
Поравняйся съ Божествомъ!

Аллегорическая картина на восшествіе на престолъ Александра I.

На восшествіе на престолъ Императора Александра I.

Г. Державинъ.

Желанный всѣми неба житель,
Ты, Миръ, пришелъ къ намъ наконецъ;
Народовъ многихъ утѣшитель,
Отрада царствъ, покой сердецъ,
Пришелъ къ намъ ангелъ благодатный.
Коль шествіе твое красно!
Коль намъ лучи твои пріятны!
Тобою все оживлено.
Се время намъ благопоспѣшно,
Се день спасенья и утѣхъ!
Уныла Муза, въ дни Борея
Дерзавшая вслухъ пѣсни пѣть,
Блаженству общему радѣя,
Уроки для владыкъ гремѣть!
Передъ царемъ, днесь благосклоннымъ,
Взявъ лиру, прахъ съ нея стряси
И сердцемъ радостнымъ, свободнымъ
Вѣщай, греми, звучи, гласи
Того ты на престолъ вступленье,
Кого воспѣлъ я въ пеленахъ.
Уже какъ путникъ утомленный,
Прешедшій дальный, тѣсный путь,
На лугъ, древами осѣненный,
Возлегъ отъ зноя отдохнуть
И внемлетъ вѣтерковъ дыханье,
Шумъ быстрыхъ водъ, цвѣты вокругъ
И нимфъ и птицъ совосклицанье:
Такъ мой весельемъ полный духъ,
Подъ скипетромъ твоимъ покоясь,
Прохладой дышитъ и поетъ.
Стоитъ въ порфирѣ и вѣщаетъ,
Сквозь дверь небесну долу зря:
„Се Небо нынѣ посылаетъ

Вамъ внука моего въ царя.—
Внимать вы прежде не хотѣли
И презрѣли мою любовь;
Вы сами отъ себя терпѣли,
Я нынѣ васъ спасаю вновь".
Рекла,—и тѣнь ея во блескѣ,
Какъ радуга, сокрылась въ свѣтъ.
Но что? Во плескахъ, восклицаньяхъ
Ликующей толпы людей,
Духъ погружается въ стенаньяхъ,
На тлѣнность зря мірскихъ вещей!
Такъ: что престолъ, вѣнецъ, держава,
Власть, сила и сіянье благъ,
Когда спокойнаго нѣтъ нрава
И въ насъ свирѣпствуетъ нашъ врагъ?
Увы! на что полки и стѣны,
Коль насъ невинность не стрежетъ?
Народны вздохи, слезны токи,
Молитвы огорченныхъ душъ,
Какъ паръ возносятся высокій
И заряждаютъ громъ средь тучъ:
Онъ вержется, падетъ незапно
На горды зданіевъ главы.
Внемлите правдѣ сей стократно,
О власти сильныя, и вы!
Внемлите—и тѣснить блюдитесь
Вамъ данный управлять народъ.
Нѣтъ, ангелъ кротости и мира,
Любимый сынъ благихъ небесъ!
Ты не таковъ: твоя порфира,
Отъ благодарныхъ нашихъ слезъ,
Какъ роза, окропясь росою,
Прекраснѣйшій раскинетъ цвѣтъ;
Благоухающій тобою,
Намъ въ чувства сладость принесетъ.
Эдемъ въ твоей узримъ супругѣ
И рай во дщеряхъ и сынахъ.
Не на словахъ ты милосердье
Покажешь,—на дѣлахъ твоихъ;
Развратъ прогонишь, суевѣрье
Ты нравовъ чистотой святыхъ;
Посадишь мудрость ты съ собою,
Велишь ей научать себя;
Пройдешь съ народною толпою,
Проникнетъ правда до тебя;
Ты въ мирѣ брань готовить станешь,
Войну обнимешь тишиной!

Его Императорскому Величеству АЛЕКСАНДРУ I, Самодержцу Всероссійскому, на восшествіе его на престолъ.

Н. Карамзинъ.

Россіи императоръ новый!
На тронѣ будь благословенъ.
Сердца пылать Тобой готовы;
Надеждой духъ нашъ оживленъ:
Такъ милыя весны явленье
Съ Тобой приноситъ намъ забвенье
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы;
Сердца съ природой расцвѣтаютъ
И плодъ во цвѣтѣ предвкушаютъ.
Весна у насъ, съ Тобою мы!
Какъ ангелъ Божій Ты сіяешь
И благостью и красотой
И съ первымъ словомъ обѣщаешь
Екатерининъ вѣкъ златой,—

Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи.

Дни щастія, веселья, славы,
Когда премудрые уставы
Внутри хранили нашъ покой.
А внѣ Россію прославляли;
Граждане мирно засыпали,
И гражданинъ же былъ герой.—
Когда Монаршими устами
Вѣщала милость къ намъ одна
И правила людей сердцами;
Когда и самая вина
Не рѣдко ею отпускалась,
И власть Монаршая казалась
Намъ властію любви одной.
Какое сердцу услажденье
Имѣть къ Царямъ повиновенье
Изъ благодарности святой!
Се Твой обѣтъ, о Царь Державный,
Сильнѣйшій изъ Владыкъ земныхъ!
Ахъ! Россы вѣрностію славны,
И Вѣнценосецъ святъ для нихъ.
Любимый и любви достойный,
На тронѣ Отческомъ спокойный,
Береги Ты громы для враговъ,
Рази единое злодѣйство:
Россія есть Твое семейство;
Среди насъ Ты среди сыновъ.
Воспитанникъ Екатерины!
Тебя Господь Россіи далъ.
Ты урну нашея судьбины
Для дѣлъ великихъ воспріялъ;
Еще ихъ много въ ней хранится,
И духъ мой сладко веселится,
Предвидя ихъ блестящій рядъ!
Сколь жребій Твой, Монархъ, отличенъ!
Предѣлъ добра неограниченъ;
Ты можешь все—еще Ты младъ!
Уже воинской нашей славы
Исполненъ весь обширный свѣтъ;
Предъ нами падали Державы;
Екатерининыхъ побѣдъ
Вѣнки и лавры не увянутъ:
Потомство, вѣки не престанутъ
Ея Героевъ величать:
Румянцева искуснымъ, славнымъ,
Суворова—себѣ лишь равнымъ;
Сражаться, было имъ карать.
Давно ль еще, о незабвенный
Суворовъ! съ горстію своихъ
На Альпы Марсомъ вознесенный,
Бросалъ ты громъ съ вершины ихъ,
Который, въ безднахъ раздаваясь
И горнымъ эхомъ повторяясь,
Гигантовъ дерзностныхъ разилъ!
Ты богомъ ужаса являлся!..
Тебѣ міръ низкимъ показался,
И ты на небо воспарилъ.
Монархъ! довольно лавровъ славы,
Довольно ужасовъ войны!
Бразды Россійскія Державы
Тебѣ для щастья вручены.
Ты будешь Геніемъ покоя;
Въ Тебѣ увидимъ мы Героя
Дѣлъ мирныхъ, правоты святой.
Возьми—не мечъ—вѣсы Ѳемиды,
И бѣдный, не страшась обиды,
Найдетъ безъ злата вѣкъ златой.
Когда не всѣ законы ясны,
Ты намъ ихъ разумъ изъяснишь;
Когда же въ смыслѣ не согласны,
Ты ихъ премудро согласишь,
Законъ быть долженъ какъ зерцало,
Гдѣ бъ солнце истины сіяло
Безъ всякихъ мрачныхъ облаковъ.
Великъ, какъ Богъ, законодатель;
Онъ мирныхъ обществъ основатель
И благодѣтель всѣхъ вѣковъ.
Монархъ! еще другія славы
Достоинъ Твой пресвѣтлый тронъ:
Да царствуютъ благіе нравы:
Примѣръ Двора для насъ законъ.
Развратъ, стыдомъ запечатлѣнный,
Въ чертогахъ у Царя презрѣнный,

Бываетъ нравовъ торжествомъ;
Царю придворный угождая
И добродѣтель обожая,
Для всѣхъ послужитъ образцомъ.
Есть родъ людей, Царю опасный:
Ихъ рѣчи какъ Индійскій медъ,
Улыбки милы и прекрасны:
По виду—ихъ добрѣе нѣтъ;
Они всегда хвалить готовы;
Всегда хвалы ихъ тонки, новы.
Имъ имя—хитрые льстецы;
Снаружи Ангеламъ подобны,
Но въ сердцѣ ядовиты, злобны
И въ козняхъ адскихъ мудрецы.
Они отечества не знаютъ;
Они не любятъ и Царей,
Но быть любимцами желаютъ:
Корысть ихъ Богъ: лишь служатъ ей.
Имъ доступъ къ трону заградится;
Твой слухъ вовѣкъ не обольстится
Коварной, лживой ихъ хвалой.
Ты будешь окруженъ друзьями:
Россіи лучшими сынами.
Отечество одно съ Тобой.
Довольно патріотовъ вѣрныхъ,
Готовыхъ жизнь ему отдать,
Друзей добра нелицемѣрныхъ,
Могущихъ истину сказать!
У насъ Пожарскіе сіяли,
И Долгорукіе дерзали
Петру отъ сердца говорить:
Великій соглашался съ ними
И звалъ ихъ братьями своими.—
Монархъ! Ты будешь насъ любить!
Ты будешь солнцемъ просвѣщенья—
Наукой щастливъ человѣкъ—
И блескомъ Твоего правленья
Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.
Се музы, къ трону приступая,
И, черный крепъ съ себя снимая,
Твоей улыбки милой ждутъ!
Онѣ сердца людей смягчаютъ;
Онѣ жизнь нашу услаждаютъ
И добраго Царя поютъ!

На торжественное коронованіе Его Императорскаго Величества АЛЕКСАНДРА I, Самодержца Всероссійскаго.

Н. Карамзинъ.

Россія! торжествуй со славой!
Се юный Царь, краса людей,
Пріялъ вѣнецъ и скиптръ съ державой,
Чтобъ быть примѣромъ для Царей!
Возстань, ликуй, народъ великій!
Блистай, веселіе сердецъ!
Любовью отданъ сей вѣнецъ.
Гремите, радостные лики:
„Монархъ и подданный Его
Въ душѣ желаютъ одного!“
Сколь трудно править самовластно
И Небу лишь отчетъ давать!
Но сколь велико и прекрасно
Дѣлами Богу подражать!
Его велѣньямъ нѣтъ препоны;
Но Онъ творя благотворитъ.

Онъ можетъ все, но свято чтитъ
Его жъ премудрости законы—
И Фебъ въ сіяніи своемъ
Течетъ всегда однимъ путемъ.
Монархъ Россіи, полусвѣта!
Ты самъ себѣ въ добрѣ законъ.
Другой, въ Твои младыя лѣта
Возсѣвъ на великолѣпный Тронъ,
Хотѣлъ бы роскоши цвѣтами
Свой путь блестящій устилать
И дни забавами считать:
Но Ты священными трудами
Какъ будто платишь намъ за власть:
Въ Тебѣ одна ко благу страсть.
Короны блескомъ ослѣпленный,
Другой въ подвластныхъ зритъ рабовъ;
Но Ты, душею просвѣщенный,
Не терпишь стука ихъ оковъ;
Тебѣ одна любовь прелестна:
Но можно ли рабу любить?
Ему ли благодарнымъ быть?
Любовь со страхомъ не совмѣстна:
Душа свободная одна
Для чувствъ ея сотворена.
Сколь необузданность ужасна,
Столь ты, свобода, намъ мила,
И съ пользою царей согласна,
Ты вѣчно славой ихъ была.
Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
Гдѣ добрый не боясь живетъ;
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый!
Свобода мудрая свята,
Но равенство одна мечта.
Пріятна зрѣнію картина
Различною игрой цвѣтовъ;
Для глазъ печальна та равнина,
Гдѣ нѣтъ ни рощей ни холмовъ.
Сей дубъ, природой вознесенный,
Для низкихъ древъ не есть ли щитъ?
Пусть буря грозная свиститъ:
Миртъ слабый, дубомъ осѣненный,
Растетъ покойно и цвѣтетъ,—
Такъ въ обществѣ народъ живетъ.
Монархъ! Ты ясными чертами
Права гражданства раздѣлилъ
И зрѣлой мудрости плодами
Утѣшилъ насъ—и удивилъ,
Ты краткимъ временемъ правленья
Умѣлъ сердца навѣкъ плѣнить.
Уже спокойно можно жить
По волѣ рока, Провидѣнья,—
Невинныхъ радостей искать
И щастье въ мірѣ избирать!
Покой—стихія человѣка:
И Ты успѣлъ намъ дать его!
Ахъ! многіе цари, полвѣка
Владѣвъ, не сдѣлали того.
Ты дни дарами блага числишь,
Какъ древле мудрый Антонинъ;
Довольны всѣ—но Ты одинъ
Предъ образомъ Петровымъ мыслишь:
„Монархъ, не совершивъ всего,
Еще не сдѣлалъ ничего!“
О радость! о восторгъ!.. читаю
Я таинство души Твоей
И славу Россовъ созерцаю
Во глубинѣ грядущихъ дней!..
„Россія, міра половина,
Отъ вратъ зимы, Камчатскихъ льдовъ,
До красныхъ Невскихъ береговъ,
До странъ Колхиды и Эвксина,
Во всей обширности своей
Сіяетъ... щастіемъ людей!
Моря покрыты кораблями;
Флагъ Россовъ вѣетъ на кормахъ;
Сынъ Маинъ нашими руками
Сбираетъ дань во всѣхъ странахъ.
Вездѣ прелестныя картины
Избытка сельской красоты,
Невинной, милой простоты:
Цвѣтутъ съ улыбкою долины,
Блистаютъ класами поля—
Эдемомъ кажется земля!

Искусство украшаетъ грады;
Вездѣ съ богатствомъ виденъ вкусъ.
Вездѣ Аѳины—вертограды
Для Феба и любезныхъ музъ;
Вездѣ ихъ блескъ, очарованье,
Подъ кровомъ мирной тишины;
Врата темницъ отворены,
Въ судахъ глубокое молчанье,
И воинъ, опершись на щитъ,
Главу склонивъ, покойно спитъ"...
У насъ Астрея! восклицаю:
Или воскресъ Сатурновъ вѣкъ!..
Отвѣту Кліи я внимаю:
„У васъ на тронѣ—человѣкъ!
Премудрый Александръ, рожденный
Въ вѣнцѣ отечеству служить,
Въ сердцахъ и лѣтописяхъ жить!
Во дни его благословенны
Умомъ Россія возросла,
Въ добрѣ и нравахъ процвѣла.
Онъ зналъ, что Царское правленье
Есть царство свѣта, а не тьмы;
Имѣлъ о нравахъ попеченье,
Сіялъ какъ солнце на умы;
Радѣлъ о благѣ воспитанья:
Въ началѣ зло искоренялъ;
Училъ и рѣдко прибѣгалъ
Къ сѣкирѣ грозной наказанья;
Онъ зналъ обязанность Царей—
Быть Провидѣніемъ людей!
Страна, окованная хладомъ,
Гдѣ чувство, жизнь усыплены,
Является прекраснымъ садомъ
Отъ взора теплыя весны:
Такъ все, и самая природа
Въ той щастливой странѣ цвѣтетъ,
Въ которой на престолъ взойдетъ
Избранный мужъ, отецъ народа...
Воззри: сей великолѣпный храмъ
Воздвигнутъ въ память всѣмъ вѣкамъ—
Се храмъ безсмертія и славы!
Тамъ вмѣстѣ съ истиной святой
Потомству я пишу уставы!
Тиранамъ страшенъ свитокъ мой,
Монархамъ добрымъ онъ любезенъ:
Хвалю, кляну—и гласъ вѣковъ
Есть звукъ Моихъ священныхъ словъ.
Мой судъ народамъ былъ полезенъ:
Никто его не избѣжалъ;
Онъ часто совѣсть воскрешалъ.
Тамъ—тамъ сіяютъ Антонины;
Тамъ долженъ А л е к с а н д р ъ сіять
Между П е т р а, Е к а т е р и н ы
И титло М у д р а г о пріять
Въ залогъ безсмертія и славы!.."
Да будетъ!.. О, М о н а р х ъ сердецъ!
Россія царствъ земныхъ вѣнецъ.
(Колоссъ почтенный, величавый!)
Да будетъ подъ Твоимъ жезломъ
Добра и щастія вѣнцомъ!
И будетъ!—Медленно Природа
Готовитъ злато и сребро
Во глубинѣ земного свода:
Увы! зло легче, чѣмъ добро!
Исторія тому свидѣтель;
Но Ты Отечества Отецъ,
Для подданныхъ второй Творецъ,
Съ Тобою Богъ и добродѣтель:
Трудись!.. давай уставы намъ,
И будешь П е р в ы й по дѣламъ!
М о н а р х ъ! въ послѣдній разъ предъ трономъ
Дерзнулъ я съ лирою предстать;
Мнѣ сердце было Аполлономъ:
Люблю хвалить, но не ласкать;
Хвалилъ, гласъ общій повторяя.
Другіе славные пѣвцы
Отъ музъ пріимутъ въ даръ вѣнцы,
Тебя безъ лести прославляя:
Я въ храмъ исторіи иду
И тамъ... дѣла Твои найду.

На возвращеніе Императора Александра I.

Г. Державинъ.

Ты возвратился, благодатный,
Нашъ кроткій ангелъ, лучъ сердецъ!
Твой возсіялъ намъ зракъ прекрасный,
Монархъ, отечества отецъ!
Внемли жъ усердья клики звучны:
О, сколько мы благополучны,
Отца въ монархѣ зря!
Ура! ура! ура!

Ты мужества явилъ примѣры,
Россію твердой спасъ душой;
Защитникъ былъ святыя вѣры
И, доблестьми прямый герой,
Явилъ дѣла великодушны.
О, сколько мы благополучны,
Отца въ монархѣ зря!
Ура! ура! ура!

Ты возвратился, царь нашъ милый,
И счастье наше возвратилъ:
Прогнавъ отъ насъ тѣ дни унылы
И страхъ, который насъ томилъ,
Что были мы съ тобой разлучны.
О, сколько жъ мы благополучны,
Отца въ монархѣ зря!
Ура! ура! ура!

Освобожденіе Европы и слава Александра I.

Н. Карамзинъ.

(Посвящено московскимъ жителямъ).

Конецъ побѣдамъ! Богу слава!
Низверглась адская держава:
Сраженъ, сраженъ Наполеонъ!
Народы и цари! ликуйте:
Воскресъ порядокъ и законъ.
Свободу міра торжествуйте!
Есть правды Богъ: тирана нѣтъ!
Преходитъ тьма, но вѣченъ свѣтъ.

Сокрылось нощи привидѣнье.
Се утро жизни пробужденье!
Се гласъ природы и Творца:
„Уставовъ Я не премѣняю:
Не будутъ камнями сердца;
Безумства въ умъ не обращаю.
Злодѣй торжествовалъ: гдѣ онъ?
Исчезъ какъ безобразный сонъ!“

О радость! Въ духѣ умиленный
И дѣломъ Бога восхищенный,
Паду, лью слезы и молюсь!..
Отецъ!.. Пусть бури міръ волнуютъ!
Надъ ними Ты: не устрашусь!
И бури благость знаменуютъ,
Добро, любовь и стройный чинъ.
О! Ты великъ, великъ единъ!

Умолкло горести роптанье.
Минувшихъ золъ воспоминанье
Уже есть благо для сердецъ.—
Изъ рукъ отчаянной Свободы
Пріявъ властительскій вѣнецъ
Съ обѣтомъ умирить народы

И воцарить съ собой законъ,
Сынъ хитрой лжи, Наполеонъ,
Призракъ величія, героя,
Подъ лаврами духъ низкій кроя,
Возсѣлъ на тронъ—людей карать
И землю претворять въ могилу,
Слезами, кровью утучнять;
Въ законъ одну поставить силу:
Не славой, клятвою побѣдъ
Наполнить устрашенный свѣтъ.
И бысть! Упали царства, троны.
Его ужасны легіоны,
Какъ огнь и бурный духъ, текли
Подъ громомъ смерти, разрушенья,
Сквозь дымъ пылающей земли;
А онъ съ улыбкой наслажденья,
Сидя на грудѣ мертвыхъ тѣлъ,
Страданіе и гибель зрѣлъ.
Ничто Аттилы, Чингисъ-Ханы,
Ничто Батыи, Тамерланы
Предъ нимъ въ свирѣпости своей.
Они въ степяхъ образовались
Среди рыкающихъ звѣрей
И въ вѣки варварства являлись:
Сей лютый тигръ, не человѣкъ,
Явился въ просвѣщенный вѣкъ.
Уже гордились мы наукой,
Ума плодомъ, добра порукой.
И славились искусствомъ жить;
Уже мы знали, что владѣтель
Отцомъ людей обязанъ быть,
Любить не власть, но добродѣтель;
И что побѣдами славна
Лишь справедливая война.
Сей извергъ, міру въ казнь рожденный,
Мечтою славы ослѣпленный,
Чтобъ быть безсмертнымъ, убивалъ!
Хотѣлъ всемірныя державы:
Лишь небо Богу уступалъ;
Топталъ святѣйшіе уставы;
Не скиптромъ правилъ, а мечемъ,
И былъ державнымъ палачемъ!
Въ чертогахъ, въ хижинахъ стенали;
Въ вѣнцахъ главы рабовъ сіяли:
Престолы сдѣлались стыдомъ.
Темнѣли разумъ, просвѣщенье:
Долгъ, совѣсть, честь казались сномъ.
Слабѣла вѣра въ Провидѣнье:
„Гдѣ Мститель? гдѣ любовь Отца?“
Грубѣли чувства и сердца.
Среди гробовъ, опустошенья,
Безмолвія, оцѣпенѣнья
Съ кровавымъ, дерзостнымъ челомъ
Насиліе торжествовало
И, веселяся общимъ зломъ,
Себя хвалами величало,
Вѣщая: „Властвуетъ судьба!
Она мнѣ служитъ какъ раба!“
Еще въ Европѣ отдаленной
Одинъ народъ благословенной
Главы подъ иго не скланялъ;
Отъ цвѣта жизни до сѣдинъ
Хранилъ въ душѣ простые нравы;
Въ войнахъ издревле побѣждалъ,
Давалъ инымъ странамъ уставы,
Но самъ жилъ только по своимъ,
Царя любилъ, царемъ любимъ;
Не славился богатствомъ знаній,
Ни хитростію мудрованій;
Умѣлъ наказывать враговъ,
Являясь въ дружествѣ правдивымъ;
Стоялъ за Русь, за прахъ отцовъ,
И былъ безъ гордости щастливымъ;
Свободы ложной не искалъ,
Но все имѣлъ, чего желалъ.
Уже тиранъ свирѣпымъ окомъ,
Влекомый къ казни тайнымъ рокомъ,
Измѣрилъ путь въ сію страну
И поднялъ для нее оковы;
Изрекъ погибель и войну.

Уже рабы его готовы
Послѣднюю изъ жертвъ заклать—
И началась святая рать.
Для насъ святая!.. Боже Мститель!
Се Ты, злодѣйства истребитель!
Се Ты на бурныхъ облакахъ,
Въ ударахъ молніи палящей!
Ты въ сердцѣ Россовъ и въ устахъ,
Въ рукѣ за вѣру, правду мстящей!
Кто Бога воинствъ побѣдитъ?
У насъ и мечъ Его и щитъ!
Тирану служатъ милліоны:
Героевъ Русскихъ легіоны
Идутъ алмазною стѣной;
А старцы, жены простираютъ
Десницу къ Вышнему съ мольбой;
Слезами Благость умиляютъ.
Вездѣ курится ѳиміамъ:
Россія есть обширный храмъ.
Лежатъ храбрѣйшіе рядами;
Поля усѣяны костями;
Все пламенемъ истреблено,
Не грады, только честь спасаемъ!..
О, славное Бородино!
Тебя потомству оставляемъ
На память, что Россіи сынъ
Стоитъ противъ двоихъ одинъ!
А ты, державная столица!
Градовъ славянскихъ мать-царица,
Созданіе семи вѣковъ,
Гдѣ пышность, нѣга обитали,
Цвѣли богатства, плодъ трудовъ;
Гдѣ храмы лѣпотой сіяли,
И гдѣ покоился въ гробахъ
Царей святыхъ нетлѣнный прахъ.
Москва! прощаемся съ тобою,
И нашей собственной рукою
Тебя мы въ пепелъ обратимъ!
Пылай: се пламя очищенья!
Мы землю съ Небомъ примиримъ.
Ты жертва общаго спасенья!
Въ твоихъ развалинахъ найдетъ
Врагъ міра гробъ своихъ побѣдъ.
Свершилось!.. Дымомъ омраченный,
Пустыней, пепломъ окруженный,
Узрѣлъ онъ гибель предъ собой.
Бѣжитъ!.. но Богъ съ сѣдымъ героемъ
Шлетъ казнь изъ тучи громовой:
Здѣсь воины блестящимъ строемъ,
Тамъ ужасы зимы и гладъ
Его встрѣчаютъ и мертвятъ.
Какъ въ безднахъ темной адской сѣни
Толпятся осужденныхъ тѣни
Подъ свистомъ лютыхъ Эвменидъ:
Такъ сонмы сихъ непобѣдимыхъ,
Едва имѣя жизни видъ,
Въ страданіяхъ неизъяснимыхъ
Скитаются среди лѣсовъ;
Имъ пища—ледъ, имъ снѣгъ—покровъ.
Въ огонь ввергаются отъ хлада;
Себя терзаютъ въ мукахъ глада:
Полмертвый мертваго грызетъ.
Стадами птицы плотоядны
Летятъ за ними съ крикомъ вслѣдъ;
За ними звѣри кровожадны,
Разинувъ челюсти, бѣгутъ
И члены падающихъ рвутъ.
О, жертвы хищнаго злодѣйства!
Вы были радостью семейства;
Имѣли ближнихъ и друзей:
Почто вы гибели искали
Въ дали полуночныхъ степей?
Мы вашей крови не жаждали;
Но кто оковы намъ несетъ.
Умремъ—или онъ самъ падетъ!
Гдѣ ваши легіоны страха?
Лежатъ безмолвно въ нѣдрахъ праха;
Осталась память ихъ одна,

И вѣтры пепелъ развѣваютъ.
Се ваши громы, знамена:
Младенцы ими здѣсь играютъ.—
Свободны мы, но въ рабствѣ міръ:
Еще тирановъ цѣлъ кумиръ.
Еще Европа въ изумленьи;
Но скоро общее волненье
Вселяетъ мужество въ сердца.
Гласятъ: „и мы хотимъ свободы
И нашимъ бѣдствіямъ конца!“
Подвиглись троны и народы;
Другъ съ друга въ гнѣвѣ цѣпи рвутъ
И съ яростью на брань текутъ.
О диво! Зрѣлище святое!—
Кто въ шумномъ, благолѣпномъ строѣ,
Вѣнчанный лаврами побѣдъ,
Съ лицомъ умильнымъ и смиреннымъ
Народы къ торжеству ведетъ
И перстомъ, къ небу обращеннымъ,
Имъ кажетъ Бога вышнихъ силъ.
Съ кѣмъ онъ уже враговъ сразилъ?
Россіи Царь благочестивый,
Герой въ душѣ миролюбивый!
Онъ долго брани не хотѣлъ;
Спасалъ отъ бурь свою державу:
Отецъ чадъ-подданныхъ жалѣлъ
И ненавидѣлъ крови славу;
Когда жъ мечъ правды обнажилъ,
Рекъ: съ нами Богъ! и побѣдилъ.
Вотще злодѣй окровавленный,
Какъ вепрь до сердца уязвленный,
Остатокъ собираетъ жертвъ
Коварства, лютаго обмана:
У нихъ мечи, но духъ ихъ мертвъ:
Идутъ сражаться за тирана!
И съ кѣмъ?—съ любовью къ алтарямъ
Къ свободѣ, къ истиннымъ царямъ!
Ничто всѣ хитрости, искусства
Противъ восторга, правды чувства:
Толпы героевъ и вождей
Война народная рождаетъ,
И первый изъ земныхъ Царей
Собою имъ примѣръ являетъ.
(Россія! не страшись: надъ Нимъ
Господь благій съ щитомъ Своимъ!).
Днемъ въ полѣ, нощію не дремлетъ:
Совѣтамъ прозорливыхъ внемлетъ,
Всѣ думы А л е к с а н д р ъ рѣшитъ;
Предвидитъ замыслы лукавыхъ;
Союзъ отъ зависти хранитъ;
Стыдя виновныхъ, хвалитъ правыхъ
И слабымъ мужество даетъ.
Онъ силенъ: въ немъ коварства нѣтъ!
Стократно въ битвахъ одолѣнный,
Изсохшихъ лавровъ обнаженный,
Ознаменованный стыдомъ
Тиранъ перунъ угасшій мещетъ—
И се послѣдній грянулъ громъ,
И новый Вавилонъ трепещетъ,
Колоссъ-Наполеонъ падетъ
Къ ногамъ царей: свободенъ свѣтъ!
Земли подвиглось основанье,
Гремитъ народовъ восклицанье,
Онъ палъ! Онъ палъ! Кипятъ сердца,
Къ надеждамъ щастья оживаютъ.
Какъ дѣти одного отца,
Всѣ, всѣ другъ друга обнимаютъ...
Онъ палъ! въ восторгѣ цѣлый свѣтъ,
Народы братья! злобы нѣтъ!
Въ семъ общемъ радостномъ волненьѣ,
Царей, героевъ прославленьѣ,

Чье имя первое въ устахъ?
Кому гремятъ вселенной лики:
Безъ лести, въ искреннихъ хвалахъ
Даютъ названіе Великій?
Отечество мое! ликуй
И съ Александромъ торжествуй!
Отверзлися врата эѳира,
И духи выспреннаго міра
Парили надъ главой Твоей,
Помазанникъ, сосудъ избранный
Ко избавленію людей,
Монархъ Россіею вѣнчанный,
Но данный Богомъ всѣмъ странамъ,
Языкамъ, будущимъ вѣкамъ;
Когда врагамъ уже смиреннымъ,
Твоею славой удивленнымъ,
Вѣщалъ Ты въ благости: *миръ вамъ!*
Когда съ любовью восхищенной,
Дотолѣ чуждой ихъ сердцамъ,
Они въ сей часъ благословенной,
Внимая ангельскую рѣчь,
Лобзали Твой побѣдный мечъ;
Когда ихъ чувствомъ умиленный,
Оливой, пальмой осѣненный,
Среди народа и вождей,
На мѣстѣ, обагренномъ кровью
Невиннѣйшаго изъ царей,
Ты съ чистой вѣрою, любовью,
Молясь колѣна преклонилъ
И Бога гнѣва укротилъ;
Когда злодѣями гонимый,
Но втайнѣ добрыми любимый,
Святого Людовика сынъ,
Нещастіемъ сопровожденный
На тронъ Тобою возведенный,
Тебя съ слезами обнималъ
И сыномъ неба называлъ!
Вѣщайте, лѣтописи славы!
Какихъ вѣковъ, какой державы
Монархъ столь блага совершилъ?
Ищу... Закройтесь: нѣтъ примѣра!
Къ величію подвигнутъ былъ
Онъ вами, Добродѣтель, Вѣра!
На Бога твердо уповалъ
И выше всѣхъ героевъ сталъ.
Россіи слава, царствъ спасенье,
Наукъ, торговли оживленье,
Союзъ властей,—покой, досугъ,
Уму и сердцу вожделѣнный:
О! сколько, сколько щастья вдругъ!
Какъ міръ, грозою потрясенный,
Въ разрывѣ смертоносныхъ тучъ
Съ любовью видитъ солнца лучъ:
Такъ всѣ мы тишину встрѣчаемъ,
Привѣтствуемъ душей, ласкаемъ
Изгнанницу столь многихъ лѣтъ!
Забудемъ зло, но разсуждая.
Насъ опытъ къ мудрости ведетъ:
Изъ глубины вѣковъ блистая
Какъ ясная умовъ заря,
Сія другиня алтаря
Къ намъ нынѣ руку простираетъ—
Страстямъ велитъ молчать — вѣщаетъ:
„Цари, народы! благо вамъ,
Десницей Вышняго спасеннымъ!
Но клятва будущимъ войнамъ,
Безумцамъ, славой обольщеннымъ!
Великъ отецъ и другъ людей,
Не геній зла, не мужъ кровей.
Кто слѣдомъ Галліи тирана,
Путемъ насилія, обмана,
Для ада радостныхъ побѣдъ,
Еще къ безсмертью устремится?
Стократъ онъ прежде смерть найдетъ,
Чѣмъ съ нимъ побѣдами сравнится—
И сей Наполеонъ въ пыли;
Живетъ теперь въ позоръ земли:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,

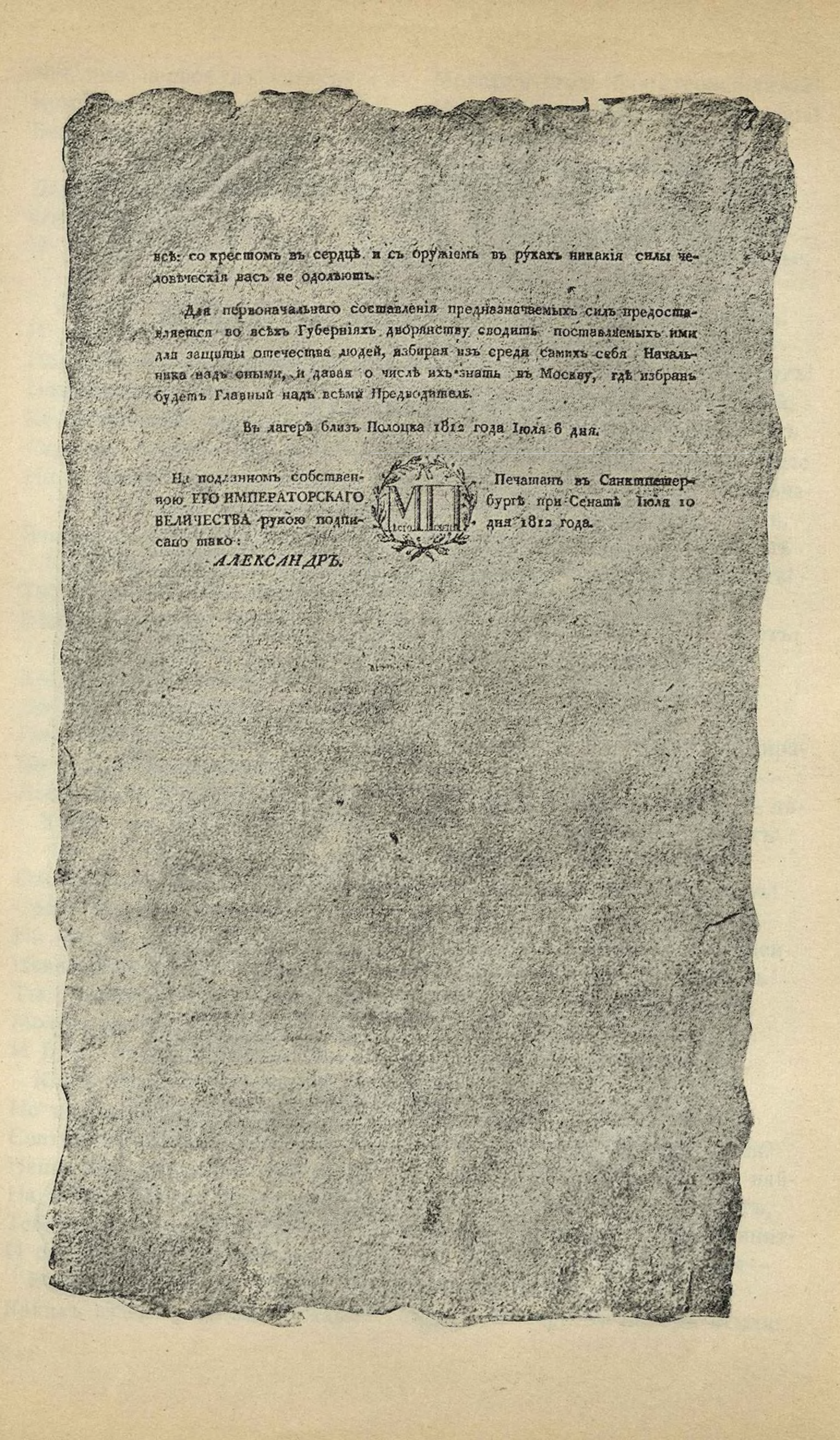
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Непріятель вступилъ въ предѣлы НАШИ и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе Великой сей Державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. МЫ призвавъ на помощь Бога поставляемъ въ преграду ему войски НАШИ, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его, и то, что останется не истребленнаго, согнать съ лица земли НАШЕЙ. МЫ полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду; но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ НАШИХЪ подданныхъ, что собранные имъ разнодержавные силы велики, и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ нее бодрствованія. Сего ради при всей твердой надеждѣ на храброе НАШЕ воинство полагаемъ МЫ за необходимонужное собрать внутри Государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой, и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

МЫ уже воззвали къ первопрестольному Граду НАШЕМУ Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ НАМИ единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское Сословіе! Ты во всѣ времена было Спасителемъ Отечества; Святѣйшій Синодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали Благодать на главу Россіи; народъ Руской! Храброе потомство храбрыхъ Славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь

всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ предоставляется во всѣхъ Губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя Начальника надъ оными, и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ Главный надъ всѣми Предводитель.

Въ лагерѣ близъ Полоцка 1812 года Іюля 6 дня.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Іюля 10 дня 1812 года.

Нещастный пьетъ стыда отраву!
Цари! *всемірную Державу*
Оставьте Богу одному!
Залогъ, вамъ небомъ порученный,
Вы должны возвратить Ему,
Не кровью слабыхъ обагренный
Для умноженья областей,
Но съ мирнымъ щастіемъ людей.
Не для войны живетъ властитель:
Онъ мира, цѣлости хранитель.
Пусть каждый собственность блюдетъ
И чуждаго да не коснется!
Тогда спокоенъ будетъ свѣтъ.
У дикихъ кровь рѣкою льется:
Тамъ воинъ—первый человѣкъ;
Но вѣкъ ума—гражданскій вѣкъ.
Судить, давать, блюсти законы,
Съ мечемъ въ рукѣ—для обороны
Отъ чуждыхъ и своихъ враговъ,
Есть дѣло вышней царской власти.
Не будетъ праздныхъ вамъ часовъ,
Пока, увы! пылаютъ страсти.
Любите знаній тихій свѣтъ:
Отъ нихъ—Наполеона нѣтъ!
Народы! власти покоряйтесь;
Свободой ложной не прельщайтесь:
Она—призракъ, страстей обманъ.
Вы зрѣли галловъ заблужденье:
И своевольство и тиранъ
Отмстили имъ за возмущенье
Противъ законнаго царя,
Уставовъ древнихъ алтаря.
Питайте въ сердцѣ добродѣтель:
Тогда не будетъ вашъ владѣтель
Святыхъ законовъ попирать.
Ко злому только зло влечется:
Благимъ и царь есть благодать.
Господь небесъ о всѣхъ печется;
И червь Его рукой хранимъ.
Надъ вами царь, а Богъ надъ нимъ.
Въ правленьяхъ новое опасно,
А безначаліе ужасно.
Какъ трудно общество создать!
Оно устроилось вѣками:
Гораздо легче разрушать
Безумцу дерзкими руками.
Не вымышляйте новыхъ бѣдъ:
Въ семъ мірѣ совершенства нѣтъ!
Цари да будутъ справедливы,
Народы вѣрностью щастливы!
Не искушайте никогда
Всевышняго въ долготерпѣньи:
Спасаетъ Богъ, но—не всегда".
Рекла—и міръ въ благоговѣньи;
Умолкла,—но ея совѣтъ
Есть гласъ ума въ дѣяньяхъ лѣтъ.
Исчезните, примѣры злые!
Теките щастья дни златые
Для всѣхъ народовъ и царей!
А Ты, нашъ Царь благословенный,
Спѣши, спѣши къ странѣ своей,
Побѣдой, славой утружденный!
Вездѣ Ты искренно хвалимъ,
А здѣсь и славимъ и любимъ.
Тебя, какъ солнце, ждемъ душею!
Ахъ, благодарностью своею
Достойны мы *Твоими* быть!
Гряди съ геройскими полками,
Которыхъ память будетъ жить
Вовѣкъ съ чудесными дѣлами!
Россійскихъ древнихъ Царствъ глава,
Сѣдая въ доблести Москва
Съ себя прахъ смерти отрясаетъ;
Развалины свои вѣнчаетъ
Цвѣтами юныя весны.
Не бойся мрачныхъ лицъ, стенаній:
Печали всѣ погребены.
Услышишь громы восклицаній:
„Для щастья нашего живи!"
Узришь одинъ восторгъ любви.

Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ.

А. Пушкинъ.

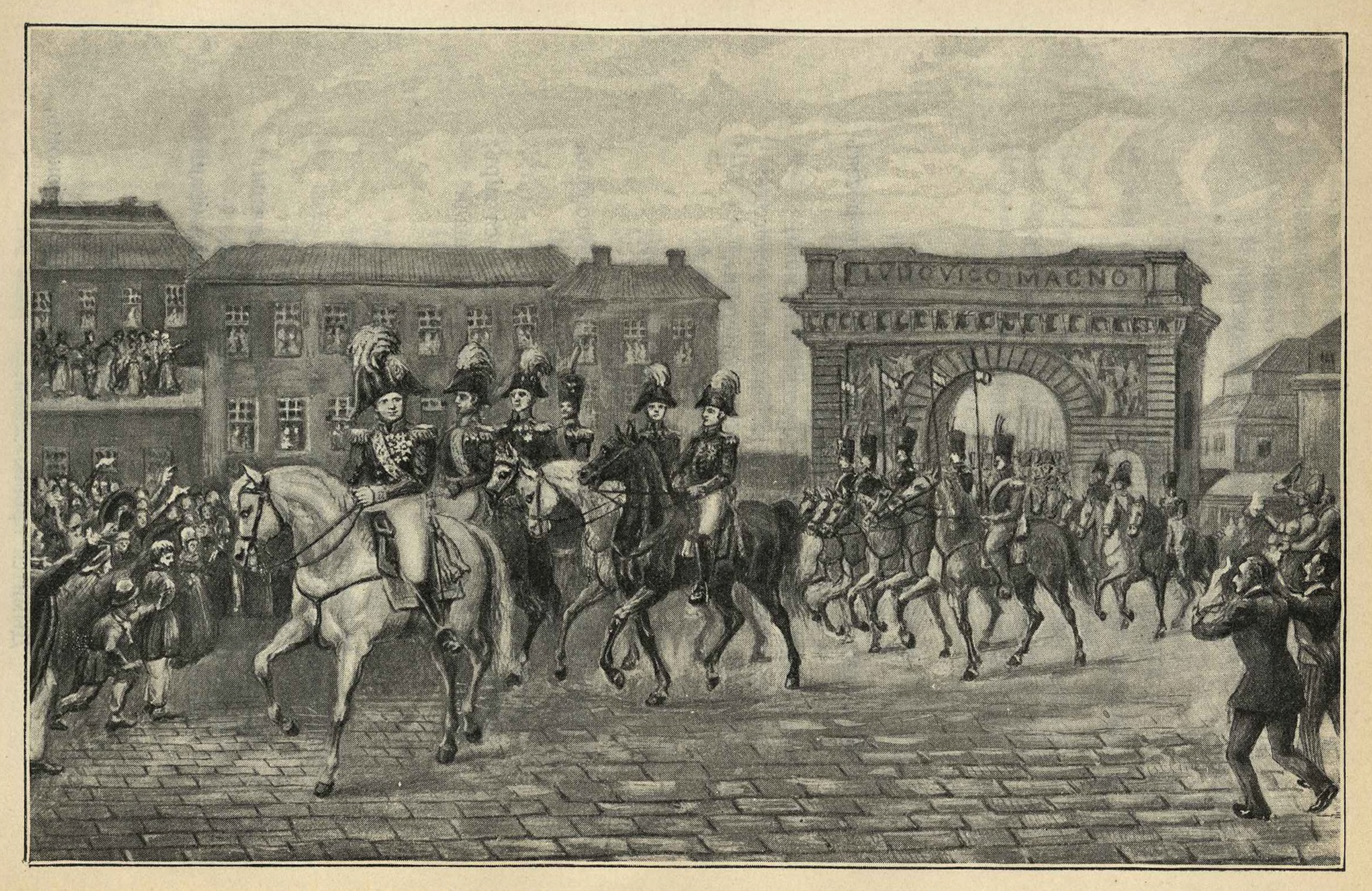
Нависъ покровъ угрюмой нощи
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почили долъ и рощи,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышитъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.

Плыветъ—и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вкругъ;
Аллеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ тополемъ сплелась младая ива
И отразилася въ кристалѣ зыбкихъ водъ;
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣтетъ.

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой;
Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются наяды
Его лѣнивою волной;
А тамъ, въ безмолвіи, огромные чертоги,
На своды опершись, несутся къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы росской храмъ?

Не се ль Элизіумъ полнощный,
Прекрасный царскосельскій садъ,
Гдѣ, льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
На лонѣ мира и отрадъ?
Увы! промчалися тѣ времена златыя,
Когда подъ скипетромъ великія жены
Вѣнчалась славою счастливая Россія,
Цвѣтя подъ кровомъ тишины.

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;
Воззрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ россъ вѣщаетъ:
„Исчезло все, Великой нѣтъ!“

Въѣздъ Императора Александра I въ Парижъ.

И въ думу углубленъ, надъ злачными брегами
Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вѣтрамъ слухъ:
Протекшія лѣта мелькаютъ предъ очами,
И въ тихомъ восхищеньи духъ.

Онъ видитъ: окруженъ волнами,
Надъ твердой, мшистою скалой
Вознесся памятникъ. Ширяяся крылами,
Надъ нимъ сидитъ орелъ младой.
И цѣпи тяжкія и стрѣлы громовыя
Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились,
Кругомъ подножія, шумя, валы сѣдые
Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
Воздвигся памятникъ простой.
О, сколь онъ для тебя, Кагульскій брегъ, поносенъ
И славенъ родинѣ драгой!
Безсмертны вы вовѣкъ, о русски исполины,
Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ;
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

О, громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы россіянъ!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ,
Потомки грозные славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали;
Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ;
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

И ты промчался, незабвенный!
И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
И брани новыя, и ужасы военны:
Страдать—есть смертнаго удѣлъ.
Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя;
Возсталъ вселенной бичъ—и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря;

И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на русскія поля.
Предъ ними мрачна степь лежитъ во снѣ глубокомъ,
Дымится кровію земля,

И селы мирныя и грады въ мглѣ пылаютъ,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.

Идутъ—ихъ силѣ нѣтъ препоны:
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ съединясь полкахъ,
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздались!.. Идутъ въ дали туманной...
Звучатъ кольчуги и мечи!

Страшись, о рать иноплеменныхъ:
Россіи двинулись сыны!
Возсталъ и старъ и младъ, летятъ на дерзновенныхъ.
Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Вострепещи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря.
Ихъ цѣль: иль побѣдить, иль пасть въ пылу сраженья
За вѣру, за царя.

Ретивы кони бранью пышутъ,
Усѣянъ ратниками долъ,
За строемъ строй течетъ, всё местью, славой дышутъ,
Восторгъ во грудь ихъ перешелъ:
Летятъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищутъ,
И се—пылаетъ брань; на холмахъ громъ гремитъ,
Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы свищутъ,
И брызжетъ кровь на щитъ.

Сразились—русскій побѣдитель!
И вспять бѣжитъ надменный галлъ;
Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержитель
Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ:
Не здѣсь его сразилъ воитель посѣдѣлый;
О, бородинскія кровавыя поля!
Не вы—неистовству и гордости предѣлы:
Увы, на башняхъ галлъ Кремля!..

Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безпечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ.

И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни...
Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

Гдѣ ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
Развалины теперь одни.
Москва! столь русскому твой зракъ унылый страшенъ!
Исчезли зданія вельможей и царей,
Все пламень истребилъ; вѣнцы затмились башенъ,
Чертоги пали богачей.

И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
Въ тѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
Гдѣ миртъ благоухалъ, и липа трепетала,
Тамъ нынѣ угли, пепелъ, прахъ:
Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней нощи
Веселье шумное туда не полетитъ,
Не блещутъ ужъ въ огняхъ брега и свѣтлы рощи—
Все мертво, все молчитъ...

Утѣшься, мать градовъ Россіи,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготѣла днесь на ихъ надменной выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ,
Ихъ кровь не престаетъ въ снѣгахъ рѣками течь,
Бѣгутъ—и въ тьмѣ ночной ихъ гладъ и смерть срѣтаютъ,
А съ тыла гонитъ россовъ мечъ.

О вы, которыхъ трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! и вы въ могилы пали...
О страхъ! о грозны времена!
Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ и вѣру, и законъ?
Въ гордынѣ возмечталъ мечемъ низвергнуть троны,
Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ!

Въ Парижѣ россъ! Гдѣ факелъ мщенья?
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой;

Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленьи,
Москва въ унынiи, какъ степь въ полнощной мглѣ—
А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье
И благотворный миръ землѣ!

Достойный внукъ Екатерины!
Почто небесныхъ Аонидъ,
Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянской бардъ дружины,
Мой духъ восторгомъ не горитъ!
О, если бъ Аполлонъ пiитовъ даръ чудесной
Влiялъ мнѣ нынѣ въ грудь! Тобою восхищенъ,
На лирѣ бъ возгремѣлъ гармонiей небесной
И возсiялъ во тьмѣ временъ!

О скальдъ Россiи вдохновенный,
Воспѣвшiй ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,
Взгреми на арфѣ золотой;
Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца!

Пѣснь русскому царю отъ его воиновъ.

В. Жуковскiй.

Гряди, нашъ царь, твоя дружина
Благословляетъ твой возвратъ;
Вселенной рѣшена судьбина,
И ниспровергнутъ супостатъ.
Гряди, гряди къ странѣ своей,
Нашъ царь, нашъ славный вождь царей.

Къ его стопамъ мечи кровавы;
Къ его стопамъ и шлемъ и щитъ;
Его главу да знамя славы
При кликахъ славы осѣнитъ;
Ему вѣнцы готовьте въ дань—
Рѣшившему святую брань.

Нашъ царь, въ отчизну съ поля чести
Твою мы славу принесли;
Вотъ громъ, твоей свершитель мести;
Вотъ знамена еще въ пыли;
Вотъ нашей вѣрности алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: честь и царь!

Младой наслѣдникъ полвселенны—
Межъ насъ впервой ты мечъ прiялъ;
Нашъ царь—ко брани ополченный,
Ты путь намъ къ славѣ указалъ;
Нашъ вождь—ты былъ предтечей намъ
Вездѣ во срѣтенье врагамъ.

Скажи жъ, о вождь, гдѣ измѣнилась
Твоя дружина предъ тобой?
Погибель насъ пожрать стремилась—
Ее отбилъ нашъ твердый строй.
Намъ взоръ царя, какъ Божій лучъ,
Свѣтилъ во мглѣ громовыхъ тучъ.
Ко мщенью ты воззвалъ народы;
Ты спасъ владычество царямъ;
Ты знамена святой свободы
Покорнымъ даровалъ врагамъ;
И твой покрылъ вселенну щитъ;
И брань окованна молчитъ.
Отъ Нѣмана до океана
Твоихъ трофеевъ славный рядъ;
И гдѣ парилъ орелъ тирана,
Тамъ днесь твои орлы парятъ;
И громъ, безмолвный въ ихъ когтяхъ,
На брань и бунтъ наводитъ страхъ.
Но кто на Русь твою возстанетъ?
Противныхъ нѣтъ полкамъ твоимъ;
Твой страшный гнѣвъ съ престола грянетъ,
И сѣверъ грянетъ вслѣдъ за нимъ:
И казни вѣстникъ, грозный страхъ
Враговъ умчитъ, какъ дымъ и прахъ.
Гряди, нашъ царь, твоя дружина
Благословляетъ твой возвратъ;
Вселенной рѣшена судьбина,
И ниспровергнутъ супостатъ.
Гряди, гряди къ странѣ своей,
Нашъ царь, нашъ славный вождь царей.

На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году.

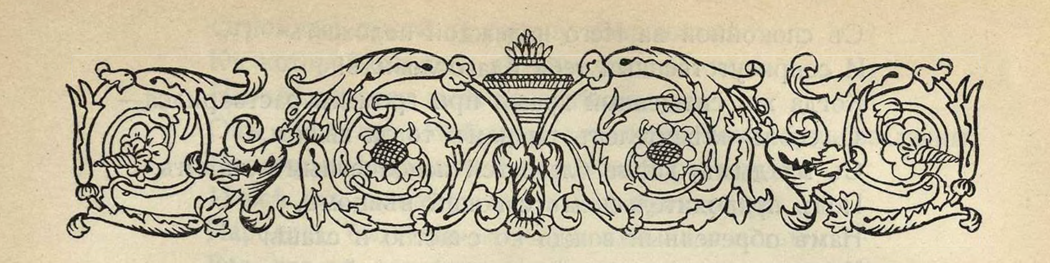
А. Пушкинъ.

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось. Русскій царь достигъ той славной цѣли.
Вотще надменные на родину летѣли;
Вотще, впреди знаменъ безчисленныхъ дружинъ,
Въ могущей дерзости вѣнчанный исполинъ
На гибель грозно шелъ, влекъ цѣпи за собою:
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою,—
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ.
Содрогся счастья сынъ, и брошенный судьбою,
Онъ землю русскую не взвидѣлъ подъ собою.
Бѣжитъ... и мести громъ слетѣлъ ему вослѣдъ;

И съ трона гордый палъ... и вновь возсталъ... и нѣтъ.
Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ высшимъ алтаремъ,
Ты браней мечъ извлекъ и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятвѣ сей, и гордыя сердца
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ отца
И смертью роковой горѣли и дрожали,
И россы предъ врагомъ твердыней грозной стали;
„Къ мечамъ!“ раздался кликъ,—и вихремъ понеслись;
Знамена, восшумѣвъ, по вѣтру развились;
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку.
Сразились. Воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой...
А я, вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной,
Я тихо расцвѣталъ, безпечный, безмятежный!
Увы! мнѣ не судилъ таинственный предѣлъ
Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ!
Сыны Бородина, о кульмскіе герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой восторженной за братьями спѣшилъ;
Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
О, сколь величественъ, безсмертный, ты явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился,
И челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпію съ восторгомъ потрясали
И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
„Ужель свободны мы?.. Ужели грозный палъ?..
Кто смѣлый? Кто въ громахъ на сѣверѣ возсталъ?..“
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
И власть мятежная исчезла предъ тобой!..
И нынѣ ты къ сынамъ, о царь нашъ, возвратился,
И край полуночи восторгомъ озарился!..
Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ:

Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И ты среди толпы, Россіи божество!
Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ твои дружины;
Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о русскій царь! Оставь же шлемъ стальной
И грозный мечъ войны, и щитъ—оградy нашу;
Излей предъ Янусомъ священну мира чашу,
И, брани сокрушивъ могущею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!
И придутъ времена спокойствія златыя,
Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный;
Суда летучія, торговлей окрыленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ,
И юные сыны воинственныхъ славянъ
Спокойной праздности съ досады предадутся,
И молча нѣкогда вкругъ старца соберутся,
Преклонятъ жадный слухъ,—и ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальній боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними,
Словами истины, свободными, простыми,
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ
И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

Императору Александру.

В. Жуковскій.

Когда летящіе отвсюду шумны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, тебя зовутъ: великій!
Что скажетъ лирою незнаемый пѣвецъ?
Дерзнетъ ли свой листокъ онъ въ тотъ вплести вѣнецъ,
Который для тебя вселенная сплетаетъ?..
О, русскій царь, прости! невольно увлекаетъ
Могущая рука меня къ мольбѣ въ тотъ храмъ,
Гдѣ благодарностью возженный ѳиміамъ
Стеклися въ даръ принесть тебѣ народы міра—
И, радости полна, сама играетъ лира.
Кто славныхъ дѣлъ твоихъ постигнетъ красоту?
Съ благоговѣніемъ смотрю на высоту,
Которой ты достигъ по тернамъ испытанья,
Когда, исполнены любви и упованья,
Мы шумною толпой тотъ окружали храмъ,
Гдѣ, вѣрнымъ быть царемъ клянясь Творцу и намъ,
Ты клалъ на страшный крестъ державную десницу—
И плечи юныя склонялъ подъ багряницу—
Скажи, въ сей важный часъ гдѣ мысль твоя была?
Скажи, когда вѣнецъ рука твоя брала,
Что мыслилъ ты, вблизи послышавъ клики славы
И въ отдаленіи внимая, какъ державы
Ниспровергала, врагъ земныхъ народовъ, брань,
Какъ троны падали подъ хищникову длань?
Ужель при слухѣ семъ душой не возмутился?
Нѣтъ! выше бурь земныхъ ты ею возносился,
Очами твердыми сей ужасъ проницалъ
И въ сердцѣ Промысла судьбу свою читалъ.
Смиренно приступивъ къ сосуду примиренья,
Въ себѣ весь свой народъ ты въ руку Провидѣнья

Съ спокойной на Него надеждой положилъ—
И соприсутственный тебя благословилъ!
Когда жъ священный храмъ при громахъ растворился—
О, сколь плѣнителенъ ты намъ тогда явился,
Съ младымъ, всѣхъ благостей исполненнымъ лицомъ,
Подъ прародительскимъ сіяющій вѣнцомъ,
Намъ обреченный вождь ко счастію и славѣ!
Казалось, къ пламенной въ рукѣ твоей державѣ
Тогда весь твой народъ сердцами полетѣлъ;
Казалось, въ ней обѣтъ души твоей горѣлъ,
Съ которымъ ты за насъ передъ алтарь явился—
О царь, благодаримъ: обѣтъ сей совершился...
И Призванный тобой тебѣ не измѣнилъ.
Такъ! и на бѣдствія земныя положилъ
Онъ свѣтозарную печать благотворенья;
Ниспосылаемый Имъ ангелъ разрушенья
Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена,
Въ нихъ жизни свѣжія бросаетъ сѣмена—
И, обновленныя, пышнѣе расцвѣтаютъ;
Какъ бури въ зной поля, бѣды ихъ возрождаютъ.
Давно ль одряхшій міръ мы зрѣли въ мертвомъ снѣ?
Тамъ, въ прорицающей паденье тишинѣ,
Стояли царствія, какъ зданья обветшалы;
Въ дремотѣ преклоня главы свои усталы,
Цари сей грозный сонъ считали за покой;
И невнимательны, съ безпечной слѣпотой,
Въ любви къ отечеству, ко славѣ, къ вѣрѣ хладны,
Лишь къ наслажденіямъ одной минуты жадны,
Подъ наклонившихся престоловъ царскихъ тѣнь,
Какъ въ неприступную для бурь и бѣдствій сѣнь,
Народы ликовать стекалися толпами...
И первый Лилій тронъ у галловъ надъ главами
Вспылалъ, развéрнувшись, какъ гибельный волканъ,
Съ его дымящихся развалинъ великанъ,
Питомецъ ужасовъ, безвластія и брани,
Воздвигся, положилъ на скипетръ тяжки длани
И взорами на міръ ужасно засверкалъ—
И предъ страшилищемъ весь міръ затрепеталъ,
Сказавъ: нѣтъ Промысла! Гигантскою стопою
Шагнулъ съ престола онъ и слѣдомъ за звѣздою
Помчался по землѣ во блескѣ и громахъ;
И Промыслъ, утаясь, послалъ къ нему свой страхъ;
Онъ тѣнью грозною вездѣ летѣлъ съ нимъ рядомъ;
И раздробляющій полки и грады взглядомъ,

Огромною рукой ту бездну покрывалъ,
Къ которой гордаго путемъ успѣха мчалъ.
Непобѣдимости мечтою ослѣпленный,
Онъ мыслилъ: „Мой престолъ престоломъ будь вселенны;
Порфиры всѣхъ царей земныхъ я раздеру,
И всѣ ихъ скипетры въ одной рукѣ сберу;
Народовъ бѣдствія—ступени мнѣ ко счастью;
Все, все въ развалины! на нихъ возсяду съ властью
И буду царствовать, и мнѣ соцарствуй, страхъ!
Исчезни все опять, когда я буду прахъ,
Что изъ развалинъ брань и власть соорудила—
Безсмертною моя останется могила".
И къ человѣчеству презрѣньемъ ополченъ,
На первый свой народъ онъ двинулъ рабства плѣнъ,
Чтобы смѣлѣй сковать чужимъ народамъ длани—
И стала Галлія сокровищницей брани;
Тамъ все, и самъ Христовъ алтарь, взывало: брань!
Все, раболѣпствуя мечтамъ тирана, дань
Къ его ужасному престолу приносило:
Оратай, на бразды склоняя взоръ унылой,
Грабителямъ свой плугъ послѣдній отдавалъ;
Убогій рубище имъ въ жертву раздиралъ;
И мздой свою постель страданье выкупало;
И безпощадною косою подсѣкало
Самовластительство прекрасный цвѣтъ людей:
Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей,
Считало годы ихъ кровавыми перстами;
Сыны въ дому отцовъ минутными гостями
Являлись, чтобы тамъ оставить скорби слѣдъ—
И юность ихъ была, какъ на могилѣ цвѣтъ.
Все поколѣніе, для жатвы бранной зрѣя
И созидать себѣ грядущаго не смѣя,
Невольно подвиговъ плѣнилося мечтой
И бросилось на брань съ отважной слѣпотой...
И вслѣдъ ему всякъ часъ за ратью рать летѣла;
Стенящая земля въ пожарахъ пламенѣла,
И хитростью подрытъ, измѣной потрясенъ,
Добитый громами, за трономъ падалъ тронъ.
По нимъ свободы врагъ отважною стопою
За всемогуществомъ шагалъ отъ боя къ бою;
Отъ Реинскихъ твердынь до Нѣмана валовъ,
Отъ Сциллы древнія до Бельта береговъ
Одна ужасная простерлася могила;
Все смолкло... Мрачная, съ кровавымъ взоромъ, сила

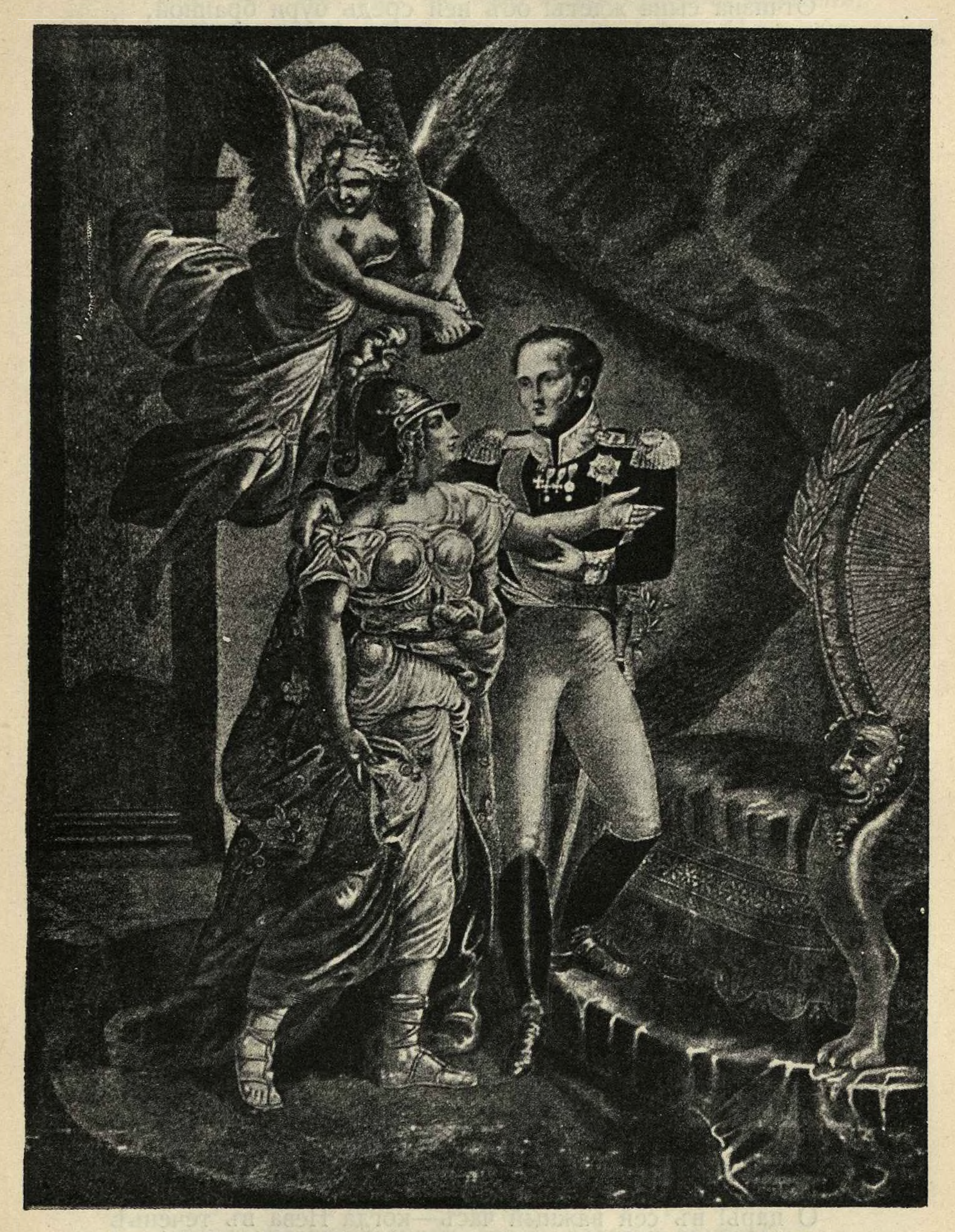
На грудѣ павшихъ царствъ возсѣла, стражъ царей;
Предъ симъ страшилищемъ и доблесть прежнихъ дней,
И къ просвѣщенью жаръ, и помышленья славы,
И непорочные семей смиренныхъ нравы,
Погибло все—окрестъ одинъ лишь стукъ оковъ
Смущалъ угрюмое молчаніе гробовъ,
Да ратей изрѣдка шумѣли переходы,
Спѣшащихъ истребить еще пріютъ свободы;
Унылость на сердца народовъ налегла—
Лишь вѣра въ тишинѣ звѣзды своей ждала,
Съ святымъ терпѣніемъ тяжелый крестъ лобзала
И взоры на востокъ съ надеждой обращала...
И грозно возблисталъ спасенья страшный годъ!
За сей могилою народовъ, цвѣлъ народъ—
О царь нашъ, твой народъ—могущій и смиренный,
Не крѣпостью твердынь громовыхъ огражденный,
Но вѣрностью къ царю и въ славѣ тишиной.
Какъ юноша-атлетъ, всегда готовый въ бой,
Смотрѣлъ на брани онъ съ безпечностію силы...
Такъ, юныя поджавъ, но опытныя крылы,
На поднебесную глядитъ съ гнѣзда орелъ...
И злобой на него губитель закипѣлъ.
Въ несмѣтну рать столпя рабовъ ожесточенныхъ
И на поляхъ, стопой врага неоскверненныхъ,
Ужъ въ мысляхъ сгромоздивъ престолъ всемірный свой,
Онъ кинулся на Русь свирѣпою войной...
О Провидѣніе! Твоя Россія встала,
Твой ангелъ полетѣлъ, и брань твоя вспылала!
Кто, кто изобразитъ безсмертный оный часъ,
Когда въ молчаніи народномъ царскій гласъ
Послышался, какъ вѣсть надежды и спасенья?
О гласъ царя! о честь народа! пламень мщенья
Ударилъ молніей по вздрогнувшимъ сердцамъ;
Все бранью вспыхнуло, все кинулось къ мечамъ,
И грозно въ бой пошла съ насиліемъ свобода!
Тогда явилось все величіе народа,
Спасающаго тронъ и святость алтарей,
И тихій гробъ отцовъ, и колыбель дѣтей,
И старцевъ сѣдины, и младость дѣвъ цвѣтущихъ,
И славу прежнихъ лѣтъ, и славу лѣтъ грядущихъ.
Все въ пепелъ передъ нимъ! разлей пожары, месть!
Стѣною рать! что шагъ, то бой! что бой, то честь!
Предъ нимъ развалины и пепельны пустыни;
Кругомъ пустынь полки и грозныя твердыни,

Вездѣ ревущія погибельной грозой—
И старецъ-вождь средь нихъ съ невидимой Судьбой!..
Холмы Бородина, дымитесь жертвой славы!..
Уже растерзанный, едва стопы кровавы
Таща по гибельнымъ отмстителей слѣдамъ,
Грядетъ, грядетъ слѣпецъ, Москва, къ твоимъ стѣнамъ!
О радость!.. онъ вступилъ!.. зажгись, костеръ свободы!
Пылаетъ!.. цѣпи въ прахъ!.. Воскресните, народы!
Вашъ стыдъ и плѣнъ Москва, обрушась, погребла,
И въ пеплѣ мщенія свобода ожила,
И при сверканіи Кремлевскаго пожара,
Съ развалинъ вставшая, призрáкъ ужасный, кара
Пошла по трепетнымъ губителя полкамъ,
И, ужасъ пригвоздивъ къ надменнымъ знаменамъ,
Надъ ними жалобно завыла: горе! горе!
И гладъ, при крикѣ семъ, съ отчаяньемъ во взорѣ,
Свирѣпый, бросился на ратныхъ и вождей...
Тогда помчались вспять; и грудами костей
И брошенными въ прахъ потухшими громами
Означили свой слѣдъ предъ русскими полками;
И Нѣманъ льдистый мостъ для бѣгства ихъ сковалъ...
Сколь намъ величественъ ты, царь, тогда предсталъ,
Сжимающій вождю, въ виду полковъ, десницу
И старца на свою ведущій колесницу,
Чтобъ вкупѣ съ нимъ летѣть съ отмщеньемъ вслѣдъ врагамъ.
О незабвенный часъ! За Нѣманъ знаменамъ
Ужъ отверзаешь путь властительной рукою...
Когда же двинулись дружины предъ тобою,
Когда раздался стукъ помчавшихся громадъ,
И грозно брегъ покрылъ коней и ратныхъ рядъ,
Пріосѣняемыхъ парящими орлами...
Сіе величіе окинувши очами,
Что ощутилъ, нашъ царь, тогда въ душѣ своей?
Передъ тобою міръ подъ бременемъ цѣпей
Лежалъ, растерзанный, еще взывать не смѣя;
И человѣчество, изъ-подъ стопы злодѣя
Къ тебѣ подъемля взоръ, молило имъ: гряди!
И судія царей, потомство впереди
Вѣщало, сквозь вѣка явивъ свой ликъ священный:
„Дерзай! и нареку тебя: Благословенный".
И въ грозный между тѣмъ полки сліянный строй,
На все готовые, съ покорной тишиной,
На твой смотрѣли взоръ и ждали мановенья.
А ты?.. Ты отъ небесъ молилъ благословенья...

И ангелъ ихъ, гремя, на щитъ твой низлетѣлъ,
И гибелью врагамъ твой щитъ запламенѣлъ,
И руку ты простеръ... и двинулися рати.
Какъ возвѣстителю небесной благодати,
Во срѣтенье тебѣ народы потекли
И вайями твой путь смиренный облекли,
Привѣтственной толпой подвиглись веси, грады;
Къ тебѣ желанія, къ тебѣ сердца и взгляды;
Тебѣ несетъ дары отъ нивы селянинъ;
Зря бодраго тебя впреди твоихъ дружинъ,
Къ мечу отъ костыля безногій воинъ рвется;
Младая старику во грудь надежда льется:
„Свободенъ,—мнитъ,—сойду въ свободный гробъ отцовъ!“
И смотритъ, не страшась, на зрѣющихъ сыновъ.
И ты средь плесковъ сихъ—не гордый побѣдитель,
Но воли Промысла смиренный совершитель,
Шелъ тихій, благостью великость украшалъ;
Блескъ утѣшительный окрестъ тебя сіялъ,
И ликъ твой ясенъ былъ, какъ ясный ликъ надежды.
И вождь нашъ смертію окованныя вѣжды
Подъялъ съ усиліемъ, чтобы на славный путь,
Въ который ты вступалъ уже не съ нимъ, взглянуть
И, угасая, дать царю благословенье.
Сколь сладостно его съ землею разлученье!
Когда, въ послѣдній часъ онъ рать тебѣ вручалъ
И ослабѣвшею рукою прижималъ
Къ нѣмѣющей груди царя и друга руку—
О! въ сей великій часъ забылъ онъ смерти муку;
Предъ нимъ былъ тайный свѣтъ грядущаго открытъ;
Онъ весело приникъ сѣдинами на щитъ,
И смерть его крыломъ надежды осѣнила.
И чуждый вождь—увы! судьба его щадила,
Чтобъ первой жертвой онъ на битвѣ правды палъ—
Нашъ царь, узнавъ тебя, на смерть онъ не роптал;
Ты руку падшему, какъ братъ, простеръ средь боя;
И сердцу вѣрному вѣнчаннаго героя,
Смягчившаго слезой его съ концомъ борьбу,
Онъ смѣло завѣщалъ отечества судьбу...
И лишь горѣ взлетѣлъ орелъ нашъ двоеглавый,
Лишь крикнулъ голосомъ давно молчавшей славы,
Какъ всколебалися тевтоновъ племена!
Къ нимъ Германъ съ норда несъ свободы знамена—
И все помчалось въ строй подъ знамена свободы;
Въ одну сліялись грудь воскресшіе народы,

И всѣхъ царей рука, нашъ царь, въ рукѣ твоей
На жизнь, на смерть, на брань, на честь грядущихъ дней.
О славный Кульмскій бой! о доблесть славянина!
Вотще на нихъ рвались всѣ рати исполина,
Вотще за громомъ громъ на строй ихъ налеталъ—
Все опрокинуто, и русскій устоялъ.
И строемъ роковымъ отмстителей дружины
Ужъ приближаются къ святилищу Судьбины:
Ужъ видятъ тотъ рубежъ, ту цѣль, къ которой велъ
Ихъ Неиспытанный по темной безднѣ золъ,
Въ пылающей грозѣ носясь надъ ихъ главою
И тяжкой опыта ихъ бременя рукою;
Се мѣсто, гдѣ себя во правдѣ онъ явитъ;
Се то судилище, гдѣ мигъ одинъ рѣшитъ:
Не быть, иль быть царямъ; возстать, иль пасть вселенной!
И все въ собраніи... О часъ, вѣкамъ священной!..
Народы всѣхъ племенъ и всѣхъ племенъ цари,
Подъ сѣнію знаменъ святые алтари,
Несмѣтный рядъ полковъ, вожди передъ полками,
И громы впереди съ подъятыми крылами,
И на холмѣ, въ бронѣ, на грозный щитъ склоненъ,
Союза мстителей младой Агамемнонъ,
И тѣни всѣхъ вѣковъ внимательной толпою
Надъ свѣтозарною вождя царей главою...
И въ ожиданіи священномъ все молчитъ...
И тихо мгла еще на небѣ тамъ лежитъ,
Отколь съ грядущимъ днемъ изыдетъ Вседержитель...
И загорѣлся день... Богъ глянулъ!.. палъ губитель!
Бѣгутъ—во прахъ и громъ, и шлемъ, и мечъ, и щитъ,
Впреди, въ тылу, съ боковъ и рядомъ страхъ бѣжитъ,
И жадною рукой погибель ихъ хватаетъ;
И небо тихое торжественно сіяетъ
Надъ преклоненною отмстителей главой;
Побѣдная хвала летитъ изъ строя въ строй,
И Реинъ восплескалъ, послышавъ ликованья...
О старецъ водъ! о ты, съ минуты мірозданья
Не зрѣвшій на брегу еще лица славянъ—
Ликуй и отражай въ волнахъ славянскій станъ!
И погрузился крестъ при громахъ въ древни воды;
И Реинъ, обновленъ, потекъ въ брегахъ свободы,
И заигралъ на нихъ веселья звонкій рогъ;
И быстро ворвались полки въ тотъ страшный логъ;
Гдѣ, кроясь, хищникъ царствъ ковалъ имъ цѣпи плѣна.
Вотще, вотще воздвигъ онъ черныя знамена

Лишь вѣсть погибели онъ съ ними водрузилъ;
Громъ русскій берега Секваны огласилъ—
И надъ Парижемъ сталъ орелъ Москвы и мщенья!..
Тогда, внезапнаго исполненъ изумленья,
Узрѣлъ величіе невиданное свѣтъ:
О русская земля! спасителемъ грядетъ
Твой царь къ низринувшимъ царей твоихъ столицу;
Онъ распростеръ на нихъ пощады багряницу;
И мирно, славу скрывъ, безъ блеска, безъ громовъ,
По стогнамъ радостнымъ ряды его полковъ
Идутъ—и тишина во слѣдъ имъ прилетаетъ...
Хвала! хвала, нашъ царь! Стыдливо отклоняетъ
Рука твоя побѣдъ торжественный вѣнецъ!
Ты предстоишь благій семьи враговъ отецъ,
И первый ихъ съ землей и съ небомъ примиритель.
О незабвенный день! Смотрите—побѣдитель,
Съ обезоруженнымъ отъ ужаса челомъ,
Колѣнопреклоненъ, на страшномъ мѣстѣ томъ,
Гдѣ царскій мученикъ подъ остріемъ сѣкиры,
Въ виду разорванной отцовъ своихъ порфиры,
Молилъ Всевышняго за бѣдный свой народъ;
Гдѣ на дымящійся убійствомъ эшафотъ
Злодѣйство блѣдную свободу возводило
И Бога поразить своей хулою мнило,—
На страшномъ мѣстѣ томъ смиренный вождь царей
Предъ миротворною святыней алтарей
Велитъ своимъ полкамъ склонить знамена мщенья
И жертву небесамъ приноситъ очищенья.
Простерлись всѣ во прахъ; всѣ вкупѣ слезы льютъ;
И се!.. подъемлется спасенія сосудъ...
И звучно грянуло: воскреснулъ Искупитель!
И побѣжденному лобзанье побѣдитель,
Какъ братъ по Божеству, въ виду небесъ даетъ...
Свершилось!.. освященъ испытанный народъ,
И гордо по зыбямъ потекъ отъ Альбіона
Спасительный корабль, несущій кровь Бурбона;
Питомецъ бѣдствія на тронъ отцовъ грядетъ,
И старцу братскому десницу подаетъ
Побѣдоносный другъ въ залогъ любви и мира,
И Людовикова наброшена порфира
На преступленіе минувшихъ страшныхъ лѣтъ!..
Свершилось... русскій царь! отечество и свѣтъ
Уже рекли свой судъ дѣламъ неизреченнымъ,
И свой дадутъ отвѣтъ потомки современнымъ!..

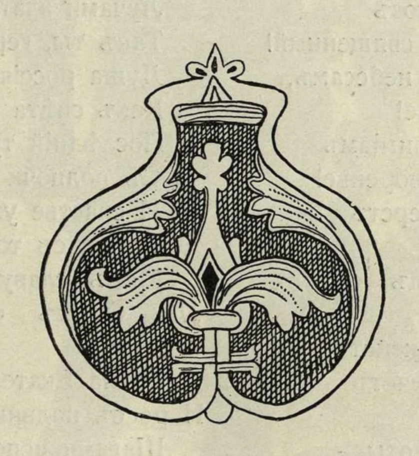
Императоръ Александръ I возстанавливаетъ Францію въ 1814 году.

Богатый чувствомъ благъ, содѣянныхъ тобой,
И съ неприступною для почестей душой,
Сіяніе сокрывъ, ты въ путь летишь желанной—
Отчизна сына ждетъ! объ ней средь бури бранной,
Объ ней среди торжествъ и плесковъ ты скорбѣлъ
И ты невидимый чрезъ земли полетѣлъ,
Гдѣ во спасеніе твои промчались громы.
Ужъ всюду запѣвалъ свободы гласъ знакомый:
На оживающихъ подъ плугами поляхъ,
На виноградникомъ украшенныхъ холмахъ,
На градскихъ торжищахъ, кипящихъ отъ народа,
На самомъ прахѣ селъ... вездѣ, вездѣ свобода,
Вездѣ обиліе, надежда и покой...
И все сіе, нашъ царь, дано землѣ тобой.
Но что жъ ты ощутилъ, когда твой взоръ веселый,
Завидѣвъ вдалекѣ отечески предѣлы,
И вѣтеръ, вѣющій изъ-подъ родныхъ небесъ,
Ко слуху твоему гласъ родины принесъ?
Что ощутилъ, когда святого Петрограда
Вдали передъ тобой возникнула громада?
Когда предъ матерью колѣно преклонилъ;
Когда, свершившій все, ко храму приступилъ,
Гдѣ освященный мечъ пріялъ на совершенье,
Гдѣ истребителя начавшій истребленье,
Предтеча въ славѣ твой, герой спасенья спитъ...
Россія, онъ грядетъ; уже алтарь горитъ;
Уже его принять отверзлись двери храма,
Ужъ благодарное куренье ѳиміама
Съ сердцами за него взлетѣло къ небесамъ!
И се!.. приникнувшій къ престола ступенямъ
Во прахъ предъ Божествомъ свою бросаетъ славу!..
О Вѣчный! осѣни смиреннаго державу;
Его душа чиста: въ ней благость лишь одна,
Лишь пламенемъ къ добру она воспалена...
Отважною вступить дерзаю, царь, мечтою
Въ чертогъ священный твой, гдѣ ты одинъ съ собою,
Одинъ, въ тотъ мирный часъ, когда лежитъ покой
Надъ скромнымъ жребіемъ безпечною главой,
Когда лишь бодрствуютъ цари и Провидѣнье.
О царь! въ сей важный часъ—когда Нева въ теченьѣ
Объемлетъ предъ тобой тотъ усыпленный храмъ,
Гдѣ свой безсмертный слѣдъ, свой прахъ оставилъ намъ
Твой праотецъ, нашъ Петръ, царей земныхъ учитель,
Я зрю тебя, племенъ несмѣтныхъ повелитель.

Сей окруженнаго всемірной тишиной,
Надъ полвселенною парящаго душой,
Гдѣ все твое, гдѣ ты надъ всѣхъ судьбою властенъ,
Гдѣ ты одинъ всѣхъ благъ, одинъ всѣхъ бѣдъ причастенъ,
Уполномоченный отъ неба судія,
О, сколь божественна въ сей часъ душа твоя!
Сей полный взоръ любви, сей взоръ воспламененной,
За насъ онъ возведенъ къ правителю вселенной;
За насъ ты предстоишь, какъ жертва, передъ Нимъ;
Отечество, внимай: „Творецъ, всѣ блага имъ!
Не за величіе, не за вѣнецъ ужасный—
За власть благотворить, удѣлъ царей прекрасный,
Склоняю, царь земли, колѣна предъ Тобой,
Безстрашный подъ Твоей незримою рукой,
Твоихъ намѣреній надъ ними совершитель!..
Покойся, мой народъ, не дремлетъ твой хранитель;
Такъ, мой народъ! Творецъ, онъ весь въ душѣ моей;
На удивленіе народовъ и царей,
Его могуществомъ и счастіемъ прославлю
И тронъ Твой алтаремъ любви ему поставлю
Какъ небо, надъ моей простертое главой,
Гдѣ звѣздъ безчисленныхъ ненарушимый строй,
Такъ стройно будь мое владычество земное.
Правленье Божества зерцало мнѣ святое:
Все здѣсь для блага будь, какъ все для блага тамъ!
А Ты, дарующій и тронъ и власть царямъ,
Ты на совѣтѣ ихъ сѣдящій благодатью,
Ознаменуй Твоей дѣла мои печатью:
Да имя чистое въ наслѣдіе вѣкамъ
Съ примѣромъ благости и славы передамъ,
Отецъ моей семьи и другъ Твоей вселенны!..“
Вонми жъ и ты своей семьѣ, Благословенный!
Оставь на время твой великолѣпный тронъ—
Хвалой невѣрною тронъ царскій окружонъ—
Сокрой свой царскій блескъ, втѣснись безъ украшенья,
Одинъ, въ толпу, и тамъ внимай благословенья.
Въ чертогѣ, въ хижинѣ, вездѣ одинъ языкъ:
На праздникахъ семей, украшенный твой ликъ—
Ликующихъ родныхъ родной благотворитель—
Стоитъ на пиршескомъ столѣ, веселья зритель,
И чаша первая и первый гимнъ тебѣ;
Цвѣтущій юноша благодаритъ судьбѣ,
Что въ твой прекрасный вѣкъ онъ къ жизни приступаетъ,

И славой для него грядущее пылаетъ;
Старикъ свой взоръ на гробъ боится устремить,
И смерть поспѣшную онъ молитъ погодить,
Чтобъ жизни лучшій цвѣтъ расцвѣлъ передъ могилой;
И воинъ, въ тишинѣ, своею гордый силой,
Пенатамъ посвятивъ изрубленный свой щитъ,
Друзьямъ о битвахъ тѣхъ съ весельемъ говоритъ,
Въ которыхъ зрѣлъ тебя, всегда въ кипящей сѣчѣ,
Всегда подъ свистомъ стрѣлъ, вездѣ побѣдъ предтечей;
На лиру съ гордостью подъемлетъ взоръ пѣвецъ...
О дивный вѣкъ, когда пѣвецъ царя—не льстецъ,
Когда хвала—восторгъ, гласъ лиры—гласъ народа,
Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, миръ, отечество, алтарь—
Все, все слилось въ одно святое слово: царь.
И кто не закипитъ восторгомъ пѣснопѣнья,
Когда и нищета подъ кровлею забвенья
Послѣдній бѣдный лептъ за ликъ твой отдаетъ,
И онъ, какъ друга тѣнь, отрадный свѣтъ ліетъ
Нѣмымъ присутствіемъ въ обители страданья!
Пусть обречетъ во власть святой обрядъ вѣнчанья,
Пусть вѣрности обѣтъ, отечество и честь
Велитъ намъ за царя на жертву жизнь принесть—
Отъ подданныхъ царю колѣнопреклоненье;
Но дань свободная, дань сердца—уваженье,
Не власти, не вѣнцу, но человѣку дань.
О царь! не скипетромъ блистающая длань,
Не прахомъ праотцевъ дарованная сила
Тебѣ любовь твоихъ народовъ покорила,
Не трона красота—великая душа.
Безсмертныя дѣла смиренно соверша,
Воззри на твой народъ, простертый предъ тобою,
Благослови его державною рукою;
Тобою предводимъ, со славой перешедъ
Указанный Творцомъ путь опыта и бѣдъ,
Преобразованный, исполненъ жизни новой,
По манію царя, на все, на все готовый—
Довѣренность, любовь и благодарность онъ
Съ надеждой передъ твой приноситъ царскій тронъ.
Предстатель за царей народъ у Провидѣнья.
О! наши къ небесамъ дойдутъ благословенья:
Повѣрь народу, царь, имъ будешь счастливъ ты.
Поставившій тебя въ семъ блескѣ красоты
Передъ ужасною погибели пучиной,

Побѣдоноснаго надъ грозною судьбиной
Ужель на краткій мигъ Онъ намъ тебя явилъ?
О, нѣтъ! Онъ нашихъ золъ печатью утвердилъ
Завѣтъ: хранить въ тебѣ всѣ блага, намъ священны—
И не обманетъ насъ отъ вѣка Неизмѣнный.
Прими жъ, въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ:
За благость царскую, краснѣйшую побѣдъ,
За то величіе, въ какомъ явилъ ты міру
Толь древле славную отцовъ твоихъ порфиру,
За вѣру въ страшный часъ къ народу твоему,
За имя, данное на всѣ вѣка ему
Здѣсь, окружая твой престолъ, Благословенный,
Подъемлемъ руку всѣ къ рукѣ твоей священной;
Какъ предъ ужасною святыней алтаря,
Обѣтъ нашъ передъ ней: все въ жертву за царя!

Въ память благотвореній Александра I Императорскому Московскому университету.

А. Полежаевъ.

Восторгъ, восторгъ, питомцы музъ!
Въ сей день благословенный
Наукъ и счастія союзъ
Мы празднуемъ священный!
Къ благимъ летите небесамъ,
Обѣты и моленье!
Курись душевный ѳиміамъ
Къ тебѣ, благотворенье!
Какъ розовый перстъ
Младой Авроры
Небесныхъ звѣздъ
Блестящи хоры
Въ даль мрака женетъ;
Какъ въ небѣ течетъ
Златая денница
Изъ нѣдръ темноты—
Такъ точно и ты,
Богиня—царица,
Великаго дщерь,
Могущей рукою
Отверзла намъ дверь
Къ наукамъ, покою!
Пріяла скиптръ Елисаветъ
Съ улыбкой величавой,
И возсіялъ изъ ночи свѣтъ,
И россъ вѣнчался славой.
Какъ Фебъ златордяный
На небѣ блеститъ
И утра туманы
Лучами златитъ,—
Такъ ты, героиня,
Душа россіянъ.
Какъ свѣта богиня,
Послѣдній туманъ
Съ полночи прогнала,
И счастье узнала
Россія съ тобой—
Миръ, славу, покой!
„Да будетъ счастливъ мой народъ!“
Рекла Екатерина,
И россъ подвинулся впередъ
Шагами исполина....
Какъ солнце, скрываясь
Въ пучинѣ морей
И тамъ разливаясь
Рѣками лучей,
Горитъ во вселенной
Румянымъ огнемъ,—
Монархъ незабвенный
Въ полкругѣ земномъ,
Какъ геній хранитель,
Познаній любитель,
Науки живилъ!..

Императоръ Александръ I.

Увы, и гробъ его сокрылъ!..
Восплачь, восплачь, о музъ соборъ!
Гдѣ Александръ, вашъ Фебъ, отрада?..
Гдѣ оживляющій сей взоръ?
Гдѣ вождь къ добру — добра награда?..
Какъ послѣ громовъ
И яростной бури,
Среди облаковъ,
Въ прозрачной лазури,
Румяное вновь
Свѣтило восходитъ
И снова приводитъ
Все въ радость, въ любовь, —
Такъ миръ водворяетъ
Надежда-монархъ
И вновь воцаряетъ
Блаженства въ сердцахъ.
Ликуй, о музъ блаженный сонмъ!
Восторгъ, о чада вертограда!
Надъ Николаевымъ щитомъ
Цвѣтетъ вамъ сила и отрада!
Къ благимъ летите небесамъ,
Обѣты и моленье!
Курись душевный ѳиміамъ
Къ тебѣ, благотворенье!..

Два великана.

М. Лермонтовъ.

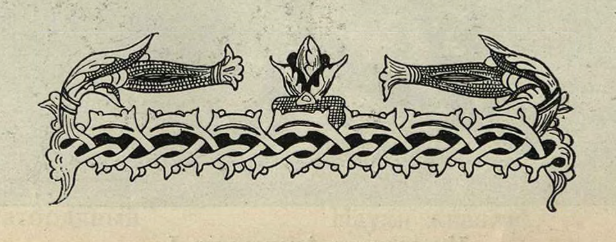
Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ.

За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.

И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ!

Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ,
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою,
Ахнулъ дерзкій—и упалъ!

Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

„ВОЙНА И МИРЪ“.

I.

Л. Толстой.

На другой день былъ смотръ австрійскихъ и русскихъ войскъ, какъ свѣжихъ, пришедшихъ изъ Россіи, такъ и тѣхъ, которыя вернулись изъ похода съ Кутузовымъ. Оба императора, русскій съ наслѣдникомъ цесаревичемъ и австрійскій съ эрцгерцогомъ, дѣлали этотъ смотръ союзной 80-тысячной арміи.

Съ ранняго утра начали двигаться щегольски вычищенныя и убранныя войска, выстраиваясь на полѣ передъ крѣпостью. То двигались тысячи ногъ и штыковъ съ развѣвавшимися знаменами и по командѣ офицеровъ останавливались, заворачивались и строились въ интервалахъ, обходя другія такія же массы пѣхоты въ другихъ мундирахъ; то мѣрнымъ топотомъ и бряцаніемъ звучала нарядная кавалерія въ синихъ, красныхъ, зеленыхъ шитыхъ мундирахъ съ расшитыми музыкантами впереди на вороныхъ, рыжихъ, сѣрыхъ лошадяхъ; то, растягиваясь съ своимъ мѣднымъ звукомъ подрагивающихъ на лафетахъ вычищенныхъ, блестящихъ пушекъ и съ своимъ запахомъ пальниковъ, ползла между пѣхотой и кавалеріей артиллерія и разставлялась на назначенныхъ мѣстахъ. Не только генералы въ полной парадной формѣ, съ перетянутыми донельзя толстыми и тонкими таліями и краснѣвшими, подпертыми воротниками, шеями, въ шарфахъ и всѣхъ орденахъ; не только припомаженные, расфранченные офицеры, но каждый солдатъ, съ свѣжимъ, вымытымъ и выбритымъ лицомъ и до послѣдней возможности блеска вычищенной амуниціей; каждая лошадь, выхоленная такъ, что какъ атласъ свѣтилась на ней шерсть, и во-

лосокъ къ волоску лежала примоченная гривка, — всѣ чувствовали, что совершается что-то нешуточное, значительное и торжественное. Каждый генералъ и солдатъ чувствовали свое ничтожество, сознавая себя песчинкой въ этомъ морѣ людей, и вмѣстѣ чувствовали свое могущество, сознавая себя частью этого огромнаго цѣлаго.

Съ ранняго утра начались напряженныя хлопоты и усилія, и въ 10 часовъ все пришло въ требуемый порядокъ. На огромномъ полѣ стали ряды. Армія вся была вытянута въ три линіи. Спереди кавалерія, сзади артиллерія, еще сзади пѣхота.

Между каждымъ рядомъ войскъ была какъ бы улица. Рѣзко отдѣлялись одна отъ другой три части этой арміи: боевая кутузовская (въ которой на правомъ флангѣ въ передней линіи стояли павлоградцы), пришедшіе изъ Россіи армейскіе и гвардейскіе полки и австрійское войско. Но всѣ стояли подъ одну линію, подъ однимъ начальствомъ и въ одинаковомъ порядкѣ.

Какъ вѣтеръ по листьямъ, пронесся взволнованный шопотъ: „ѣдутъ! ѣдутъ!" Послышались испуганные голоса, и по всѣмъ войскамъ пробѣжала волна суеты послѣднихъ приготовленій.

Впереди отъ Ольмюца показалась подвигавшаяся группа. И въ это же время, хотя день былъ безвѣтренный, легкая струя вѣтра пробѣжала по арміи и чуть заколебала флюгера пикъ и распущенныя знамена, затрепавшіяся о свои древки. Казалось, сама армія этимъ легкимъ движеніемъ выражала свою радость при приближеніи государей. Послышался одинъ голосъ: „смирно!" Потомъ, какъ пѣтухи на зарѣ, повторились голоса въ разныхъ концахъ. И все затихло.

Въ мертвой тишинѣ слышался топотъ только лошадей. То была свита императоровъ. Государи подъѣхали къ флангу, и раздались звуки трубачей перваго кавалерійскаго полка, игравшіе генералъ-маршъ. Казалось, не трубачи это играли, а сама армія, радуясь приближенію государя, естественно издавала эти звуки. Изъ-за этихъ звуковъ отчетливо послышался одинъ молодой, ласковый голосъ императора Александра. Онъ сказалъ привѣтствіе, и первый полкъ гаркнулъ: „ура!" такъ оглушительно, продолжительно, радостно, что сами люди ужаснулись численности и силѣ той громады, которую они составляли.

Ростовъ, стоя въ первыхъ рядахъ кутузовской арміи, къ которой къ первой подъѣхалъ государь, испытывалъ то же чувство, какое испытывалъ каждый человѣкъ этой арміи,—чувство самозабвенія, гордаго сознанія могущества и страстнаго влеченія къ тому, кто былъ причиной этого торжества.

Онъ чувствовалъ, что отъ одного слова этого человѣка зависѣло то, чтобы вся громада эта (и онъ, связанный съ ней,—ничтожная песчинка) пошла бы въ огонь и въ воду, на преступленіе, на смерть или на величайшее геройство, и потому-то онъ не могъ не трепетать и не замирать при видѣ этого приближающагося слова.

— Урра! Урра! Урра! — гремѣло со всѣхъ сторонъ, и одинъ полкъ за другимъ принималъ государя звуками генералъ-марша; потомъ „урра!“ генералъ-маршъ и опять „урра!“ и „урра!“ которые, все усиливаясь и прибывая, сливались въ оглушительный гулъ.

Пока не подъѣзжалъ еще государь, каждый полкъ въ своей безмолвности и неподвижности казался безжизненнымъ тѣломъ; только сравнивался съ нимъ государь, полкъ оживлялся и гремѣлъ, присоединяясь къ реву всей той линіи, которую уже проѣхалъ государь. При страшномъ, оглушительномъ звукѣ этихъ голосовъ, посреди массъ войска, неподвижныхъ, какъ бы окаменѣвшихъ въ своихъ четвероугольникахъ, небрежно, но симметрично и, главное, свободно двигались сотни всадниковъ свиты и впереди ихъ два человѣка—императоры. На нихъ-то безраздѣльно было сосредоточено сдержанно-страстное вниманіе всей этой массы людей.

Красивый, молодой императоръ Александръ, въ конно-гвардейскомъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ, надѣтой съ поля, своимъ пріятнымъ лицомъ и звучнымъ, негромкимъ голосомъ привлекалъ всю силу вниманія.

Ростовъ стоялъ недалеко отъ трубачей и издалека своими зоркими глазами узналъ государя и слѣдилъ за его приближеніемъ. Когда государь приблизился на разстояніе 20 шаговъ, и Николай ясно, до всѣхъ подробностей, разсмотрѣлъ прекрасное, молодое и счастливое лицо императора, онъ испытывалъ чувство нѣжности и восторга, подобнаго которому онъ еще не испытывалъ. Все—всякая черта, всякое движеніе—казалось ему прелестно въ государѣ.

Остановившись противъ Павлоградскаго полка, государь сказалъ что-то по-французски австрійскому императору и улыбнулся.

Увидавъ эту улыбку, Ростовъ самъ невольно началъ улыбаться и почувствовалъ еще сильнѣйшій приливъ любви къ своему государю. Ему хотѣлось выказать чѣмъ-нибудь свою любовь къ государю. Онъ зналъ, что это невозможно, и ему хотѣлось плакать. Государь вызвалъ полкового командира и сказалъ ему нѣсколько словъ.

„Боже мой, что бы со мной было, ежели бы ко мнѣ обратился государь!—думалъ Ростовъ.—Я бы умеръ отъ счастья“.

Государь обратился и къ офицерамъ:

— Всѣхъ, господа (каждое слово слышалось Ростову, какъ звукъ съ неба), благодарю отъ всей души.

Какъ бы счастливъ былъ Ростовъ, ежели бы могъ теперь умереть за своего царя.

— Вы заслужили георгіевскія знамена и будете ихъ достойны.

„Только умереть, умереть за него!“ думалъ Ростовъ.

Государь еще сказалъ что-то, чего не разслышалъ Ростовъ, и солдаты, надсаживая свои груди, закричали: „Урра!“

Ростовъ закричалъ тоже, пригнувшись къ сѣдлу, что было его силъ, желая повредить себѣ этимъ крикомъ, только чтобы выразить вполнѣ свой восторгъ къ государю.

Государь постоялъ нѣсколько секундъ противъ гусаръ, какъ будто онъ былъ въ нерѣшимости.

„Какъ могъ быть въ нерѣшимости государь?“ подумалъ Ростовъ, а потомъ даже и эта нерѣшительность показалась Ростову величественной и обворожительной, какъ и все, что дѣлалъ государь.

Нерѣшительность государя продолжалась одно мгновеніе. Нога государя, съ узкимъ, острымъ носкомъ сапога, какъ носили въ то время, дотронулась до паха энглизированной гнѣдой кобылы, на которой онъ ѣхалъ; рука государя въ бѣлой перчаткѣ подобрала поводья, и онъ тронулся, сопутствуемый безпорядочно заколыхавшимся моремъ адъютантовъ. Дальше и дальше отъѣзжалъ онъ, останавливаясь у другихъ полковъ и, наконецъ, только бѣлый плюмажъ его виднѣлся Ростову изъ-за свиты, окружавшей императоровъ.

Въ числѣ господъ свиты Ростовъ замѣтилъ и Болконскаго, лѣниво и распущенно сидящаго на лошади. Ростову вспомнилась его вчерашняя ссора съ нимъ и представился вопросъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ вызывать его. „Разумѣется, не слѣдуетъ“, подумалъ теперь Ростовъ. „И стоитъ ли думать и говорить про это въ такую минуту, какъ теперь? Въ минуту такого чувства любви, восторга и самоотверженія что̀ значатъ всѣ наши ссоры и обиды? Я всѣхъ люблю, всѣмъ прощаю теперь“, думалъ Ростовъ.

Когда государь объѣхалъ почти всѣ полки, войска стали проходить мимо его церемоніальнымъ маршемъ, и Ростовъ на вновь купленномъ у Денисова Бедуинѣ проѣхалъ въ замкѣ своего эскадрона, т.-е. одинъ и совершенно на виду передъ государемъ.

Не доѣзжая государя, Ростовъ, отличный ѣздокъ, два раза всадилъ шпоры своему Бедуину и довелъ его счастливо до того бѣшенаго аллюра рыси, которою хаживалъ разгоряченный Бедуинъ. Подогнувъ пѣнящуюся морду къ груди, отдѣливъ хвостъ и какъ будто летя на воздухѣ и не касаясь до земли, граціозно и высоко вскидывая и перемѣняя ноги, Бедуинъ, тоже чувствовавшій на себѣ взглядъ государя, прошелъ превосходно.

Самъ Ростовъ, заваливъ назадъ ноги и подобравъ животъ и чувствуя себя однимъ кускомъ съ лошадью, съ нахмуреннымъ, но блаженнымъ лицомъ, чортомъ, какъ говорилъ Денисовъ, проѣхалъ мимо государя.

— Молодцы павлоградцы! — проговорилъ государь.

„Боже мой! какъ бы я счастливъ былъ, если бы онъ велѣлъ мнѣ сейчасъ броситься въ огонь“, подумалъ Ростовъ.

Когда смотръ кончился, офицеры, вновь пришедшіе и кутузовскіе, стали сходиться группами и начали разговоры о наградахъ, объ австрійцахъ и ихъ мундирахъ, объ ихъ фронтѣ, о Бонапартѣ и о томъ, какъ ему плохо придется теперь, особенно когда подойдетъ еще корпусъ Эссена, и Пруссія приметъ нашу сторону.

Но болѣе всего во всѣхъ кружкахъ говорили о государѣ Александрѣ, передавали каждое его слово, движенiе и восторгались имъ.

Всѣ только одного желали: подъ предводительствомъ государя скорѣе итти противъ непрiятеля. Подъ командою самого государя нельзя было не побѣдить кого бы то ни было, такъ думали послѣ смотра Ростовъ и большинство офицеровъ.

Всѣ послѣ смотра были увѣрены въ побѣдѣ больше, чѣмъ бы могли быть послѣ двухъ выигранныхъ сраженiй.

II.

— Государь! государь!—вдругъ послышалось между гусарами.

Все побѣжало, заторопилось, и Ростовъ увидалъ сзади по дорогѣ нѣсколько подъѣзжающихъ всадниковъ съ бѣлыми султанами на шляпахъ. Въ одну минуту всѣ были на мѣстахъ и ждали.

Ростовъ не помнилъ и не чувствовалъ, какъ онъ добѣжалъ до своего мѣста и сѣлъ на лошадь. Мгновенно прошло его сожалѣнiе о неучастiи въ дѣлѣ, его будничное расположенiе духа въ кругу приглядѣвшихся лицъ, мгновенно исчезла всякая мысль о себѣ: онъ весь поглощенъ былъ чувствомъ счастья, происходящаго отъ близости государя. Онъ чувствовалъ себя одною этою близостью вознагражденнымъ за потерю нынѣшняго дня. Онъ былъ счастливъ, какъ любовникъ, дождавшiйся ожидаемаго свиданiя. Не смѣя оглядываться во фронтѣ и не оглядываясь, онъ чувствовалъ восторженнымъ чутьемъ его приближенiе. И онъ чувствовалъ это не по одному звуку копытъ лошадей приближавшейся кавалькады, но онъ чувствовалъ это потому, что, по мѣрѣ приближенiя, все свѣтлѣе, радостнѣе и значительнѣе и праздничнѣе дѣлалось вокругъ него. Все ближе и ближе подвигалось это солнце для Ростова, распространяя вокругъ себя лучи кроткаго и величественнаго свѣта, и вотъ онъ уже чувствуетъ себя захваченнымъ этими лучами, онъ слышитъ его голосъ—этотъ ласковый, спокойный, величественный и вмѣстѣ съ тѣмъ столь простой голосъ. Какъ и должно было быть по чувству Ростова, наступила мертвая тишина, и въ этой тишинѣ раздались звуки голоса государя.

— Les huzards de Pavlograd? [1])—вопросительно сказалъ онъ.

— La réserve, Sire [2]),—отвѣчалъ чей-то другой голосъ, столь человѣческiй послѣ того нечеловѣческаго, который сказалъ: „Les huzards de Pavlograd“.

Государь поровнялся съ Ростовымъ и остановился. Лицо Александра было еще прекраснѣе, чѣмъ на смотру три дня тому назадъ. Оно сiяло такою веселостью и молодостью, такою невинною молодостью, что напоминало ребяческую четырнадцатилѣтнюю рѣзвость, и вмѣстѣ съ тѣмъ это было все-таки лицо величественнаго императора. Случайно оглядывая эскадронъ, глаза государя встрѣтились съ глазами

[1]) Павлоградскiе гусары?

[2]) Резервъ, ваше величество!

Ростова и не болѣе какъ на двѣ секунды остановились на нихъ. Понялъ ли государь, что дѣлалось въ душѣ Ростова (Ростову казалось, что онъ все понялъ), но онъ посмотрѣлъ секунды двѣ своими голубыми глазами въ лицо Ростова. (Мягко и кротко лился изъ нихъ свѣтъ.) Потомъ вдругъ онъ приподнялъ брови, рѣзкимъ движеніемъ ударилъ лѣвой ногой лошадь и галопомъ поѣхалъ впередъ.

Молодой императоръ не могъ воздержаться отъ желанія присутствовать при сраженіи и, несмотря на всѣ представленія придворныхъ, въ 12 часовъ, отдѣлившись отъ 3-й колонны, при которой онъ слѣдовалъ, поскакалъ къ авангарду. Еще не доѣзжая до гусаръ, нѣсколько адъютантовъ встрѣтили его съ извѣстіемъ о счастливомъ исходѣ дѣла.

Сраженіе, состоявшее только въ томъ, что захваченъ эскадронъ французовъ, было представлено какъ блестящая побѣда надъ французами, и потому государь и вся армія, особенно послѣ того, какъ не разошелся еще пороховой дымъ на полѣ сраженія, вѣрили, что французы побѣждены и отступаютъ противъ своей воли. Нѣсколько минутъ послѣ того, какъ проѣхалъ государь, дивизіонъ павлоградцевъ потребовали впередъ. Въ самомъ Вишау, маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ, Ростовъ еще разъ увидалъ государя. На площади города, на которой была до пріѣзда государя довольно сильная перестрѣлка, лежало нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, которыхъ не успѣли подобрать. Государь, окруженный свитою военныхъ и невоенныхъ, былъ на рыжей, уже другой, чѣмъ на смотру, энглизированной кобылѣ и, склонившись на бокъ, граціознымъ жестомъ, держа золотой лорнетъ у глаза, смотрѣлъ въ него на лежащаго ничкомъ, безъ кивера, съ окровавленною головою солдата. Солдатъ раненый былъ такъ нечистъ, грубъ и гадокъ, что Ростова оскорбила близость его къ государю. Ростовъ видѣлъ, какъ содрогнулись, какъ бы отъ пробѣжавшаго мороза, сутуловатыя плечи государя, какъ лѣвая нога его судорожно стала бить шпорой бокъ лошади и какъ пріученная лошадь равнодушно оглядывалась и не трогалась съ мѣста. Слѣзшій съ лошади адъютантъ взялъ подъ руки солдата и сталъ класть на появившіяся носилки. Солдатъ застоналъ.

— Тише, тише, развѣ нельзя тише?—видимо болѣе страдая, чѣмъ умирающій солдатъ, проговорилъ государь и отъѣхалъ прочь.

Ростовъ видѣлъ слезы, наполнившія глаза государя, и слышалъ, какъ онъ, отъѣзжая, по-французски сказалъ Чарторижскому:

— Какая ужасная вещь война, какая ужасная вещь! Quelle terrible chose que la guerre!

Войска авангарда расположились впереди Вишау, въ виду цѣпи непріятельской, уступавшей намъ мѣсто при малѣйшей перестрѣлкѣ въ продолженіе всего дня. Авангарду объявлена была благодарность государя, обѣщаны награды, и людямъ роздана двойная порція водки. Еще веселѣе, чѣмъ въ прошлую ночь, трещали бивачные костры и разда-

вались солдатскія пѣсни. Денисовъ въ эту ночь праздновалъ производство свое въ майоры, и Ростовъ, уже довольно выпившій, въ концѣ пирушки предложилъ тостъ за государя, но „не государя императора, какъ говорятъ на офиціальныхъ обѣдахъ,—сказалъ онъ,—а за здоровье государя добраго, обворожительнаго и великаго человѣка; пьемъ за его здоровье и за вѣрную побѣду надъ французами!“

На слѣдующій день государь остановился въ Вишау. Лейбъ-медикъ Вилье нѣсколько разъ былъ призываемъ къ нему. Въ главной квартирѣ и въ ближайшихъ войскахъ распространилось извѣстіе, что государь былъ нездоровъ. Онъ ничего не ѣлъ и дурно спалъ эту ночь, какъ говорили приближенные. Причина этого нездоровья заключалась въ сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ на чувствительную душу государя видомъ раненыхъ и убитыхъ.

На зарѣ 17-го числа въ Вишау былъ препровожденъ съ аванпостовъ французскій офицеръ, пріѣхавшій подъ парламентерскимъ флагомъ, требуя свиданія съ русскимъ императоромъ. Офицеръ этотъ былъ Савари. Государь только что заснулъ, и потому Савари долженъ былъ дожидаться. Въ полдень онъ былъ допущенъ къ государю и черезъ часъ поѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Долгоруковымъ на аванпосты французской арміи.

Какъ слышно было, цѣль присылки Савари состояла въ предложеніи свиданія императора Александра съ Наполеономъ. Въ личномъ свиданіи, къ радости и гордости всей арміи, было отказано, и вмѣсто государя князь Долгоруковъ, побѣдитель при Вишау, былъ отправленъ вмѣстѣ съ Савари для переговоровъ съ Наполеономъ, ежели переговоры эти, противъ чаянія, имѣли цѣлью дѣйствительное желаніе мира.

Ввечеру вернулся Долгоруковъ, прошелъ прямо къ государю и долго пробылъ у него наединѣ.

III.

Около деревни Праца Ростову велѣно было искать Кутузова и государя. Но здѣсь не только не было ихъ, но не было ни одного начальника, а были разнородныя толпы разстроенныхъ войскъ. Онъ погонялъ уставшую уже лошадь, чтобы скорѣе проѣхать эти толпы, но чѣмъ дальше онъ подвигался, тѣмъ толпы становились разстроеннѣе. По большой дорогѣ, на которую онъ выѣхалъ, толпились коляски, экипажи всѣхъ сортовъ, русскіе и австрійскіе солдаты всѣхъ родовъ войскъ, раненые и нераненые. Все это гудѣло и смѣшанно копошилось подъ мрачный звукъ летавшихъ ядеръ съ французскихъ батарей, поставленныхъ на Праценскихъ высотахъ.

— Гдѣ государь? гдѣ Кутузовъ?—спрашивалъ Ростовъ у всѣхъ, кого могъ остановить, и ни отъ кого не могъ получить отвѣта.

Наконецъ, ухвативъ за воротникъ солдата, онъ заставилъ его отвѣтить себѣ.

— Э! братъ! Ужъ давно всѣ тамъ, впередъ удрали!—сказалъ Ростову солдатъ, смѣясь чему-то и вырываясь.

Оставивъ этого солдата, который, очевидно, былъ пьянъ, Ростовъ остановилъ лошадь денщика или берейтора важнаго лица и сталъ разспрашивать его. Денщикъ объявилъ Ростову, что государя съ часъ тому назадъ провезли во весь духъ въ каретѣ по этой самой дорогѣ и что государь опасно раненъ.

— Не можетъ быть,—сказалъ Ростовъ,—вѣрно, другой кто.

— Самъ я видѣлъ,—сказалъ денщикъ съ самоувѣренной усмѣшкой.—Ужъ мнѣ-то пора знать государя: кажется, сколько разъ въ Петербургѣ вотъ такъ-то видалъ. Блѣдный-преблѣдный, въ каретѣ сидитъ. Четверню вороныхъ какъ припуститъ, батюшки мои, мимо насъ прогремѣлъ: пора, кажется, и царскихъ лошадей и Илью Иваныча знать; кажется, съ другимъ какъ съ царемъ Илья кучеръ не ѣздитъ.

Ростовъ пустилъ его лошадь и хотѣлъ ѣхать дальше. Шедшій мимо раненый офицеръ обратился къ нему.

— Да вамъ кого нужно?—спросилъ офицеръ,—главнокомандующаго? Такъ убитъ ядромъ, въ грудь убитъ при нашемъ полку.

— Не убитъ, раненъ,—поправилъ другой офицеръ.

— Да кто? Кутузовъ?—спросилъ Ростовъ.

— Не Кутузовъ, а какъ бишь его,—ну да все одно, живыхъ немного осталось. Вонъ туда ступайте, вонъ къ той деревнѣ, тамъ все начальство собралось,—сказалъ этотъ офицеръ, указывая на деревню Гостіерадекъ, и прошелъ мимо.

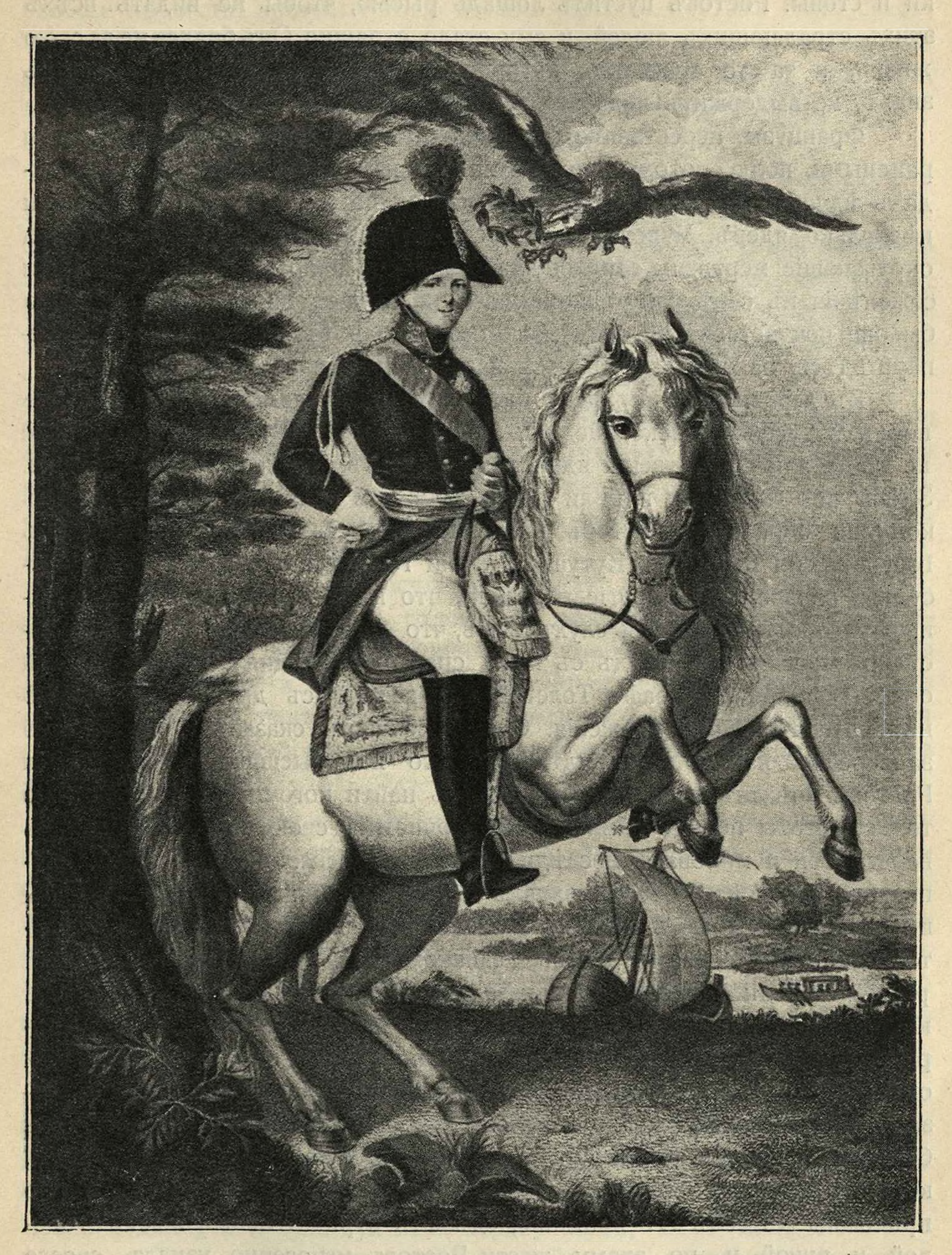
Ростовъ ѣхалъ шагомъ, не зная, зачѣмъ и къ кому онъ теперь поѣдетъ. Государь раненъ, сраженіе проиграно. Нельзя было вѣрить этому теперь. Ростовъ ѣхалъ по тому направленію, которое ему указали и по которому виднѣлись вдалекѣ башня и церковь. Куда ему было торопиться? Что ему было теперь говорить государю или Кутузову, ежели бы даже они и были живы и не ранены?

— Этой дорогой, ваше благородіе, поѣзжайте, а тутъ прямо убьютъ,—закричалъ ему солдатъ.—Тутъ убьютъ!

— О! что говоришь?—сказалъ другой.—Куда онъ поѣдетъ? Тутъ ближе.

Ростовъ задумался и поѣхалъ именно по тому направленію, гдѣ ему говорили, что убьютъ.

„Теперь все равно; ужъ ежели государь раненъ, неужели мнѣ беречь себя?“ думалъ онъ. Онъ въѣхалъ въ то пространство, на которомъ болѣе всего погибло людей, бѣгущихъ съ Праценa. Французы еще не занимали этого мѣста, а русскіе, тѣ, которые были живы или ранены, давно оставили его. На полѣ, какъ копны на хорошей пашнѣ лежало человѣкъ десять, пятнадцать убитыхъ, раненыхъ на каждой де

Императоръ Александръ I.

сятинѣ мѣста. Раненые сползались по два, по три вмѣстѣ, и слышались непріятные, иногда притворные, какъ казалось Ростову, ихъ крики и стоны. Ростовъ пустилъ лошадь рысью, чтобы не видать всѣхъ этихъ страдающихъ людей, и ему стало страшно. Онъ боялся не за свою жизнь, а за то мужество, которое ему нужно было и которое, онъ зналъ, не выдержитъ вида этихъ несчастныхъ.

Французы, переставшіе стрѣлять по этому, усѣянному мертвыми и ранеными, полю, потому что уже никого на немъ живого не было, увидавъ ѣдущаго по немъ адъютанта, навели на него орудіе и бросили нѣсколько ядеръ. Чувство этихъ свистящихъ, страшныхъ звуковъ и окружающіе мертвецы слились для Ростова въ одно впечатлѣніе ужаса и сожалѣнія къ себѣ. Ему вспомнилось послѣднее письмо матери. „Что бы она почувствовала,— подумалъ онъ,—коль бы она видѣла меня теперь здѣсь, на этомъ полѣ и съ направленными на меня орудіями“.

Въ деревнѣ Гостіерадекѣ были хотя и спутанныя, но въ бо́льшемъ порядкѣ русскія войска, шедшія прочь съ поля сраженія. Сюда уже не доставали французскія ядра, и звуки стрѣльбы казались далекими. Здѣсь всѣ ужъ ясно видѣли и говорили, что сраженіе проиграно. Къ кому ни обращался Ростовъ, никто не могъ сказать ему, ни гдѣ былъ государь, ни гдѣ былъ Кутузовъ. Одни говорили, что слухъ о ранѣ государя справедливъ, другіе говорили, что нѣтъ, и объясняли этотъ ложный распространившійся слухъ тѣмъ, что дѣйствительно въ каретѣ государя проскакалъ назадъ съ поля сраженія блѣдный и испуганный оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, выѣхавшій съ другими въ свитѣ императора на поле сраженія. Одинъ офицеръ сказалъ Ростову, что за деревней налѣво онъ видѣлъ кого-то изъ высшаго начальства, и Ростовъ поѣхалъ туда, уже не надѣясь найти кого-нибудь, но для того только, чтобы передъ самимъ собою очистить свою совѣсть. Проѣхавъ версты три и миновавъ послѣднія русскія войска, около огорода, окопаннаго канавой, Ростовъ увидалъ двухъ стоявшихъ противъ канавы всадниковъ. Одинъ съ бѣлымъ султаномъ на шляпѣ показался почему-то знакомымъ Ростову; другой, незнакомый всадникъ, на прекрасной рыжей лошади (лошадь эта показалась знакомою Ростову) подъѣхалъ къ канавѣ, толкнулъ лошадь шпорами и, выпустивъ поводья, легко перепрыгнулъ черезъ канаву огорода. Только земля осыпалась съ насыпи отъ заднихъ копытъ лошади. Круто повернувъ лошадь, онъ опять назадъ перепрыгнулъ канаву и почтительно обратился къ всаднику съ бѣлымъ султаномъ, очевидно предлагая ему сдѣлать то же. Всадникъ, котораго фигура показалась знакома Ростову и почему-то невольно приковала къ себѣ его вниманіе, сдѣлалъ отрицательный жестъ головой и рукой, и по этому жесту Ростовъ мгновенно узналъ своего оплакиваемаго, обожаемаго государя.

„Но это не могъ быть онъ, одинъ посреди этого пустого поля“, подумалъ Ростовъ. Въ это время Александръ повернулъ голову, и Ро-

стовъ увидалъ такъ живо врѣзавшіяся въ его памяти любимыя черты Государь былъ блѣденъ, щеки его впали и глаза ввалились: но тѣмъ больше прелести, кротости было въ его чертахъ. Ростовъ былъ счастливъ, убѣдившись въ томъ, что слухъ о ранѣ государя былъ несправедливъ. Онъ былъ счастливъ, что видѣлъ его. Онъ зналъ, что могъ, даже долженъ былъ прямо обратиться къ нему и передать то, что приказано было ему передать отъ Долгорукова.

Но какъ влюбленный юноша дрожитъ и млѣетъ, не смѣя сказать того, о чемъ онъ мечтаетъ ночи, и испуганно оглядывается, ища помощи или возможности отсрочки и бѣгства, когда наступила желанная минута, и онъ стоитъ наединѣ съ н е й, такъ и Ростовъ теперь, достигнувъ того, чего онъ желалъ больше всего на свѣтѣ, не зналъ, какъ подступить къ государю, и ему представлялись тысячи соображеній, почему это было неудобно, неприлично и невозможно.

„Какъ! Я какъ будто радъ случаю воспользоваться тѣмъ, что онъ одинъ и въ унынiи. Ему непріятно и тяжело можетъ показаться неизвѣстное лицо въ эту минуту печали; потомъ, что я могу сказать ему теперь, когда при одномъ взглядѣ на него у меня замираетъ сердце и пересыхаетъ во рту?“ Ни одна изъ тѣхъ безчисленныхъ рѣчей, которыя онъ, обращая къ государю, слагалъ въ своемъ воображеніи, не приходила ему теперь въ голову. Тѣ рѣчи большею частью держались совсѣмъ при другихъ условіяхъ, тѣ говорились большею частью въ минуты побѣдъ и торжествъ и преимущественно на смертномъ одрѣ отъ полученныхъ ранъ, въ то время, какъ государь благодарилъ его за геройскіе поступки, и онъ, умирая, высказывалъ ему подтвержденную на дѣлѣ любовь свою.

„Потомъ, что же я буду спрашивать государя о его приказаніяхъ на правый флангъ, когда уже теперь 4-й часъ вечера и сраженіе проиграно? Нѣтъ, рѣшительно я не долженъ подъѣзжать къ нему. Не долженъ нарушать его задумчивость. Лучше умереть тысячу разъ, чѣмъ получить отъ него дурной взглядъ, дурное мнѣніе“, рѣшилъ Ростовъ и съ грустью и съ отчаяніемъ въ сердцѣ поѣхалъ прочь, безпрестанно оглядываясь на все еще стоявшаго въ томъ же положеніи нерѣшительности государя.

Въ то время, какъ Ростовъ дѣлалъ эти соображенія и печально отъѣзжалъ отъ государя, капитанъ фонъ-Толь случайно наѣхалъ на то же мѣсто и, увидавъ государя, прямо подъѣхалъ къ нему, предложилъ ему свои услуги и помогъ перейти пѣшкомъ черезъ канаву. Государь, желая отдохнуть и чувствуя себя нездоровымъ, сѣлъ подъ яблочное дерево, и Толь остановился подлѣ него. Ростовъ издалека съ завистью и раскаяніемъ видѣлъ, какъ фонъ-Толь что-то долго и съ жаромъ говорилъ государю, какъ государь, видимо заплакавъ, закрылъ глаза рукой и пожалъ руку Толю.

„И это я могъ бы быть на его мѣстѣ!“ подумалъ про себя Ростовъ и, едва удерживая слезы сожалѣнія объ участи государя, въ совершенномъ отчаяніи поѣхалъ дальше, не зная, куда и зачѣмъ онъ теперь ѣдетъ.

Его отчаяніе было тѣмъ сильнѣе, что онъ чувствовалъ, что его собственная слабость была причиной его горя.

Онъ могъ бы... не только могъ бы, но онъ долженъ былъ подъѣхать къ государю. И это былъ единственный случай показать государю свою преданность. И онъ не воспользовался имъ... „Что я надѣлалъ?“ подумалъ онъ. И онъ повернулъ лошадь и поскакалъ назадъ къ тому мѣсту, гдѣ видѣлъ императора; но никого уже не было за канавой. Только ѣхали повозки и экипажи. Отъ одного фурмана Ростовъ узналъ, что кутузовскій штабъ находится неподалеку въ деревнѣ, куда шли обозы. Ростовъ поѣхалъ за ними.

IV.

Ростовъ подвинулся съ нѣсколькими любопытными изъ жителей къ самому крыльцу, и опять, послѣ двухъ лѣтъ, онъ увидалъ тѣ же обожаемыя имъ черты, то же лицо, тотъ же взглядъ, ту же походку, то же соединеніе величія и кротости... И чувство восторга и любви къ государю съ прежней силой воскресло въ душѣ Ростова. Государь въ преображенскомъ мундирѣ, въ бѣлыхъ лосинахъ и высокихъ ботфортахъ, съ звѣздой, которую не зналъ Ростовъ (это былъ Légion d'honneur), вышелъ на крыльцо, держа шляпу подъ рукой и надѣвая перчатку. Онъ остановился, оглядываясь и все освѣщая вокругъ себя своимъ взглядомъ. Кое-кому изъ генераловъ онъ сказалъ нѣсколько словъ. Онъ узналъ тоже бывшаго начальника дивизіи Ростова, улыбнулся ему и подозвалъ его къ себѣ.

Вся свита отступила, и Ростовъ видѣлъ, какъ генералъ этотъ что-то довольно долго говорилъ государю.

Государь сказалъ ему нѣсколько словъ и сдѣлалъ шагъ, чтобы подойти къ лошади. Опять толпа свиты и толпа улицы, въ которой былъ Ростовъ, придвинулись къ государю. Остановившись у лошади и взявшись рукой за сѣдло, государь обратился къ кавалерійскому генералу и сказалъ громко, очевидно съ желаніемъ, чтобы всѣ слышали его.

— Не могу, генералъ, и потому не могу, что законъ сильнѣе меня,—сказалъ государь и занесъ ногу въ стремя.

Генералъ почтительно наклонилъ голову, государь сѣлъ и поѣхалъ галопомъ по улицѣ. Ростовъ, не помня себя отъ восторга, съ толпой побѣжалъ за нимъ.

V.

На площади, куда пріѣхалъ государь, стояли лицомъ къ лицу справа батальонъ преображенцевъ, слѣва батальонъ французской гвардіи въ медвѣжьихъ шапкахъ.

Въ то время, какъ государь подъѣзжалъ къ одному флангу батальоновъ, сдѣлавшихъ на караулъ, къ противоположному флангу подскакивала другая толпа всадниковъ, и впереди ихъ Ростовъ узналъ Наполеона. Это не могъ быть никто другой. Онъ ѣхалъ галопомъ, въ маленькой шляпѣ, съ Андреевской лентой черезъ плечо, въ раскрытомъ надъ бѣлымъ камзоломъ синемъ мундирѣ, на необыкновенно породистой арабской сѣрой лошади, на малиновомъ, золотомъ шитомъ, чепракѣ. Подъѣхавъ къ Александру, онъ приподнялъ шляпу, и при этомъ движеніи кавалерійскій глазъ Ростова не могъ не замѣтить, что Наполеонъ дурно и не твердо сидѣлъ на лошади. Батальоны закричали „ура" и „vive l'Empereur". Наполеонъ что-то сказалъ Александру. Оба императора слѣзли съ лошадей и взяли другъ друга за руки. На лицѣ Наполеона была непріятно-притворная улыбка. Александръ съ ласковымъ выраженіемъ что-то говорилъ ему.

Ростовъ, не спуская глазъ, несмотря на топтаніе лошадьми французскихъ жандармовъ, осаживавшихъ толпу, слѣдилъ за каждымъ движеніемъ императора Александра и Бонапарте. Его, какъ неожиданность, поразило то, что Александръ держалъ себя какъ равный съ Бонапарте и что Бонапарте совершенно свободно, какъ будто эта близость съ государемъ естественна и привычна ему, какъ равный, обращался съ русскимъ царемъ.

Александръ и Наполеонъ съ длиннымъ хвостомъ свиты подошли къ правому флангу Преображенскаго батальона, прямо на толпу, которая стояла тутъ. Толпа очутилась неожиданно такъ близко къ императорамъ, что Ростову, стоявшему въ переднихъ рядахъ ея, стало страшно, какъ бы его не узнали.

— Sire, je vous demande la permission de donner la Légion d'honneur au plus brave de vos soldats [1],—сказалъ рѣзкій, точный голосъ, договаривающій каждую букву.

Это говорилъ малый ростомъ Бонапарте, снизу прямо глядя въ глаза Александру. Александръ внимательно слушалъ то, что ему говорили, и, наклонивъ голову, пріятно улыбнулся.

— A celui qui s'est le plus vaillamment conduit dans cette dernière guerre [2],—прибавилъ Наполеонъ, отчеканивая каждый слогъ, съ воз-

---

[1]) Государь, я прошу у васъ позволенія дать орденъ Почетнаго Легіона храбрѣйшему изъ вашихъ солдатъ.

[2]) Тому, кто храбрѣе всѣхъ показалъ себя во время войны.

мутительнымъ для Ростова спокойствіемъ и увѣренностью, оглядывая ряды русскихъ, вытянувшихся передъ нимъ, солдатъ, все державшихъ на караулъ и неподвижно глядящихъ въ лицо своего императора.

— Votre majesté me permettra-t-elle de demander l'avis du colonel? [1]) — сказалъ Александръ и сдѣлалъ нѣсколько поспѣшныхъ шаговъ къ князю Козловскому, командиру батальона.

Бонапарте сталъ между тѣмъ снимать перчатку съ бѣлой маленькой руки и, разорвавъ ее, бросилъ. Адъютантъ, сзади торопливо бросившись впередъ, поднялъ ее.

— Кому дать? — негромко, по-русски спросилъ императоръ Александръ у Козловскаго.

— Кому прикажете, ваше величество?

Государь недовольно поморщился и, оглянувшись, сказалъ:

— Да вѣдь надобно же отвѣтить ему.

Козловскій съ рѣшительнымъ видомъ оглянулся на ряды и въ этомъ взглядѣ захватилъ и Ростова.

„Ужъ не меня ли?" подумалъ Ростовъ.

— Лазаревъ! — нахмурившись, прокомандовалъ полковникъ, и первый по ранжиру солдатъ, Лазаревъ, бойко вышелъ впередъ.

— Куда же ты? Тутъ стой! — зашептали голоса на Лазарева, не знавшаго, куда ему итти. Лазаревъ остановился, испуганно покосившись на полковника, и лицо его дрогнуло, какъ это бываетъ съ солдатами, вызываемыми передъ фронтъ.

Наполеонъ чуть поворотилъ голову назадъ и отвелъ назадъ свою маленькую пухлую ручку, какъ будто желая взять что-то. Лица его свиты, догадавшись въ ту же секунду, въ чемъ дѣло, засуетились, зашептались, передавая что-то одинъ другому, и пажъ, тотъ самый, котораго вчера видѣлъ Ростовъ у Бориса, выбѣжалъ впередъ и, почтительно наклонившись надъ протянутой рукой и не заставивъ ее дожидаться ни одной секунды, вложилъ въ нее орденъ на красной лентѣ. Наполеонъ не глядя сжалъ два пальца; орденъ очутился между ними. Наполеонъ подошелъ къ Лазареву, который, выкатывая глаза, упорно продолжалъ смотрѣть только на своего государя, и оглянулся на императора Александра, показывая этимъ, что то, чтó онъ дѣлалъ теперь, онъ дѣлалъ для своего союзника. Маленькая бѣлая рука съ орденомъ дотронулась до пуговицы солдата Лазарева. Какъ будто Наполеонъ зналъ, что для того, чтобы навсегда этотъ солдатъ былъ счастливъ, награжденъ и отличенъ отъ всѣхъ въ мірѣ, нужно было только, чтобы его, Наполеонова, рука удостоила дотронуться до груди солдата. Наполеонъ только приложилъ крестъ къ груди Лазарева и, пустивъ руку, обратился къ Александру, какъ будто онъ зналъ, что крестъ долженъ прилипнуть къ груди Лазарева. Крестъ дѣйствительно прилипъ.

[1]) Ваше величество позволитъ ли мнѣ спросить мнѣніе полковника?

Русскія и французскія услужливыя руки, мгновенно подхвативъ крестъ, прицѣпили его къ мундиру. Лазаревъ мрачно взглянулъ на маленькаго человѣчка съ бѣлыми руками, который что-то сдѣлалъ надъ нимъ, и, продолжая неподвижно держать „на караулъ“, опять прямо сталъ глядѣть въ глаза Александру, какъ будто онъ спрашивалъ Александра: все ли еще ему стоять, или не прикажутъ ли ему пройтись теперь, или, можетъ - быть, еще что-нибудь сдѣлать? Но ему ничего не приказывали, и онъ довольно долго оставался въ этомъ неподвижномъ состояніи.

Государи сѣли верхомъ и уѣхали.

VI.

Русскій императоръ между тѣмъ болѣе мѣсяца уже жилъ въ Вильнѣ, дѣлая смотры и маневры. Ничто не было готово для войны, которой всѣ ожидали и для приготовленія къ которой императоръ пріѣхалъ изъ Петербурга. Общаго плана дѣйствій не было. Колебанія о томъ, какой планъ изъ всѣхъ тѣхъ, которые предлагались, долженъ быть принятъ, еще болѣе усилились послѣ мѣсячнаго пребыванія императора въ главной квартирѣ. Въ трехъ арміяхъ былъ въ каждой отдѣльный главнокомандующій, но общаго начальника надъ всѣми арміями не было, и императоръ не принималъ на себя этого званія.

Чѣмъ дольше жилъ императоръ въ Вильнѣ, тѣмъ менѣе готовились къ войнѣ, уставши ожидать ея. Всѣ стремленія людей, окружавшихъ государя, казалось, были направлены только на то, чтобы заставить государя, пріятно проводя время, забыть о предстоящей войнѣ.

Послѣ многихъ баловъ и праздниковъ у польскихъ магнатовъ, у придворныхъ и у самого государя въ іюнѣ мѣсяцѣ одному изъ польскихъ генералъ-адъютантовъ государя пришла мысль дать обѣдъ и балъ государю отъ лица его генералъ-адъютантовъ. Мысль эта радостно была принята всѣми. Государь изъявилъ согласіе. Генералъ-адъютанты собрали по подпискѣ деньги. Особа, которая наиболѣе могла быть пріятна государю, была приглашена быть хозяйкой бала. Графъ Бенигсенъ, помѣщикъ Виленской губерніи, предложилъ свой загородный домъ для этого праздника, и 13 іюня былъ назначенъ балъ, обѣдъ, катанье на лодкахъ и фейерверкъ въ Закретѣ, загородномъ домѣ графа Бенигсена.

Въ тотъ самый день, въ который Наполеономъ былъ отданъ приказъ о переходѣ черезъ Нѣманъ, и передовыя войска его, оттѣснивъ казаковъ, перешли черезъ русскую границу, Александръ проводилъ вечеръ на дачѣ Бенигсена—на балѣ, даваемомъ генералъ-адъютантами.

Былъ веселый, блестящій праздникъ; знатоки дѣла говорили, что рѣдко собиралось въ одномъ мѣстѣ столько красавицъ. Графиня Бе-

зухова въ числѣ другихъ русскихъ дамъ, пріѣхавшихъ за государемъ изъ Петербурга въ Вильну, была на этомъ балѣ, затемняя своей тяжелой, такъ называемой русской, красотой утонченныхъ польскихъ дамъ. Она была замѣчена, и государь удостоилъ ее танца.

Борисъ Друбецкой, en garçon [1]), какъ онъ говорилъ, оставивъ свою жену въ Москвѣ, былъ также на этомъ балѣ и, хоть не генералъ-адъютантъ, былъ участникомъ на большую сумму въ подпискѣ для бала. Борисъ теперь былъ богатый человѣкъ, далеко ушедшій въ почестяхъ, уже не искавшій покровительства, но на равной ногѣ стоявшій съ высшими изъ своихъ сверстниковъ. Онъ встрѣтилъ Эленъ въ Вильнѣ, не видавъ ее давно, и не помнилъ о прежнемъ; но такъ какъ Эленъ пользовалась милостями очень важнаго лица, а Борисъ недавно былъ женатъ, то они сошлись старыми, добрыми друзьями.

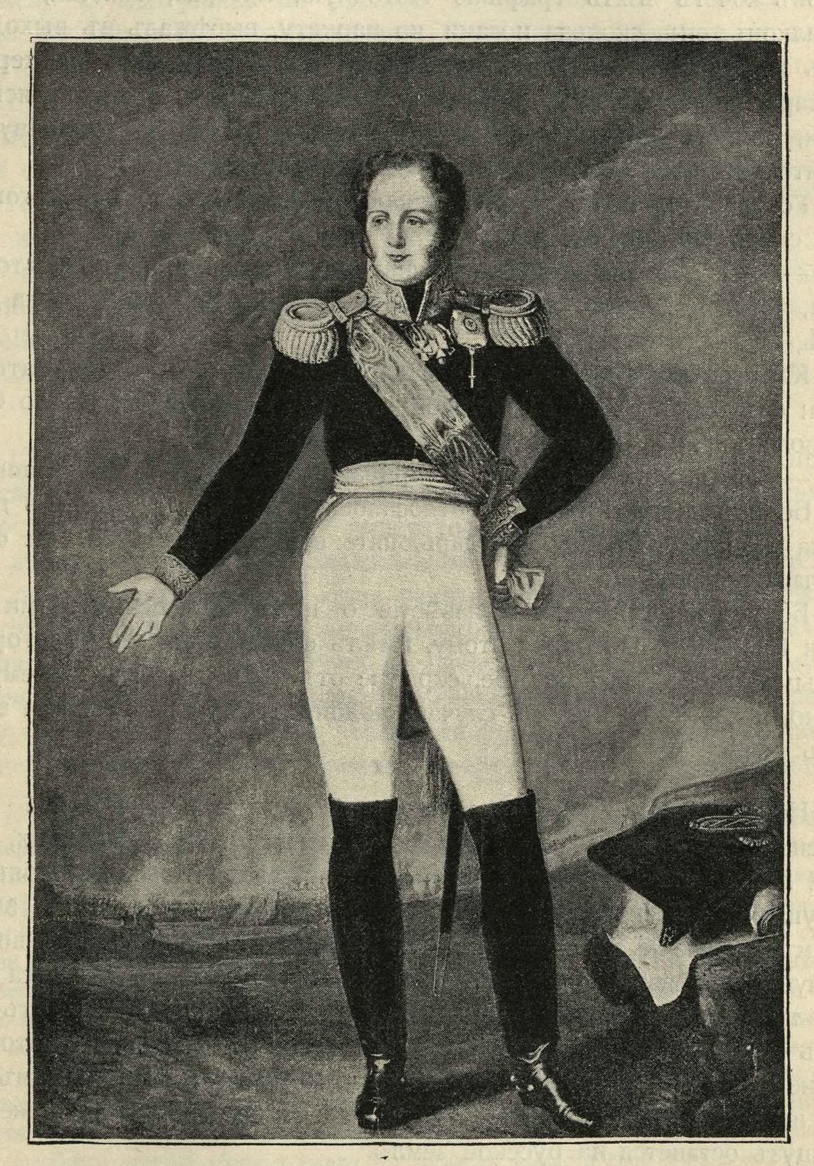
Въ 12 часовъ ночи еще танцовали. Эленъ, не имѣвшая достойнаго кавалера, сама предложила мазурку Борису. Они сидѣли въ третьей парѣ. Борисъ, хладнокровно поглядывая на блестящія, обнаженныя плечи Эленъ, выступавшія изъ темнаго газоваго съ золотомъ платья, разсказывалъ про старыхъ знакомыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, незамѣтно для самого себя и для другихъ, ни на секунду не переставалъ наблюдать государя, находившагося въ той же залѣ. Государь не танцовалъ; онъ стоялъ въ дверяхъ и останавливалъ то тѣхъ, то другихъ тѣми ласковыми словами, которыя онъ одинъ только умѣлъ говорить.

При началѣ мазурки Борисъ видѣлъ, что генералъ-адъютантъ Балашевъ, одно изъ ближайшихъ лицъ къ государю, подошелъ къ нему и не-придворно остановился близко отъ государя, говорившаго съ польской дамой. Поговоривъ съ дамой, государь взглянулъ вопросительно и, видно понявъ, что Балашевъ поступилъ такъ только потому, что на это были важныя причины, слегка кивнулъ дамѣ и обратился къ Балашеву. Только что Балашевъ началъ говорить, какъ удивленіе выразилось на лицѣ государя. Онъ взялъ подъ руку Балашева и пошелъ съ нимъ черезъ залу, безсознательно для себя расчищая съ обѣихъ сторонъ сажени на три широкую дорогу сторонившихся передъ нимъ. Борисъ замѣтилъ взволнованное лицо Аракчеева въ то время, какъ государь пошелъ съ Балашевымъ. Аракчеевъ, исподлобья глядя на государя и посапывая краснымъ носомъ, выдвинулся изъ толпы, какъ бы ожидая, что государь обратится къ нему. (Борисъ понялъ, что Аракчеевъ завидуетъ Балашеву и недоволенъ тѣмъ, что какая-то, очевидно важная, новость не черезъ него передана государю.)

Но государь съ Балашевымъ прошли, не замѣчая Аракчеева, черезъ выходную дверь въ освѣщенный садъ. Аракчеевъ, придерживая шпагу и злобно оглядываясь вокругъ себя, прошелъ шагахъ въ двадцати за ними.

---

[1]) Холостякомъ.

Императоръ Александръ I.

Пока Борисъ продолжалъ дѣлать фигуры мазурки, его не переставала мучить мысль о томъ, какую новость привезъ Балашевъ и какимъ бы образомъ узнать ее прежде другихъ.

Въ фигурѣ, гдѣ ему надо было выбирать дамъ, шепнувъ Эленъ, что онъ хочетъ взять графиню Потоцкую, которая, кажется, вышла на балконъ, онъ, скользя ногами по паркету, выбѣжалъ въ выходную дверь въ садъ и, замѣтивъ входящаго съ Балашевымъ на террасу государя, пріостановился. Государь съ Балашевымъ направлялись къ двери. Борисъ, заторопившись, какъ будто не успѣвъ отодвинуться, почтительно прижался къ притолкѣ и нагнулъ голову.

Государь съ волненіемъ лично оскорбленнаго человѣка договаривалъ слѣдующія слова.

— Безъ объявленія войны вступить въ Россію! Я помирюсь только тогда, когда ни одного вооруженнаго непріятеля не останется на моей землѣ,—сказалъ онъ.

Какъ показалось Борису, государю пріятно было высказать эти слова: онъ былъ доволенъ формой выраженія своей мысли, но былъ недоволенъ тѣмъ, что Борисъ услыхалъ ихъ.

— Чтобъ никто не зналъ!—прибавилъ государь нахмурившись.

Борисъ понялъ, что это относилось къ нему, и, закрывъ глаза, слегка наклонилъ голову. Государь опять вошелъ въ залу и еще около получаса пробылъ на балѣ.

Борисъ первый узналъ извѣстіе о переходѣ французскими войсками Нѣмана и, благодаря этому, имѣлъ случай показать нѣкоторымъ важнымъ лицамъ, что многое, скрытое отъ другихъ, бываетъ ему извѣстно, и черезъ то имѣлъ случай подняться выше во мнѣніи этихъ особъ.

Неожиданное извѣстіе о переходѣ французами Нѣмана было особенно неожиданно послѣ мѣсяца несбывавшагося ожиданія, и на балѣ! Государь, въ первую минуту полученія извѣстія, подъ вліяніемъ возмущенія и оскорбленія, нашелъ то, сдѣлавшееся потомъ знаменитымъ, изреченіе, которое самому понравилось ему и выражало вполнѣ его чувства. Возвратившись домой съ бала, государь въ два часа ночи послалъ за секретаремъ Шишковымъ и велѣлъ написать приказъ войскамъ и рескриптъ къ фельдмаршалу князю Салтыкову, въ которомъ онъ непремѣнно требовалъ, чтобы были помѣщены слова о томъ, что онъ не помирится до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ вооруженный французъ останется на русской землѣ.

На другой день было написано слѣдующее письмо къ Наполеону:

„Monsieur mon frère. J'ai appris hier que malgré la loyauté avec laquelle j'ai maintenu mes engagements envers Votre Majesté, ses troupes ont franchi les frontières de la Russie, et je reçois à l'instant de Pétersbourg une note par laquelle le comte Lauriston, pour cause de cette agres-

sion, annonce que Votre Majesté s'est considérée comme en état de guerre avec moi dès le moment où le prince Kourakine a fait la demande de ses passeports. Les motifs sur lesquels le duc de Bassano fondait son refus de les lui délivrer, n'auraient jamais pu me faire supposer que cette démarche servirait jamais de prétexte à l'agression. En effet, cet ambassadeur n'y jamais été autorisé comme il l'a déclaré lui-même, et aussitôt que j'en fus informé, je lui ai fait connaître combien je le désapprouvais en lui donnant l'ordre de rester à son poste. Si Votre Majesté n'est pas intentionnée du verser le sang de nos peuples pour un malentendu de ce genre et qu'elle consente à retirer ses troupes du territoire russe, je regarderai ce qui s'est passé comme non avenu, et un accommodement entre nous sera possible. Dans le cas contraire, Votre Majesté, je me verrai forcé de repousser une attaque que rien n'a provoquée de ma part. Il dépend encore de Votre Majesté d'éviter à l'humanité les calamités d'une nouvelle guerre.

Je suis etc. (signé) Alexandre [1]).

VII.

13 іюня въ 2 часа ночи государь, призвавъ къ себѣ Балашева и прочтя ему свое письмо къ Наполеону, приказалъ ему отвезти это письмо и лично передать французскому императору. Отправляя Балашева, государь вновь повторилъ ему слова о томъ, что онъ не помирится до тѣхъ поръ, пока останется хоть одинъ вооруженный непріятель на русской землѣ, и приказалъ непремѣнно передать эти слова Наполеону. Государь не писалъ этихъ словъ въ письмѣ къ Наполеону, потому что чувствовалъ съ своимъ тактомъ, что слова эти неудобны для передачи въ ту минуту, какъ дѣлается послѣдняя попытка къ примиренію; но онъ непремѣнно приказалъ Балашеву передать ихъ лично Наполеону.

---

1) Т.-е. Государь братъ мой. Вчера дошло до меня, что, несмотря на прямодушіе, съ которымъ соблюдалъ я мои обязательства въ отношеніи къ Вашему Императорскому Величеству, войска Ваши перешли русскія границы, и только лишь теперь получилъ изъ Петербурга ноту, которою графъ Лористонъ извѣщаетъ меня, по поводу сего вторженія, что Ваше Величество считаете себя въ непріязненныхъ отношеніяхъ со мною съ того времени, какъ князь Куракинъ потребовалъ свои паспорты. Причины, на которыхъ герцогъ Бассано основывалъ свой отказъ выдать сіи паспорты, никогда не могли бы заставить меня предполагать, чтобы поступокъ моего посла послужилъ поводомъ къ нападенію. И въ дѣйствительности, онъ не имѣлъ на то отъ меня повелѣнія, какъ было объявлено имъ самимъ; и какъ только я узналъ о семъ, то немедленно выразилъ мое неудовольствіе князю Куракину, повелѣвъ ему исполнять попрежнему порученныя ему обязанности. Ежели Ваше Величество не расположены проливать кровь нашихъ подданныхъ изъ-за подобнаго недоразумѣнія и ежели Вы согласны вывести свои войска изъ русскихъ владѣній, то я оставлю безъ вниманія все происшедшее, и соглашеніе между нами будетъ возможно. Въ противномъ случаѣ я буду принужденъ отражать нападеніе, которое ничѣмъ не было возбуждено съ моей стороны. Еще Ваше Величество имѣете возможность избавить человѣчество отъ бѣдствій новой войны.

Пребываю и пр.

(подлинное подписалъ) Александръ.

VIII.

Въ это время быстрыми шагами передъ разступившейся толпой дворянъ въ генеральскомъ мундирѣ, съ лентой черезъ плечо, съ своимъ высунутымъ подбородкомъ и быстрыми глазами, вошелъ графъ Растопчинъ.

— Государь императоръ сейчасъ будетъ,—сказалъ Растопчинъ,— я только что оттуда. Я полагаю, что въ томъ положенiи, въ которомъ мы находимся, судить много нечего. Государь удостоилъ собрать насъ и купечество,—сказалъ графъ Растопчинъ.—Оттуда польются миллiоны (онъ указалъ на залу купцовъ), а наше дѣло выставить ополченiе и не щадить себя... Это меньшее, что мы можемъ сдѣлать.

Начались совѣщанiя между одними вельможами, сидѣвшими за столомъ. Все совѣщанiе прошло больше чѣмъ тихо. Оно даже казалось грустно, когда, послѣ всего прежняго шума, по одиночкѣ были слышны старые голоса, говорившiе—одинъ „согласенъ“, другой для разнообразiя „и я того же мнѣнiя“, и т. д.

Было велѣно секретарю писать постановленiе московскаго дворянства о томъ, что москвичи, подобно смолянамъ, жертвуютъ по 10 человѣкъ съ 1.000 душъ и полное обмундированiе. Господа засѣдавшiе встали, какъ бы облегченные, загремѣли стульями и пошли по залѣ разминать ноги, забирая кое-кого подъ руку и разговаривая.

— Государь! Государь!—вдругъ разнеслось по заламъ, и вся толпа бросилась къ выходу.

По широкому ходу, между стѣной дворянъ, государь прошелъ въ залу. На всѣхъ лицахъ выражалось почтительное и испуганное любопытство. Пьеръ стоялъ довольно далеко и не могъ вполнѣ разслышать рѣчи государя. Онъ понялъ только по тому, что́ онъ слышалъ, что государь говорилъ объ опасности, въ которой находилось государство, и о надеждахъ, которыя онъ возлагалъ на московское дворянство. Государю отвѣчалъ другой голосъ, сообщавшiй о только что состоявшемся постановленiи дворянства.

— Господа!—сказалъ дрогнувшiй голосъ государя.

Толпа зашелестила и опять затихла, и Пьеръ ясно услыхалъ столь прiятно-человѣческiй и тронутый голосъ государя, который говорилъ:

— Никогда я не сомнѣвался въ усердiи русскаго дворянства. Но въ этотъ день оно превзошло мои ожиданiя. Благодарю васъ отъ лица отечества. Господа, будемъ дѣйствовать,—время всего дороже...

Государь замолчалъ, толпа стала тѣсниться вокругъ него, и со всѣхъ сторонъ слышались восторженныя восклицанiя.

— Да, всего дороже... царское слово,—рыдая говорилъ сзади голосъ Ильи Андреевича, ничего не слышавшаго, но все понимавшаго по-своему.

Изъ залы дворянства государь прошелъ въ залу купечества. Онъ пробылъ тамъ около 10 минутъ. Пьеръ въ числѣ другихъ уви-

далъ государя, выходящаго изъ залы купечества со слезами умиленія на глазахъ. Какъ потомъ узнали, государь только что началъ рѣчь купцамъ, какъ слезы брызнули изъ его глазъ, и онъ дрожащимъ голосомъ договорилъ ее. Когда Пьеръ увидалъ государя, онъ выходилъ, сопутствуемый двумя купцами. Одинъ былъ знакомъ Пьеру, толстый откупщикъ, другой—голова, съ худымъ, узкобородымъ желтымъ лицомъ. Оба они плакали. У худого стояли слезы, но толстый откупщикъ рыдалъ какъ ребенокъ и все твердилъ:

— И жизнь и имущество возьми, ваше величество!

Пьеръ не чувствовалъ въ эту минуту уже ничего, кромѣ желанія показать, что все ему нипочемъ и что онъ всѣмъ готовъ пожертвовать. Какъ упрекъ ему представлялась его рѣчь съ конституціоннымъ направленіемъ; онъ искалъ случая загладить это. Узнавъ, что графъ Мамоновъ жертвуетъ полкъ, Безуховъ тутъ же объявилъ графу Растопчину, что онъ отдаетъ 1.000 человѣкъ и ихъ содержаніе.

Старикъ Ростовъ безъ слезъ не могъ разсказать женѣ того, что́ было, и тутъ же согласился на просьбу Пети и самъ поѣхалъ записывать его.

На другой день государь уѣхалъ. Всѣ собранные дворяне сняли мундиры, опять размѣстились по домамъ и клубамъ и, покряхтывая, отдавали приказанія управляющимъ объ ополченіи, и удивлялись тому, что́ они сдѣлали.

IX.

Девять дней послѣ оставленія Москвы въ Петербургъ пріѣхалъ посланный отъ Кутузова съ офиціальнымъ извѣстіемъ объ оставленіи Москвы. Посланный этотъ былъ французъ Мишо, не знавшій по-русски, но quoique étranger, russe de coeur et d'âme [1]), какъ онъ самъ говорилъ про себя.

Государь тотчасъ же принялъ посланнаго въ своемъ кабинетѣ, во дворцѣ Каменнаго острова. Мишо, который никогда не видалъ Москвы до кампаніи и который не зналъ по-русски, чувствовалъ себя все-таки растроганнымъ, когда онъ явился передъ notre très gracieux souverain [2]) (какъ онъ писалъ) съ извѣстіемъ о пожарѣ Москвы, dont les flammes éclairaient sa route [3]).

Хотя и источникъ chagrin г-на Мишо и долженъ былъ быть другой, чѣмъ тотъ, изъ котораго вытекало горе русскихъ людей, Мишо имѣлъ такое печальное лицо, когда онъ былъ введенъ въ кабинетъ государя, что государь тотчасъ же спросилъ у него:

— M'apportez-vous de tristes nouvelles, colonel? [4])

---

1) Хотя иностранецъ, но русскій всѣмъ сердцемъ и всею душою.

2) Всемилостивѣйшій повелитель.

3) Пламя которой освѣщало его путь.

4) Какія извѣстія привезли вы мнѣ? Грустныя, полковникъ?

— Bien tristes, Sire,—отвѣчалъ Мишо со вздохомъ, опуская глаза,— l'abandon de Moscou [1]).

— Aurait-on livré mon ancienne capitale sans se battre? [2])—вдругъ вспыхнувъ, быстро проговорилъ государь.

Мишо почтительно передалъ то, что ему приказано было передать отъ Кутузова, именно то, что подъ Москвою драться не было возможности и что такъ какъ оставался одинъ выборъ — потерять армію и Москву, или одну Москву, то фельдмаршалъ долженъ былъ выбрать послѣднее.

Государь выслушалъ молча, не глядя на Мишо.

— L' ennemi est-il entré en ville?—спросилъ онъ.

— Oui, Sire, et elle est en cendres à l'heure qu'il est. Je l'ai laissée toute en flammes [3]),—рѣшительно сказалъ Мишо; но, взглянувъ на государя, Мишо ужаснулся тому, что онъ сдѣлалъ.

Государь тяжело и часто сталъ дышать, нижняя губа его задрожала, и прекрасные голубые глаза мгновенно увлажнились слезами.

Но это продолжалось только одну минуту. Государь вдругъ нахмурился, какъ бы осуждая самого себя за свою слабость, и, приподнявъ голову, твердымъ голосомъ обратился къ Мишо.

— Je vois, colonel, par tout ce qui nous arrive,—сказалъ онъ,—que la Providence exige de grands sacrifices de nous... Je suis prêt à me soumettre à toutes Ses volontés; mais dites-moi, Michaud, comment avez-vous laissé l'armée, en voyant ainsi, sans coup férir, abandonner mon ancienne capitale? N'avez-vous pas aperçu du découragement?... [4])

Увидавъ успокоеніе своего très gracieux souverain, Мишо тоже успокоился, но на прямой существенный вопросъ государя, требовавшій прямого отвѣта, онъ не успѣлъ еще приготовить отвѣта.

— Sire, me permettrez-vous de vous parler franchement en loyal militaire? [5])—сказалъ онъ, чтобы выиграть время.

— Colonel, je l'exige toujours,—сказалъ государь.—Ne me cachez rien, je veux savoir absolument ce qu'il en est [6]).

— Sire!—сказалъ Мишо съ тонкой, чуть замѣтной улыбкой на губахъ, успѣвъ приготовить свой отвѣтъ въ формѣ легкаго и почтительнаго jeu de mots.—Sire! J' ai laissé toute l'armée depuis les chefs

---

[1]) Очень грустныя, ваше величество,—оставленіе Москвы.

[2]) Неужели предали мою древнюю столицу безъ битвы?

[3]) Непріятель вошелъ въ городъ?

— Да, ваше величество, и онъ обращенъ въ пепелъ въ настоящее время. Я оставилъ его въ пламени.

[4]) Я вижу, полковникъ, по всему, что происходитъ, что Провидѣніе требуетъ отъ насъ большихъ жертвъ... Я готовъ покориться во всемъ Его волѣ; но скажите мнѣ, Мишо, какъ оставили вы армію, оставлявшую безъ битвы мою древнюю столицу? Не замѣтили ли вы въ ней упадка духа?

[5]) Государь, позволите ли вы мнѣ говорить откровенно, какъ подобаетъ честному воину?

[6]) Полковникъ, я всегда этого требую. Не скрывайте ничего, я непремѣнно хочу знать всю истину.

jusqu'au dernier soldat, sans exception, dans une crainte épouvantable, effrayante... [1])

— Comment ça?—строго нахмурившись, перебилъ государь.—Mes russes se laisseront-ils abattre par le malheur... Jamais... [2])

Этого только и ждалъ Мишо для вставленія своей игры словъ.

— Sire,—сказалъ онъ съ почтительною игривостью выраженія,— ils craignent seulement que Votre Majesté par bonté de coeur ne se laisse persuader de faire la paix. Ils brûlent de combattre,—говорилъ уполномоченный русскаго народа, — et de prouver à Votre Majesté par le sacrifice de leur vie, combien ils lui sont devoués... [3])

— Ah!—успокоенно и съ ласковымъ блескомъ глазъ сказалъ государь, ударяя по плечу Мишо.—Vous me tranquillisez, colonel [4]).

Государь, опустивъ голову, молчалъ нѣсколько времени.

— Eh bien, retournez à l'armée [5]), — сказалъ онъ, выпрямившись во весь ростъ и ласковымъ величественнымъ жестомъ обращаясь къ Мишо,—et dites à nos braves, dites à tous mes bons sujets partout où vous passerez que quand je n'aurai plus aucun soldat, je me mettrai, moi-même à la tête de ma chère noblesse, de mes bons paysans et j'userai ainsi jusqu'à la dernière ressource de mon empire. Il m'en offre encore plus que mes ennemis ne pensent [6]),—говорилъ государь, всѣ болѣе и болѣе воодушевляясь.—Mais si jamais il fut écrit dans les decrets de la Divine Providence,—сказалъ онъ, поднявъ свои прекрасные, кроткіе и блестящіе чувствомъ глаза къ небу, — que ma dinastie dût cesser de régner sur le trône de mes ancêtres, alors, après avoir épuisé tous les moyens qui sont en mon pouvoir, je me laisserai croître la barbe jusqu'ici (государь показалъ рукой на половину груди) et j'irai manger des pommes de terre avec le dernier de mes paysans plutôt que de signer la honte de ma patrie et de ma chère nation, dont je sais apprécier les sacrifices... [7])

---

[1]) Государь, я оставилъ всю армію, начиная съ начальниковъ и до послѣдняго солдата, безъ исключенія, въ великомъ, отчаянномъ страхѣ.

[2]) Какъ это? Мои русскіе могутъ ли пасть духомъ отъ неудачъ? Никогда...

[3]) Государь, они боятся только того, чтобы ваше величество по добротѣ души своей не рѣшились заключить миръ. Они горятъ нетерпѣніемъ сражаться и доказать вашему величеству жертвой своей жизни, насколько они вамъ преданы...

[4]) Вы меня успокоиваете, полковникъ.

[5]) Ну, возвращайтесь къ арміи.

[6]) И скажите храбрецамъ нашимъ, скажите всѣмъ моимъ добрымъ подданнымъ, вездѣ, гдѣ вы проѣдете, что, когда у меня не будетъ больше ни одного солдата, я самъ стану во главѣ своихъ любезныхъ дворянъ и добрыхъ мужиковъ и истощу, такимъ образомъ, послѣднія средства своего государства. Ихъ больше, нежели думаютъ мои враги.

[7]) Но если бы предназначено было Божественнымъ Провидѣніемъ, чтобы династія наша перестала царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моихъ рукахъ, я отпущу бороду до сихъ поръ и скорѣе пойду ѣсть одинъ картофель съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели рѣшусь подписать позоръ своей родины и дорогого народа, жертвы котораго я умѣю цѣнить.

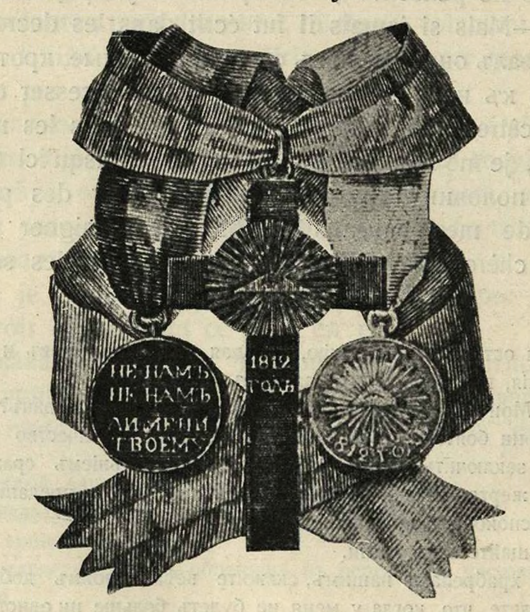
Сказавъ эти слова взволнованнымъ голосомъ, государь вдругъ повернулся, какъ бы желая скрыть отъ Мишо выступившія ему на глаза слезы, и прошелъ въ глубь своего кабинета. Постоявъ тамъ нѣсколько мгновеній, онъ большими шагами вернулся къ Мишо и сильнымъ жестомъ сжалъ его руку пониже локтя. Прекрасное, кроткое лицо государя раскраснѣлось, и глаза горѣли блескомъ рѣшимости и гнѣва.

— Colonel Michaud, n'oubliez pas ce que je vous dis ici; peut-être qu'un jour nous le rappellerons avec plaisir... Napoléon ou moi,—сказалъ государь, дотрогиваясь до груди.—Nous ne pouvons plus régner ensemble. J'ai appris à le connaître, il ne me trompera plus... [1])

И государь, нахмурившись, замолчалъ. Услышавъ эти слова, увидавъ выраженіе твердой рѣшимости въ глазахъ государя, Мишо, quoique étranger, mais russe de coeur et d'âme, почувствовалъ себя въ эту торжественную минуту entousiasmé par tout ce qu'il venait d'entendre [2]) (какъ онъ говорилъ впослѣдствіи), и онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ изобразилъ какъ свои чувства, такъ и чувства русскаго народа, котораго онъ считалъ себя уполномоченнымъ.

— Sire!—сказалъ онъ. — Votre Majesté signe dans ce moment la gloire de la nation et le salut de l'Europe [3]).

Государь наклоненіемъ головы отпустилъ Мишо.

[1]) Полковникъ Мишо, не забудьте, что я вамъ сказалъ здѣсь; можетъ-быть, мы когда-нибудь вспомнимъ объ этомъ съ удовольствіемъ. Наполеонъ или я... Мы больше не можемъ царствовать вмѣстѣ. Я узналъ его теперь, и онъ меня больше не обманетъ.

[2]) Хотя иностранецъ, но русскій сердцемъ и душою, почувствовалъ себя восхищеннымъ всѣмъ тѣмъ, что онъ услышалъ.

[3]) Государь! Ваше величество подписываете въ эту минуту славу народа и спасеніе Европы.

1796—1825—1855.

Николай I.

Пѣснь на присягу государя наслѣдника.

В. Жуковскій.

На древней высотѣ Кремля
Въ великій праздникъ Воскресенья
Узрѣла русская земля
Прекрасный день его рожденья.

Смѣнялся быстро годомъ годъ:
Онъ сбросилъ дѣтскую одежду,
И въ немъ привѣтствуетъ народъ
Россіи свѣтлую надежду.

И умилительный обрядъ,
Встрѣчая праздникъ Воскресенья,
Свершаетъ нынѣ Петроградъ
Въ прекрасной день его рожденья.

Въ храмъ Божій входитъ царскій сынъ,
И руку къ небесамъ подъемлетъ;
Предъ нимъ — отецъ и властелинъ;
Присягу сына — царь пріемлетъ.

Съ благословеніемъ вонми
Словамъ души его младыя,
И къ небу руку подыми
Съ нимъ вмѣстѣ, вѣрная Россія.

Молись, да долго свой вѣнецъ
Нося, примѣръ владыкамъ славный,
Упрочитъ благостью отецъ
И правдой тронъ самодержавный:

Чтобъ сыну власть легка была,
Чтобъ могъ свершать дѣла благія,
Чтобы на долги дни могла
Возблагоденствовать Россія.

1850.

Ѳ. Тютчевъ.

Ужъ третій годъ бѣснуются языки.
Вотъ и весна, и съ каждою весной,
Какъ стая дикихъ птицъ передъ грозой,
Тревожнѣй шумъ, разноголоснѣй крики.

Въ раздумьѣ грустномъ князи и владыки
И держатъ вожжи трепетной рукой,
Подавленъ умъ зловѣщею тоской;
Мечты людей, какъ сны больного, дики.

Но съ нами Богъ!.. Сорвавшися со дна,
Вдругъ одурѣвъ, полна грозы и мрака,
Стремглавъ на насъ рванулась глубина,
Но твоего не помутила зрака...
Вѣтръ свирѣпѣлъ: но... „Да не будетъ тако",
Ты рекъ—и вспять отхлынула волна.

Къ русскому великану.

В. Жуковскій.

Не тревожься, великанъ!
Мирно стой, утесъ нашъ твердой,
Отшибая грудью гордой
Вкругъ ревущій океанъ.
Вихрей бунтъ встревожилъ воды;
Воемъ дикой непогоды
Отъ поверхности до дна
Вся пучина ихъ полна;
На тебя ихъ буря злится;
На тебя ихъ вой и ревъ;
Повалить тебя грозится
Обезумѣвшій ихъ гнѣвъ.
Но съ главы твоей подзвѣздной
Твой орелъ, пространства князь,
Надъ бунтующей смѣясь
У твоей подошвы бездной,
Сжавши молніи въ когтяхъ,
Въ высотѣ своей воздушной
Наблюдаетъ равнодушно,
Какъ раздоръ кипитъ въ волнахъ,
Какъ онѣ горами пѣны
Многоглавыя встаютъ
И толпою всей бѣгутъ
На твои ударить стѣны.
Ты же, бездны господинъ,
Мощный первенецъ творенья,

Стой среди всевозмущенья
Недоступенъ, тихъ, одинъ;
Волнъ ругательные визги
Вѣтръ, озлившись ихъ, умчитъ;
Ихъ гранитъ твой разразитъ,
На тебя нападшихъ, въ брызги.

Русская слава.

В. Жуковскій.

Святая Русь, славянъ могучій родъ,
Сколь велика, сильна твоя держава!
Какимъ путемъ пробился твой народъ!
Въ какихъ бояхъ твоя созрѣла слава!

Призвалъ варяга славянинъ;
Пошли гулять ихъ буйны рати;
Кругомъ руля полночныхъ братій
Взревѣлъ испуганный Эвксинъ...
Но вышелъ Святославовъ сынъ
И поднялъ знамя благодати.
Была пора: губительный раздоръ
Вездѣ леталъ съ хоругвію кровавой;
За нимъ вослѣдъ бѣжали гладъ и моръ;
Разбой, грабежъ и мщенье были славой;

Отъ русскихъ — русскихъ кровь текла;
Губилъ половчанинъ безъ страха;
Лежали грады кучей праха;
И Русь бѣдою поросла...
Но Русь въ бѣдѣ крѣпка была
Душой великой Мономаха.

Была пора: татаринъ злой шагнулъ
Черезъ рубежъ хранительныя Волги;
Погибло все; народъ, терпя, согнулъ
Главу подъ стыдъ мучительный и долгій!

Безчестнымъ Русь давя ярмомъ,
Баскакъ носился въ край изъ края;
Катилась въ прахъ глава святая
Князей подъ ханскимъ топоромъ...
Но встала Русь передъ врагомъ,
И битва грянула Донская!

Была пора: коварный, вражій ляхъ
На русскій тронъ накликалъ самозванца;
Заграбилъ все; и Русь въ его цѣпяхъ
Въ цари позвать дерзнула чужестранца;

Зачахла русская земля;
Ей ляхъ напомнилъ плѣнъ татарскій;
И брошенъ былъ вѣнецъ нашъ царскій
Къ ногамъ презрѣннымъ короля...
Но крикнулъ Мининъ, и съ Кремля
Ихъ опрокинулъ князь Пожарскій.

Была пора: привелъ къ намъ рати шведъ;
Предъ горстью ихъ бѣжали мы толпами;

Императоръ Николай I.

Жестка далась наука намъ побѣдъ,
Купили ихъ мы нашими костями;

То трудная была пора:
Пришлецъ и бунтовщикъ лукавый
Хвалились вырвать знамя славы
Изъ рукъ могучаго Петра...
Но дало русское „ура“
Отвѣтъ имъ съ пушками Полтавы.

Была пора: Екатерининъ вѣкъ.
Въ немъ ожила вся древней Руси
слава,
Тѣ дни, когда громилъ Царьградъ
Олегъ,
И вылъ Дунай подъ лодкой Свя-
тослава.

Рымникъ, Чесма, Кагульскій бой!
Орлы во градѣ Леонида,
Возобновленная Таврида,
День Измаила роковой!
И въ Прагѣ, кровью залитой,
Москвы отмщенная обида.

Была пора: была святая брань;
Отъ Запада узрѣли мы Батыя;
Народовъ тьмы прорвали нашу
грань;
Пришлось поля отстаивать родныя;

Дошли къ намъ царскія слова,
И стала Русь стѣною трона;
Была то злая оборона:
Дрались за жизнь и за права...
Но загорѣлася Москва, —
И нѣтъ слѣдовъ Наполеона.

Пришла пора: чудясь узрѣли насъ,
И Араратъ, и Тавра великаны;
И близокъ былъ Стамбула смерт-
ный часъ:
Нашъ богатырь шагнулъ черезъ
Балканы.

Знамена развернулъ мятежъ;
Насъ позвалъ ляхъ на пиръ кро-
вавый;
Но пиръ былъ данъ на полѣ
славы,
Гдѣ слѣдъ нашъ памятенъ и
свѣжъ...
И гости пира были тѣ жъ;
И та жъ была судьба Варшавы.

Трудна пора: война и грозный
моръ
Царя и Русь отвсюду осадили;
Народъ въ бѣдѣ ударилъ къ бунту
сборъ;
Мятежники знамена посрамили;

Явился царь: ихъ облилъ страхъ;
Губители оцѣпенѣли.
Но гдѣ жъ онъ самъ, предъ кѣмъ
не смѣли
Они воззрѣть и пали въ прахъ?..
Новорожденный сынъ въ рукахъ!
Его несетъ онъ къ колыбели.

Покойся въ ней, прекрасное дитя,
Хранимое святыней колыбели;
Ты Божій даръ: судьбину укротя,
Въ тебѣ съ небесъ къ намъ ан-
гелы слетѣли.

Подъ грознымъ шумомъ бур-
ныхъ дней
Сномъ непорочности почія,
Намъ времена являй иныя
Святою прелестью своей:
Отецъ твой будетъ честь царей;
Возблагоденствуетъ Россія.

---

18 февраля 1855 года.

А. Майковъ.

Когда межъ насъ являлся Онъ,
Какъ ратникъ вѣчно на походѣ,
Всегда какъ будто удрученъ
Заботой о своемъ народѣ;
Когда свой взоръ Онъ къ намъ склонялъ,
Насквозь имъ душу проницая,
И въ сердцѣ каждаго читалъ,
Или коря, иль одобряя:
Смущался каждый передъ Нимъ.
Въ Немъ подъ наружной простотою
Былъ виденъ мужъ, Своей рукою
Повергшій міръ къ стопамъ Своимъ;
Несокрушимый въ дни невзгоды,
Съ Кѣмъ въ споръ вступая, всей земли
Соединилися народы
И переспорить не могли;
Мужъ Божьей правды вѣчно полный,
Предъ Коимъ замыслы враговъ
Въ пыль сокрушалися какъ волны
У первозданныхъ береговъ...
И что жъ?.. Россіи Самодержецъ,
Который честь ея хранилъ,
А на враговъ, какъ Громовержецъ,
Очами ужасъ наводилъ,
Онъ палъ!.. Онъ палъ... языкъ нѣмѣетъ!
Въ испугѣ вѣрить умъ не смѣетъ!..
Онъ палъ во цвѣтѣ силъ, красы,
Труда не кончивъ начатóва—
И равновѣсья міровова—
Ужель не дрогнули вѣсы?..
Онъ палъ — но палъ какъ жилъ. Мгновенья
Не оробѣлъ предъ смертью Онъ.
Покоренъ волѣ Провидѣнья,
Презрѣвши боль, сдавивши стонъ,
Преемнику бразды правленья
Спокойно, твердою рукой
Одну вручалъ онъ за другой.
Съ послѣднимъ царственнымъ урокомъ,
Съ отчетомъ царство Онъ сдавалъ,
И предъ концомъ отцовскимъ окомъ
Еще Россію обнималъ.
Онъ ей пророчилъ вѣки славы,
Когда дастъ плодъ, что сѣялъ Онъ,
И миромъ вслѣдъ войны кровавой
Край Русскій будетъ обновленъ;
Онъ зналъ, что Тотъ, Кто росъ предъ нами,
Кого съ младенчества сердцами
Привыкли мы благословлять,—
Сынъ, обливающій слезами
Его походную кровать,
Что онъ Россіи не уронитъ,
И, какъ отецъ, передъ врагомъ
Главы вѣнчанной не преклонитъ,
И твердъ пойдетъ Его путемъ.
Онъ зналъ, что Русь, усердьемъ въ вѣрѣ
Единодушно съ Нимъ горя,
Ожесточенная потерей
Несокрушимаго царя,
Къ Его возлюбленному Сыну
Съ сугубымъ рвеніемъ примкнетъ

И, съ Нимъ питая скорбь едину,
Въ ней силы новыя найдетъ.
Ты правъ, о, Труженикъ Великій!
Съ рыданьемъ нашимъ надъ Тобой
Звучатъ воинственные клики.
Да слышитъ врагъ земли родной—
Подъ похоронныя молитвы,
Гремя мечами, мы зовемъ:
„Царь! Повели: мы жаждемъ битвы
Подъ Александровымъ орломъ!"

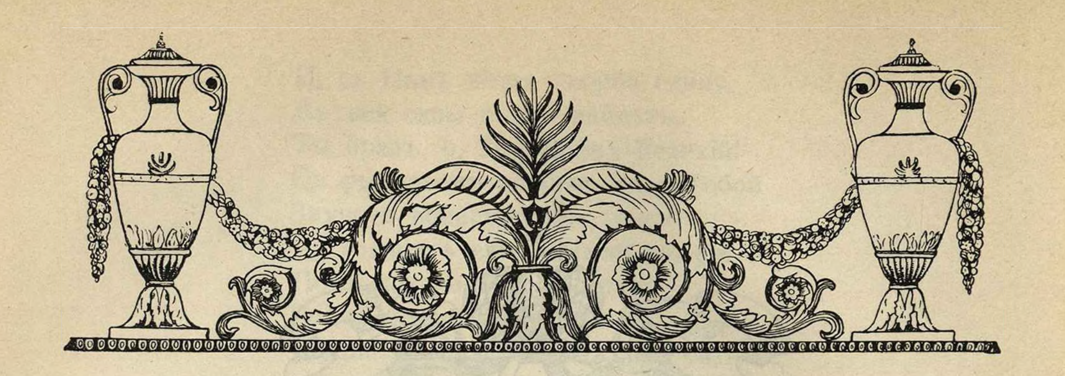

Императоръ Николай I благословляетъ сына на царство.

1818—1855—1881.

Александръ II.

Императору Александру II.

Ѳ. Тютчевъ.

Царь благодушный, Царь съ евангельской душою,
Съ любовью къ ближнему святою,
Принять, державный, удостой
Гимнъ благодарности простой!
Ты, обнимающій любовію своей
Не сотни, тысячи людей,
Ты днесь воскрыльями ея
Благоволилъ покрыть и бѣднаго меня,
Не заявившаго ничѣмъ себя
И не имѣвшаго на Царское вниманье
Другого права, какъ свое страданье!..
Вниманьемъ благостнымъ своимъ
Меня призрѣть ты удостоилъ
И духъ мой ободрилъ и успокоилъ...
О, будь же, Царь, прославленъ и хвалимъ,
Но не какъ царь, а какъ намѣстникъ Бога,
Склоняющаго слухъ
Не только къ свѣтлымъ легіонамъ
Избранниковъ своихъ, небесныхъ слугъ,
Но и къ отдѣльнымъ, одинокимъ стонамъ
Существъ, затерянныхъ на сей землѣ,
И внемлющаго ихъ молитвенной хвалѣ;
Чего же, Царь, тебѣ мы пожелаемъ?
Торжествъ ли громкихъ и побѣдъ?
Отъ нихъ тебѣ большой отрады нѣтъ!
Мы лучшаго тебѣ желаемъ,

А именно: чтобы по мѣрѣ той,
Какъ призванъ Волей ты Святой
Здѣсь дѣйствовать, въ печальной сей юдолѣ,
Ты сознаваемъ былъ все болѣе и болѣ
Такимъ, каковъ Ты есть,
Какъ другъ добра нелицемѣрный...
Вотъ образъ твой и правильный и вѣрный,
Вотъ слава лучшая для насъ и честь.

Его Императорскому Высочеству, Государю Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу въ день Его тезоименитства.

И. Козловъ.

Надежда русскаго народа,
Звѣзда полночныя страны,
Потомокъ доблестнаго рода,
Предъ чьей державой свершены
Дѣянья славы!—Въ день священный,
Въ сей день ихъ памяти святой,
Нашъ Невскій, Нашъ Благословенный
Блестятъ, Наслѣдникъ, предъ Тобой.
И съ торжествомъ возникло пѣнье,
Стремится вѣра въ свѣтлый храмъ,
Царя и Русскихъ умиленье
Возноситъ Ангелъ къ небесамъ.
Предсталъ владѣтель полуміра,
Кипитъ блистающая рать,
Гранитъ готовъ въ сѣни эѳира
Вѣка, народы удивлять.
И громъ на сушѣ раздается,
И громъ бросаютъ корабли,
Пылаетъ кровь и сердце бьется
На славу, въ честь родной земли.

И въ ихъ надзвѣздной горней сѣни
Земную родину любя,—
Взгляни! — двухъ Александровъ тѣни
Съ небесъ взираютъ на Тебя.
Владѣя подданныхъ сердцами,
Какъ благодать ихъ жизнь цвѣла:
Да будутъ вѣчно образцами
Двухъ предковъ славныя дѣла
Тебѣ! Имъ вслѣдъ стремиться должно,—
И вслѣдъ Державнаго Отца
Умножь еще, когда возможно,
Сіянье Русскаго вѣнца.
Одинъ — вождемъ на бранномъ полѣ,
Въ ордѣ народныхъ правъ щитомъ,
Великъ въ бояхъ и въ мирной долѣ,
Смирялся духомъ предъ крестомъ;
Онъ былъ противниковъ грозою,
На свѣтлыхъ Невскихъ берегахъ

Вѣнчался славою земною—
Нетлѣнной славой въ небесахъ.

Другой—какъ ангелъ утѣшенья,
На радость взору и сердцамъ,
Былъ посланъ небомъ на спасенье
Землѣ родной, чужимъ странамъ;
Не устрашенъ пришельцевъ тьмою,
Спасая край родимый свой,
Онъ спасъ высокою душою
Законы истины святой.

Предъ нимъ палъ вождь непобѣдимый,
Парижъ надменный сверженъ впрахъ,—
И нашъ орелъ неотразимый
Ужъ вѣетъ на его стѣнахъ;
Вступилъ—враждебному народу
Блаженство съ миромъ возвратилъ,
И угнетенныхъ царствъ свободу
Пожаръ московскій озарилъ.

Но, преселясь, по царствѣ славномъ,
Отъ насъ въ удѣлъ безсмертный свой,
Онъ ожилъ въ братѣ намъ Державномъ
И въ той красѣ и съ той душой.
И духъ вождя и гражданина
Сіяетъ намъ въ Царѣ младомъ,
И жаръ священный семьянина
Подъ свѣтлымъ благостью вѣнцомъ.

Война вдругъ праведно пылаетъ,
И новый край Россіи данъ,
И дерзкій блескъ луна теряетъ,
И перейденъ уже Балканъ,
И предъ Стамбуломъ Онъ явился,
Какъ Божій гнѣвъ, съ огнемъ, мечемъ;
Но, милосердъ, остановился
И удержалъ въ десницѣ громъ.

О! славенъ тотъ, кто въ ратномъ полѣ,
Мечемъ побѣдъ войну пресѣкъ, —
Но тотъ славнѣй, кто на престолѣ
И мудрый Царь, и человѣкъ,
Кто льетъ щедротой дни златые,
И въ сердцѣ кто хранить возмогъ
Тѣ добродѣтели святыя,
Которыхъ образомъ самъ Богъ!

И я, колѣна преклоняя,
Я чувства родины дѣлю,
За вѣнценосца Николая
Всѣхъ благъ Подателя молю;
И за Царицу, нашу радость,
Любовь Его безцѣнныхъ дней,
И за Твою святую младость—
Весны и радуги яснѣй.

И сердце Русское трепещетъ,
Народной славою кипитъ,—
Она, какъ солнце, всюду блещетъ,
Вездѣ и всѣмъ благотворитъ.
Творецъ всего, услышь моленье!
Храни и Царство, и Царя,
Надеждамъ дай благословенье.
О! съ нами Богъ!.. ура, ура!..

На проѣздъ Наслѣдника Престола, Цесаревича Александра Николаевича, въ 1837 году.

Кн. А. Одоевскій.

На западѣ подъемлется заря,
Навстрѣчу ей кипитъ народъ могучій,
И шлетъ привѣтъ Наслѣднику Царя,
Сливая гулъ изъ всѣхъ любви созвучій.
И вздрогнула отъ радости святой
Вся русская земля, заколебалась:
„Къ намъ будетъ гость державный, нашъ родной!“
И мыслью той, какъ солнцемъ обновлялась:
„Думъ царственныхъ отеческую цѣпь
Исполни, гость, слей душу ты съ полсвѣтомъ!“
Вступилъ онъ въ путь и Руси колыбель
Онъ первую почтилъ своимъ привѣтомъ.
Самъ Рюрикъ князь, съ дружиной удалой,
На Новгородъ изъ свѣтозарной тучи
Глядитъ и пьетъ изъ чаши круговой
Янтарный медъ, какъ радость, ихъ шипучій.
А тамъ, нося святыню честныхъ ранъ,
Монгольскихъ мукъ нетлѣнное преданье,
Князь Михаилъ съ небесъ склоняетъ станъ,
Своей Твери онъ слышитъ ликованье!
„Нежданный здѣсь“; у всѣхъ забилась грудь,
И Тверь его съ любовью угостила,
И вся, какъ взоръ одинъ, слѣдила путь,
Гдѣ встрѣтитъ гость иного Михаила;
Витая надъ обителью святой,
Гдѣ Русь нашла единство и спасенье,
Онъ съ неба шлетъ невидимой рукой
Напутное тебѣ благословенье.
Онъ предокъ твой, Петра высокій дѣдъ,
Кѣмъ лже-царей оконченъ пиръ кровавый.
Родникъ всѣхъ дѣлъ высокихъ, всѣхъ побѣдъ,
И первый лучъ неугасимой славы.
Взгляни: волной смѣняется волна,
Тѣсна для нихъ широкая дорога;
Спѣшатъ къ тебѣ всей Руси племена
Твой встрѣтить взоръ и громко славятъ Бога,

Что градъ, что весь, что здравый русскій умъ;
Плоды труда и русское приволье,
Для чувствъ добра, для благотворныхъ думъ—
Вездѣ Царю роскошное раздолье.
И гдѣ предѣлъ? Тамъ—гранью Араратъ,
Тутъ—вѣчныхъ льдовъ полярныя громады,
И та же мысль все движетъ: всѣ горятъ,
Ждутъ на всю жизнь одной себѣ отрады.
Но здѣсь—чья тѣнь? Кто въ думу погруженъ?
Надъ Иртышомъ стоитъ Ермакъ печальный.
Все скорбь одна его тревожитъ сонъ,
Опальный сонъ: обрѣлъ онъ край опальный.
Вѣка идутъ, о берегъ бьется валъ,
И каждый валъ приноситъ плачъ изгнанья,
Не край, а міръ Ермакъ завоевалъ.
Но той земли страшатся и названья.
Взирай: крутитъ Иртышъ; до крайнихъ странъ
Промчалась вѣсть, за нею ликованій
Несется громъ, и льдяный Океанъ
Заискрился отъ радужныхъ сіяній.
Слилась Сибирь въ гимнъ радости; сердца
Въ ея сынахъ забились русской кровью,
Боготворя отечества отца—
Къ тебѣ они исполнены любовью.
Сибирь стрясла двухвѣковой укоръ,
И, вся восторгъ—къ стопамъ твоимъ припала.
Какъ сладостенъ ей первый царскій взоръ!
Твой взоръ блеснулъ, и рушилась опала.
Минула ночь: отъ солнца тьма бѣжитъ;
Теперь Сибирь не та же ли Россія?
Ужъ гостя нѣтъ! но вся еще дрожитъ,
Храня о немъ преданія святыя.
Ужъ гостя нѣтъ! Куда жъ далекій путь
Лежитъ Царя возлюбленному сыну?
Туда, гдѣ Русь ему откроетъ грудь
И крѣпкій дубъ окажетъ сердцевину,
Приволжіе—горнило русскихъ силъ,
Гдѣ Нижній-Новгородъ пиръ готовитъ царскій,
И гдѣ четой хранительныхъ свѣтилъ
Намъ свѣтятъ Мининъ и Пожарскій.
А тамъ, какъ Римъ, разлегшись на холмахъ,
Взнося тьмы главъ, святыни украшенье,
Москва хранитъ ихъ памятникъ въ стѣнахъ,
Какъ вѣчное потомства вдохновенье.

Спасенья градъ, гдѣ врагъ великій палъ,
Чья длань грозой побѣдною владѣла;
Святой костеръ, гдѣ гибли Ляхъ и Галлъ
И дважды Русь какъ фениксъ возъюнѣла,
Москва! Москва! Въ чьемъ русскомъ сердцѣ нѣтъ
Отзывныхъ чувствъ на кликъ сей величавый?
Она блеститъ и славой древнихъ лѣтъ,
И твоего рожденья юной славой;
Свой первый взоръ ты кинулъ на Москву,
Твой первый звукъ отгрянулъ въ нихъ громами;
Внемли жъ ея восторженному зву
И озари престольную очами,
Всей юностью и красотой
Ея надеждъ небесныхъ исполненьемъ!
Святи жъ и будь намъ радостной судьбой,
Насъ радуй всѣхъ безоблачнымъ воззрѣньемъ.
Но подвигъ твой не конченъ! Не свершонъ
Возвышенный урокъ самодержавья.
Ты слышишь ли печерскій звонъ
Надъ первою купелью православья?
Куда твой путь: во срѣтенье спѣшитъ
Весь Кіевъ градъ веселыми толпами,
И самый Днѣпръ торжественно шумитъ
Подъ мирными обители стѣнами,
Лазурь небесъ раскрылась надъ тобой.
Сплетясь въ вѣнцы, горятъ лучи святые,
И райскою сіяютъ въ нихъ красой
Россіи всей хранители святые;
Ко Господу возносятся хвалой,
Апостолъ-князь и всѣ свѣтила вѣры,
И вторятъ имъ изъ глубины земной
Угодниковъ священныя пещеры:
„Отъ Бога—власть и въ Господѣ предѣлъ
Путей земныхъ и всѣхъ благихъ дѣяній!“
Конецъ пути въ святынѣ ты обрѣлъ,
Исполнивъ цѣль высокихъ назиданій.
Ждетъ гостя царь: крылатыхъ сто полковъ
Привѣтствуетъ ихъ сладкое свиданье;
И приметъ сынъ награду всѣхъ трудовъ,
Родителей державныхъ цѣлованье.
Въ тотъ самый мигъ склоня колѣна впрахъ,
Взнесетъ царю чело свое Россія;
Признательность блеститъ въ ея очахъ,
Уста дрожатъ отъ радости нѣмыя;

И свѣжихъ чувствъ всей юностью горитъ,
Могучимъ вся восторгомъ пламенѣетъ
И за тебя его благодаритъ:
Мужаясь въ немъ, она въ тебѣ юнѣетъ,
Благодаритъ за свѣтъ твоихъ очей,
Царя отца и кроткую царицу,
Прозрѣвъ въ тебѣ безсмертный цвѣтъ царей
И будущихъ судебъ своихъ денницу.

На прiѣздъ въ Сибирь Наслѣдника Цесаревича.

Кн. А. Одоевскiй.

Солнце новое встаетъ
Надъ Сибирью хладной
И на темный сѣверъ льетъ
Жизни лучъ отрадной.
Бьются радостно сердца:
Первенецъ Царя-Отца
Въ край грядетъ обширный—
Поглядѣть на свой народъ,
На потомковъ мощныхъ ордъ,
Свыкшихъ съ жизнью мирной.

Воспряни́ жъ, Сибирскiй край!
Полный умиленья,
Громко къ небу возсылай
Теплыя моленья!
Бережетъ тебя судьба,
Помнитъ Царь вдали тебя—
И, красу престола,
Молодого сына шлетъ
Осчастливить свой народъ
На брегахъ Тобола.

---

26 августа 1856 года.

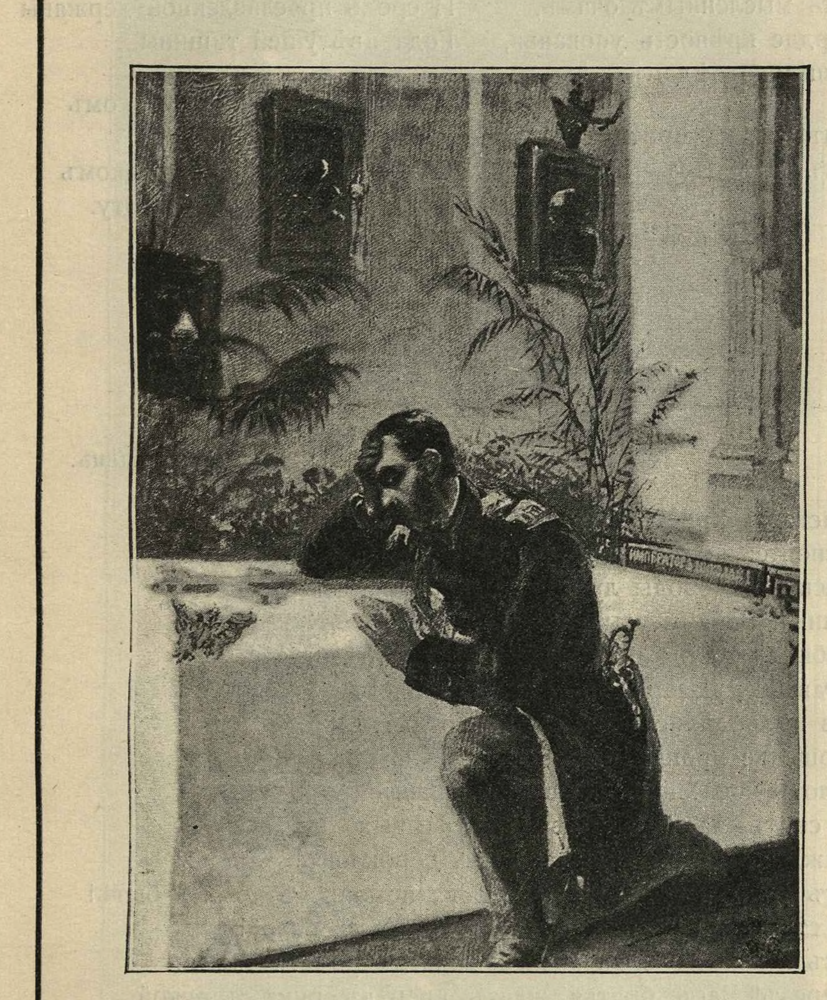
А. Хомяковъ.

Народомъ полонъ Кремль великiй,
Народомъ движется Москва,
И слышны радостные клики,
И звонъ, и громы торжества.

Нашъ Царь въ стѣнахъ издревле славныхъ,
Среди ликующихъ сердецъ,
Прiялъ вѣнецъ отцовъ державныхъ,—
Царя-избранника вѣнецъ.

Ему Господь родного края
Вручилъ грядущую судьбу,
И Русь, его благословляя,
Вооружаетъ на борьбу.

Его елеемъ помазуетъ
Она святыхъ своихъ молитвъ,
Да силу Богъ ему даруетъ
Для жизненныхъ, для царскихъ битвъ!

У гроба родителя.

И преклоненны у подножья
Молитвеннаго алтаря,
Мы вѣримъ: будетъ милость Божья
На православнаго Царя!

И дастъ Всевышнiй даръ познанья
И ясность мысленнымъ очамъ,
И въ сердце крѣпость упованья,
Несокрушимую бѣдамъ.

И вѣримъ мы, и вѣрить будемъ,
Что дастъ Онъ даръ—вѣнецъ дарамъ,—
Даръ братолюбья къ братьямъ-людямъ,
Любовь отца къ своимъ сынамъ.

И дастъ года Онъ яркой славы,
Побѣду въ подвигахъ войны,
И средь прославленной державы
Года цвѣтущей тишины...

А ты въ смиренiи глубокомъ
Вѣнца прiявшiй тяготу,
О, охраняй неспящимъ окомъ
Души безсмертной красоту.

---

* * *

В. Розенгеймъ.

Христосъ, Христосъ воскресъ! Воистину воскресъ!
Воспойте: живъ Господь, и слава въ вышнихъ Богу!
Блеснулъ свободы лучъ и намъ съ родныхъ небесъ,
Осанна! Вайями усыплете дорогу.
Разбита рабства цѣпь. Вставайте, мертвецы!
Вставайте, Лазари, изъ гроба вѣкового,
Гдѣ вы родилися, гдѣ отжили отцы:
Прощенье прошлому! Забвенiе былого!
Оплотъ коснѣнiя и порчи сокрушенъ:
На свѣтъ, на Божiй свѣтъ скорѣе выходите,
Граждане новые, привѣтъ вамъ и поклонъ!
Богъ помочь, братья, вамъ! Богъ помочь въ новомъ бытѣ!
Не стойте... Прочь скорѣй отъ двери гробовой!
Васъ жизнь къ себѣ зоветъ, живымъ работы много.
Впередъ! Васъ, братья, ждутъ, впередъ, рука съ рукой,
Теперь вамъ всѣмъ одно, всѣмъ общая дорога.
Вы, чуждые досель, сыны одной семьи
Средь рабства явнаго и тайнаго проклятья...
Вглядитесь, наконецъ, другъ въ друга, вы—свои,
Одной неволей лишь разрозненные братья.
Но рабство сломано; давайте руки намъ,
Давайте и пойдемъ, пойдемъ; насъ ждетъ работа.
И радость и печаль—все вмѣстѣ, пополамъ,

Императоръ Александръ II на Сенатской площади. (Съ карт. Лебедева).

Про дѣло земское всѣмъ общая забота.
Пойдемъ: свободы лучъ блеснулъ съ родныхъ небесъ,
Побѣду довершилъ при кликахъ всенародныхъ:
Христосъ, Христосъ воскресъ! Воистину воскресъ!
И стала наша Русь землей людей свободныхъ!
Христосъ, Христосъ воскресъ! Хвала и честь Тому,
Тому, кто, какъ пророкъ, евреямъ Богомъ данный,
Воздвигнулъ свой народъ отъ рабства и ему
Открылъ широкій путь къ землѣ обѣтованной!

Смотръ.

В. Гаршинъ.

Мы шли все рядомъ съ желѣзной дорогой; поѣзды, наполненные людьми, лошадьми и припасами, постоянно обгоняли насъ. Солдаты съ завистью смотрѣли на проносившіеся мимо насъ товарные вагоны, изъ открытыхъ дверей которыхъ выглядывали лошадиныя морды.

— Ишь ты, лошадямъ честь какая; а мы иди!

— Лошадь глупа, она съ тѣла спадетъ,— резонерствовалъ на это Василій Карпычъ.—А ты на что человѣкъ есть, чтобы себя соблюсти, какъ слѣдоваетъ.

Однажды на привалѣ къ начальству прискакалъ казакъ съ важнымъ извѣстіемъ. Насъ подняли и выстроили безъ ранцевъ и безъ оружія, въ однѣхъ бѣлыхъ рубашкахъ. Никто не зналъ, зачѣмъ это дѣлается. Офицеры осмотрѣли людей; Венцель по обыкновенію кричалъ и ругался, дергая за дурно надѣтые кушаки и съ пинками приказывая оправить рубахи. Погомъ насъ повели къ полотну желѣзной дороги; послѣ довольно долгихъ построеній полкъ вытянулся въ двѣ шеренги вдоль пути. На версту протянулась бѣлая линія рубахъ.

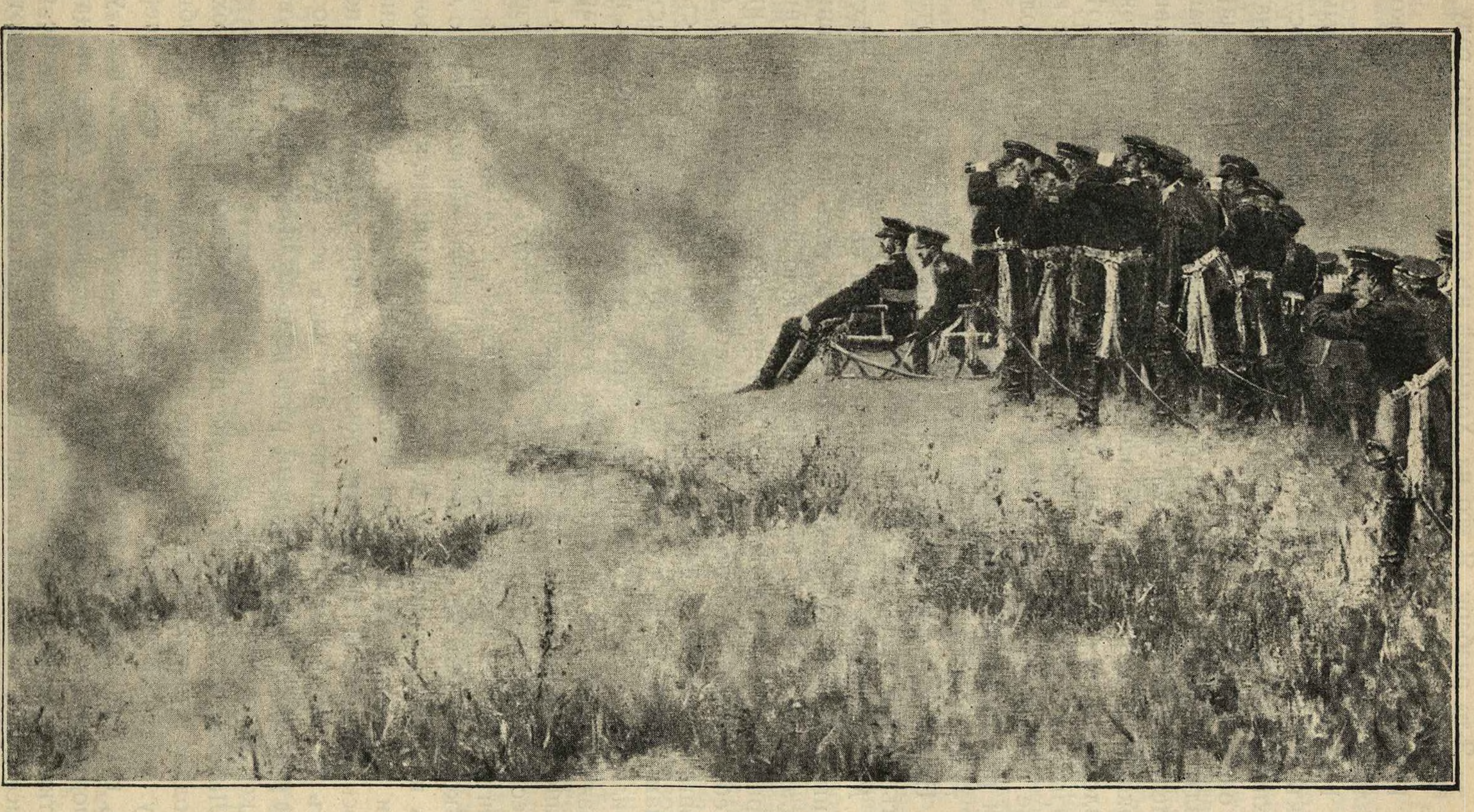
— Ребята!—закричалъ майоръ.—Государь Императоръ проѣдетъ!

И мы начали ждать государя. Наша дивизія была довольно глухая, стоявшая вдали и отъ Петербурга и отъ Москвы. Изъ солдатъ развѣ только одна десятая часть видѣла Царя, и всѣ ждали царскаго поѣзда съ нетерпѣніемъ. Прошло полчаса; поѣздъ не шелъ; людямъ позволили присѣсть. Начались разсказы и разговоры.

— Остановится?—спросилъ кто-то.

— Держи карманъ! Для каждаго полка останавливаться! Поглядитъ на насъ изъ окошечка—и то ладно.

— И не разберемъ, братцы, который; генераловъ-то съ нимъ много ѣдетъ.

Подъ Плевной.

— Я-то разберу. Я его на Ходынкѣ въ позапрошломъ году вотъ какъ видѣлъ.

И солдатъ протянулъ руку, чтобы показать, какъ близко онъ видѣлъ государя.

Наконецъ, послѣ двухчасового ожиданія, вдали показался дымокъ. Полкъ всталъ и выровнялся. Сначала прошелъ поѣздъ съ прислугою и кухнею. Повара и поваренки въ бѣлыхъ колпакахъ выглядывали на насъ изъ оконъ и чему-то смѣялись. Саженяхъ въ двухстахъ шелъ царскій поѣздъ; машинистъ, видя выстроившійся полкъ, убавилъ хода, и вагоны, медленно громыхая, проходили передъ глазами, жадно смотрѣвшими на окна. Но всѣ они были завѣшены; казакъ и офицеръ, стоявшіе на площадкѣ задняго вагона, были единственные люди на поѣздѣ, которыхъ мы увидѣли. Мы посмотрѣли на уходившій быстрѣе и быстрѣе поѣздъ, постояли еще минуты три и пошли на бивуакъ. Солдаты были разочарованы и выражали огорченіе.

— Въ кои-то вѣки теперь его увидимъ!

Но мы увидѣли его скоро. Передъ Плоэшти намъ сказали, что въ этомъ городѣ насъ будетъ смотрѣть государь.

Мы проходили передъ нимъ, какъ были съ похода, въ тѣхъ же грязныхъ бѣлыхъ рубахахъ и штанахъ, въ тѣхъ же побурѣвшихъ и запыленныхъ сапогахъ, съ тѣми же безобразно навьюченными ранцами, сухарными сумками и бутылками на веревочкахъ. Солдатъ не имѣлъ въ себѣ ничего щегольского, молодецкаго и геройскаго; каждый былъ больше похожъ на простого мужика; только ружье да сумки съ патронами показывали, что этотъ мужикъ собрался на войну. Насъ построили въ узкую колонну, по четыре человѣка въ шеренгѣ: иначе нельзя было итти по узкимъ улицамъ города. Я шелъ съ боку, старался больше всего не сбиться съ ноги, держать равненіе, и думалъ о томъ, что если государь со своей свитой будетъ стоять съ моей стороны, то мнѣ придется пройти передъ его глазами, и очень близко отъ него. Только взглянувъ на шедшаго рядомъ со мною Житкова, на его лицо, какъ и всегда, суровое и мрачное, но взволнованное, я почувствовалъ, что и мнѣ передается часть общаго волненія, что сердце у меня забилось сильнѣе. И мнѣ вдругъ показалось, что отъ того, какъ посмотритъ на насъ государь, зависитъ для насъ все. Когда мнѣ впослѣдствіи пришлось итти въ первый разъ подъ пули, я испыталъ чувство, близкое къ этому.

Люди шли быстрѣе и быстрѣе, шагъ становился больше, походка свободнѣе и тверже. Мнѣ не нужно было приноравливаться къ общему такту: усталость прошла. Точно крылья выросли и несли впередъ туда, гдѣ уже гремѣла музыка и раздавалось оглушительное „ура!", Не помню улицъ, по которымъ мы шли, не помню, былъ ли народъ на этихъ улицахъ, смотрѣлъ ли на насъ; помню только волненіе, охватившее душу, вмѣстѣ съ сознаніемъ страшной силы массы, къ которой

принадлежалъ и которая увлекала тебя. Чувствовалось, что для этой массы нѣтъ ничего невозможнаго, что потокъ, съ которымъ вмѣстѣ я стремился и котораго часть я составлялъ, не можетъ знать препятствій, что онъ все сломитъ, все исковеркаетъ и все уничтожитъ. И всякій думалъ, что тотъ, передъ которымъ проносился этотъ потокъ, можетъ однимъ словомъ, однимъ движеніемъ руки измѣнить его направленіе, вернуть назадъ или снова бросить на страшныя преграды, и всякій хотѣлъ найти въ словѣ этого одного и въ движеніи его руки невѣдомое, что вело насъ на смерть: „Ты ведешь насъ, — думалъ каждый, — тебѣ мы отдаемъ свою жизнь; смотри на насъ и будь покоенъ: мы готовы умереть“.

И онъ зналъ, что мы готовы умереть. Онъ видѣлъ страшные, твердые въ своемъ стремленіи ряды людей, почти бѣгомъ проходившихъ передъ нимъ, — людей своей бѣдной страны, бѣдно одѣтыхъ, грубыхъ солдатъ. Онъ чуялъ, что всѣ они шли на смерть, спокойные и свободные отъ отвѣтственности. Онъ сидѣлъ на сѣромъ конѣ, неподвижно стоявшемъ и насторожившемъ уши на музыку и бѣшеные крики восторга. Вокругъ была пышная свита; но я не помню никого изъ этого блистательнаго отряда всадниковъ, кромѣ одного человѣка на сѣромъ конѣ, въ простомъ мундирѣ и бѣлой фуражкѣ. Я помню блѣдное, истомленное лицо, — истомленное сознаніемъ тяжести взятаго рѣшенія. Я помню, какъ по его лицу градомъ катились слезы, падавшія на темное сукно мундира свѣтлыми, блестящими каплями; помню судорожное движеніе руки, державшей поводъ, и дрожащія губы, говорившія что-то, должно-быть, привѣтствіе тысячамъ молодыхъ и погибающихъ жизней, о которыхъ онъ плакалъ. Все это явилось и исчезло, какъ освѣщенное на мгновеніе молніей, когда я, задыхаясь не отъ бѣга, а отъ нечеловѣческаго, яростнаго восторга, пробѣжалъ мимо него, поднявъ высоко винтовку одной рукой, а другой—махая надъ головой шапкой и крича оглушительное, но отъ общаго вопля неслышное самому мнѣ „ура!“

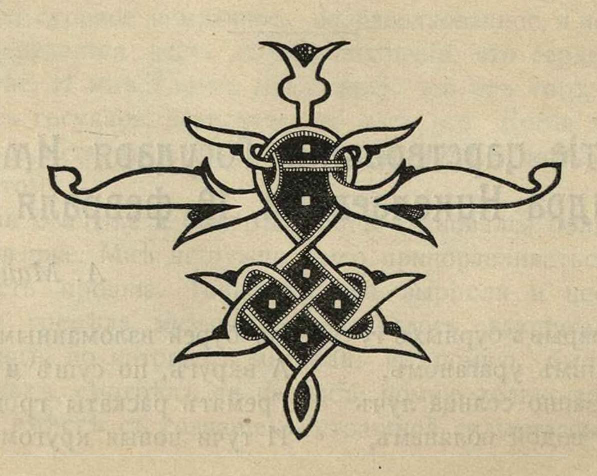

На 25-лѣтіе царствованія Государя Императора Александра Николаевича, 19 февраля 1880 г.

А. Майковъ.

Когда въ разрывѣ бурныхъ тучъ,
За пролетѣвшимъ ураганомъ,
Блеснетъ внезапно солнца лучъ
По залитымъ водой полянамъ,
По бурей взломаннымъ лѣсамъ, —
А вкругъ, по сушѣ и морямъ,
Гремятъ раскаты громовые,
И тучи новыя кругомъ, —

Такой явилася Россія
Передъ молодымъ своимъ Царемъ—
И Онъ, еще сжимая руку
Похолодѣвшую отца,
Взглянулъ кругомъ—какую муку
Тутъ испыталъ Онъ... безъ конца
Казались бѣды и напасти,
Но въ Бога и народъ Свой Онъ
Великой вѣрой укрѣпленъ
Покорно принялъ бремя власти...
И двадцать пять минуло лѣтъ—
Надъ Русью новый свѣтитъ свѣтъ,
А съ затаенными громами
Все тѣ же тучи, тьмы за тьмами,
Обволокли со всѣхъ сторонъ—
Нашъ прояснѣвшій небосклонъ.
И не пойметъ нашъ взоръ смущенный,
Чѣмъ наша Русь для нихъ страшна?
Мы сила въ мірѣ—насъ мильоны—
Но эта сила—въ чемъ она?
Смотрите: вотъ алтарь походный;
Царь передъ нимъ; полки кругомъ,
И нѣтъ конца толпѣ народной.
И мигъ!—предъ поднятымъ крестомъ
Священный шелестъ пробѣгаетъ,
Склонились долу знамена,
И Царь колѣно преклоняетъ
И все за нимъ—бѣжитъ волна
Во все людское это море!..
Одна молитва въ каждомъ взорѣ,
Одна у всѣхъ звучитъ струна,
Одно роднитъ всѣхъ умиленье,
Одинъ у всѣхъ источникъ слезъ,
Одинъ въ сердцахъ у всѣхъ—смиренья
Примѣръ подавшій намъ Христосъ!
Мы сильны—лишь боряся съ ложью,
Въ дѣяньи чуя правду Божью,
Христа миротворящій духъ.
И полонъ имъ, Царь молвитъ слово:
„Да разрѣшатся узы!“—вдругъ
Спадаютъ узы. Молвитъ снова:
„Тамъ страждетъ братъ нашъ о Христѣ...“
И Русь идетъ, и какъ вожатый
Ей все предносится Распятый,
Насъ искупившій на крестѣ.
Ты, Государь, съ Твоимъ народомъ
Одна душа! Господь, продли
Твой вѣкъ земной, да съ каждымъ годомъ
Крѣпчаетъ мощь родной земли!
Да просвѣтляется въ сознаньи
И въ заблудившихся умахъ
То, что святится какъ преданье,
Какъ долгъ, какъ Божье указанье
По всей Руси, во всѣхъ сердцахъ.

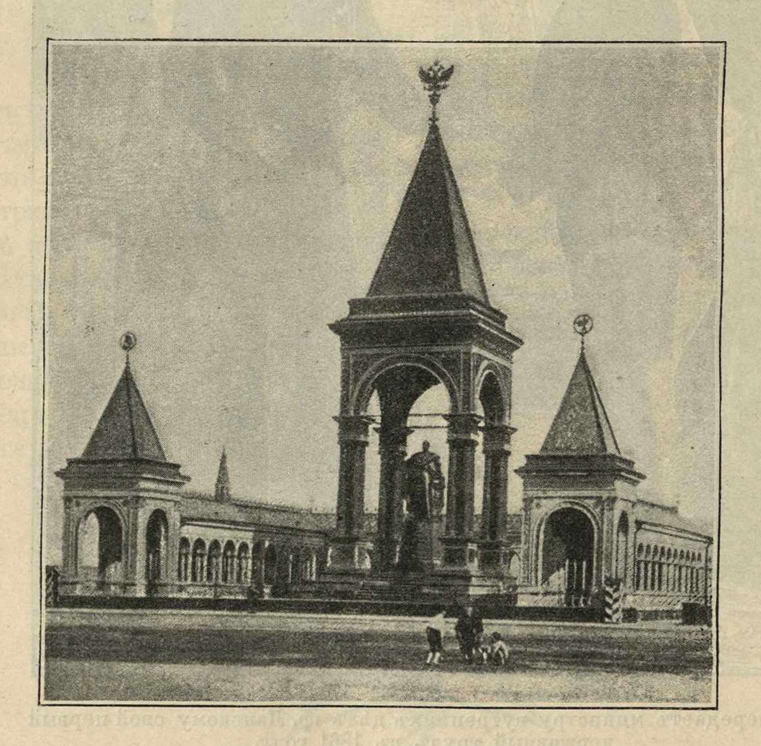

Царь передаетъ министру вутреннихъ дѣлъ гр. Ланскому свой первый державный трудъ въ 1861 году.

Императору Александру II.

Ѳ. Тютчевъ.

Ты взялъ свой день... Замѣченный отъ вѣка
Великою Го подней благодатью,—
Онъ рабскій образъ сдвинулъ съ человѣка
И возвратилъ семьѣ меньшую братью...

Памятникъ Императору Александру II въ Москвѣ.

1845 — 1881 — 1894.

Александръ III.

Къ портрету Государя Императора Александра Александровича.

А. Майковъ.

Въ томъ Царская Его заслуга предъ Россіей,
Что, Царь Онъ, вѣрилъ Самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская земля;
Ихъ громко высказалъ; и какъ съ высотъ Кремля
Ивановъ колоколъ ударилъ, и въ мгновенье
Всѣ сорокъ сороковъ въ Христово Воскресенье
О свѣтломъ праздникѣ по Руси возвѣстятъ,
Такъ слово Царское, летя изъ града въ градъ,
Откликнулось вездѣ народныхъ силъ подъемомъ,
И какъ, живительнымъ весеннимъ первымъ громомъ,
Вдругъ къ жизни призваны, очнутся долъ и лѣсъ,
Воскресла духомъ Русь, сомнѣній мракъ исчезъ;
И то, что было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованой броней, закрѣплено сознаньемъ.

Въ день вѣнчанія на Царство Его Императорскаго Величества, Государя Императора Александра Александровича.

А. Майковъ.

Радугой встрѣченъ при въѣздѣ въ Москву...
Солнцемъ внезапно, къ народу въ вѣнцѣ выходя, осіянъ...
Голубь, влетѣвшій въ окошко въ соборъ,
Плавно надъ Н и м ъ, на престолѣ стоящимъ, кружитъ...
Склоненъ нашъ умъ видѣть знаменье свыше во всемъ:
Радуга—гнѣву ль Господню конецъ?
Солнце—Божественный свѣтъ озаряющій путь?
Голубь—Святого и Животворящаго духа покровъ?
Это ль преддверье грядущаго вѣка для насъ?

Императоръ Александръ III среди волостныхъ старшинъ въ 1883 году въ Москвѣ.

Кантата, исполнявшаяся на парадномъ обѣдѣ въ день вѣнчанія на Царство Е. И. В., Государя Императора Александра Александровича.

А. Майковъ.

Съ мала ключика студе́на потекла рѣка;
Съ невелика зачиналась каменна Москва,
Наѣзжали тутъ князья тѣшиться,
По темнымъ лѣсамъ кабана ловить,
Въ тихихъ заводяхъ лебедей стрѣлять.

Гой, не туча въ синемъ небѣ разстилается:
Злы татары валъ за валомъ по Руси валятъ...
Не видать въ дыму красна солнышка,
Стономъ стонъ стоитъ по лицу земли,
Гдѣ не бьютъ людей, гонятъ полоны...

Полонянннички идутъ, другъ друга спрашиваютъ:
„Изъ которой веси ты, какого города?“—
„Я изъ Кіева—изъ Чернигова—
Я изъ Суздаля—изъ Владимира—
Ты прости навѣкъ, милъ родимый градъ!“

Ты ли, Господи, въ конецъ на Русь прогнѣвался!
Ни пощады ей не будетъ, ни спасенія?..
Въ людяхъ рознь идетъ, въ князьяхъ которы,
Гдѣ ни глянь кругомъ—темна ночь лежитъ,
Темна ночь лежитъ, непроглядная...

* * *

То не звѣздочка
Засвѣтилася
Въ непроглядной тьмѣ,

То зажглась свѣча
Воску яраго
Въ каменной Москвѣ;

Зажигалъ ее
Тамъ святитель Петръ
Да Московскій князь...

Запримѣтили
Люди русскіе
Сдалека ее;

Ободрилися,
На нее глядятъ,
Богу молятся...

А она горитъ,
Разгорается,
Свѣтитъ всей Руси;

А Московскій князь
Возвышается,
Думу думаетъ...

Думу думаетъ,
Дѣло дѣлаетъ,
Не торопится.

* * *

Часъ ударилъ жданный, радостный!
Колокольный звонъ по всей Руси,
И молебны по церквамъ поютъ!
И по всей землѣ веселіе!
Словно мутны воды вешнія
Золота-Орда растаяла,
Отъ святой Руси отхлынула.
Пронеслися тучи черныя,
Вышло солнце изъ-за черныхъ тучъ:
Засвѣтился имъ Московскій Кремль,
Золотыя церквей маковки,
А въ палатѣ узорочатой
Всѣхъ свѣтлѣй сидитъ и радостнѣй
На престолѣ самъ Московскій князь,
Самодержецъ всея Руси,
А не ханскій уже данничекъ:
Его ноженькой растоптана
Басма ханская тутъ валяется,
И бѣгутъ съ метлою конюхи
Выметать ее на задній дворъ.

* * *

Ужъ какъ изъ лѣса, лѣса темнаго
Богатырь выѣзжалъ въ поле чистое,
Въ полѣ чистое, во великій свѣтъ.
Погулять ему бъ да потѣшиться,
Силой-удалью похвалитися...
Да какъ вышелъ онъ во великій свѣтъ
Увидали его люди Божіи
Ото всей страны, отъ восточныя,
И взмолилися, громко плачутся:
„Одолѣли насъ силы темныя!
Церкви Божьи у насъ всѣ поруганы,
Наши царства всѣ ниспровергнуты,
Царство Сербское и Иверское,
И Болгарское, и великъ-престолъ
Константинова Царя-города!
Ты для всѣхъ теперь для восточныхъ странъ
Что звѣзда взошла Виѳлеемская,
Во своей святой каменной Москвѣ!

Возлюбилъ тебя и избралъ Господь
Повязать тебѣ Константиновъ мечъ
И вѣнчаться вѣнцомъ Мономаховымъ.
Сирыхъ быть тебѣ да защитникомъ,
Поплѣненныхъ быть избавителемъ,
Вѣры правыя быть поборникомъ!
О Москвѣ жъ твоей се пророчество:
„Пали два Рима—третій стоитъ,—
А четвертому не быть“.

* *
*

Мнѣ ли, Господи,
Мнѣ ль по силамъ Ты
Тяжкій крестъ даешь!
Недостоинъ есмь
Твоея любви!
Развѣ Ты мнѣ дашь
Силу крѣпкую...
Умудришь меня
Своей мудростью...
Я какъ вѣрный рабъ
Предаюсь Тебѣ,
И готовъ въ огонь
И во всяку скорбь,
Ибо дорогъ мнѣ
Не земной почетъ,
А Христовъ вѣнецъ.

* *
*

По Руси пошелъ стукъ и громъ большой,
Чтобъ сковать себѣ броню крѣпкую,
Броню крѣпкую—не себѣ одной,
А что есть людей межъ пяти морей,
Чтобы жить имъ всѣмъ за одну семью,
За одну семью, подъ однимъ Вождемъ,
Правды Божеской только ищучи
И за ближняго не жалѣючи
Во спасеніе сложить голову,
Ибо выше нѣтъ какъ сія любовь...
Ради славы той потрудилися
Всѣ Цари ея благовѣрные
И всѣ предки Твои, Царь Возлюбленный,
Днесь на царствіе намъ помазанный,
Добродѣтельми изукрашенный,
Божьей милостью намъ дарованный.

* * *

И гряди жъ въ ихъ путь, православный Царь!
И великимъ твоимъ царскимъ дѣланьемъ
И смиреньемъ твоимъ передъ Господомъ,
О Тебѣ сердца твоихъ подданныхъ
Да возрадуются!
И пройдетъ Твоя далеко во людяхъ
Слава!

* * *

Слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему на сей землѣ—слава!
Государынѣ Супругѣ Его—слава!
Государю Наслѣдничку Его—слава!
Всему Царскому дому Его—слава!
И всему народу Его—слава!
Его вѣрнымъ слугамъ—слава!
Именитымъ гостямъ Его—слава!
Чтобы правда была на Руси
Краше солнца свѣтла—слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу честь воздаемъ—слава!
Старымъ людямъ на утѣшенье,
Добрымъ людямъ на услышенье—слава!
Слава во вѣки вѣковъ—слава!

На событіе 17 октября.

Не намъ—что наше вдохновенье!
Не намъ тутъ говорить, не намъ!
Что значитъ пташки малой пѣнье,
Небеснымъ вторящей громамъ!

Тутъ—ураганы! Тутъ—стихіи!
Тутъ подняты, тутъ взмущены
Сердецъ народныхъ всей Россіи
Заповѣдныя глубины!

Катастрофа 17 октября 1888 г. близъ ст. Борки, Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги.

Великокняжескій вагонъ. Вагонъ Ихъ Величествъ. Вагонъ Наслѣдника Цесаревича.

Катастрофа 17 октября близъ станціи Борки. Вагоны Великокняжескій, Ихъ Величествъ и Наслѣдника Цесаревича.

Предъ ней, предъ всею стомильонной,
Одно изъ Божіихъ чудесъ:
Стремится славой окруженный,
Сонмъ Божьихъ ангеловъ съ небесъ,

И, средь крушенья массъ желѣзныхъ,
Хранитъ Царя, Его семью;
И Самъ Господь съ высотъ надзвѣздныхъ
Простеръ надъ Ними длань Свою...

И зримъ—отъ хладной Полуночи
До Гималая образъ сей,
И упиваются имъ очи,
И слезы льются изъ очей...

Храмъ въ Боркахъ, на мѣстѣ крушенія Императорскаго поѣзда.

У гроба.

С. Фругъ.

Прощальныя свѣчи горятъ;
Подъ своды печальнаго храма,
Священный струя ароматъ,
Восходитъ волна ѳиміама,
И льется уныло надъ гробомъ Царя
Скорбящій, рыдающій стихъ тропаря...
Передъ тайной невѣдомой ночи,
Гдѣ сумракъ, безмолвье и прахъ,
Закрылись орлиныя очи,
Печать на холодныхъ устахъ...
Ты видишь ли скорбь нашу, Царь дорогой?
Ты слышишь ли плачъ надъ могилой родной?
— Ты видишь, Ты слышишь, Ты знаешь!
И, въ стрѣтенье вѣчному дню,
Ты дѣтямъ изъ гроба вѣщаешь
Послѣднюю волю Свою—
Священную волю, Отцовскую волю—
На благо отчизнѣ, на свѣтлую долю.

Дочь моя—любимая,
Русь неодолимая
Для вражды и зла,

Шествуй съ вѣрой строгою
Правою дорогою,
Будь какъ день свѣтла!

Въ подвиги суровая,
Въ смертный бой готовая,
Миръ Ты охраняй,

Сердцемъ упованіемъ,
Чуткій умъ познаніемъ
Бодро укрѣпляй!

Вѣры дочь исконная,
Правдой ополченная,
Правду ты твори,

И съ душой открытою
Про любовь забытую
Міру говори!...

Двѣ побѣды.

С. Фругъ.

I.

Господомъ избранный, встарь
Въ славной землѣ Ханаанской
Умеръ израильскій царь —
Библіи образъ гигантскій.

Громкихъ побѣдъ торжество
Имя Давида вѣнчало;
Грозная сила его
Трепетомъ міръ наполняла.

Всюду—въ палаткѣ бойца,
Въ пышномъ дворцѣ властелина,
Въ сумрачной кельѣ жреца,
Въ мирномъ шатрѣ селянина—

Сыну отецъ говорилъ,
Полонъ восторженнымъ жаромъ:
„Онъ Голіаѳа сразилъ
Въ битвѣ единымъ ударомъ, —

Краю родному грозившій булатъ
Вышибъ изъ длани кровавой.
Славьте, народы, стократъ
Славьте вѣнчаннаго славой!..“

II.

Тридцать столѣтій прошло—
Русь АЛЕКСАНДРА хоронитъ,
Къ милому гробу чело
Въ скорби мучительной клонитъ.

Плачетъ родная страна...
Но въ испытаньи великомъ,
Гордости свѣтлой полна,
Внемлетъ восторженнымъ кли-
камъ:
„Славьте Его, Бога Силъ,
Бога любви паладина! —
Онъ Голіаѳа сразилъ,
Онъ побѣдилъ исполина.

Международной вражды,
Благословляя народы
Вновь на святые труды
Въ царствѣ любви и свободы;

Міру грозившій булатъ
Вышибъ изъ длани кровавой...
Славьте жъ, народы, стократъ
Славьте вѣнчаннаго славой!“

Видѣніе.

Мат—въ.

Безотрадная ночь, какъ темница, мрачна.
Рѣзкій вѣтеръ доносится съ моря,
Крутитъ снѣгъ надъ рѣкою, и ропщетъ волна,
Непогодѣ бушующей вторя;
Разбиваясь у стѣнъ, она глухо шипитъ
И слезой орошаетъ холодный гранитъ.

Изъ рѣки, словно призракъ, грозящій волнамъ,
Поднимается грозно твердыня;
За стѣнами твердыни возносится храмъ;
Въ храмѣ этомъ отчизны святыня...
Гробъ стоитъ золоченый, порфирой покрытъ,
А въ гробу Императоръ усопшій лежитъ.

Миръ блаженный разлитъ на челѣ у Царя,
Озаренномъ улыбкой застывшей...
Правосудья Небесъ, предъ лицомъ алтаря,
Словно ждетъ Миротворецъ почившій...
Ровно свѣчи горятъ, храмъ объятъ тишиной,
Слышно только, какъ плачетъ мятель за стѣной.
У подстѣнья собора и въ мрачныхъ углахъ
Блещетъ мраморный рядъ саркофаговъ,
Императоровъ-предковъ покоится прахъ
Въ нихъ подъ сѣнью воинственныхъ стяговъ.
Въ изголовьяхъ могилъ, словно очи, горятъ
Неподвижныя точки надгробныхъ лампадъ.
Полночь. Звонъ загудѣлъ... Дрогнулъ каменный сводъ,
Мракъ и холодъ ворвались въ обитель...
Исполинскою тѣнью изъ гроба встаетъ
Императоровъ всѣхъ прародитель.
Онъ таинственнымъ взоромъ глубокихъ очей
Будитъ царственный сонмъ вѣнценосныхъ тѣней...

И встаютъ изъ могилы монархи—вожди
И вѣнчанныя лавромъ царицы.
Но не гордость царитъ въ ихъ усталой груди,
И опущены долу рѣсницы...
Подошелъ къ изголовью монарховъ глава
Гостю новому молвитъ такія слова:
„Миръ Тебѣ, Миротворецъ! Блаженъ Твой удѣлъ...
Предъ Тобой преклоняются дѣды...
Не исторгнувъ меча, превзойти Ты сумѣлъ
Незабвенныя наши побѣды!
Не увлекъ Тебя брани кровавый кумиръ,
Въ мірѣ создалъ навѣкъ Ты незыбленный миръ!

Пусть за ратную славу хвалы намъ поютъ,
Наши лавры стяжали мы кровью...
Ты же первый безъ крови приходишь на судъ,
Защищенный всемірной любовью!..“
Замолчалъ онъ и долу главою поникъ,
И за нимъ преклонился сонмъ грозныхъ владыкъ...

День ненастный забрезжилъ надъ хладной рѣкой,
Храмъ унылый стоитъ за стѣнами,
Надъ твердыней разлитъ безотрадный покой,
И лампады мерцаютъ во храмѣ.
Рядъ гробницъ, какъ и прежде, печаленъ и тихъ,
Только новый виднѣется гробъ между нихъ.

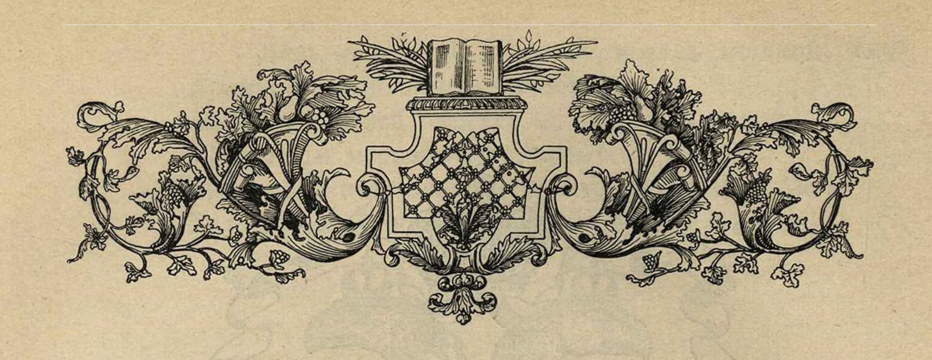

Памятникъ Императору Александру III въ Москвѣ.

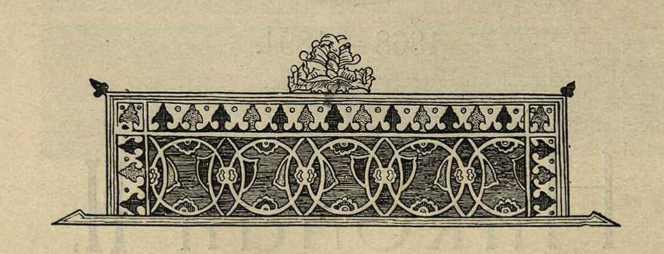
1868 — 1894.

Николай II.

На спасеніе Государя Наслѣдника въ Японіи.

Царственный Юноша, дважды спасенный!
Явленъ двукраты Руси умиленной
Божія Промысла щитъ надъ Тобой!
Вихремъ промчалася вѣсть громовая,
Скрытое пламя въ сердцахъ подымая
Въ общемъ порывѣ къ молитвѣ святой.
Съ этой молитвой—всей Русской землей,
Всѣми сердцами Ты глубже усвоенъ...
Шествуй же въ путь свой и бодръ и спокоенъ,
Чистъ передъ Богомъ и свѣтелъ душой.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ.
Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ.

Примѣчанія.

Многолѣтіе.—*В. Жуковскій.*

Стихотвореніе это названо: „Народная пѣснь“.

Привѣтствіе царю Алексѣю Михайловичу.

Симеонъ Полоцкій.

Это стихотвореніе въ оригиналѣ озаглавлено такъ: „*Привѣтство благочестивѣйшему, тишайшему, самодержавнѣйшему великому государю царю и великому князю Алексію Михайловичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцу, о вселеніи его благополучномъ въ домъ, великіимъ иждивеніемъ, предивною хитростію, пречудною красотою въ селѣ Коломенскомъ новосозданный*“. Построеніе этого дворца было предпринято въ 1666 г., а въ 1671 году онъ былъ уже настолько готовъ, что въ этомъ году царь принималъ въ немъ Польскихъ пословъ; но достраивать и украшать его не переставали и въ слѣдующихъ годахъ. „При Алексѣѣ Михайловичѣ не только Коломенскій, но и всѣ другіе, какъ старые, такъ и вновь имъ построенные, подмосковные дворцы приведены были въ отличное устройство. Царь въ молодыхъ лѣтахъ со страстью увеселялся охотою, по преимуществу соколиною, и почти все лѣто проводилъ въ потѣшныхъ походахъ или поѣздкахъ по окрестностямъ Москвы. Коломенскіе луга представляли изъ всѣхъ подмосковныхъ едва ли не самую выгодную мѣстность въ этомъ отношеніи, особенно въ весеннее время. Царь дѣйствительно очень часто ѣзжалъ въ Коломенское и вскорѣ по вступленіи на царство, въ 1649 году, построилъ тамъ новыя хоромы и новую церковь, которую ставилъ дворцовыхъ плотниковъ староста Смирной Ивановъ. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ поставлены были тамъ еще новыя хоромы, въ 1657 году, можетъ-быть, по случаю приращенія царскаго семейства. Затѣмъ еще черезъ десять лѣтъ государь задумалъ выстроить новый дворецъ, болѣе обширный, со всѣми удобствами, для помѣщенія всего царскаго семейства, въ то время довольно многочисленнаго. Впрочемъ, главная мысль царя при постройкѣ этого дворца состояла, повидимому, въ томъ, чтобы выстроить и украсить новое загородное помѣщеніе съ тѣмъ великолѣпіемъ и роскошью, какія только были доступны времени и могли соотвѣтствовать новымъ вкусамъ и потребностямъ царской жизни. Съ осени 1666 года по царскому указу стали готовить лѣсъ и всякіе строевые запасы въ раменныхъ (т.-е. дремучихъ) лѣсахъ Брынскихъ, по Окѣ, на рѣкахъ Угрѣ и Жиздрѣ. Такимъ способомъ, безъ сомнѣнія, заготовлялись строительные матеріалы и для всѣхъ другихъ, болѣе или менѣе значительныхъ государственныхъ построекъ съ самаго древняго времени. Въ раменныхъ, глухихъ лѣсахъ Брынскихъ, Муромскихъ, Рязанскихъ и друг., по указанію плотничныхъ старостъ, заранѣе выбирали лучшія деревья, пилили ихъ и изготовляли къ зимней отправкѣ на мѣсто. Зимою въ томъ же году главные запасы были доставлены въ Коломенское, и затѣмъ постоянно оттуда же доставлялись до окончанія постройки. Въ началѣ

мая освящена была закладка дворца... Къ осени дворецъ былъ выстроенъ вчернѣ. Строителями были плотничный староста Сенька Петровъ и стрѣлецъ плотникъ Ивашка Михайловъ. Между тѣмъ изготовляли запасы и собирались мастера для столярныхъ и рѣзныхъ работъ, которыми дворецъ былъ украшенъ съ небывалою роскошью. Во всю зиму 1667—1668 г. столяры и рѣзчики занимались рѣзнымъ дѣломъ, т.-е. изготовленіемъ разныхъ деревянныхъ украшеній и орнаментовъ на все зданіе, какъ внутри, такъ и снаружи. Главнымъ мастеромъ этихъ работъ и самымъ искуснымъ былъ старецъ (монахъ) Арсеній, выѣхавшій кажется, изъ Бѣлоруссіи или изъ Кіева. Изъ Бѣлорусскихъ же городовъ взяты были и другіе не менѣе искусные мастера, которые сначала работали у патріарха Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, Новомъ Іерусалимѣ, и въ 1667 г. переведены въ Москву для работъ въ Коломенскомъ и Кремлевскомъ дворцахъ. При этомъ изъ монастыря взяты были и двѣ книги мастерскія къ рѣзному дѣлу въ лицахъ (т.-е. съ рисунками), вѣроятно, Нѣмецкія съ гравюрами „а тѣ книги не ихъ мастерскія, а бывшаго патріарха Никона келейныя“, какъ замѣчено въ перепискѣ по этому случаю... Въ маѣ (1668 года) была расписана на хоромахъ кровля чешуйчатая, деревянная, на что отпущено 2 пуда зелени. Въ іюнѣ дворцовые иконописцы и живописцы, подъ главнымъ смотрѣніемъ иконописца Симона Ушакова, и живописца, нарочно вызваннаго изъ Шаховы области (изъ Персіи), армянина Богдана Салтанова, начали писать въ хоромахъ стѣнное и подволочное письмо, по грунтованнымъ полотнамъ... Два года продолжались эти живописныя и золотарныя работы. Совсѣмъ отдѣланный и украшенный дворецъ такъ пестрѣлъ узорочною рѣзьбою, блисталъ и горѣлъ золотомъ и красками, что, по словамъ Рейтенфельса, бывшаго въ немъ вскорѣ по окончаніи работъ, онъ походилъ на игрушку, только что вынутую изъ ящика“ (Забѣлина, „Домашн. бытъ рус. царей“, 1, 550 и слѣд.). 1) *содержи́тся*, *привѣтству́ютъ*, *усердству́ютъ*: неправильн. ударенія—для стиха и риѳмы. 2) *въ злато*, бѣденъ золотомъ. — 3) *честности*, чести, достоинству — 4) *равнати*, вм. *равняти*, архаизмъ. 5) Авторъ намекаетъ здѣсь на высокое качество дерева, добытаго на построеніе изъ Брынскихъ и другихъ лѣсовъ.—6). Красота свидѣтельствуетъ, что это царскій домъ—7) *написанія*, письмо, живопись. „Переднія сѣни,—такъ описывали этотъ дворецъ, упомянутые выше послы Польскіе,—съ теремомъ, осми-гранныя, въ которыхъ *Зодіакъ* написанъ... Щиты надъ хоромами его царскаго величества круглые, на которыхъ *Европа*, *Африка*, *Асія* написаны. Надъ входами *Судъ Соломоновъ* написанъ; передъ сѣньми выставка изъ оконъ, дутая, писана *съ гербами государей и государствъ*“.—8) *написа́ны*, *изва́ны*, для риѳмы, вм. *написаны* и *изваяны*; и далѣе авторъ употребляетъ чуждую намъ несмягченную форму *ваати* вм. *ваяти*.— 9) *написася*, былъ написанъ — 10) хорошо выраженъ *образами своихъ свойствъ*.— 11) *части лѣта*, времена года, — 12) помѣщены хорошо, въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ. — 13) *ина многа* вм. *иное многое*, — 14) *изваанныхъ*, вм. изваянныхъ: это рѣзная работа, украшавшая дворецъ.—15) Кажется настоящимъ цвѣтникомъ *(является быти)*.—16) *украше́нный* вм. *украшенъ*.—17) *Звѣ́ры*, для риѳмы, вм. *звѣри*,— „При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Коломенскомъ дворцѣ, подлѣ царскаго мѣста поставлены были львы, которые, яко живые, рыкали, двигали глазами и зіяли устами. Туловища ихъ были мѣдныя, оклеены барановыми кожами подъ львиную стать. Механика, приводившая въ движеніе ихъ пасти и глаза и издававшая *львово рыканіе*, помѣщались въ особомъ чуланѣ, въ которомъ устроенъ былъ станъ съ мѣхами и съ пружинами. Эти львы построены были въ 1673 году часовымъ мастеромъ Оружейной Палаты Петромъ Высотскимъ“ (Забѣлина, тамъ же, стр. 150)— 18) *слюдва*—слюда.—19) *лѣть* льзя, *не лѣть* не льзя.—20) *строе́нный*, неправильн. ударенье для риѳмы.—21) *честный*, въ чести, заслуживающій похвалы, отличный.—22) Древній міръ насчиталъ семь извѣстныхъ чудесъ; наше время въ этомъ дворцѣ имѣетъ восьмое чудо *(дивъ)*. *Ѳ. Буслаевъ.*

Благочестивѣйшему, тишайшему, самодержавнѣйшему великому государю царю и великому князю Ѳеодору Алексіевичу

Симеонъ Полоцкій.

Изъ предисловія къ Псалтири, впервые стихотворно переведенной Симеономъ Полоцкимъ на русскій (словенскій) языкъ.

Переводъ: Псалтирь эта впервые переведена стихами; нѣкоторые и до меня это начинали, но за трудностью работы отъ дѣла отставали. Я же, наставляемый Богомъ, началъ и кончилъ. Такъ какъ она впервые такъ переведена, то и подобаетъ ее поднести первому среди всѣхъ православныхъ, тебѣ о, *царь*; ты же прими этотъ новый даръ. Свыше вдохновленный сложилъ ее царь Давидъ; теперь, твоимъ рабомъ она переведена славянскими стихами; свой трудъ я считаю ниже труда Давида, а потому *ради него* прими ты мой трудъ. Онъ царь, о тебѣ просилъ Бога въ томъ. Я, твой рабъ, о тебѣ молюсь здѣсь. Да дастъ тебѣ Господь многія лѣта, здоровье, мудрость, славу, враговъ побѣждать. Юный Давидъ одолѣлъ сильнаго Голіаѳа. Пусть поможетъ Господь тебѣ юному турокъ одолѣть".

Земскій Соборъ.—*Историческая пѣсня.*

1) На ровно мѣсто—лобное.

2) Бояре не русской крови высказываются за обмѣнъ своего на чужое, только князь Милославскій (какъ человѣкъ русскій) сознаетъ издавнюю принадлежность Смоленска Руси, а потому и не совѣтуетъ его отдать.

Сказаніе о Петрѣ Великомъ въ преданіяхъ Сѣвернаго моря.—

А. Майковъ.

Разсказъ этотъ представленъ здѣсь почти безъ измѣненій, какъ онъ записанъ Е. В. Барсовымъ въ Онежскомъ краѣ и напечатанъ между многихъ другихъ, въ „Бесѣдѣ", подъ общимъ названіемъ „Петръ Великій въ преданіяхъ Сѣвернаго края". Онъ записанъ собирателемъ со словъ разсказчика прозой; но и въ этой прозѣ сами собой сквозятъ стихи; я пытался только возстановить ихъ, почти нигдѣ ничего не прибавляя отъ себя: Петръ, повелѣвающій стихіями—это такой колоссальный образъ Великаго Государя, а описаніе бури и потопленіе свейскихъ лодокъ—такая живая, сжатая и вѣрная природѣ картина, что было бы жаль, если бъ эти красоты народнаго творчества прошли незамѣтно въ исторіи нашей поэзіи. (*А. М.*)

Императоръ Петръ.—*Историческая пѣсня.*

Козьма Романовъ относитъ эту былину къ разграбленію Румянцева монастыря во время Петра Алексѣевича I; но складъ былины и чистота языка не подлаживаются подъ это опредѣленіе.

Царь Петръ.—*Народная сказка.*

„Двухъ дочерей кручу".—Снаряжаю въ замужество.

Полтава.—*А. Пушкинъ.*

Благодаря прекраснымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ кн. Меншикова, участь главнаго сраженія была рѣшена заранѣе. Дѣло не продолжалось и двухъ

часовъ. Ибо (сказано въ журн. Петра Вел.) непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ свой показали, и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута". Петръ впослѣдствіи времени многое прощалъ Данилычу за услуги, оказанныя въ сей день генераломъ кн. Меншиковымъ. (*А. П.*)

„О, ты могучій тѣломъ и душой".—*К. Р.*

III Сонетъ изъ „Образы прошлаго".

Петръ Первый кончается.—*Историческая пѣсня.*

Въ пѣснѣ умирающій заявляетъ свою послѣднюю волю, хотя по исторіи эта воля осталась неизвѣстною. За нѣсколько лѣтъ до своей смерти Петръ, какъ извѣстно, написалъ завѣщаніе, но потомъ уничтожилъ, а новаго не составилъ, хотя и не разъ собирался приступить къ этому дѣлу. Утромъ 27 января больной съ трудомъ говорилъ, и, какъ-бы чувствуя приближеніе смерти, захотѣлъ что-то написать, но послѣ нѣсколькихъ словъ рука отказалась: изъ написаннаго могли разобрать только два слова: „отдайте все"... Рано утромъ 28 числа его уже не стало.

Плачъ войска.—*Народная пѣсня.*

Въ пѣснѣ представляется, что Петръ какъ бы вполнѣ сладилъ съ дѣломъ преобразованія и совершенствованія войска: армія въ желанномъ устройствѣ и порядкѣ; она сознаетъ это и живо чувствуетъ утрату человѣка, поработавшаго надъ нею, что образно и высказано въ концѣ пѣсни.

Первые трофеи Императора Іоанна III.—*М. Ломоносовъ.*

1) Градивъ—Марсъ;
2) Ищите тамъ мою сестру—Беллону;
3) Братъ его—Геркулесъ,
4) Стигійскихъ—адскихъ.

На восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, въ день рожденія ея 1741 г. *М. Ломоносовъ.*

Переведена съ нѣмецкаго текста, написаннагого академикомъ Штелиномъ.

Фелица. *Г. Державинъ.*

1) Начало 2-й строфы, вмѣстѣ съ пѣснею мурзы въ „Видѣніи мурзы" (1783) заключаетъ полное выраженіе идеала счастія, какъ его понималъ Державинъ.

2) Въ то время императрица занималась сочиненіемъ законовъ, какъ-то: грамотой дворянства, уставомъ благочинія и прочими, вскорѣ послѣ того вышедшими законами.

3) При Елисаветѣ приближенныя къ ней дамы играли въ фараонъ съ утра до ночи. Это было хорошо извѣстно Екатеринѣ II, которая, бывши великой княгиней, сама должна была принимать участіе въ такомъ препровожденіи времени. Подъ мѣстоимѣніемъ „я" поэтъ разумѣетъ здѣсь вообще вельможъ своего времени; ихъ же онъ называетъ „мурзами", сохраняя восточный колоритъ оды. Въ другихъ случаяхъ онъ называетъ мурзою себя, какъ происходившаго отъ мурзы Багрима. Карточной игрѣ Державинъ предавался въ молодости.

4) Указаніе на трезвость ума Екатерины II, которая не была склонна къ какимъ-либо несбыточнымъ мечтаніямъ.

5) Императрица, хотя занималась иногда сочиненіемъ оперъ и сказокъ, но стиховъ писать не умѣла и не писала, а когда надобно было, то препоручала статсъ-секретарю Елагину и Храповицкому.

6) Императрица не жаловала масоновъ и въ ложу къ нимъ не ѣзжала, такъ, какъ дѣлали многіе знатные (О. Д.). О масонахъ было распространено мнѣніе, что они вызываютъ духовъ и бесѣдуютъ съ ними. Екатерина называла масоновъ „сектою духовъ“ (Г.).

7) Масонскія ложи назывались „Востоками“. Войдя въ общество масоновъ, Императрица, по масонскому принципу равенства, должна была бы „сойти съ трона“. (Соч. Держ., изд. Грота, 11, 709, 710).

8) См. выше вын. 7-ю. Отсюда переходъ отъ похвальной части оды къ сатирической.

9) Въ дни своего приближенія къ Императрицѣ Потемкинъ обдумывалъ „великій планъ такъ называемой Восточной Системы, или „Греческаго Проекта“ (гр. Самойловъ, „Р. А.“, 1867). „Разрушить мусульманскій міръ въ восточной Европѣ и вызвать къ жизни подавленныя имъ христіанскія племена—вотъ что должно было составлять, по мнѣнію Потемкина, великую задачу русской политики, которую раздѣляла съ нимъ и Императрица“.

10) Относится къ прихотливому нраву кн. Потемкина, какъ и всѣ три нижеслѣдующіе куплеты, который то сбирался на войну, то упражнялся въ нарядахъ въ пирахъ и всякаго рода роскошахъ (О. Д.) Шутка эта не оскорбила временщика (см. „Записки“, стр. 47).

11) Пловъ (пилавъ)—восточное кушанье. Мѣткое указаніе на главное достоинство Екатерины II, какъ правительницы государства: умѣніе выбирать людей и самыя страсти ихъ направлять на пользу государства.

12) Въ IV кн. „Собесѣдника“ неизвѣстный критикъ (подъ псевдонимомъ Невѣжда) по поводу этого стиха замѣтилъ: „Уподобленіе поэзіи къ лимонаду оставляетъ въ умѣ нѣкое неудовольствіе найти сравненіе неожиданное. Оно не только кажется непристойно, но еще и несправедливо. Если лимонадъ можетъ быть вкусенъ только лѣтомъ, напротивъ того хорошая поэзія, и какова есть въ одѣ сей, можетъ нравиться и лѣтомъ и зимою“. На это Державинъ возразилъ: „Нимало не противорѣча тому, что хорошая поэзія пріятна во всякое время года кажется въ шуточномъ слогѣ удовольствіе, происходящее отъ нея, не непристойно сравненно съ тѣмъ, которое получается лѣтнею порою отъ лимонада, яко отъ напитка пріятнаго, сладкаго, прохладительнаго, слѣд., и нѣкоторую пользу приносящаго, тѣмъ болѣе, нежели мурза, писавшій сію оду, не охотникъ до крѣпкихъ напитковъ, которые никогда у него въ умѣ никакого удовольствія не составляютъ, какъ то у сего невѣжды лимонадъ, а потому и сравненіе сіе измѣрялъ онъ по своему аршину“.

13) Сенатъ и депутаты, созванные для составленія проекта новаго уложенія въ 1767 г., поднесли Екатеринѣ именованіе Великой, Премудрой матери отечества. Императрица отказалась отъ этихъ титуловъ.

14) Императрица, подобно Императору Траяну, весьма снисходительна была къ злорѣчивымъ къ ея слабостямъ людямъ; многіе о семъ анекдоты сказать можно бы, которые, можетъ-быть, кѣмъ-нибудь и написаны будутъ, но они здѣсь неумѣстны. (О. Д.). Въ Наказѣ (XX, 482) читаемъ: „Слова не составляютъ вещи, подлежащей преступленію; часто они не значатъ ничего сами по себѣ, но по голосу, какимъ оныя выговариваютъ; часто, пересказывая тѣ же самыя слова, не даютъ имъ того же смысла; сей смыслъ зависитъ отъ связи, соединяющей оныя съ другими вещами. Иногда молчаніе выражаетъ больше, нежели всѣ разговоры. Нѣтъ ничего, что бы въ себѣ столь двойного смысла замыкало, какъ все сіе. Такъ какъ же изъ сего дѣлать преступленіе толь великое, каково оскорбленіе величества, и наказывать за слова такъ, какъ за самое дѣйствіе?“

15) Зоилъ— древній реторъ изъ Амфиполиса. Имя его употребляется въ нарицательномъ смыслѣ, въ значеніи недоброжелателя или завистника.

16) При И. Аннѣ столь было строгое правленіе, что если двое пошепчутъ между собой, то принималось за подозрѣніе какого-либо умыслу, и нерѣдко таковыхъ по допросамъ отвозили въ тайную канцелярію. (О. Д.).

17) Въ то же правленіе тѣ, которые въ публичныхъ пиршествахъ не выпивали большого бокала какого-нибудь крѣпкаго вина, за здравіе царицы подносимаго, принимались за недоброжелателей ея и отсылались въ тайную. (О. Д.).

18) Тогда же за великое преступленіе почиталось, когда въ императорскомъ титулѣ было что-нибудь поскоблено или поправлено. Сіе продолжалось даже до временъ Екатерины II, при которой уже стали переносить императорскій титулъ и въ другую строку, когда въ первой не помѣщался. Разумѣется, что не раздѣляли рѣченій, что-либо значущихъ, но прежде того никакъ того сдѣлать не смѣли, и таковыхъ писцовъ, кто въ семъ ошибался, часто наказывали плетьми. (О. Д.).

19) Равномѣрно подвергались несчастію, кто хотя не нарочно изъ рукъ выранивалъ монету съ императрицынымъ портретомъ: довольно было клеветнику донесть, что бросилъ кто изображеніе лица, то отвозимъ былъ въ тайную, по одному крику, что „я знаю за собою слово и дѣло государево“; того, на кого сіе сказано, забирали подъ крѣпкую стражу, домъ весь кругомъ запечатывали и отвозили въ столицу, къ тайному розыску. (О. Д.).

20) Сіе относится къ славной шутовской свадьбѣ нѣкотораго кн. Голицына, бывшаго при И. Аннѣ, котораго женили на подобной ему шутихѣ; былъ нарочно состроенъ ледяной домъ со всѣми принадлежностями и даже пушки ледяныя, изъ коихъ стрѣляли, также баня ледяная, въ которой молодыхъ парили; при семъ случаѣ былъ чрезвычайно славный маскарадъ: собраны были изъ всѣхъ подвластныхъ скипетру народовъ по мужчинѣ и женщинѣ наилучшихъ, въ богатѣйшемъ ихъ уборѣ, съ музыкальными инструментами,—которые ѣхали въ церемоніи на разныхъ скотахъ и производили въ домѣ молодыхъ ихъ собственныя пляски и игры. (О. Д.).

21) Императрица Анна любила забавляться шутками, которыхъ въ ея царство премножество было; изъ числа оныхъ былъ упомянутый кн. Голицынъ. надъ нимъ любимцы государыни и прочіе вельможи ей въ угожденіе шучивали разными образами, подобно какъ иные благородные шалуны шутятъ надъ дураками, ими къ забавѣ ихъ содержимыми. Сіи шуты, когда Императрица слушала въ придворной церкви обѣдню, саживались въ лукошки въ той комнатѣ, чрезъ которую ей изъ церкви во внутренніе свои покои проходить должно было, и кудахтали, какъ насѣдки: прочіе же всѣ тому, надрываясь, смѣялись. (О. Д.).

22) Напротивъ того, И. Екатерина, въ часы отдохновенія ея отъ дѣлъ, забавлялась веселостями, свойственными просвѣщенному ея вѣку; она писала шутливыя комедіи, какъ-то: „Федулъ съ дѣтьми“, „Недоумѣніе“ и проч., также сказки „Царевичъ Хлоръ“, „Февей“ и другія. Для царевича Александра и Константина сочинена азбука, въ которой, между прочимъ, сіе точно есть нравоученіе, что „не дѣлая ничего худого, можно и самаго лютаго порицателя сдѣлать презрѣннымъ лжецомъ“. (О. Д.).

23) Указаніе мягкости воззрѣній Екатерины на наказанія, согласно духу ея „Наказа“, гдѣ читаемъ: „Искусство (т.-е. опытъ) научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими“ (гл. VIII—85) (Г.).

24) „Который брани усмирилъ“—сей куплетъ относится на мирное тогдашнее время по окончаніи 1-й турецкой войны въ Россіи процвѣтавшее, когда многія человѣколюбивыя сдѣланы были Императрицею учрежденія, какъ-то: воспитательный домъ, больницы и прочія. (О. Д.).

25) Имп. Екатерина подтвердила свободу дворянству, данную Петромъ III, путешествовать по чужимъ краямъ, чего прежде дѣлать не смѣли. (О. Д.).

26) Издала указъ о свободномъ промыслѣ дорогихъ металловъ владѣльцамъ въ собственную пользу, которые прежде принадлежали коронѣ. (О. Д.).

27) Позволила свободное плаванiе по морямъ и рѣкамъ для торговли (О. Д.).

28) Сняла запрещенную порубку лѣсовъ, бывшую сперва подъ присмотромъ вальдмейстеровъ. (О. Д.).

29) Разрѣшила свободное производство всѣхъ мануфактуръ и торга, чего прежде безъ свѣдѣнiя мануфактуръ и коммерцъ-коллегiи дѣлать не можно было. (О. Д.).

30) Бешметъ, бешметь—татарское стеганое полукафтанье.

31) Сохраняя восточный колоритъ, поэтъ въ своемъ „моленiи" (фигура, которая обыкновенно помѣщалась въ „заключенiи" одъ) обращается къ Магомету.

[*Л. Поливановъ*].

У Екатерины. *А. Пушкинъ.*

Изъ повѣсти: „Капитанская дочка."

На рожденiе на сѣверѣ порфиророднаго отрока.

Г. Державинъ.

1) В. Кн. Александра Павловича—12 декабря 1777 г.

2) Императрица Елисавета (Алексѣевна) наикротчайшая Государыня, которую по справедливости уподобить можно Эдему. (О. Д.).

На торжественное коронованiе Е. И. В. Александра I, Самодержца Всероссiйскаго.

Н. Карамзинъ.

1) „Монархъ, не совершивъ всего, еще не сдѣлалъ ничего!" — слова Петра Великаго.

2) „Сынъ Маинъ"—Богъ торговли.

3) Клiя—Муза исторiи.

На возвращенiе Императора Александра I.—*Г. Державина.*

Въ рукописи названо кантатой, съ отмѣткою, что сочинено 28 апрѣля и пѣто въ Павловскѣ у Императрицы Марiи Θеодоровны 17 iюля 1814 года. Эта пѣснь, которую положилъ на музыку Антонолини, долго пѣлась во всей Россiи.

Освобожденiе Европы и Слава Александра I.—*Н. Карамзинъ.*

1) „Лишь небо Богу уступалъ"—на одной медали Наполеонова времени изображено Всевидящее Око, съ надписью: „Тебѣ небо—мнѣ земля".

2) „Стоитъ противъ двоихъ одинъ". Увѣряютъ, что Французовъ было 180.000, а нашихъ 90.000, кромѣ Московскаго Ополченiя, не бывшаго въ дѣлѣ.

3) „Тебя мы въ пепелъ обратимъ"—Очевидцы расказываютъ, что Каретный и Москательный ряды зажжены рукою самихъ лавочниковъ, также многiе домы—хозяйскою.

4) „Съ сѣдымъ героемъ."—Княземъ Кутузовымъ-Смоленскимъ.

Императору Александру. *В. Жуковскій.*

1) „И чуждый вождь“—Моро, убитый 15 августа 1815 г. въ сраженіи подъ Дрезденомъ.

2) „И звучно грянуло: воскреснулъ Искупитель!“—Извѣстно, что торжественное молебствіе россійской арміи совершено было въ день Свѣтлаго Воскресенія на той площади, гдѣ погибъ Людовикъ XVI.—В. Ж.

Въ память благотвореній Александра I Императорскому Московскому университету. *А. Полежаевъ.*

Стихи, произнесенные при воспоминаніи дня основанія Московскаго Университета, 12 января 1862 года.

На пріѣздъ въ Сибирь Наслѣдника Цесаревича. *Кн. Одоевскій*

Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Второй, будучи Наслѣдникомъ Престола, посѣтилъ въ 1837 году Тюмень и Ялуторовскъ 4-го іюня, Курганъ 5-го іюня и Челябинскъ 6-го іюня.

1850— *Ѳ. Тютчевъ.*

„Да не будетъ тако“—подлинное выраженіе въ манифестѣ Императора Николая I.

Смотръ. *В. Гаршинъ.*

Изъ разсказа: „Изъ воспоминаній рядового Иванова“.

Видѣніе. *Мат-въ.*

1) „Поднимается грозная твердыня“ — Петропавловская крѣпость въ Петербургѣ.

2) „Возносится храмъ“— Петропавловскій соборъ.

3) „Императоръ усопшій лежитъ“—Александръ III.

4) „Императоровъ всѣхъ прародитель“—Петръ I.

Катастрофа 17 октября.

На седьмой верстѣ отъ „Борокъ“ имѣется насыпь протяженіемъ въ 250 саж.; насыпь эта устроена въ глубокой балкѣ и имѣетъ высоту въ 5,8 саж., а ширину на полотнѣ въ 4,60 саж., оба откоса имѣютъ 7½ саж.; съ правой стороны по пути отъ Лозовой на Харьковъ имѣется у основанія насыпи небольшое озеро, образующееся ежегодно отъ стока весеннихъ и осеннихъ водъ, а съ лѣвой стороны— глубокая ложбина; вокругъ нея степь, нигдѣ ближе шести верстъ нѣтъ жилья. Императорскій поѣздъ шелъ въ составѣ двухъ локомотивовъ и четырнадцати вагоновъ различной величины и тяжести. Послѣ катастрофы всѣ эти части поѣзда приняли слѣдующее положеніе.

Первый паровозъ, стоитъ на рельсахъ, врѣзавшись въ песокъ; за нимъ *тендеръ* въ такомъ же положеніи. *Второй паровозъ* стоитъ въ такомъ же положеніи, какъ и первый, но колеса его находятся не на рельсахъ; за нимъ тендеръ въ томъ же положеніи.

Багажный вагонъ, въ которомъ помѣщался паровой двигатель и динамо-электрическая машина для освѣщенія поѣзда, сошелъ съ рельсовъ и задняя часть его разбита.

Оба тендера и второй паровозъ накренились налѣво, считая отъ Ростова къ Харькову.

По краямъ столовой Ихъ Величествъ были расположены небольшія помѣщенія въ видѣ буфетовъ. Вагонъ этотъ почти совершенно уничтоженъ. Передняя часть крыши оторвана. Стѣнки и полъ его хотя и уцѣлѣли, но лежатъ отдѣльно отъ вагона въ разныхъ мѣстахъ, недалеко другъ отъ друга. Только одна поперечная стѣнка не оторвалась отъ уцѣлѣвшей части крыши, которая съ другой стороны поддерживается на подставленныхъ послѣ крушенія деревянныхъ подпоркахъ. Прикрѣпленная къ крышѣ стѣнка лежитъ плашмя. Принадлежностей въ этомъ вагонѣ почти совсѣмъ нѣтъ, остались только не оторванными бронзовыя вѣшалки на помятой и поломанной стѣнкѣ. Ни „телѣжки", ни колесъ, ни буферовъ отъ этого вагона не видно. Лежитъ онъ на полотнѣ дороги, повернутый бокомъ.

За столовой слѣдуетъ *Великокняжескій вагонъ*. Катучая телѣжка съ колесами оторвалась и отброшена въ сторону, самый вагонъ среднею частью своею лежитъ на границѣ полотна дороги и откоса; поперечныхъ стѣнокъ въ немъ нѣтъ, одна изъ нихъ вошла въ вагонъ, другая лежитъ въ сторонѣ отъ вагона, такъ что внутренность вагона видна съ той и другой стороны. Одинъ конецъ этого вагона лежитъ на грудѣ обломковъ разныхъ металлическихъ частей (рессоръ, колесъ, осей и др.) и приподнятъ сравнительно высоко, другой же конецъ свѣшивается съ насыпи. Вагонъ этотъ былъ раздѣленъ на три отдѣленія; стѣны крайнихъ отдѣленій убраны темносинимъ сафьяномъ, а среднее отдѣлано зеленою шелковою матеріей. Мягкая мебель въ этомъ вагонѣ почти вся сохранилась. Изъ этого вагона, какъ извѣстно, была выброшена силою толчка Великая Княжна Ольга Александровна безъ малѣйшаго ушиба.

Во время работъ по разработкѣ остатковъ отъ разбитыхъ вагоновъ Императорскаго поѣзда и вещей, находившихся въ нихъ, былъ найденъ образъ Спасителя. Этотъ образъ оказался единственно цѣлымъ и не поврежденнымъ изъ всѣхъ предметовъ, которые находились въ вагонѣ-столовой, гдѣ завтракалъ Госу-Императоръ со Своею семьей.

Относительное положеніе Великокняжескаго вагона, вагона Ихъ Величествъ и вагона Наслѣдника Цесаревича: первый изъ трехъ стоитъ поперекъ рельсовъ, продольно наклонясь по направленію насыпи; на лѣвомъ концѣ его скрыто за рамой рисунка то отверстіе, въ которое выброшена была Великая Княжна Ольга Александровна. У противоположнаго конца виденъ въ ракурсѣ, на другихъ рельсахъ, вагонъ Ихъ Величествъ, а крайнимъ къ правой сторонѣ рисунка—вагонъ Наслѣдника Цесаревича. Въ углу, образуемомъ Великокняжескимъ вагономъ и вагономъ Ихъ Величествъ—невообразимая груда поломанныхъ телѣжекъ, осей, колесъ, дающая понятіе о той тяжести и путаницѣ металлическихъ частей, изъ-подъ которой мѣстами приходилось освобождать раненыхъ и тѣла убитыхъ.

Императорскій вагонъ, обломавъ шкворни, соскочилъ съ своихъ телѣжекъ, пролетѣлъ со страшною силою, разбросавъ и разрушивъ впереди шедшіе вагоны, и остановился, упершись лѣвымъ угломъ въ остатки отъ вагона-кухни, а правымъ—въ полотно насыпи. Кузовъ его остался цѣлъ, а находившаяся въ немъ прислуга Ихъ Величествъ отдѣлалась лишь испугомъ и ушибами отъ толчковъ. Стоявшіе на передней площадкѣ вагона лакеи провалились и были придавлены обломками вагоновъ, изъ-подъ которыхъ и были извлечены, при чемъ пришлось вырубать для нихъ отверстіе.

Изъ переднихъ частей поѣзда останавливаетъ на себѣ вниманіе министерскій вагонъ, какъ извѣстно первый сошедшій съ рельсовъ и затѣмъ разбитый вдребезги.

Русскій Странникъ свидѣтельствуетъ, что первымъ по тревогѣ, кромѣ солдатъ, прибылъ исправникъ, при чемъ у его стражниковъ оказались нѣкоторыя перевязочныя средства. „Ну, слава Богу, — сказалъ Государь, увидавъ помощь,— будемте работать". И самъ сталъ выносить раненыхъ, поднимая ихъ осторожно и съ необычною силой. [*Нива 1888 г.*]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

СОДЕРЖАНІЕ.

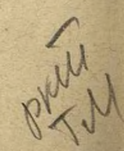
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВЪ.

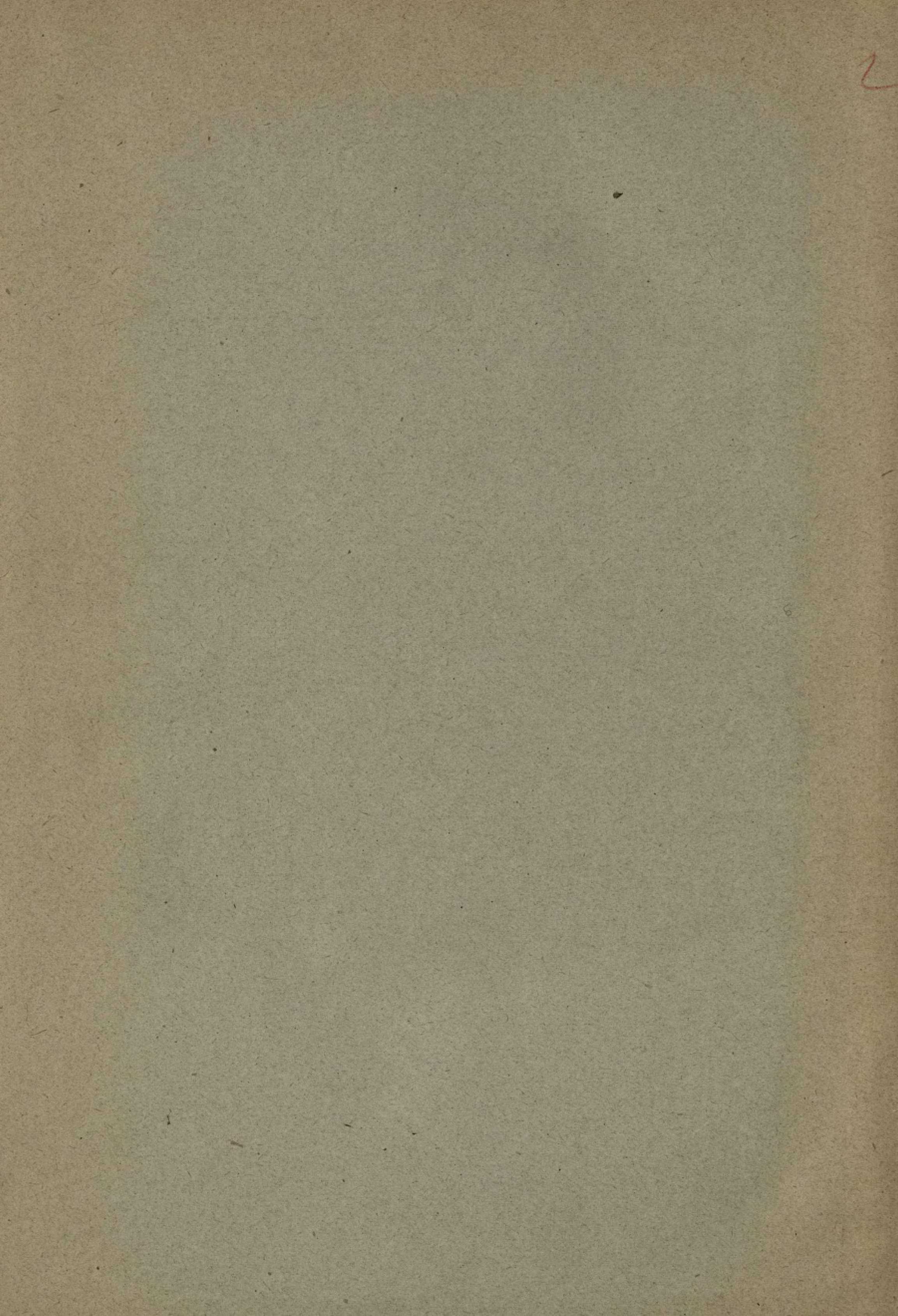
СНИМКИ СЪ КАРТИНЪ ИЗВѢСТНЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

Остальные сдѣланы съ рѣдкихъ картинъ и гравюръ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.